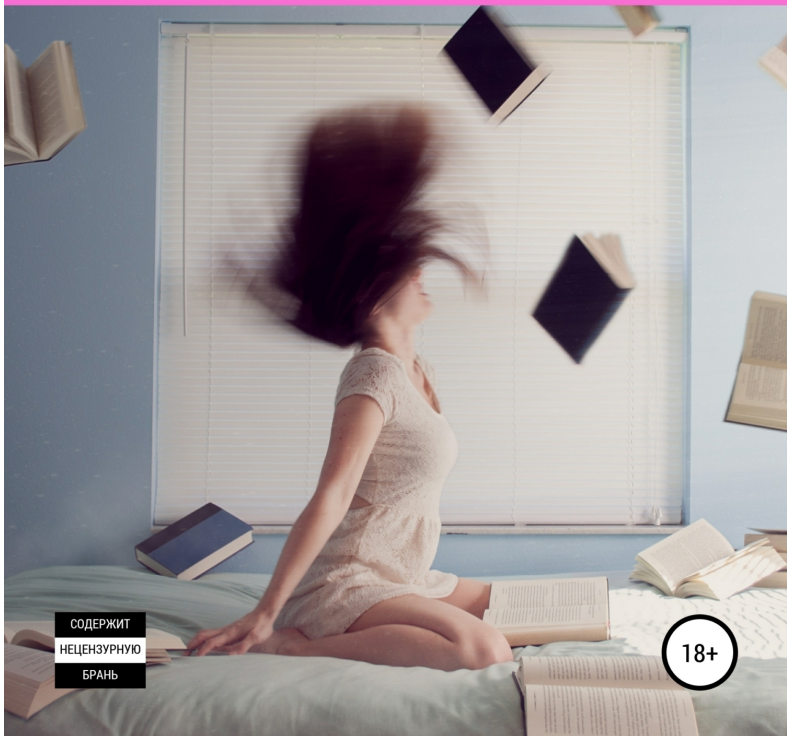

Литтмегалина ГОД ДУРАКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Литтмегалина Год дурака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650195

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-06321-1

Аннотация

Соне исполняется 30 лет. Съемная квартира, вечное недовольство своим весом, должность ассистентки, безнадежная любовь к боссу и полное одиночество – радоваться нечему. Дошедшая до отчаянья, она дает себе обещание наладить свою жизнь в течение года. Решили – приступаем! В своих мечтах она видит принца на белом коне, увозящего ее к прекрасному замку на вершине холма... Но каждое свидание оборачивается бедствием... в борьбе с лишним весом упорно побеждает вес... а новая начальница просто выносит мозг! Тем временем у Сони появляется новый сосед – 22 года, блондин, разгильдяй...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1: День дурака	5
Глава 2: Новая женщина	31
Глава 3: Вечер с Тайрой Бэнкс	62
Глава 4: Секрет идеального свидания	94
Глава 5: Ужасный ребенок	141
Глава 6: Чуткие уши Вселенной	188
Глава 7: Добейся успеха: мне или никому	241
Глава 8: Нижние сферы	292
Глава 9: Дело о похитителях органов	333
Глава 10: Униженные и разозленные	375
Глава 11: Пока Linux не разлучит нас	419
Глава 12: Куда низводят мечты	466
Глава 13: Несчастливый Новый Год	511
Глава 14: Принцесса в другом замке	547
Глава 15: Мудрость Софии	585
Эпилог	638

Литтмегалина

Год дурака

Эта книга написана на основе реальных событий. Все совпадения с реально существующими людьми и начальниками считать неслучайными.

Глава 1: День дурака

Я находилась в огромном мрачном помещении, стены которого покрывали порыжевшие от ржавчины металлические пластины. Не очень-то уютно. Что я вообще здесь делаю? Кто-то шел ко мне из темноты... человек, одетый в коричневую военную форму и черные сапоги. Косая, прилипшая ко лбу челка и усы щеточкой не оставляли сомнений, и все равно я глазам своим не поверила. Это же...

В руке его болтался обитый железом, очень тяжелый на вид дипломат. Пока я размышляла, будет ли уместным приветствие (с одной стороны, промолчать невежливо, с другой – человек нехороший), Гитлер раскрыл дипломат, и на бетонный пол, жалобно звякая, посыпались жестяные и пластмассовые будильники самых разных форм и расцветок.

– А... а зачем вам столько будильников? – спросила я, робея пред столь зловещей персоной.

– Я их ловлю и убиваю, – ответил Гитлер со слабым немецким акцентом.

Внезапно у него в руках появился большой тяжелый молоток. Замахнувшись, он обрушил на груды будильников несколько ударов, и осколки цветной пластмассы брызнули во все стороны.

– За что вы так поступаете с ними? – ужаснулась я, глядя на останки поверженных будильников.

– Они очень противно кричат.

Смутно чувствуя, что Гитлер не прав, я начала спорить:

– Но разве можно убивать кого-то только за то, что у него неприятный голос?

– А ты послушай сама, – предложил Гитлер и, подняв большой жестяной будильник, завел его.

Будильник начал звонить, и его пронзительный вопль усилился эхом от металлических стен. Я почувствовала боль в ушах и закрыла их ладонями. Но продолжала слышать эти трели внутри, прямо у себя в голове. Как иглы, они вонзались в мой мозг.

– Убей эту штуку! – закричала я истерически. – УБЕЙ!

И проснулась. Я тяжело дышала. Будильник (настоящий, мой), судя по его охрипшему писку, надрывался уже полчаса. Я выключила его и минут пять лежала бревном, успокаиваясь и приходя в себя. Потом я вспомнила, какой сегодня день, и покой как ветром сдуло. 2011 год, очередное первое апреля. *Тот самый день*. Ну все, жди беды. Я выбралась из постели и накинула розовый халат. Обеспокоенно взглянула на пасмурное утро за окном и сдвинула шторы обратно. Какое там все депрессивное, брр.

Я почистила зубы, сварила пару яиц, налила кофе в веселенькую кружку в горошек, но все еще ощущала гадостный холодок внутри. Когда был мой последний день рождения, не отмеченный скорбью, сожалением и фрустрацией? В день, когда мне исполнилось шесть, умер мой хомячок. На девят-

тилетие я обварила руку кипятком. На одиннадцатый день рождения я подарила сама себе любовный роман, но мама заявила, что это порнография, и выбросила его вон. Кажется, мне не везло с самого начала...

Мама родила меня первого апреля, в День дурака. Пытаясь компенсировать это обстоятельство, она отменила Александру и назвала меня София – «мудрость». Вся моя дальнейшая жизнь свидетельствовала, что номер не прошел. Зато дома меня звали Соней, и вот это, к несчастью, подействовало. Сейчас, стоя на крошечной кухне съемной квартиры, я не могла избавиться от ощущения, что проспала все, что только можно. Пока мои знакомые и приятельницы выходили замуж, рожали детей и продвигались по карьерной лестнице, я валялась под утолщающимся слоем пыли, и кроме мелочей, вроде расцветшей фиалки или покупки новой помады, со мной не случилось ничего хорошего.

Этот день рождения хуже всех предыдущих. Столько лет мне еще никогда не исполнялось.

Я попыталась утешить себя. В конце концов, когда мне стукнуло двадцать девять, это было ненамного хуже двадцати восьми. Почему же в тридцать я чувствую себя совершенно растоптанной? «Потому что Миллисент было двадцать девять, и Розалин, и Мелоди», – ответила я себе. Я попыталась вспомнить роман, где героине уже исполнилось бы тридцать, и не смогла. В моей скромной коллекции из пяти-сот экземпляров таких не нашлось.

7.20. Пора бы уже одеваться. Я распахнула шкаф, и тут оно сверкнуло, как луч света в темном царстве, заставив меня забыть, что Дженни из «Королевства грез» было всего-то семнадцать. Я провела по платью ладонью – белая, глянцеви-тая ткань. Учитывая цвет, оно должно было полнить, но чудесным образом подчеркивало нужные изгибы и скрадывало лишние выпуклости так, что я переставала узнавать свое тело. Правда, в магазине я даже не смогла застегнуть молнию. Но платье все же купила, потратив половину зарплаты. Есть одежда на вырост, а есть на похудение. В качестве мотивации. Хотя я больше нуждалась в стимуле – именно в изначальном древнеримском значении слова: «палка для погоня-ния скота», которой бы меня отгоняли от шоколадок и булок.

Уже год платье висело в шкафу, ожидая своего часа. Судя по состоянию моей фигуры, час еще не настал, так что я решила его поторопить. Скинув халат, я отважно пролезла в узкую белую трубу и заломила руки за спину, дергая за мол-нию, чтобы ее застегнуть. Грудь подобрать! Живот втянуть! Зад уменьшить силой мысли! Поехали, как сказал кто-то в не менее ответственной ситуации. И я влезла! Запыхавша-яся и гордая собой, я с удовольствием рассматривала свое отражение, лелея мысль, что может, за год похудела даже на целый килограмм, а что касается весов, так они просто за-вышают из вредности. Ведь застегнулась же молния. Пусть в платье дышать было страшно, но зато оно так замечательно меня стягивало, что я действительно выглядела изрядно по-

стройневшей. Так и пойдю! Пусть все попадают в обморок! Декольте казалось немного провокационным для офиса, но меня уже было не остановить. Где каблук? В таком платье, и без шпилек?! Да, хожу я на них будто на ходулях, но как учиться, если не попробовать?

Через двадцать минут, накрашенная словно китайский клон куклы Барби, с липкими от лака волосами, взбодренная успешным преодолением опасного для жизни спуска по лестнице, я шла к остановке и чувствовала себя суперзвездой. В конце концов, Дженнифер Лопез тоже не худышка. Проезжающий мимо автобус поднял фонтан брызг, и, когда мне удалось уклониться, я почти поверила, что смогу сломать систему. Утро было промозглым, и иногда, теряя самоуверенный вид, я по-птичьи втягивала голову в плечи.

В маршрутке я впиалась в Кэтрин Коултер и потеряла связь с действительностью, едва успев опомниться, когда маршрутка остановилась возле громадного, похожего на замок офисного здания. Странно, но после стольких лет работы здесь это мрачное строение все еще вызывало у меня трепет.

Я вышла из лифта и по бежевому ковру коридора направилась к белой с золотом двери, обозначенной табличкой «Синерджи». Компания «Синерджи», занимающая большую часть четвертого этажа, предоставляла медицинским и фармацевтическим компаниям такие услуги, как: подбор персонала, поддержка системы CRM и прочее-прочее, по большей части до сих пор для меня малопонятное.

Я открыла дверь картой, шагнула в людный вестибюль, и в меня полетело со всех сторон: «С первым апреля, Днем дурака!» К сожалению, моего шикарного вида никто не замечал, а упитанный, облаченный в розовую рубашку менеджер отдела аутстаффинга Александр чуть было не врезался в меня, как будто я была заметна не более, чем бледный призрак в дневном свете. Я ускорила шаг, продвигаясь к своему отделу мимо неотличимых друг от друга стеклянных клетушек. Офис не только походил на пчелиные соты своей ячеистой структурой, но и гудение его наполняло соответствующее.

– Доброе утро, – сказала я Диане, и вместо приветствия она достала из ящика ярко-красный пакет, который протянула мне.

– С днем рождения.

– Что это? – я извлекла из пакета книгу. «Вытяни себя за уши, или как стать человеком, уверенным в себе», гласила обложка. – Забавно.

– Боюсь, прежде чем станет возможным поднять тебя за уши, придется хорошенько пошарить багром.

Я задумалась, не обидеться ли мне, но решила, что не стоит, потому что Диане все как с гуся вода. Вот уж чью уверенность в себе невозможно пошатнуть.

– Ладно, у меня отчет, и вообще дел по горло, так что ты извини, – Диана отвернулась к монитору и застучала по клавишам.

Да уж, обидься на нее. Она и не заметит.

Мы пришли в компанию в один день, на одну и ту же должность. За прошедшее время Диана успела высоко забраться и метила в начальники отдела, в то время как я продолжала топтаться на одном месте, как козочка, привязанная к колышку.

Иногда я сомневалась, что имею основания считать Диану подругой. Но, за отсутствием других претенденток на эту роль, предпочитала думать так, дабы не давать себе лишней причины для депрессии. Даже сейчас, глядя на Диану, барабаниющую по клавишам со скоростью и точностью андроида, я испытывала нечто вроде благоговения.

В отличие от меня, Диана была человеком, держащим свою жизнь под контролем. У нее была семилетняя дочь и мужчина, который строил для них большой дом в пригороде. Невозмутимость и бурятская кровь делали ее похожей на японку: гладкие темные волосы, которые она подстригала, как только они дорастали до плеч, загадочные раскосые глаза. Не верилось, что эта женщина родилась в этой стране и этом городе. Японский язык она, кстати, немного знала. Ее небольшую квартирку украшали выточенные из темного дерева африканские статуэтки, на изящном столике из Италии можно было увидеть книгу на греческом, пол устилали бамбуковые циновки, а вместо халата она надевала настоящее японское кимоно. Даже ее шампунь, в тубике, испещренном китайскими иероглифами, источал таинственный чужеземный аромат, в котором угадывались кора и жасмин.

Вздохнув, я открыла сайт и просмотрела несколько резюме, отмечая, кто из кандидатов на фотографиях симпатичный, а кто не очень. Проверила рабочую почту – ничего интересного. Проверила личную – ничего вообще, даже спамеры не пишут. Почитала о целлюлите у знаменитостей (хорошо, что у них есть целлюлит). Отобрала одно подходящее резюме и два так себе. Сделала несколько звонков. Встала и прогулялась до кухни, нарочито равнодушным взглядом скользнув по информационной доске. Листок именинников висел все тот же, с датами недельной давности. Моего имени на нем не было. Что мне делать? Пойти и напомнить о себе? Нет, это как-то глупо и выглядит, как будто я в отчаянье. Не могут же они совсем забыть про меня.

Вернувшись к своему месту, я заметила на полу скомканный листок и наклонилась, чтобы бросить его в корзину для бумаг. Раздался странный треск, и затем мою спину овеяло потоком прохладного воздуха от кондиционера.

К счастью, Диана соображала быстро. Она схватила меня и поволокла к туалету, где втолкнула в узкую кабинку и процедила:

– Сколько раз повторять, надевая одежду меньшего размера, сама меньше не становишься!

От ужаса с меня полились потоки холодного пота, и ткань под мышками быстро намокла.

– Оно порвалось?! Оно испортилось?

– Нет, просто молния разошлась.

– Ну, так почини ее!

– Она застряла и с места не двигается. Как ты вообще умудрилась втиснуться в платье сорок второго размера?

– Дергай сильнее! Не могу же я ходить по офису с голой спиной!

– Тут и задницу немного видно, – сказала добрая Диана. – Все, додергались. Молния сломалась. Но ты не переживай, вошьешь новую молнию, а потом подаришь эту шмотку какой-нибудь пятикласснице – глядишь, подойдет по размеру.

Я захныкала.

– Сейчас-то мне что делать?

– Секунду, – Диана исчезла, оставив меня в одиночестве, туалете и ужасе, и вернулась с иголкой и ниткой. – Повернись ко мне спиной.

– Ай-яй! – взвизгнула я, когда она ткнула меня иглой. – Больно!

– Ну прости, я впервые этим занимаюсь, – буркнула Диана.

Ее одежду латают ее японские слуги, не иначе.

– Вообще?

– В смысле, с другой женщиной. Да еще и в туалете.

– Не тыкай так грубо!

– Если хочешь нежности, это не ко мне.

Кто-то кашлянул за тонкой перегородкой.

Вывалившись наружу, мы увидели нашу пожилую бухгалтершу, одетую в зеленый, диванной расцветки костюм.

Сквозь толстые стекла очков она взирала на нас с явным осуждением. Диана и ухом не повела, удаляясь величаво, как крейсер. Что-то пробормотав, я бросилась прочь.

Казалось бы, мне еще долго выплакивать мой позор, но на столе меня ждала записка, извещающая, что меня ожидает Ярослав Борисович, и меня зашвырнуло в эйфорию, потом в панику, потом снова в эйфорию.

– Полегче, – покосилась на меня Диана. – У тебя дым из ушей пошел.

Если бы Диана могла понять! Я была обречена на неразделенную страсть к Ярославу Борисовичу со дня собеседования на должность, когда, наконец приглашенная в кабинет после часа ожидания под дверью, впервые остолбенела под взглядом серых, как осеннее море, холодных глаз... Заурядные имя и отчество не были достойны его внешности. Это был невероятно красивый мужчина. Подобно солнцу, он затмевал все остальные звезды. Брэд Питт, Орlando Блум и Леонардо Ди Каприо рядом с ним выглядели бы как дешевые китайские подделки. Солнцеликий равнодушно глянул на меня, задал несколько вопросов, почти не слушая ответов, и резюмировал: «Против вашей кандидатуры у меня возражений нет». К тому моменту я уже была согласна на все, что касается его кандидатуры. Мысленно я сразу начала называть его Роланд и не могла даже представить, что мама этого человека обращается к нему, например, Ярик.

И вот сегодня, в мой день рождения, он вдруг вызывает

меня... С гулко стучащим сердцем я достала из сумки зеркальце и посмотрела на себя. Поправила свои каштановые волосы, привычно сокрушаясь, что не родилась эффектной блондинкой (хотя сколько из них такими родились?). Припудрила нос. Эх, помаду всю съела, срочно обновить! Наткнувшись в сумке на невскрытый тюбик ярко-красной, которую приобрела давным-давно, когда «Гламур» сказал, что это в моде, я, расхорохорившись, намазала ею губы.

Мои руки слегка дрожали, когда я постучала в дверь, но я не сомневалась, что прекрасна как никогда, во всяком случае, выгляжу лучше обычного (надеюсь, Диана сказала правду, что шов почти незаметен).

– Войдите, – услышала я голос Роланда.

Входя, я споткнулась о порог и попыталась компенсировать неловкость улыбкой.

– Садитесь, – предложил Роланд.

– Здравствуйте, – я примостилась на краешке стула, стараясь краснеть меньше, и украдкой посмотрела на Роланда. Губы его были сосредоточенно сжаты, взгляд мог заморозить стакан воды за двадцать секунд, и мне показалось, что я пастушка-простушка, пришедшая на прием к лорду, или вроде того.

– Вы... – он заглянул в свои бумаги, предоставив мне возможность полюбоваться его безупречным прямым носом.

– София, – услужливо подсказала я.

– София. И работаете в нашей компании уже... уже?

– Пять лет.

– Точно, пять лет, – он нашел нужный листок. – Вы пришли в «Синерджи» на должность ассистента отдела по подбору персонала и в настоящее время занимаете ту же должность.

– Да, – печально подтвердила я. Все-таки пять лет проходить в ассистентках это унижительно.

Роланд неопределенно хмыкнул. Свет, просачивающийся сквозь жалюзи, добавлял его волосам серебристый блеск. Этот роскошный мужчина мог бы быть капитаном, стоящим у штурвала корабля, отправляющегося на поиск сокровищ. Он мог бы быть красивым разбойником, который спасает леди, а потом оказывается потерянным герцогом. Или он мог бы быть герцогом, который потом оказывается разбойником, который потом оказывается наследным принцем. Даже Джоанна Линдсей, явно предпочитающая перекаченных волосатиков, его бы одобрила.

– Мы, то есть руководство компании, планируем реорганизацию отдела подбора персонала с целью улучшения качества его работы. Первые изменения ждут вас уже в понедельник. Можете предупредить коллег.

Замерев, я ждала его следующих слов. Взгляд пронзительных, серых, как сталь, глаз, на миг столкнулся с моими глазами, затем опустился ниже и замер на моих губах... Я почувствовала, как меня охватывает жар...

– Помада, – сказал Роланд.

– Помада? – я захлопала глазами от неожиданности.

– Она слишком яркая. Это непозволительно.

– Простите... извините, – я суетливо провела по губам ладонью, желая провалиться сквозь землю.

Роланд продолжил медитировать на свои бумаги.

– Проанализировав продуктивность каждого в отделе, я пришел к выводу, что ваши персональные результаты не превышают уровня «удовлетворительно». Но от реорганизованного отдела я буду требовать большего. Это означает, что, если вы не повысите свою эффективность как минимум в два раза, вам придется оставить компанию.

По мере осознания его слов из моих глаз выступали слезы. Тело вдруг стало как ватное, и, покачнувшись, я вцепилась в край стола.

– Я плохо работаю? Вы хотите уволить меня?

– В настоящее время компания заинтересована в сотрудниках, нацеленных на получение максимальных результатов и постоянный профессиональный рост. Что касается вашего будущего в «Синерджи», все зависит только от вас. У вас есть ко мне вопросы?

«Да, есть. Как вы можете быть таким жестоким со мной?»

– Нет, – выдохнула я.

– Тогда я вас отпускаю.

Я распрямилась, как туго сжатая пружина, и вдруг услышала: «Дзынь! Дзззынь!» Как будто порвались струны моего сердца. Уж лучше бы это были проблемы с сердцем, по-

надеялась я, но платье уже поползло с плеч. Впервые за всю историю наших отношений Роланд уставился на меня с искренним интересом. У меня было два варианта: развернуться, демонстрируя веснушчатую спину и хлопковые трусы с дельфинчиками, или же как глупое ракообразное пятиться к двери. Я выбрала второе.

– Спасибо за информацию, буду стараться. До свидания!

Рот Роланда приоткрылся, как у героя фильма ужасов, который увидел позади своей приятельницы подозрительного окровавленного человека с ножом, и затем я наткнулась на что-то мягкое. Ни жива ни мертва, я завела руки за спину и нащупала нечто, напоминающее большого плюшевого смешарика, что сидел у меня на комод. «Пузо», – опалила меня страшная догадка, и я в ужасе оглянулась. Гендиректор нечасто радовал нас своим присутствием. Но сегодня был день сплошных сюрпризов.

Я вылетела из кабинета с такой скоростью, как будто мною выстрелили из пушки, и, всхлипывая, ворвалась в свой отдел.

– Ну и вид у тебя, – сказала Диана, обернувшись. – Как у жертвы сексуального домогательства. Или подружки вампира.

– Что?! – я схватила зеркало.

По моему рту была размазана ярко-красная помада! В кабинете Роланда я была так взвинчена, что даже не поняла, что делаю!

Диана посмотрела на часы.

– Так, время обедать. Пойдем-ка сядем в уголок и пообедаем.

Диана снова зашила мое платье (на этот раз наглухо) и немного меня успокоила. Но главной обидой, что вонзилась в меня, как шип розы в сердце соловья, я делиться не стала. Он хочет меня уволить. Я его люблю, а он хочет меня уволить! Как я буду жить без него?

Роланд, видимо, сумел объясниться с гендиректором, потому что о произошедшем эксцессе меня расспрашивать не стали. На кухне тоже пока было тихо, вопреки традиции пафосно поздравлять именинников (с обязательным вручением какой-нибудь фарфоровой безделушки в подарок от «Синерджи»). Тем не менее я не сомневалась, что торжественный час близится, и заказала пиццу на всех, после чего спустилась к вахтерше и оставила ей деньги на случай, если я буду проводить собеседование и не смогу отлучиться к курьеру.

Снова засев возле компьютера, я беспомощно посмотрела в монитор. Рыбки на скринсейвере были так возмутительно безмятежны – невозможно не позавидовать. Напомнив себе, что я должна удвоить свою эффективность, я раскрыла страницу Superjob и придвинула телефон поближе. Все же Роланд раскритиковал не лично меня, а мои профессиональные качества, действительно, не выдающиеся. В последнее время и вовсе едва удастся заставить себя хоть что-то делать.

Роланд, конечно, начальник, но над ним стоит гендиректор и, возможно, кто-то еще, так что в некотором роде он тоже человек подневольный и принужден выполнять свои обязанности – то есть надзирать за рабами рангом пониже. Я должна прийти к правильным выводам, взять себя в руки, добиться того, чтобы Роланд был мною доволен.

После прочищающей мозги внутренней беседы мне таки удалось втянуться в работу. Когда я наконец встала и прошла в кухню за чашкой чая, заодно разминая затекшие ноги, я радостно заметила первые приготовления к торжеству: девочки из отдела аутстаффинга резали апельсины кружочками. Еще немного для вида повозившись у компьютера, я устремилась к кухне, влившись в ручеек коллег. Вокруг большого стола я увидела весь наш отдел, и отделы аутсорсинга – аутстаффинга, и нескольких парней из IT. Все эти люди собрались, чтобы поздравить меня! На сердце потеплело...

Протискиваясь к столу, я почувствовала, как мои губы растягивает дикая, до ушей, улыбка.

– Ребята! Большое спасибо!

Недоумение в обращенных на меня взглядах прервало мою не успевшую развернуться речь. «Что-то не то», – подумала я, а затем заметила горделиво стоящего во главе стола Лешу, начальника айтишников, всем своим видом выражающего готовность принимать поздравления.

– Лешка купил новую машину, – как всегда, с легким ехидством в голосе сообщила мне Аня Лисицова (она была

из моего отдела, но мне так и не удалось установить с ней контакт). – Тортик хочешь?

– Большое спасибо, ребята, что вы устроили все это для Алексея! – прокашлявшись, выдала я и позорно сбежала к себе.

Диана куда-то отошла, и слава богу. После такого количества бед за краткий отрезок времени делиться очередной уже неловко. Про меня все-таки забыли! А я проработала здесь столько лет! Я покорно резала апельсины на дне рождения каждого из них! Меня затопило уныние, такое беспросветное, как будто я жила на дне самого глубокого болота, вся обмотанная тиной. Сегодняшний день был даже хуже моего пятнадцатилетия, когда меня скрутил приступ острого аппендицита. Или двадцатилетия, когда возле кафе собака покусала меня и порвала мое нарядное платье (а после мне еще делали уколы от бешенства). И даже хуже моего двадцатипятилетия, когда мой парень бросил меня, сказав, что он меня, конечно, любит, но есть еще пара девушек, которых он любит больше.

В отчаянье я немного постучалась головой об стол, пользуясь тем, что все на кухне и некому наблюдать мой нервный срыв. Закончив это дело, я увидела, что на монитор вывалилось сообщение о новом письме. Я щелкнула по нему мышкой. Отправитель был мне неизвестен: leprekon@synergy.com. Текст письма извещал: «Сегодня особенный день для тебя! И тебя ждет особенный подарок! Так

бросайся же в погоню за ним! Первая подсказка плещется в аквариуме с рыбками!» Все это подозрительно напоминало фразочки из каталогов «Еврошоп», тем не менее я заинтриговалась. Отправитель письма явно намекал на мой день рождения. Неужели кто-то все-таки вспомнил про меня и решил устроить мне сюрприз? Да и прогуляться не повредит.

Я спустилась на первый этаж, в холл, где в уютной, с кожаными диванами, зоне ожидания красовался здоровенный аквариум. Действительно, на поверхности воды плавала ярко-розовая капсула из шоколадного яйца. Воровато озираюсь, я достала ее. Найденная внутри записка гласила: «Второй этаж, цветочный горшок в конце коридора». И тут у меня в голове как будто что-то переклинило.

Я обежала все коридоры второго этажа, прежде чем нашла нужный цветочный горшок и прочитала, куда мне двигаться дальше. Каждая записка отсылала меня к следующей, и я бегала со второго этажа громадного офисного здания на четвертый, с четвертого на первый, с первого на третий. Забежала даже на территорию какого-то склада, заставленного шинами.

Позже я так и не смогла найти достойного оправдания своим глупым действиям. Того факта, что я отчаянно нуждалась в конфетке, способной подсластить мой день рожденьевский кошмар, было явно недостаточно, чтобы объяснить мою лихорадочную страсть. Я жаждала этот подарок! Я почти убедила себя, что он будет хорош настолько, что под-

нимет мое настроение хотя бы до средне-паршивого!

На низшей точке моего падения я запустила руку в бачок унитаза и там, среди противной холодной воды, нашла последнюю капсулу. «Тренинговый зал». Хм. Остается надеяться, что меня никто не заметит. Руководство не поощряло праздных шатаний по территории компании.

Мне повезло, зал был безлюден. Столы и стулья аккуратно расставлены вдоль стен. Где же мой подарок? Я почти уверилась, что пала жертвой циничного обмана, когда заметила под одним из столов блестящую коробку. Вот мои руки уже потянулись к ней... и тут чьи-то шаги! Я живо шмыгнула под стол и, прижимая к себе коробку, забилась в угол. Что самое страшное, вошедший направился прямо к этому самому столу, отодвинул стул и сел! Ситуация дополнительно осложнилась, когда я узнала острые, как бритвы, стрелки брюк Роланда! Мое сердце не знало, что ему делать – стоит ли забиться в припадке, подобно средневековому сумасшедшему, праздная близость объекта страсти, или же в ужасе замереть, учитывая, что будет, если объект меня заметит? Бедный Роланд! Сегодня я уже один раз поставила его в дурацкое положение. Второй раз я не переживу стыда. Или Роланд не переживет.

Сжавшись в комок, я старалась не дышать и по возможности раствориться и исчезнуть. Дверь снова распахнулась, и мне вспомнились все эти поговорки, что трое – уже толпа, и что третий – лишний. Особенно если этот третий демон-

стрирует избыточную наблюдательность.

– Слава, у тебя под столом... женщина?! Это уже слишком! Быстро ко мне в кабинет!

Дальнейшее заняло не более секунды: Роланд от неожиданности отшатнулся и завалился назад вместе со стулом, гулко стукнувшись затылком о стену; гендиректор ретировался, оставив нас разбираться с нашим конфузом; я выскочила из-под стола и, судорожно прижимая к себе коробку, предприняла попытку скрыться, но была настигнута Роландом. Схватив меня за руку, он рывком развернул меня к себе. Все это очень напоминало сцену ссоры главных героев из какого-нибудь романа, может даже «Унесенных ветром», но мне было явно не до того, чтобы насладиться романтикой.

– Какого черта вы опять ставите меня в глупое положение?

– Я... я...

– Зачем вы вообще полезли под стол?

Кстати... хотя тогда это казалось хорошей идеей.

– Вы что, издеваетесь надо мной?

– Нет, – ужаснулась я. – Я же вас... я пришла забрать свою коробку!

– К Елизарову, сейчас же!

– Анастасия хочет все объяснить, – провозгласил Роланд, ворвавшись в кабинет гендиректора.

В первую очередь мне хотелось объяснить, что я не Анастасия, но ждали от меня явно не этого. Деваться было неку-

да, пришлось выкладывать все как есть, краснея от стыда. Роланд скрипел зубами, гендиректор задавал вопросы, раскрывающие отягчающие подробности. В ходе допроса я чувствовала себя как школьница, застигнутая за мастурбацией. В итоге с меня взяли объяснительную с письменным изложением позорной истории и обещанием, что я не буду подавать в суд за сексуальное домогательство, после чего выставили вон. «Спасибо, Анастасия», – ледяным голосом произнес на прощание Роланд, хотя я только что при нем написала на бумаге свое имя, и это добило меня окончательно.

Стоя в пустом коридоре и слегка пошатываясь после всех переживаний, я вдруг осознала, что все еще прижимаю к себе коробку. По меньшей мере у меня был мой подарок... Отойдя подальше от гендиректора и разгневанного Роланда, я села на подоконник и сняла картонную крышку. Внутри был слегка увядший, но все еще очаровательный желто-фиолетовый букет. Это были неизвестные мне цветы с крупными изогнутыми лепестками, источающие сильный сладкий запах, и я утонула в них лицом, впервые за весь этот кошмарный день чувствуя удовлетворение...

Прижимая к себе букет, расшатанной походкой пародиста Мэрилин Монро, находящегося в продолжительном запое, я вернулась в отдел подбора персонала.

– Что еще ты сделала с Ярославом? Вы ушли в одном направлении, а потом он вернулся весь взвинченный и чуть не вышиб дверь своего кабинета.

– Не хочется рассказывать об этом еще раз.

Диана обернулась на мой унылый голос.

– Что это за пятна у тебя на лице? Шея тоже грязная...

И откуда букет?

– Я нашла... это мой подарок...

– Какой еще подарок?

Выслушав мои сбивчивые объяснения, Диана хлопнула себя по лбу ладонью.

– Ты что, клюнула на это? Рассылка была на весь офис, никто и задницы не приподнял! А ты, единственная дурочка, купилась?!

– Диана, я сейчас зарыдаю.

– Пошли, – Диана раздраженно вырвала у меня букет и бросила его в корзину для бумаг.

У IT отдела она остановилась и громко, внятно произнесла:

– Мальчики, те из вас, кто придумал эту затею с красящим букетом, – уроды.

Я чувствовала себя совершенно убитой, и добавить к ее словам мне было нечего. Я не издала ни звука, даже когда мы обнаружили запруду в туалете – из того самого бачка, в хитрое устройство которого я так бесцеремонно влезла, хлестала вода. Я осталась спокойна, как смерть, даже когда выяснилось, что пятна не отмываются. Занимая значительную часть моего лица, они образовывали нечто вроде карты Австралии.

– Сама виновата, – развела руками Диана. – Хотя мне тебя все-таки жалко. Почему с тобой постоянно что-то случается?

Когда, оставив Диану зимовать под отчетами, я уходила с работы, вахтерша Зина (вовсе не пенсионерка, а знойная девушка южной наружности) вручила мне восемь коробок с успевшей остыть пиццей.

– Десять раз тебе звонила, а ты все где-то бегала.

Ага, металась, как раненый в зад сайгак по степи. «Сама все сожру, никому не дам», – раздраженно подумала я, забирая тяжелые коробки. Даже если умру от жирового отравления, ну и пусть. И то лучше, чем такая жизнь.

Шатаюсь на высоченных каблуках и изнемогая от отягивающей руки груди коробок, я посылала злобные затравленные взгляды каждому прохожему, заинтересовавшемуся россыпью пятен у меня на лице. Это было то самое ощущение, когда весь мир против тебя.

На автобусной остановке я простояла тридцать минут, прямая и гордая, как Жанна Де Арк перед сожжением, пока мне не удалось наконец втиснуться в одну из маршруток. Плюхнувшись на сиденье, я услышала веселый голос радиоведущего: «Сегодня первое апреля, или День дурака!» «Да, это мой день», – уныло подумала я. «В этот день люди разыгрывают своих друзей и знакомых...» – продолжил ведущий. Сонный мужчина, сидящий напротив, оторвался от своей газеты и уставился на меня, приподняв очки. Девушка с лохматой прической пялилась и вовсе беззастенчиво. Да уж, я

занятое зрелище, можно водить по городу, как медведя!

Стоило мне выпрыгнуть из маршрутки, как небо решило, что именно сейчас хороший ливень будет самое то. Асфальт намок, и в своих туфлях я заскользила по нему, как по катку. Метнувшаяся мимо легковушка окатила меня фонтаном брызг. Я отшатнулась, потеряла равновесие и упала. Коробки полетели на дорогу, содержимое одной из них вывалилось прямо на меня. Я узнала пиццу «Четыре сезона» и флегматично отметила: «Моя любимая». Под моим задом как раз оказалась большая лужа, отчего я почувствовала себя обмочившимся младенцем. Хоть бы та серая машина вернулась и задавила меня, понадеялась я. К сожалению, она этого не сделала, поэтому мне пришлось встать, снять туфли и топать домой, оставив коробки на дороге.

Еще поднимаясь по лестнице своего пятиэтажного дома без лифта, я услышала, как в моей квартире надрывается телефон. Он звенел, и звенел, и звенел, и все еще продолжал звенеть, когда я вошла, бросила ключи у зеркала, стряхнула с плеча сумку.

Вздохнув, я взяла трубку.

– Да, мама.

– С днем рождения тебя, – сказала она с нерешительной интонацией, как будто сомневалась, стоит ли поздравлять с таким событием, как тридцатилетие. – Как на работе?

– Чудесно. Так поздравляли, прямо не знаю, зачем столько возни ради меня, – я завела руку за спину, собираясь рас-

стегнуть молнию, и вспомнила, что платье наглухо зашито.

– Ну, ты не переживай, – продолжила мама, помолчав. – Ты всегда можешь переехать ко мне и бабушке. Хотя бы не будешь совсем одна.

– Мама, многие женщины выходили замуж и после тридцати, даже после сорока... Деми вот вышла замуж за Эшто-на...

– И чем это для нее закончилось? Изменил с какой-то соплячкой. И потом, дочка, Деми Мур хотя бы красивая.

Это была та последняя соломинка, что ломает хребет слону. Вздохнув, я сказала:

– Ладно, мам, меня ждут друзья.

И положила трубку. Оставшись в тишине, я ощутила тебя толстой, невзрачной и старой, застрявшей в своем одиночестве и проблемах так же, как в этом платье. Мне тридцать лет, у меня нет мужа (чего уж там, мне даже и предложения никогда не делали), нет друзей, я живу в маленькой съемной квартирке и, кажется, вот-вот потеряю работу... Включив компьютер, я проверила почту и «в контакте». Ничего от никого. Я внезапно начала плакать и рыдала минут двадцать, не способная остановиться. А потом, еще не кончились слезы, на меня нашел ЖОР.

Выгребая все из холодильника и безжалостно уничтожая, я чувствовала голод, сильный, как боль. После пары яиц, половины черствого батона, полбанки варенья и пакета вермишели быстрого приготовления, терзаемая угрызениями со-

вести и желудка, я решила выпить. Бутылка обнаружилась в шкафу, но штопор куда-то задевался. Устав искать его, в итоге я просто отбила горлышко бутылки о край раковины. Это было немного радикально, да и в вино попали осколки, и мне пришлось процедить его через марлю, отчего оно немного побелело. Не знаю, как это сказалось на вкусе, но сейчас вкус меня не интересовал – я была готова пить чистый спирт.

По мере того, как рос процент алкоголя в крови, настроение мое улучшалось. К ночи я воспарила над своей ямой, глядя на нее с легкой усмешкой. И я поняла, что могу. Я могу изменить свою жизнь. Я потратила тридцать лет зря, но в этом году и минута не будет напрасной. Все изменится. Я обещаю себе.

Духота выгнала меня из комнаты на балкон. Во дворе тусила загулявшая компания, и я вдруг закричала во всю мощь своих легких:

– Очень скоро я выйду замуж!

– Да кому ты нужна, дура! – гаркнули мне в ответ.

Тут со всех сторон в меня полетели ругань и сырая картошка («Два часа ночи, сволочи!» – застонал кто-то на одном из балконов; «У меня дите спит!!!» – истошно завопил кто-то на другом), и я предпочла ретироваться поглубже под козырек. Слегка обескураженная, но не сломленная, я загадочно улыбалась в пространство. Мои глаза, казалось, отбрасывали длинные потоки света, как прожектора.

Глава 2: Новая женщина

Бодун был просто потрясающий: голова раскалывается, желудок просится наружу, да еще этот шум в ушах... хотя в ушах ли? Или со стороны входной двери? Я разлепила один глаз и посмотрела на будильник. Толстая стрелка указывала на шесть. Что-то страшно гроыхнуло, спровоцировав вспышку жестокой головной боли. Так, это уже переходит все границы! На улице темень! Люди спят! Я сползла с кровати, кое-как пригладила волосы и побрела посмотреть, что происходит.

Дверь в наш общий с соседкой «предбанник» оказалась распахнута настежь, как и дверь квартиры соседки. Пол был завален коробками, пакетами и стопками перевязанных веревками журналов. Здесь было даже потрепанное вращающееся кресло. «Что происходит?» – подумала я, и, похоже, получилось вслух, потому что растрепанный парень, внезапно вывалившийся из соседской квартиры, ответил:

- Переезд.
- Вы не могли выбрать другое время?
- Я выбрал удобное для меня время.
- Закон запрещает шуметь с одиннадцати вечера до семи утра!
- И как это меня касается? – буркнул парень.
- А на людей вам наплевать? – возмутилась я.

Он застыл, прижимая к себе коробку и насмешливо рассматривая меня своими синими глазами. Кипя от праведного гнева, я ответила ему вызывающим прямым взглядом. На вид ему было лет двадцать. Светлые волосы топорщились на макушке, как будто его дернуло током, да и россыпь веснушек на носу не добавляла респектабельности. Одежда – широкие, потертые на коленках штаны цвета хаки и майка с Гомером Симпсоном – придавала ему окончательно разгильдяйский вид. «Молодой да наглый», – подумала я ворчливо, как бабушка с лавочки у подъезда.

– Чего вы на меня окрысились? – спокойно поинтересовался парень.

– Грубите?

– Если бы грубил, вы бы сразу это поняли. А я просто спрашиваю.

– Этот шум, который вы производите со своими коробками, выбесит кого угодно.

– Если только у этого «кого угодно» совсем плохо с нервами.

– Я спала, а вы меня разбудили! – взорвалась я.

– Если вы в это время вздумали спать, я не виноват.

– Шесть утра! – закричала я. Его наплевательская невозмутимость бесила меня даже больше, чем если бы он действительно грубил.

– Вообще-то, шесть вечера, – возразил парень и скрылся в соседской квартире.

Чего? Я ретировалась на свою территорию, достала из брошенной на пол сумки телефон и посмотрела на дисплей. 18.22. М-да... Неужели я спала так долго? И как я умудрилась перепутать вечер с утром? Но ведь было же темно... Я заглянула в комнату и хлопнула себя по лбу ладонью: занавески задернуты! Я развела их и сощурила глаза от света. В голове качнулась боль, меня замутило, и я бросилась в туалет.

Утомленно сидя возле унитаза после изнурительного приступа рвоты, я вдруг вспомнила о работе. Боже, что теперь будет! Срочно объясниться! Я рванула к телефону, по пути расшибив колено о тумбочку в коридоре, и увидела на дисплее: «СБ». Да что со мной сегодня?! Никогда больше не буду пить! Изнуренная переживаниями, я повалилась на кровать и снова заснула.

Проснулась в девять, когда темно было уже по-настоящему. Голова по-прежнему болела, проклятое платье было все еще на мне. Я подергала его так и эдак. Бесплезно, зашито намертво. Взяла маникюрные ножницы и попыталась распороть нитки, но на спине это было неудобно, к тому же я боялась испортить платье. Конечно, выглядит оно сейчас отвратительно, но с помощью отбеливателя и швейной машинки я смогу все исправить. Главное, сначала его снять.

Я позвонила Диане. Она ответила не сразу, и по доносящимся голосам и музыке я поняла, что она не дома и не одна. «Да так, ничего, извини», – сказала я и нажала на сброс. Ес-

ли бы сбросить платье было так же легко. Оно сильно сжимало грудную клетку и живот. Я вдруг почувствовала, что еще немного, и я задохнусь в нем. Что же мне делать?

И тут я вспомнила о соседке, Антонине Павловне. Общительностью она не отличалась, но иногда мы одалживали друг другу соль или яйца, по мелочи. Еще как-то она попросила меня погулять с ее собакой, когда сын, который делал это обычно, не смог приехать. Собачка, маленькая болонка, носилась по двору как ненормальная – из дома ее выпускали нечасто, приучив к лотку. Зрение у Антонины Павловны, скорее всего, уже неважное, но можно попробовать.

Я вышла и позвонила в соседнюю дверь. Она распахнулась, и я – снова – увидела того парня.

– Что опять? – осведомился он недовольно.

– А где Антонина Павловна? – тупо спросила я.

– Она умерла. Теперь эту квартиру снимаю я.

Я была шокирована. Умерла! Моя соседка умерла, а я даже не знала...

– У вас есть маникюрные ножницы? – поинтересовалась я на автомате.

Парень оглядел заставленную коробками комнату и честно признался:

– Не знаю. Вам зачем?

Я повернулась и показала ему шов.

– Ага, – он отошел в кухню и быстро вернулся с большим, холодно поблескивающим тесаком. – Думаю, это сойдет.

– А я думаю, нет, – испугалась я.

– Да ерунда, повернись спиной.

С каких это пор он со мной на «ты»? В конце концов, я его старше, пусть проявляет уважение. Я развернулась, намереваясь спастись бегством, но он удержал меня за плечо. Три секунды, и мое тело ощутило долгожданную свободу!

– Спасибо, – смущенно пробормотала я, придерживая платье.

– Не за что, обращайся, – ответил парень, похлопывая по ладони тесаком.

В своей квартире я вдруг заметила свое отражение в зеркале и оцепенела. О нет, все это время я вот так выглядела? Волосы всклокочены, вокруг глаз остатки вчерашнего макияжа, на носу пятна, оставленные треклятыми цветами, на платье жирные следы от пиццы! Чудовище! Что тот парень обо мне подумал? Неудивительно, что он посматривал на меня как-то странновато... Я в своем репертуаре: новый сосед не успел даже вещи разобрать, а я уже дважды перед ним опозорилась.

Я пошла утопить свои переживания в ванне с пеной и там же вспомнила о своих вчерашних клятвах. С сегодняшнего дня у меня началась новая жизнь, а я сама новая женщина. К сожалению, пока я неотличима от себя прежней, и даже пятна на лице те же самые. Я взяла тубик со скрабом и принялась тереть их. После получаса усилий кожу изрядно саднило, но пятна поблекли, и это внушало надежду.

Высыпав в кипяток пакет вареников (новой женщине пока придется доедать запасы старой), я подошла к любимому стеллажу, плотно забитому книгами в ярких обложках. Стопки книг громоздились даже на верху стеллажа, почти достигая потолка. *Моя прелесть.*

Первый роман, который я прочитала, был «Принцесса» Джоанны Линдсей. Я наткнулась на книгу, когда мы пришли в гости к одной маминой приятельнице (тогда у мамы еще были приятельницы), начала читать и не смогла оторваться, даже когда позвали есть мороженое. Это было словно скачок в другой мир, яркий и немного кукольный. Героиня была стройной, красивой и смелой, и, вживаясь в нее, я забывала о своем толстом теле, постоянно чем-то недовольной маме и той нерешительности, которая каждое утро охватывала меня перед дверями школы.

После «Принцессы» я начала читать романы запоем, и моя мать была в панике, шоке и ужасе. «Это пошлятина! – кричала она, перерывая мою постель в поисках запрятанных удовольствий. – Совсем отупеешь! Читай нормальные книги!» Я не понимала ее. Я прочла так много нормальных книг. Почему бы теперь просто не позволить мне почитать «Похищенную невесту»? Именно романы впоследствии спасли меня от бесповоротного превращения в толстуху – сберегая деньги на них, я перестала покупать шоколадки.

Сегодня, нуждаясь в утешении, я выбрала «Королевство грез».

После ужина удобно расположившись под одеялом, я погрузилась в историю, давно знакомую наизусть, но все еще согревающую мое сердце. Я дочитала книгу до середины и легла поздно.

Мне приснился Ройс Уэстморленд. На своем вороном жеребце он стремительно приближался ко мне... Стоя на благоухающем лугу, я раскрыла Ройсу объятия... и со скорбным криком развернулась, провожая взглядом удаляющуюся конскую задницу.

Несмотря на разочаровывающий сон, проснулась я бодрая, как огурец. Самое подходящее настроение, чтобы начать работать над собой! Затем мне вспомнились некоторые подробности вчерашнего дня, и я помрачнела. Да, я была очень злая с бодунища и вообще не в себе, но это никак не оправдывает мое поведение с соседом. Я накричала на него, а он потом спас меня из чертова платья... Надо извиниться. Но не потащусь же я к нему просто сказать «простите»...

Подумав, я решила испечь пирог. Когда Миллисент поссорилась с Джонатаном, она испекла ему пирог. Конечно, новый сосед до Джонатана не дотягивает. С другой стороны, его собака и не пачкала мое свежевывстиранное белье.

Поставив тесто подниматься, я раскрыла последний выпуск любимого журнала в поисках идей и вдохновения для самосовершенствования. В связи с весной на каждой странице трещали, что пора заняться телом, чтобы успеть привести его в порядок к лету. Хм, чтобы привести в порядок мою

тушку, понадобится срок до следующего лета. А вот модели, украшающие глянцевые страницы, к лету уже подготовились, хотя холодной зимы им не пережить. Рядом с такими девушками я смотрелась бы как морская свинка. Вот и бедра у меня, как у морской свинки: жирненькие, кругленькие. Журнал прав, мне надо худеть!

С тяжким вздохом я отложила журнал и извлекла из-под кровати весы. Встала на них и, сощурившись от ужаса, посмотрела на стрелку. Она остановилась на 64. Даже больше, чем в прошлый раз! И это при росте 163! Катастрофа! Чтобы отвлечься от шокирующей истины, я вернулась к журналу. Статья, обнаружившаяся в разделе «Психология и советы», была как раз кстати. В ней рекомендовали завести специальный блокнот, записать в нем свои цели и предполагаемый срок их достижения, а также отмечать все успехи на намеченном пути. Порывшись в ящиках стола, я нашла розовый блокнот с Белоснежкой на обложке. Первые его страницы были исписаны, но я их вырвала и зачарованно уставилась на чистый лист. Мне казалось, этот момент решает все. Итак, приступим.

В течение года я должна:

Похудеть

(Я написала первое, что пришло в голову, но потом вспомнила, что журнал советовал обозначать цели четко, ведь похудеть можно и на 200 грамм, и добавила:)

на 10 кг.

(Это меньше, чем 1 кг в месяц, справлюсь)

Получить на работе повышение.

(«Или найти другую, когда меня выгонят с этой», – мысленно добавила я)

Найти новые увлечения или научиться чему-то новому.

(Помнится, в прошлом году я посадила кактус и связала носок, один)

Стать увереннее в себе.

(Для этого достаточно стать менее неуверенной)

Подружиться с кем-нибудь.

(Хотя бы с парой уличных кошек)

Прочитать основные произведения Достоевского.

(Как только, так сразу)

Завести домашнее животное.

(Учитывая, что квартира съемная, я могу позволить себе плюшевого кота или парочку шипящих мадагаскарских тараканов в плотно закрытой банке)

И самое главное:

Выйти замуж за Роланда.

(Это невозможно, оставь эту идею)

Найти мужчину, за которого я выйду замуж.

(Запойно пьющий сантехник Подлюков из ЖЭКа тоже мужчина. Конкретнее, чего, вернее, кого, я хочу)

Он должен быть таким:

Брюнет.

(Роланд не брюнет, но Роланд – исключение)

Рост не менее 185 см и не более 230 см.

(В конце концов, в моей квартире высота потолков всего два с половиной метра)

Состоятельный.

(Не то чтобы я нуждалась в материальной поддержке, но самой содержать мужчину мне не по средствам)

Умный.

(Может, и мне чего подскажет)

Старше меня не менее, чем на год, и не более, чем на пять

(Мальчишки мне не нужны, но стоит помнить, что мужчины умирают раньше. Не хотелось бы рано овдоветь. Если подумать, все эти любовно-романные рыцари, которым вечно слегка за тридцать, почти трупы, ведь в средневековье средняя продолжительность жизни была около сорока лет)

Уф, даже запыхалась слегка, но, кажется, отлично получилось. Довольная первым успехом, я переместилась в кухню и испекла два пирога (один с вишней, другой с мясом), почитывая «Королевство грез», пока они подрумянивались в духовке. Моя кухня, прогревшаяся, наполненная ароматом выпечки и солнечным светом, была воплощением уюта.

Положив пирог на блюдо с жар-птицами и прикрыв сверху салфеткой, я постучалась к соседу. На этот раз мне открыли далеко не сразу.

– Да? – взгляд у него был какой-то ускользающий, туманный, как будто его одолевали видения.

– Я... здравствуйте... ну, я, в общем, испекла для вас пи-

рог.

Приложив некоторое усилие, сосед сфокусировал на пироге взгляд и заторможенно прокомментировал:

– Здорово.

Секунд пять мы молча стояли и пялились на пирог.

– Э... можно я войду?

– Ну войди, – сосед пожал плечами, вернулся в комнату и сел за компьютер.

Двигался он тоже как-то странно, как будто под водой. Я подумала, что напрашиваться к нему в гости было не лучшей идеей. Вот только почему лучшие идеи все время опаздывают?

Блюдо с пирогом оттягивало руки, и я поставила его на стул, после чего обнаружила, что теперь не знаю, чем занять свои конечности.

– Я хотела извиниться, что накричала на вас вчера.

– Да нет проблем, – он выгреб из кармана несколько белых таблеток и проглотил их, не запивая. – Таблеточки. Жить без них не могу.

Я вдруг заметила, что веки у него покрасневшие и припухшие, и мне вспомнились памятки для родителей вроде «Как понять, что ваш ребенок наркоман».

– Меня зовут София, но можно называть меня Соня, – тонким нервным голоском представилась я.

– Меня зовут Эрик, но можно называть меня... – он задумался, – ...Эрик.

Он запустил на компьютере игру. Человечек, одетый в зеленую военную форму и каску, побежал по экрану.

– Ты извини, но я так занят сейчас, что мне не до тебя.

Солдатик выхватил пулемет и застрочил по выскочившим навстречу ему человечкам. Разлетелись ошметки плоти.

– Понятно. Потом занесите, пожалуйста, блюдо.

– Я занесу. Спасибо за пирог, – апатично протянул Эрик.

Уходя, я обернулась и увидела, как он быстро щелкает мышкой: солдатик, ударяя ножом, крошил тело своего павшего врага на тысячу кусочков.

Только запершись в своей квартире, я ощутила себя в безопасности. Боже мой, ну и сосед! Этот плывущий взгляд... брр! Эрик напомнил мне синюю гусеницу из «Алисы в Стране Чудес», курящую кальян, сидя на грибе. Да парень явно был обдолбан! Что же, теперь он так и будет жить за соседней дверью? Вечно мне везет как утопленнице... Он, видите ли, был очень занят. Играл в отвратительную изуверскую игрушку! Даже коробки свои не разобрал! Ах, Антонина Павловна, мне вас так не хватает...

Я вышла из дома, погуляла по парку, для успокоения нервов покормила лебедей, плескавшихся в грязном пруду. Внезапно мне резко захотелось купить аскорбинку. А почему бы и нет? Есть же у меня простое человеческое право купить аскорбинку. Ноги сами привели меня в аптеку, но остановились почему-то возле *той самой полки*. Конечно, все это не было мне интересно. Я просто посмотреть. «Космополитен»

не рекомендует. И Елена Малышева не рекомендует. Говорят, в девяностые годы выпускались таблетки с глистами. Люди худели, но, конечно, с ущербом для здоровья, некоторые даже умерли. Хотя многие женщины согласятся на все, лишь бы выглядеть стройной, пусть и в гробу. Вот глупые.

– «Супершейп», пожалуйста. Да, большую коробку, – я знала английский плохо, но достаточно, чтобы понимать, что моя шейп отнюдь не супер.

Дома я достала покупку и принялась ее рассматривать. На коробке была изображена девушка той степени стройности и изящности, которую реальные женщины достигают только в мечтах. В рекламе, часто мелькающей на телевидении, утверждали, что «Супершейп», разрушая жировые клетки, поможет легко избавиться от лишних килограммов – без мучительного чувства голода и изнурительных тренировок.

Внутри коробки оказался пакет с желтоватым порошком (теперь никто не сможет сказать, что я опустилась до таблеток для похудения!). Во вкладыше, вложенном в коробку, еще разок напоминалось, что с «Супершейпом» вы худеете, даже если просто смотрите на него. И только в самом низу листка, мелкими буквами, меня уведомили: «Способ употребления: растворите одну чайную ложку препарата «Супершейп» в стакане кипяченой воды. Принимайте три раза в день в качестве замены приемов пищи. Коктейль «Супершейп» содержит все необходимые витамины и минералы, что позволит вам сохранять прекрасное самочувствие.

Для достижения наилучшего результата рекомендуется совмещать потребление «Супершейп» с физическими упражнениями». Замена приемов пищи? То есть я должна пить это и ничего больше не есть? Тут у меня возникло подозрение, что меня облапошили. Впрочем, если две недели жить только на этом, действительно похудеешь...

Я надорвала пакет и понюхала порошок: пахло химическим бананом. С кухни потянуло заманчивым ароматом пирога... Эх, не пропадать же хорошей еде! «Супершейп» подождет до завтра, все равно сегодня я уже съела мороженое. Уж если худеть, так худеть.

К ночи я доела пирог и досмотрела третий сезон «Доктора Хауса». Звонила мама, но я притворилась, что меня нет. В целом это был не такой плохой день.

На завтрак меня ждал «Супершейп». Может, он и был питательным, но по ощущениям это было сложно понять. Едва добравшись до работы, я уже была голодная, как волчица, но решила терпеть. Все за красоту.

– У меня появился новый сосед, Эрик, – сообщила я Диане.

– Наверное, тебе понравился, – флегматично откликнулась Диана.

– Почему?

– Такое имя, как у принца. В Диснеевской «Русалочке», помнишь?

– Нет, он мне совсем не понравился. Кажется, он нарко-

ман, – вздохнула я.

– С чего ты решила?

– Он вел себя неадекватно.

– Мало ли. Посмотрела бы ты на меня, когда в пятницу в половину двенадцатого я наконец добралась до дома после работы.

– Он при мне принимал какие-то таблетки.

– Не спеши делать выводы о людях, – посоветовала Диана, включая компьютер. – Ярослав просил нас всех зайти к нему в 10.00.

– Ты не знаешь, зачем? – заволновалась я. Достав зеркальце из сумки, я осмотрела свое лицо – проклятое пятно еще не сошло полностью, но слой пудры прикрыл его достаточно надежно.

– Понятия не имею.

Ровно в десять наш маленький отдел (Диана, Аня и я) собрался в кабинете Роланда и расселся за большим овальным столом. Роланд явился с небольшим опозданием, ведя за собой девушку, которую мы видели впервые. Элегантно одетая, высокая, стройная, светловолосая, она выглядела так, как будто только что сошла со страниц модного журнала. Вместе с Роландом они составляли неприлично красивую пару – настолько, что хотелось отодвинуть эту девицу от него подальше.

– Доброе утро, – произнес Роланд. – Я извещал вас о грядущих переменах. Итак, наш new great start – Ирина Удало-

ва, с этого дня руководитель отдела по подбору персонала.

Известие произвело странный замораживающий эффект, и в наступившей тишине стал отчетливо слышен звук работающего на этаже принтера. Новость была неординарная, учитывая, что прежде в отделе подбора персонала начальников не водилось – в конце концов, нас же всего три человека. Справившись с первым шоком, я покосилась на Диану. Она сидела с выражением азиатской невозмутимости на лице, хотя удар был нанесен сокрушительный – если кто и должен был возглавить отдел, так только Диана, хотя бы потому, что она уже несколько лет являлась нашим неформальным лидером.

Новопредставленная Ирина выступила вперед и широко, на американский манер, улыбнулась. Я почувствовала, как Диана напряглась.

– Здравствуйте! – голос у нее был бодрый, вполне приятный, хотя и несколько приторный, как карамель «Петушок». – Ко мне можно обращаться просто Ирина, и я надеюсь, что мы с вами составим отличную команду, способную сделать нашу процветающую компанию еще успешнее! Сейчас мне хотелось бы с вами со всеми познакомиться.

– Диана, – Диана встала со своего места и, потянувшись через стол, по-мужски пожала новой начальнице руку. Дианин решительный захват сверху ясно давал понять, как сама подчиненная видит свою позицию, и Ирина поспешила выдернуть руку, переведя взгляд на Лисикову.

– Анна, – скромно улыбнулась Лисикова.

– Со... – начала я, и была бесцеремонно перебита завыванием собственного голодного желудка.

На гладком лице Ирины мелькнула брезгливая гримаска, но затем она лучезарно улыбнулась:

– Приятно со всеми вами познакомиться. Теперь вы можете возвращаться на свои рабочие места.

Уходя, я заметила холодный, пренебрежительный взгляд, который Ирина бросила на меня.

– Эта сучка себя еще покажет, – прошипела Диана, оказавшись у своего компьютера.

– Ты же сказала, не стоит делать скоропалительные выводы о людях.

– О некоторых все сразу ясно.

К обеду Диана разузнала об Удаловой в своих источниках.

– Раньше работала в компании Stuffmax на должности «менеджер по привлечению клиентов». Говорят, была на этом поприще очень неплоха – да уж, не сомневаюсь, пускать пыль в глаза она умеет. В «Синерджи» ее изначально намеревались привлечь на ту же должность, но ее так и распирало от желания руководить. И нас пустили в расход, – Диана мрачно усмехнулась.

Аня тоже сидела подавленная. Может, мне не хватало проницательности, но если что и тревожило меня в нашей новой начальнице, так это ее близость к Роланду. Да и рабочее место ей оборудовали далеко от нас.

Весь день Ирина не показывалась, шныряя где-то по недрам компании. После обеда у меня шло собеседование за собеседованием – я старалась работать как можно лучше. В шесть Аня и я засобирались домой. Вечно перерабатывающая Диана, удивительно, к нам присоединилась.

День был замечательный, весна разошлась вовсю. Молодые листочки на деревьях были яркие-яркие. У меня было бы отличное настроение, если бы сегодня был другой день. Мысленно я называла понедельники черными, потому что именно в этот день недели я должна была навещать маму и бабушку.

Дождаясь на Полевой трамвая, я с трудом преодолевала соблазн позвонить и соврать, что я опять заболела. И так в прошлый раз я еле отговорила бабушку приехать поухаживать за мной.

– Привет, – распахнув дверь, сказала мне мама каким-то сдавленным голосом. Прижав платок к уголку глаза, она подняла взгляд к портрету моего отца, висящему на оклеенной рыжими обоями стене прихожей. Отец смотрел задорно и весело.

Вот черт, как я могла забыть о годовщине... лучше бы сказала, что заболела.

– Привет. Привет, бабушка, – я сделала вид, что ничего не замечаю, хотя знала, что меня это не спасет.

– Ах ты моя сиротка, – бабушка крепко прижала меня к себе и, всхлипнув, всколыхнулась всем телом. Непонятно,

как ей еще удавалось перемещаться по узкому коридору хрущевки. Одета в мягкую юбку и кофту, она походила на громадную стеганую бабу на чайник. – Голодная, небось, после работы?

– Я на диете, – объявила я, но меня уже толкали в сторону кухни. – У меня свой режим питания. Так что я просто попою с вами чаю.

– У меня уже супчик сварен, пироги поспели...

– Диета тебе не поможет, – уверенно заявила мама.

– Почему?

– Такая конституция. Однажды ты станешь такая же толстая, как бабушка. С этим ничего не поделаешь.

– И все-таки я попытаюсь, – упрямо возразила я.

– Не обижай бабушку! Бабушка с утра у плиты! А у бабушки вены!

У меня тоже есть вены, но отпираться бесполезно... Тяжело вздохнув, я взяла ложку. Бабушка уже поставила передо мной полную тарелку щей. Я чувствовала сильный голод, но понимала, что скоро буду вспоминать о нем с ностальгией.

Тяжело опустившись на табуретку, мама снова потеряла уголок глаза платочком.

– Есть новости? – спросила она слегка с надрывом.

– Начальница у нас новая появилась.

– Молодая?

– Да.

– Красивая?

– Да.

– Доча, – вздохнула мама, – тебе будет очень тяжело с ней работать.

Я поперхнулась супом. Прокашлявшись, в свою очередь спросила:

– А у вас как дела?

– Да чего спрашивать, ведь сегодня такой день... Двадцать восемь лет, как папы нет с нами. Тебе только два года стукнуло... помнишь его?

– Помню, – привычно буркнула я, хотя не помнила ничего, как будто отца у меня никогда и не было.

– Он был прекрасный человек. Такой сердечный. А уж какой красавец! На нашем курсе все девчонки только на него и смотрели... но он всегда был мне верен...

Я подняла взгляд на очередной портрет, висящий над кухонным столом. На этой фотографии взгляд моего отца был лиричным, теплым. Мужчина он действительно был очень привлекательный, походил на советского актера. Странно, что я ничего к нему не чувствовала. Он был летчиком и погиб во время парада из-за нелепой ошибки коллеги.

– Пока студенты были, ни копейки лишней не было, а он подарил мне золотое колечко. Тоненькое, как проволочка. Но ради этого колечка он ведь целую неделю по ночам грузовики разгружал... с его-то образованием, с его изящными пальцами!

Я с трудом проглотила последнюю ложку супа, и бабуш-

ка сразу выставила на стол второе. Мама разливалась соловьем. Я знала, что она может продолжать, и продолжать, и продолжать.

– Кушай, кушай, – приговаривала бабушка. – Вон как щечки запали.

– Да как же запали, – отошла от темы мама. – С той недели кило набрала, если не два. Вон как на ней костюм сидит, чуть не лопается.

– Да я сама сейчас лопну. Больше не могу!

– А пироги как же? – забеспокоилась бабушка. – Мне что их, выбрасывать теперь?

– Вот уж конечно, не может она, – продолжала мама. – Всегда лопала и лопала. В детстве вот такая ходила пухлая.

Эту войну мне никогда не удавалось выиграть. Если я сопротивлялась сильнее, они тоже увеличивали нажим. Кроме того, их было двое. Когда мне было двадцать четыре, и я съезжала с этой квартиры, я весила восемьдесят пять килограмм. И все, о чем я могла думать, так только: «Катиться! Катиться прочь отсюда!»

Взяв пирог с картошкой, я принялась жевать его как возможно медленнее. Торжествующая бабушка выставила на стол блины. Я почувствовала острую ненависть к еде и украдкой расстегнула верхнюю пуговицу на брюках.

Мама вернулась к своему восторженному монологу. Жуя и сонно моргая, я почти ее не слушала, зная, к чему она придет в итоге.

– Ты должна найти себе мужчину. Если уж не красивого, то хотя бы достойного мужчину.

– Где их найдешь, достойных, – буркнула я, давясь пирогом с малиновым вареньем.

– Конечно, от тебя все спрячутся, если не будешь следить за собой. Ты не смотри, что я сейчас набрала. Когда твой папа меня увидел, я была как тростиночка тоненькая. Впрочем, мне и было-то двадцать лет.

А мне вот тридцать, мама. Так чего париться, поезд уехал! Мама протерла глаза, в этой раз действительно слегка увлажнившись.

– Достаточно воспоминаний. Они все еще будят тоску.

Я посмотрела на свои наручные часы. Половина девятого. Действительно, достаточно.

– Печеньица? – спросила бабушка. – Свеженькое, со сгущенным молоком, такая вкуснятина.

– Думаю, мне пора. Дома есть кое-какие дела.

– Придумала ты с этой квартирой. Деньги за нее платишь.

– Да, но хозяйка берет с меня немного, а здесь только две маленькие комнаты.

– Ты могла бы спать в комнате с бабушкой.

«И каждую ночь она будет стоять надо мной с куском колбасы, чтобы впихнуть его мне в глотку, едва я приоткрою рот во сне», – со злостью подумала я.

– Да, но мне бы не хотелось мешать бабушке...

– Ей это только в радость. Ты же знаешь, как она тебя лю-

бит.

– Да, но отсюда мне неудобно добираться до работы... Ты же знаешь эти трамваи. Чуть где авария на путях, и движение встало на полдня.

– Нужна тебе эта работа, никаких перспектив.

– Да, но как раз сейчас у нас реорганизация, посмотрю, что будет. Все, бабуля, мамуля, мне совсем пора, – с трудом подняв свое перекормленное тело, я бочком протиснулась мимо бабушки в коридор.

– Есть один мужчина... может, я могла бы тебя с ним познакомить, – сказала мама как бы между прочим, когда я уже стояла у открытой двери.

– Что за мужчина?

– Знаешь Раису Константиновну? Вот ее сын. Зовут тоже Константином. 42 года, своя торговая фирма. Высокий, брюнет, красавец.

– Хм. А не староват для меня?

– Да ты сама не молодуха. Хотя... ты права, он не для тебя. Девушку ищет представительную, ухоженную, а ты у меня простушка, не умеешь себя вести в приличных местах.

– Неправда, – возмутилась я. – Я хочу с ним познакомиться.

– Ладно, я дам ему твой телефон, – мама слегка скривила губы: «Если ты хочешь...» – Он тебе позвонит.

– Только не забудь.

– Не забуду.

– Может, возьмешь вареньица пару баночек? – с надеждой спросила бабушка.

– В следующий раз, – клятвенно пообещала я и, пыхтя, заспешила вниз по лестнице. Все, повинность выполнена, можно расслабиться до следующего понедельника. Я бы запрыгала от радости, но пироги и прочее нещадно тянули меня вниз.

Вечером мне позвонил тот самый Константин. Разговор получился по-деловому кратким, впрочем, голос собеседника мне понравился – низкий, глубокий, уверенный. Мы договорились на воскресенье, в восемь – поздновато для меня, но Константину так было удобно.

С утра я чувствовала боль в желудке, после вчерашних злоупотреблений, и была только рада выпить безвкусный «Супершейп». Едва добравшись до работы, я сразу бросилась изображать из себя Новую женщину: уверенную в себе, сосредоточенную, не позволяющую себе лениться, трусить и отступать от поставленных целей.

Ирину я увидела всего однажды, причем она шла по коридору с Роландом, иногда касаясь его руки и слушая его с преувеличенным вниманием. Какая же она красивая, стройная, высокая... Я расстроилась, но потом напредила себе, что в новой жизни нет места для уныния, и поплелась в кухню забодяжить стаканчик «Супершейпа». Диана поехидничала надо мной, но легкость в моем теле указывала, что я на верном пути. К счастью, кухня была тем местом, где Ирина

точно не появится – она обедала в кафе, на первом этаже.

Вечером, слоняясь по квартире с бурчащим животом и болящим после многочисленных телефонных разговоров ухом, я не знала, куда себя деть. Без сомнений, истязая себя таким образом, к воскресенью я буду выглядеть замечательно, но до этого дня еще надо дожить...

Тем не менее среда пережила относительно сносно; четверг – сложно, но можно; к пятнице на меня напала такая слабость, что я едва добралась до работы.

– Ты чего такая кислая? – поинтересовалась Диана.

Но я только мотнула головой, вяло копаясь в резюме и даже не думая переключиться на целлюлит знаменитостей.

К субботе я окончательно пожухла, как завалившаяся в супермаркете морковка, но, как выяснилось, когда я отлепила себя от кровати и доплелась до ванной, это была не самая большая из моих проблем: на щеке проступило красное пятно, к вечеру расцветшее в настоящий прыщ. Рехнуться можно! Прыщ в тридцать лет!

Я мазала прыщ антисептиками, мазями и кремами «мгновенный эффект», и они пошли ему на пользу, в смысле, он стал еще крупнее и ярче. Унылая и голодная, я потратила день на просмотр «Секса в большом городе», но все, о чем я могла думать, так только о том, что ни у одной из героинь нет прыщей.

В воскресенье я вскочила ни свет ни заря и сразу начала готовиться к свиданию. Перебрав несколько вариантов, я

остановилась на красном платье – оно было старенькое, простого покроя, но выглядело элегантно и хорошо скрадывало животик. Красной обуви у меня не было, но я решила, что черные ботильоны вполне подойдут, потому что сумка у меня черная. При макияже, с уложенными волосами, я выглядела бы неплохо, но гнусный прыщ, напоминающий раздувшуюся от крови пиявку, все рушил. Я замазала его тремя слоями тонального крема, и он стал менее заметен, но не скрылся совсем. Больше я ничего не могла сделать и, полностью собранная за пять часов до свидания, села на диван и стала ждать.

В половине восьмого, трясущаяся от волнения, я была у ресторана «Октябрь». В 20.15, на шикарной красной машине, прибыл Константин. Он оказался внушительным крупным мужчиной с кустистыми подвижными бровями и громадным загнутым грузинским носом, который сначала вызвал во мне желание развернуться и бежать, но потом я вспомнила, что у героя «Ну разве она не милашка?» тоже был тот еще шнобель, и немного успокоилась.

В ресторане мы расположились за заранее заказанным столиком. Я смущенно улыбнулась, рассматривая роскошную обстановку. Как долго я не была на свидании? Год, не меньше. А как давно не ходила в хороший ресторан («Макдоналдс» не в счет)? Еще дольше.

Константин пошевелил бровями и деловито спросил:
– Что есть будем?

Я раскрыла меню, и после недельной голодовки аппетитные картинки так и запрыгали перед глазами. Рот мгновенно наполнился слюной.

– Давайте по вашему выбору.

Кивнув, он, не глядя в меню, привычно сделал заказ, после чего наконец обратил взгляд на меня. Чувствуя себя неуютно, я немного повернула лицо, пытаюсь спрятать прыщ. Не помогло.

– На щеке у тебя чего?

– Да так... прыщик выскочил.

– Лет-то тебе сколько?

– Тридцать.

– Не девочка. Чего все прыщавишься?

Пока я раздумывала, как мне на это ответить, он уже отвлекся от прыща:

– Значит так, я занимаюсь бизнесом, продаю товары народного потребления. Телемагазин, Интернет-магазин, и прочее. Дел много, времени мало, поэтому давай обойдемся без всяких сюсю-мусю и прочей ерунды. Я Константин Георгиевич Гиоргадзе, 42 года. Пью редко, курю много. Инсультов не было, здоров как бык, только грибок на левой стопе, но я его выведу. Зарабатываю хорошо, живу в центре, неподалеку от Ладьи, квартира три комнаты, 110 квадратных метров. Машина BMW. Есть собака породы дог, гулять, если что, с ним будешь ты. Не судим, долгов нет, в ближайших планах намерен жениться, детей надо двое. Люблю харчо и

картошку с салом. Теперь ты о себе.

Но у меня не было слов. Уж не знаю, что меня так подкосило: его прямолинейность или грибок на его стопе.

– Ну... меня зовут София Острова... – начала я и, к счастью, меня прервал подошедший официант.

Официант разложил приборы, салфетки. Поставил перед нами тарелки с сильно прожаренным, залитым жирным соусом мясом. Запах шел восхитительный. В одной такой порции калорий было больше, чем я потребила за неделю (если исключить тот сокрушительный ужин в понедельник).

Константин сразу приступил к еде, и я решила не отставать. С набитым ртом он махнул мне рукой: «Ты продолжай, продолжай». Беззвучно вздохнув, я проглотила кусок мяса и продолжила:

– Я работаю в компании «Синерджи». Менеджер по подбору персонала, – произнести слово «ассистентка» у меня язык не повернулся.

– Менеджер? Бумажки, что ли, весь день перекладываешь?

Мне показалось, или он разговаривает со мной пренебрежительно?

– Я общаюсь с людьми. Это непростая работа, – возразила я и тут обнаружила, что меня подташнивает. – Извините, я отойду.

На пути к туалету тошнота усилилась. Видимо, после недели на «Супершейпе» мой потрясенный желудок отказы-

вался принимать пищу, да еще такую тяжелую и жирную. Возле унитаза я аккуратно опустилась на колени, ожидая, что меня вот-вот вырвет. Этого не случилось, но тошнота как будто бы улеглась. Я побрела обратно в зал.

– Полчаса пропадала, – проворчал Константин.

Я вдруг отчетливо поняла, что он меня бесит. С такими «конкретными» манерами он хорошо бы смотрелся на разборке 90-х годов, но не на свидании.

– Не полчаса, десять минут. Поправляла макияж.

– Вам бы только все физиономии свои красить, – произнес Константин с плохо скрываемым презрением. – А зеленая чего? Темнишь ты... и не замужем, в твои годы. Ты учти, мне не надо увечных, которые пацана родить не в состоянии, так что колись – абортыв делала, венеру ловила?

Сраженная такой грубостью, я наклонилась к тарелке и мой организм выдал самую соответствующую текущей ситуации реакцию: меня аккуратно вывернуло прямо на остатки еды.

Одним взглядом Константин ясно дал мне понять, что я должна делать.

– Я заплачу за себя сама. Сколько это стоило?

Оставив на столе тысячную купюру (буду думать, что это откупное), я покинула здание. На улице было темно, хоть глаз выколи. Стоя на трамвайной остановке, я дрожала от холода, а трамвай все не шел. Полдесятого движение и вовсе остановится на ночь, так есть ли смысл ждать? Проклиная

свою неудачливость, я заковыляла вдоль рельсов. Что за город! Когда они решат проблемы с транспортом? Я была совершенно разбита. Сложно сказать, что задело меня больше: мое унижение на свидании или же то, что моя мама считала, что я недостойна такого вот человека.

Ни прохромала я и ста метров, размышляя, что вещи уже не станут хуже, как увидела... вот радость-то, моего соседа! Он был одет в своем стиле: полосатый свитер вырвиглазной расцветки и шорты. Голые коленки вызывающе сверкали в промозглом полумраке. И это в начале апреля! Я пригнула голову и ускорила шаг, но он уже заметил меня.

– Why so serious? ¹

– Я не понимаю по-английски, – буркнула я.

– Вид у тебя угрюмый, – он развернулся и пошел рядом со мной. – Слушай, я не знаю, что у тебя случилось, но что-то мне подсказывает, что тебе нужно просто посмеяться и забыть.

«Вот и смейся, над своими проблемами».

– Посмотрела бы я, как бы ты смеялся, вышагивая через весь город по разбитому асфальту на восьмисантиметровых каблуках, – возмутилась я.

– Вызвать тебе такси?

– Не надо, – сказала я, но он уже достал мобильник и набирал номер.

---

¹ «Ты чего такой серьезный?» – фраза из кинофильма «Темный рыцарь», которую злодей Джокер говорит своим жертвам перед тем, как их убить.

Такси мы дожидались в напряженном молчании. В машине ситуация не наладилась.

– Слушай, – протянул Эрик, когда мы подъехали к дому, – я, оказывается, не при деньгах. Ты заплатишь?

Рассчитавшись, я сердито взбежала по лестнице на свой пятый этаж и, ворвавшись в квартиру, громко хлопнула дверью. Итого: один прыщ, полторы тысячи трат (при том, что до зарплаты неделя, а в кошельке осталась пара сотен), два скверных мужика и одно настроение, которое хуже некуда. Кажется, в блокнот достижений писать пока нечего.

Схватив «Невинную грешницу» Конни Мейсон (приятно почитать про еще большую дуру и неудачницу, чем я), я залегла в ванной, подавляя острое желание утопиться. В час ночи я дошла до круглосуточного магазина, купила шоколадку, килограмм бананов и готовую запеканку, спустив все оставшиеся деньги.

Утром стрелка весов показала 64 килограмма, и я выбросила «Супершейп» в мусорное ведро. Уходя на работу и запирая дверь, я увидела на коврике маленький конвертик – возможно, он уже был здесь, когда я выходила ночью, но тогда я его не заметила. Внутри были купюры и записка от Эрика: «Я стучался, чтобы отдать деньги за такси, но ты не открыла. Надеюсь, сегодня у тебя все наладится».

Глава 3: Вечер с Тайрой Бэнкс

Вечером первого мая я заболела. Это было внезапно и обидно, тем более что день был чудесный. Греясь под ярким солнцем, любуясь свежей зеленой листвой, я несколько часов гуляла по принаряженному к празднику городу. Проблемы забывались, когда все вокруг казалось таким прекрасным. И даже обертки, окурки, пластиковые бутылки, прочий мусор, рассыпанный по тротуару празднующимися по парку гражданами, бросался в глаза меньше обычного. Возле озера я увидела одиноко стоящую маленькую девочку. Я подошла и положила руку ей на плечо.

– Эй, ты не потерялась, милая?

Девочка посмотрела на меня своими небесно-голубыми глазами и вдруг оглушительно чихнула. Брызги полетели прямо мне в лицо. Не успела я утереться, как выскочившая из ниоткуда сердитая, выдыхающая сигаретный дым мамаша поволокла девочку прочь.

В течение часа мне резко поплохело, и я поплелась домой, гадая, что еще успеет произойти со мной по пути.

В понедельник, едва сползая с кровати, я вызвала на дом врача и позвонила на работу чтобы предупредить, что не выйду. Трубку взяла Диана. Голос ее звучал раздраженно, порой заглушаемый звуком передвигаемой мебели – Ирина таки осуществила свое намерение и переехала к нам побли-

же, чтобы заняться отделом всерьез. В глубине души я порадовалась, что проведу эту неделю дома и смогу отдохнуть от мягких замечаний новой начальницы, каждое из которых звучало как скрытая придирка.

После ухода врача я забралась под одеяло, только и способная, что втыкать в монитор компьютера, и то при условии, что он демонстрирует что-то не более интеллектуальное, чем реклама зубной пасты. К вечеру я одолела первый сезон «Топ-модели по-американски», шоу, в котором десять удручающе худых девушек состязались в тщеславии, стервозности и фотогеничности. Мне очень понравилась ведущая, супермодель Тайра Бэнкс. Многие из тех вещей, которые она говорила участницам, пригодились бы любому человеку, пытающемуся достигнуть успеха.

К ночи мой запас носовых платков истощился, и я поставила на тумбочку возле кровати рулон туалетной бумаги, которую благополучно всю обсморкала за долгие, беспокойные часы, когда в темноте я ворочалась с боку на бок, чувствуя, как в голове перекачивается боль. Эх, а от Ирины я бы избавилась с шести вечера... ладно, хотя бы к маме не пришлось ехать.

В течение вторника, среды и четверга я посмотрела еще четыре сезона, и к пятнице, после многочасового созерцания худышек, у меня наличествовали все признаки посттравматического стресса, включая слезы, дрожь и судороги. Все это вылилось в то, что я взяла швабру и начала колотить ею по

стене, за которой всю неделю звучала анимешная музыка, доводящая меня до белого каления. Сосед приглушил звук, но не выключил. Надо быть совсем чокнутым, чтобы слушать такую ерунду. Из его квартиры вообще было много шума (пока там жила Антонина Павловна, я и не подозревала, что здесь такая слышимость) – пальба и вопли из компьютерных игрушек, детский топот, разговоры, залиvistый женский смех. Откуда там вдруг взялись все эти люди?

Усмирив соседа, я включила фильм «Сумерки» (ну и что, я все еще не в той форме, чтобы смотреть что-то требующее умственных усилий) и, помня о тонкости стен, из стыдливости приглушила звук. Если мой сосед не стесняется своих вкусов, то я более самокритична. Не то чтобы я осталась от фильма в восторге, и если и рыдала, то только по той причине, что мне вообще было грустно, хотя Белла вызвала у меня эмоциональный отклик. Я почувствовала с ней родство душ, поскольку и сама была человеком, который, падая с лестницы, вылетает в окно.

Открыв браузер, чтобы скачать «Новолуние», я обнаружила в «контакте» сообщение от некой пухлощеклой особы, в которой я не сразу признала бывшую одноклассницу Марину. «Женька дачу купил, – писала она. – И решил забабахать встречу. Там будут наши, кто придет, и, может, кто-то из «А». Встречаемся седьмого мая и на всю ночь. От площади Фрунзе 28-я маршрутка, до конечной. В семь Женька будет ждать на остановке. Ну, если что, я тебе сообщила».

Хм. Встреча одноклассников? Об этом нужно серьезно подумать. О Женьке я припомнила немного, хотя некоторые другие, которых я как раз предпочла бы забыть, занозами засели в моей памяти. Не то чтобы моя школьная жизнь была совсем беспросветной. Просто на выпускной, который я провела в своей комнате, завернувшись в одеяло и обжираясь мороженым, мне казалось, что я вышла из тюрьмы или вроде того. Впрочем, сейчас это взрослые люди, и вряд ли кто-то станет играть в футбол моим рюкзаком или плевать в меня жеваной бумагой из ручек. С другой стороны, я все еще была больна – нос дышал тяжело, голова побаливала, и, дойдя до туалета и обратно, я успевала немного притомиться. Да и некрасиво – на работу не пошла, а на вечеринку – пожалуйста. Но кроме всех этих аргументов против у меня был один довод за: я чувствовала себя одиноко... Сказать по правде, я почти околевала в своей пустой квартире, только и общаясь что с компьютером. Телефон все время лежал на кровати, на случай, если кто-то позвонит, и иногда я даже слышала звонок, но потом выяснялось, что мне померещилось. Так и рехнуться недолго.

В попытке отвлечься от терзаний, я решила перечитать Шарлотту. Все-таки Джейн Эйр была настоящая феминистка. Отстаивая равноправие полов, она оставалась тверда и остра, как лезвие меча. Да и сама Шарлотта Бронте была примечательной женщиной. Она и ее сестры, Энн и Эмили, тоже писательницы, жили в маленьком пасторском домике воз-

ле самого кладбища. Из троих сестер выйти замуж удалось только Шарлотте – не по любви и ненадолго, потому что скоро ее забрала смерть. Она оставила этот мир, будучи на пятом месяце беременности.

Отправив сообщение, что я не пойду, я легла спать, и мне приснилось, что я одна из сестер Бронте, Эмили, в период написания «Грозового перевала», и меня одолевают дикие животные страсти, но я уже читала свою биографию и точно знаю, что мне ничего не светит. Сон был тяжелый и мрачный, и с утра я написала Марине, что передумала и буду.

Собрав некоторые необходимые мелочи, я надела длинный свитер и джинсы, учтя похолодание и загородные ветра, и окинула свое отражение таким суровым взглядом, каким не смотрели даже судьи в «Топ-модели». Ну и простецкий же вид у меня, да еще свитер добавляет пару килограмм. Все посмотрят на меня и подумают: «Так мы и знали, что ты ничего не добьешься». Человек, вон, дачу купил! А мне и домик для Барби не по карману.

Я зарылась в шкафу в поисках чего-то, что придаст мне вид, способный ввести окружающих в заблуждение касательно моих жизненных успехов. Платье, в котором я ходила на свидание с Константином, вполне бы подошло, но после моего эпичного провала мне казалось, что над ним повисло проклятие.

В итоге мой выбор пал на розовое вязаное, которое я купила давно и не стала носить, решив, что этот цвет мне

не идет. Как оказалось, сейчас, когда болезнь придала мне аристократическую бледность, платье смотрелось очень даже ничего, хотя и было немного странноватое – ажурное, со множеством завязок. Я надела под него сорочку телесного цвета и решила, что пойдет.

– Только не опозорься, – сказала я своему отражению. – Пожалуйста, давай как-нибудь в другой раз!

Сделав легкий, во французской традиции, макияж и доверху напичкав себя таблетками, я вышла из дома, надеясь, что после гулянки моя простуда не перейдет в воспаление легких.

Пока я добиралась до площади Фрунзе, то ли от таблеток, то ли от свежего воздуха, мне стало значительно лучше. В маршрутке я лыбилась не переставая, воображая себе, что впереди только хорошее. Но впереди оказалась пробка, в которой мы простояли битых сорок минут. Когда я добралась до места, на остановке меня ждала только та самая Марина из «контакта». На ней были дутая розовая куртка, джинсы и резиновые сапоги.

– Опаздываешь, – буркнула она. – Пошли. Мне объяснили, как добраться.

Неприветливая и хмурая, как всегда. Как будто и не было этих тринадцати лет.

Мы шли минут двадцать. Воздух пах хвоей и листьями. Наверное, это чудесно, жить на природе, вдали от загазованного, заваленного мусором города. Видеть за окном зеленые

сосны...

– Нам сюда, – Марина отворила тяжелые металлические ворота, и у меня отвалилась челюсть.

Это дача?! Настоящий особняк в три этажа! Да я такие только в кино видела!

Навстречу нам по мощеной красной плиткой дорожке шел Женька, которого я сразу узнала, хотя он сильно изменился: потерял волосы, приобрел брюшко. В его ухе сверкала золотая сережка, да и улыбнулся он как заправский пират.

– Сонька! – вскричал он, притискивая меня к себе так крепко, будто друзей лучше нас во всем мире не было. – Ну ты вообще! А была вот такая корова!

А он мне запомнился тихим, вежливым, незаметным мальчиком... Несмотря на сомнительность комплимента, я улыбнулась.

– Тебе, я смотрю, тоже есть чем похвастаться.

– Да живем помаленьку, – на пути к дому он болтал без умолку. – Производство у нас, совместно с французами. Медтехника. Че мы с тобой столько не виделись? У тебя, небось, то мужики, то Греция-Италия, то на работе завал?

– Да как-то то одно, то другое.

То герпес, то сопли, то ноготь сломался. Я споткнулась и подумала, что мне надо следить за походкой, а то плетусь, как побитая собака. Господи, как людям удается столько зарабатывать? Что-то делают, чего-то добиваются, я только сижу в своем офисе, старею и жирею, пока жизнь проходит ми-

мо.

Мы вошли в дом, в комнату, заставленную плетеными стульями и цветочными горшками, и все присутствующие уставились на меня так, как будто я побрилась налысо или еще что поинтереснее.

– П-привет, – я робко растянула губы, пытаюсь придать себе радостный вид.

– Соня? – неуверенно произнес кто-то. – Острова?

– Да, это я, – я все еще не понимала, почему на меня так смотрят.

– Килограмм двадцать, не меньше, да? – предположил Женя.

– Если вспомнить мой школьный вес, разница пятнадцать, максимум, – возразила я, и тут до меня дошло. Я не любила свои фотографии, нигде их не выкладывала, а на аватаре в «контакте» у меня стоял кот. Народ ожидал увидеть тетку килограмм под девяносто, и тут пришла я, вся такая стройная, на контрасте с их ожиданиями. Почувствовав себя привлекательной, я горделиво расправила плечи и улыбнулась уже искренне. Не такая уж я и неудачница! Если, конечно, не считать того факта, что далеко не все в школьном возрасте походили на комок жира...

– Садись, – мне придвинули стул, и, обернувшись, я увидела Федю.

Он ни заматерел, ни обрюзг, просто повзрослел, оставшись тем же милым парнем с песочного цвета волосами (да-

же прическа та же!). В школе он не отличался интеллектуальными качествами или спортивными талантами, но зато был душой каждой вечеринки, и его все любили. Я, как человек, которого никуда не звали, с ним особо не общалась, но сейчас он улыбался мне широко и искренне, и я ответила ему улыбкой.

Сняв куртку и усевшись, я принялась рассматривать окружающих, стараясь делать это не слишком откровенно, даже если остальные занимались тем же самым. Всего собралось человек пятнадцать. Большинство изменились очень сильно, только нашу отличницу Ольгу Кораблеву как законсервировали: непроницаемые холодные глаза за бликующими стеклами очков, темные гладкие волосы до плеч и вздернутый нос над неизменно сжатыми губами. На коленях у нее была сумка, похожая на дипломат 60-х годов, и она держала ее так, как будто поставила перед нами стену. Яночка, наша умница, красавица, очень постарела, и ее некогда золотистые волосы теперь казались бесцветными. Она вяло отпивала вино из стакана, хотя кроме нее пока никто не пил, и мне стало как-то не по себе. Максим, который в юности, с его бесцветными ресницами и красным аллергичным носом, напоминал крысу-альбиноса, сейчас выглядел загоревшим и подтянутым, молодец (чуть позже он сообщил, что работает тренером по фитнесу). Исмаил неохотно оторвал взгляд от своего планшета и кивнул мне. Я порадовалась, что во взрослой жизни он хоть как-то социализировался – прежде он бы да-

же и не заметил, что я пришла, только смотрел бы не в планшет, а в книгу. Леночка Озерова, хоть и набрала килограммов семь, была все той же смешливой очаровательной блондинкой, и ее полуметровые ресницы походили на крылья бабочек. Она так и вилась вокруг пришедшего с ней вальжжного молодого человека в джинсовом костюме, и складывалось впечатление, что нам всем следовало бы выйти, оставив этих двоих наедине, прежде чем они потеряют последнюю сдержанность. Еще несколько лиц казались смутно знакомыми, а бородатого здоровяка я вообще не смогла вспомнить... Ваньки Венкина, к моей великой радости, не было. От этого человека ничего хорошего не жди.

Только мне удалось расслабиться и почувствовать себя относительно уютно в своем плетеном кресле с подушками, как свет вдруг померк для меня, оставшись где-то за грудой обтянутой блестящей сиреневой тканью плоти. В мои ноздри ударил сильный запах духов, и, уже понимая, что это начало конца, я подняла взгляд и увидела *ее*. Ксению Лопыреву. Мои страх и ненависть в школе № 119.

Наше знакомство состоялось в девятом классе, когда она перевелась к нам из другой школы. Она была такая симпатичная девушка, с прекрасными темными кудрявыми волосами, да еще и в туфлях на высоченных шпильках, которые меня довели бы только до травмопункта.

– Привет, – сказала я. – У тебя так красиво накрашены глаза.

И тогда она посмотрела на меня как на самую отвратительную, самую вонючую кучу навоза в округе.

Тот ее взгляд сошел бы за дружелюбный, если сравнить его с тем, которым она наградила меня сейчас. Он сочился чистой ненавистью. Так моя мать смотрит на подростков, обжимающихся в общественном транспорте. Казалось, запали, и эта злоба будет гореть синим пламенем, как абсент.

– Э-э-э... Ксения? Добрый вечер, – пропищала я.

Не удостоив меня ответом, она отошла и села, раздраженно покачивая ногой, а мои смятые легкие получили возможность расправиться. В комнате повисла странная, напряженная тишина, в которой был отчетливо слышен звон моих нервов. «Когда она успела так подурнеть?» – с ужасом спрашивала я себя. Кудрявые волосы теперь походили на щетку, опухшее, располневшее лицо потеряло вместе с четкостью линий всю свою миловидность, и яркая помада не могла отвлечь от глубоких вертикальных морщин по уголкам губ. С талии Ксении свисали валики жира, да и вся ее фигура стала массивной, приобрела почти квадратную форму.

Веселый тенорок Женьки вывел нас из ступора.

– Если все в сборе, чего же мы сидим? У меня только водки два ящика и жратвы человек на тридцать. Кто мне поможет на кухне?

– Я! – даже если бы он звал помочь закопать труп, я бы составила ему компанию, лишь бы не сидеть здесь, нервно ежась.

– Ну у Ксеньки и жопень, – шепнул мне Женька на кухне. – Я слышал, она в разводе, да еще и с работы недавно вышибли, а все строит из себя невесть что, как будто получится обмануть людей.

Может, Женька и был прав, но я все же подумала, что ему бы поменьше следить за чужим весом и подумать о собственном.

Заготовился он, действительно, весьма основательно, и мне стало стыдно за себя и нас всех, пришедших на готовое. Мы перетаскали в комнату буженину, жаркое, жареную курятину, запеченный картофель, салаты, фрукты в фарфоровых посудинах, изображающих лебедей. Еда пахла сногшибательно, что я уловила даже с моим плохо функционирующим носом. Но больше меня интересовал алкоголь. Я надеялась, он поможет мне снять напряжение.

Мы расселись (я устроилась как можно дальше от Ксении). Проигнорировав винные бокалы, все сразу схватились за рюмки (видимо, не одна я чувствовала себя не в своей тарелке). Заплескала прозрачная жидкость, внушая мне надежду, что вечер в итоге может оказаться не таким уж плохим.

– Я не пью, я не пью, – засуетился Федя.

– Одну каплю, за встречу.

– Нет-нет-нет!

Зазвякали рюмки. Кто-то приложился от души, и на скатерть брызнуло стекло. После первой все заулыбались, после

второй, последовавшей незамедлительно, порозовели и внезапно сделались общительными. Все, кроме меня. Поперхнувшись, я стала ярко-багровой, а затем вдруг стол резко поднялся, и я не сразу поняла, что это моя голова качнулась вперед. Я услышала, как Леночка звенящим голоском рассказывает про салон, где она работает и где познакомилась со своим Антошей:

– Он был моим лучшим клиентом и стал моим лучшим жуем... В смысле, после этих... козлов.

Она продолжала и продолжала, сопровождая каждое слово активной жестикуляцией. Особенно старалась ее правая рука, на безымянном пальце которой поблескивало колечко с камушком. Слова становились все менее разборчивыми, и вдруг все слилось в одну звенящую трель. Вокруг моей головы возник ореол. Он был мягкий и пушистый, как кроличья шапка.

– Сонь, а ты как? – меня подпихнули в бок.

– Я? Что? – я с трудом подняла голову. Опять эти пристальные взгляды.

– Работаешь кем?

Сказать правду или соврать? Врать не хорошо, но... Мысли почему-то вязли, как мухи в меду. И как я умудрилась так ужраться с двух рюмок?

– Ириной, – ляпнула я.

– Что?

– То есть, я хотела сказать, с Ириной, – я нервно сцепи-

ла под столом пальцы. – Это моя помощница. Я выбрала помощницей блондинку модельной внешности, потому что у меня нет комплексов. Это очень важно чтобы все знали, что у меня нет комплексов.

Кажется, это было не очень хорошо. Зачем вообще так много слов?

– Ты одна, замужем или с кем-то встречаешься?

С такими вопросами уже не до честности.

– Конечно, встречаюсь, – я попыталась сфокусировать взгляд, решив, что это придаст мне искренний вид. Над столом полз туман. Клубился, как смог. – Я слишком молода для замужества.

– И как его зовут?

Вот уж не думала, что их любопытство зайдет так далеко. «Роланд. Джейсон. Ранульф. Даллас. Натаниэль. Да что такое, хоть бы одно нормальное имя припомнить!»

– Эрик.

– Он что, иностранец?

– Да, – я перевела взгляд на блюдо с фруктами.

– Моя жена тоже иностранка, французенка, – решил поделиться Женька. – Вот она.

Он достал из нагрудного кармана фотографию, на которой красовалась светловолосая женщина, похожая на Хайди Клум.

– Красивая, – похвалили одноклассники, но не успела я облегченно вздохнуть, допрос продолжился: – Откуда твой

Эрик?

– Из Кардинии, – брякнула я.

– Это еще где?

Там же, где Кистран, Средиземье и Страна Чудес. Еще никогда Штирлиц не был так близок к провалу. Я небрежно дернула плечом.

– Все знают, где находится Кардиния.

– А где он работает?

Вот привязались... «Он пират. Он лэрд шотландского замка. Он шериф. Он работает герцогом, то есть он герцог и вообще не работает. Аа-ха-ха, я читаю слишком много любовных романов!»

– Он наемник, – этот вариант казался мне приемлемым до той секунды, как я произнесла его вслух.

– То есть?

– Он... э-э... адвокат, но не просто адвокат. В смысле, он идет только если хорошо попросят. Всякие крутые шишки. Березовский там, или Абрамович, – обе фамилии были постоянно на слуху, но я едва знала, кто это.

– Такой способ заработка не назвать высокоморальным, – заметила Кораблева.

– Вопрос морали, связанный с профессиональной деятельностью, достаточно сложен, – вступилась я, обиженная за своего несуществующего парня. – Крестоносцы убивали людей. Ниндзя убивали людей. Но... – тут я поняла, что понятия не имею, что хочу сказать. И можно ли считать ниндзя

профессией? – Но, что бы ни делал адвокат, как минимум, у него есть адвокат. То есть он сам адвокат. То есть он сможет защищать себя в суде, даже если у него не будет адвоката. То есть... да-а, – мне захотелось сползти под стол и лежать там, пока все не напьются до полного отшиба памяти, после чего можно будет притвориться, что я ничего и не говорила.

Отказавшись от следующей рюмки, я налегла на салат в надежде, что мое сознание прояснится. Мне приходилось прикладывать массу усилий, чтобы меня не клонило из стороны в сторону. В то же время меня мучило опасение, что на самом деле меня не шатает, но я шатаюсь, когда пытаюсь изобразить, что сижу смирно. Подперев тяжелую голову ладонями, я терзалась самыми нелепыми теориями, начиная с того, что Ксения меня злодейски отравила, и заканчивая тем, что в моей голове лопнула аневризма и сейчас кровь затапливает мой мозг, как вода трюмы Титаника. Может, проблема в водке? Но ее пили все, кроме Феде, и они в норме (если считать алкогольную интоксикацию нормой). Это даже страшно...

Женя начал рассказывать давнюю историю, как они с Федей глушили за школой бытовой растворитель, а потом их нашла директор – в отрубе, залитых блевотиной. Федя постоянно перебивал его: «Но теперь я не пью! Ни капли! Даже одколоном не пользуюсь!» Ксения громко, неестественно смеялась. «А мой Антоша никогда не пьет», – вставила Леночка. «Да он ВЕРБЛЮД!» – грохнул Женя, и все поче-

му-то заржали.

Мне здесь не место. Зачем я только приехала? Я встала из-за стола. Меня покачивало, но я попадала в такт музыке, как будто пританцовывала. Женя успел сменить тему: «А еще у меня есть еж! Вот такой! Прямо так и живет! Ходит везде!» Внезапно передо мной возникла Ксения, глаза которой сияли, как у призрака, охваченного жадной мести. В одной руке она держала тарелку с мясом, а в другой – пластиковую бутылку с кетчупом. Ксения направила бутылку на меня и надавила.

– Прости, я случайно, – ядовитым голосом произнесла она за секунду до того, как густая красная струя ударила мне в грудь. Кетчуп потек вниз, и я накрыла пятно ладонями, как пулевую рану.

– Женя, – всхлипнула я, – где здесь ванная?

– В конце коридора, – совсем уже пьяный, с красным, добрым лицом, Женя приобрел сходство с безбородым Дедом Морозом. – Или еще где-нибудь. Их тут много. Этот дом тебе не хухры-мухры.

За дверью в конце коридора кто-то шумно блевал. По брошенной на пол сумке я узнала Яну.

– Яна? Ты в порядке? – я постучалась, но она была очень занята и не ответила.

Юркнув за одну из дверей, я оказалась в спальне, но здесь имелась смежная ванная. Стянув с себя платье, я начала закрывать пятно. Сверху на платье падали мои горькие слезы.

Опять все пошло не так! Что бы я ни делала, все оборачивается чередой неприятностей! Запрись в комнате и не выходи вообще, и то либо потолок обвалится, либо пол рухнет!

– Что, уже расклеилась?

От неожиданности я высоко подпрыгнула. Обернувшись, я увидела златокожую Тайру Бэнкс, изящно расположившуюся на краю ванны. На ней было красивое зеленое платье, фактурой напоминающее чешую и прилегающее к телу столь же плотно. Тайра хмурила бровки, накручивая на палец прядь волос.

– Ты ничего не добьешься, если будешь сдаваться и бежать после первой же неудачи.

– Она сделала это нарочно! – воскликнула я.

– Наоми Кемпбелл мне еще и не такие козни устраивала.

Она цветная, я цветная, мы просто не могли поделить титул Черной Королевы. Подобные нападки означают, что человек видит в тебе конкурента. Разве это не причина начать уважать себя немного больше? – последние слова Тайра произнесла, уже растворяясь в воздухе.

Тайре удалось меня подбодрить, хотя сам факт того, что она вот так внезапно материализовалась из ниоткуда, немного настораживал. В комнате я повесила платье на батарею, чтобы оно хоть немного подсохло, пока я занимаюсь сорочкой, на которой, к счастью, пятен было немного.

Когда я вернулась в комнату, платье на батарее отсутствовало. Уловив боковым зрением какое-то движение, я повер-

нула голову и увидела, как оно вползает под кровать. Само. Наверное, я бы убежала с дикими воплями, но меня парализовал страх, и я застыла, обливаясь холодным потом и чувствуя, как на голове шевелятся волосы. Не хватало мне обычных проблем, теперь еще и сверхъестественные! «Да быть такого не может», – попыталась я утешить себя. Компания собралась самая дурацкая, может, кто-то решил подшутить. Но ножки кровати были такие короткие, что человек бы туда не пролез при всем своем желании, даже ребенок. То есть мы возвращались к тому, что это не человек. Я села на пол и крепко задумалась.

– У моделей постоянно возникают экстремальные ситуации, – слышался с кровати голос Тайры, а затем показалось и ее лицо. Она подпирала щеку ладонью, рассыпав по подушке сверкающую рыжую гриву. – Во время показа все шумят, суетятся. Настоящий хаос. Однажды мне пришлось выйти на подиум в туфлях на полтора размера меньше. Будь готова ко всему. Это правило жизни.

– Ну уж такого, чтобы привидение похищало платье, у тебя точно не случилось! Кстати о привидениях, ты сама-то кто?

– Соберись, будь смелой, – проигнорировав мой вопрос, напутствовала Тайра и снова исчезла, оставив меня самостоятельно разбираться с проблемой.

В комнате было прохладно, и вскоре я начала дрожать. Вот простужусь здесь насмерть! Но не выходить же к людям в

таком виде. Вот они надо мной посмеются! Что я за человек такой! На конкурсе неудачников я бы даже не заняла первое место, потому что я, блин, неудачница! Я начинала злиться, и это меня подстегнуло. Подобравшись к кровати чуть ближе, я наклонилась и заглянула под нее. Там было темно и страшно. Стопка дощечек мешала обзору, и суетливым трусливым движением я достала их. Оказалось, это фотографии в рамках (кто и зачем убрал их под кровать?). Вдалеке светлело мое платье. Раз, два, три, взяли! Ну не решилась так не решилась, попробуем еще раз! Раз, два... нет, это невыносимо... сейчас, быстро – раз, два, три! Резко выпростав руку, я вцепилась в платье и рванула его на себя. Раздалось громкое сердитое шипение. Выпустив добычу, я отскочила к стене и тяжело задышала. Оно еще и шипит! Сперло мое платье и ворчит на меня!

– Да ты совсем оборзело!

Находясь на грани инфаркта от страха и ярости, я снова рванула платье на себя, ощутив некоторое сопротивление, не сильное, впрочем. Ага, наверное, только шипеть и умеешь! Если, конечно, это не какая-то потусторонняя смертельная ловушка... А вдруг там окровавленная рука, гуляющая сама по себе? Хотя как бы она тогда шипела, разве что суставами бы пощелкала... Я извлекла платье из-под кровати и увидела прицепившийся к нему серый ворчащий комок. Это был... ежик! Маленькие глаза животного выразили безграничное презрение, и, фыркнув, он с весьма высокомерным видом

удалился под кровать.

Повалившись на пол, я смеялась до красных пятен на лице. Успокоившись и прокашлявшись, надела на себя платье, обнаружив, что под мышками оно прогрызено и противно мокрое от ежиной слюны. Гадость какая!

Фотографии в рамках лежали прямо передо мной. На верхней я увидела светловолосую женщину, которую Женя представил как свою жену, обнимающую незнакомого мне мужчину среди переплетения виноградных лоз. Отложив рамку, я посмотрела на следующую. Снова та женщина, мужчина и мальчик, теперь на фоне морского побережья. А вот все трое распивают соки на веранде... Только я успела задуматься, что это может значить, как в комнату ворвался Женька собственной персоной. Увидев меня, он опешил, а заметив фотографии, и вовсе пришел в ужас.

– Да, это так! – закричал он, приблизившись ко мне одним прыжком и схватив меня за плечи. – Да, меня оставили приглядеть за ежом! Да, я тот младший, который дурак! Ну и что? Моему братцу просто повезло с женитьбой! Это не значит, что я хуже его!

– Да я не спорю, – хотела сказать я, но у меня ничего не получилось, потому что, совершая свои признания, Женя в накале чувств встряхивал меня, да так, что если бы мои мозги были сливками, они бы уже сбились в масло.

– Мне хотелось хоть день прожить, как человек, а не как чмо!

«Зачем ты мне все это рассказываешь? Сама бы я, может, и не додумалась...»

– Ж-ж-женя... Ж-женя... Женя!!!

– Что?

– Перестань!

– Прости, – он отдернул руки и, прижав их к бокам, посмотрел на меня жалко, как хромая собака в промозглый день. Мне вспомнилось, что в школе он был неплохим парнем. Никогда не называл меня «жирень» или «студень», как другие мальчишки.

– Жень, это твое дело, и я не собираюсь ничего никому говорить...

– Правда?! – воскликнул он радостно, как будто даже и мечтать не мог о подобной сговорчивости, и, снова сжав меня в медвежьих объятьях, начал порывисто целовать. Мне давно хотелось мужского внимания, но как только я его получила, то поняла, что не очень-то и хотелось. Я забарахталась, пытаюсь спасти свою жизнь, но Женя то ли не замечал моих усилий, то ли принимал их за выражение восторга. Спасла меня, как ни странно, Ксения.

– Женя, кися, – она ввалилась в комнату и застыла как вкопанная.

Мне удалось отцепиться от Жени, и я оказалась на линии огня как была, без щита и забрала. Да, на владение таким убийственным взглядом следует получать разрешение. Вот только психиатрического освидетельствования она не прой-

дет. Женя украдкой подпиннул фоторамки под кровать. Не дожидаясь, когда Ксения перейдет к активным действиям, я протиснулась мимо нее за дверь. Убегая, я успела расслышать: «Ты? С этой?! Скотина! Кретин!» Кажется, я испортила их намечающееся свидание... В силу своей испорченности, Ксения, несомненно, подумает, что я это нарочно. Инстинкт самосохранения подсказывал, что пора валить.

– Мне бы домой, – прошептала я, на трясущихся ногах подковыляв к Леночке, беседующей с невозмутимой Ольгой. – У кого-нибудь есть визитка службы такси?

– Чего так рано? – спросила Леночка, но полезла в сумочку за визиткой.

– Голова разболелась.

Я вызвала машину, но забрать меня раньше чем через полчаса они не обещали. Ох, надеюсь, Ксения не станет бить меня на людях. Налив себе сока, я слушала, как Леночка продолжает нахваливать Антошу. И компьютеры сам чинит, и помаду ей выбрал тон в тон, и колечко-то подарил замечательное, вот оно, кстати, если вы вдруг не заметили. С бриллиантиком! Ольга скептически улыбалась, размышляя о чем-то своем. Я старалась не замечать доносящихся от Жени и Ксении криков.

Мои надежды не оправдались. Вернувшись в комнату, Ксения первым делом мощной, как вертолетная лопасть, рукой вдарила мне по пояснице. Пролетев вперед, я грохнулась на колени и, благодаря шелковой гладкости колготок, про-

ехалась по ковру пару метров, оказавшись прямым посреди группки пьяно шатающихся людей, убежденных, что они танцуют.

Мое появление было столь эффектным, что народ замер, ожидая продолжения. Ни жива ни мертва, как бедная овечка, я посмотрела на них снизу вверх. И снова увидела Тайру. Она возвышалась надо мной, уперев руки в боки в типичной модельной позе. На ее волосах вспыхивали разноцветные блики от новогодних фонариков, развешенных Женей для придания атмосферы.

– Упала и что? Я тоже падала.

«Тайра, на меня все смотрят», – послала я ей мысленную реплику.

– А то на меня не пялились, когда я разбросала копыта посреди подиума! Вот тебе саечка за испуг, – наклонившись, она хлопнула меня тыльной стороной ладони по нижней челюсти. – Не сдавайся! Притворись, что все так и было задумано! Порази их всех!

В этот раз она пропала в один момент, погасла, как звезда на небе, но я все еще слышала ее голос в голове: «Не сдавайся!» Еще я слышала музыку. Это была песня Бритни Спирс. В клипе ожиревшая, опухшая от гулянок Бритни танцевала у шеста. Бедная Бритни, ей тоже часто доставалось. Я почувствовала ритм песни, дрожащий в моем позвоночнике, и слегка шевельнулась. Окружающие меня люди вдруг расплылись и пропали совсем. Я повторила движение, уже сме-

лее, затем прижала руки к груди и обнаружила, что одного рукава у меня уже почти нет: петли прогрызенного платья стремительно распускались. Кажется, этого еще никто не успел заметить, но до очередного позора оставалось всего несколько минут...

Внезапно меня обуяло лихорадочное безрассудство. В трезвом состоянии я бы ни за что не решилась на такое, но сейчас все казалось вполне естественным. Да, я могу! Я смелая! Я женщина, которая сразилась с ежом и победила! Решительным резким движением я сорвала с себя остатки платья. Запуталась, но быстро освободилась. Цветные фонарики слепили, мигали то синим, то зеленым, то красным. И я начала свой безумный танец. Это было тем более нелепо, что танцевать я не умела и, прекрасно осведомленная об этом, даже никогда и не пробовала. Я двигалась по полу, как паук, а порой вспархивала, как стрекоза, радуясь движению и совсем забыв, что на самом деле я маленькая дрожащая от страха личинка. Все мысли куда-то пропали. Когда музыка затихла, еще несколько секунд я продолжала двигаться, а потом обессилено повалилась на пол.

Меня привели в чувство громкие аплодисменты. Незнакомый бородач старался до боли в ладонях.

– Bravo! Молодца!

К моему удивлению, еще несколько человек его поддерживали. Остальные стояли с длинными, ошалелыми физиономиями.

– Кстати, ты кто вообще? – спросил Женя бородача.

Загадочно улыбнувшись, бородач плеснул в Женину рюмку еще водки.

Неуклюже поднявшись, я изобразила книксен, что было немного чопорно после того, что я здесь устроила. Если я и намеревалась насладиться своими пятью минутами славы, то у Ксении были другие планы на мое время.

– Вот ты дрянь, всегда найдешь, как выкрутиться, да?

Растерявшись от внезапного наскока, я надолго задумалась, прежде чем ответить.

– Нет, – выдала я наконец.

Я не знаю, чем мой ответ так взбеленил Ксению, но она выбросила вперед руку, пытаясь ударить меня. Я отскочила, и удар пришелся по винной бутылке, которая разбилась вдребезги, после чего я поняла, что дела мои плохи и что с миром живых меня связывает тонкая-тонкая ниточка.

– Ты-ы... придушу... убью...

– Помогите! – взвизгнула я, но все стояли с такими заинтересованными лицами, как будто пришли на реслинг или вроде того.

Ксения зашвырнула в меня апельсином, а когда я увернулась, бросила уже всю тарелку с фруктами.

– Вот чертова баба! – воскликнула Тайра Бэнкс, одинокое лицо которой появилось в пространстве на манер чеширского кота.

– Ну, помогите же кто-нибудь!

Раскрасневшаяся Ксения все больше напоминала взбешенного быка. Надвигаясь на меня, она издавала страшный ревуший звук. Не хватало только пара из ноздрей. Страх за свою жизнь принудил меня проявить невиданные доселе проворство и ловкость. Я перемахнула через кресло и на четвереньках занырнула под стол. Выпрямившись на другой стороне, я увидела, как Ксения бежит ко мне, по-бычьему наклонив голову.

– Нет-нет-нет-нет! – закричала я, но рычащая, вспотевшая от ярости Ксения уже толкнула заставленный тарелками стол на меня... я поставила руки... и толкнула стол обратно. К моему удивлению, это оказалось очень легко. Стол рухнул, погребая под собой Ксению. Зазвенела посуда, забублькали напитки, выливаясь из бутылок.

– Надеюсь, мы ее не слишком сильно припечатали, – услышала я голос рядом и, повернув голову, увидела Федю.

Судя по громким воплям, Ксения была жива, полна сил и готова продолжать. Край стола прижал ее на уровне чуть ниже груди, и, бессильно сгибая в локтях руки и дергая ногами, она никак не могла освободиться. Смотреть на нее было любо-дорого: лицо заляпано салатом, в волосах запутались куриные ножки.

– Если бы не ты, она бы меня убила. Спасибо, – поблагодарила я Федю с искренним чувством.

Женя подошел к Ксении, пытаясь поднять стол, но я прервала его:

– Ну уж нет! Не раньше, чем я уйду! – и принялась шарить в груди одежды в поисках своей куртки.

– Притащилась сюда, – тяжело выдохнула Ксения. – Строила из себя... бахвалилась... сперла мужика прямо у меня из-под носа! Это при твоём-то адвокате! Ну да, ты же теперь *похудевшая!*

Задумавшись, я перевела взгляд на Тайру, которая решила явить себя целиком. Неведомым образом примостившаяся на ребре перевернутого стола, она раздавила бы Ксению окончательно, если бы, как и положено галлюцинации, не была легка, как вечерняя тень. Тайра пригрозила пальчиком:

– Если тебе справедливо указали на ошибку, признай ее. Отрицая, ты будешь ошибаться снова и снова.

– Да, пожалуй, я действительно строила из себя невесть кого, – с сожалением подтвердила я. – Но не бахвалилась. Просто пыталась не выглядеть неудачницей. Похоже, тут многие пытались, так или иначе. И посмотрите, что в итоге получилось: мы даже более убогие, чем в нашей обычной жизни.

Женя заметно напрягся, и я с досадой отвернулась от него.

– Все, с меня достаточно этого маскарада. Нет у меня никакого адвоката-иностранца. И вообще нет парня! И нет помощницы, потому что я сама всего лишь ассистентка! Я живу на съёмной квартире, где комната двенадцать метров, а кухня – семь! И еще я смотрела «Сумерки»! И мне понравилось!

Неизвестно, до чего бы я доболталась, если бы не зазвонил телефон.

– Такси прибыло. Я поехала, а то моя помощница соскучилась. То есть моя собака. То есть хомячок. Зачем я опять вру? Нет у меня хомяка!

Я помахала всем рукой, и все помахали мне в ответ – механически, как роботы. Ксения выдала очередной поток брани.

– Не забудь про походку, – напомнила Тайра. – Когда ты приходишь и уходишь, люди прежде всего обращают внимание на твою походку.

Не слишком быстро и не слишком медленно. Спина прямая, но не так, будто жердь проглотила. Бедра расслаблены, но не стоит вилять ими слишком сильно... Впрочем, чего я задумалась, тут два шага до двери. Я вытянулась во весь свой рост и пошла.

Возле машины меня настигла Ольга Кораблева. Она тронула меня за плечо и спросила:

– Можно я с тобой?

– Конечно.

В машине я часто моргала, пытаюсь сдержать слезы. ореол истончался, пропадал, и сказанное и сделанное в этот вечер с каждой минутой казалось ужаснее. Этот танец я себе не прощу до конца дней моих!

Ольга опустила окно и закурила.

– Хоть ты одна нормальная, – сказала она. – А то у всех

дачи, тряпки да кольца с бриллиантами. А мне, как ни защищаюсь в своем НИИ, сапоги на зиму купить не на что.

Я заметила, что ее рука с сигаретой дрожит, а сама Ольга, прежде казавшаяся мне совершенно трезвой, сильно нагрузилась. Сбоку можно было заметить морщинки в уголках ее глаз, что спереди не позволяли рассмотреть очки. Моя рука потянулась к ее плечу, но Ольга повернула голову, явив мне свой леденящий взор, и я отстранилась.

Она вышла из машины, не заплатив. Я смотрела, как она удаляется, кренясь на одно плечо под тяжестью пухлой сумки. Я подумала, что она была такая принципиальная в школе. Не давала списать ни одной контрольной. С тех пор утекло так много воды...

Отдав таксисту последние деньги (в ожидании зарплаты буду худеть), я доплелась до своего этажа и возле двери встретила выходящего из своей квартиры злополучного соседа в его традиционном наряде: полосатая регги-шапка, майка с Королем Львом, рваные джинсы и зеленые шлепанцы на босу ногу. Прижав к уху мобильник, он сетовал на жизнь:

– Что-то я совсем закопался. А так хочется развеяться... расслабиться... перекомпилировать ядро моей Убунты... – заметив меня и мою выглядывающую из-под куртки сорочку, присвистнул: – Девушка ушла в отрыв.

Тайры рядом не было, поэтому я не смогла сохранить достоинство и, что-то недовольно пробурчав, скрылась в своей

квартире. Рухнув на кровать, я увидела разбросанные по покрывалу коробочки лекарств, принятых мною сегодня днем, и у меня возникло страшное подозрение... «Не совмещать с алкоголем!» – снова и снова читала я, разворачивая вкладыши, пока со стоном не упала лицом на ладони...

Назавтра, прокравшись в «контакт» и жалея, что здесь нет возможности войти в режиме невидимки, я увидела сообщение от Феди.

«Ты была звезда! Ты всех сделала! Когда ты ушла, все только и говорили, что о твоём танце... Лопареву, я думал, кондрашка хватит. И ты одна была честной. Наверное, хорошо, что ты не осталась, там такое творилось. Нажрались как свиньи. Ксюшка совратила Ленкиного мужа, пока Ленка прикорнула в отключке... Ленка в итоге бросила кольцо и уехала... Антоша ее и говорит: «Ну и ладно, все равно она сама его себе купила», а потом на Ксеньку с кулаками... еле оттащили, но Ксюшка теперь хочет подавать заявление об избиении. Макс сломал щиколотку, решил спьяну показать пару упражнений. Тоже мне, атлет... Бородатый мужик так напился, что лежал трупом. Нам его домой отгружать, а никто не знает, кто он. Он, похоже, даже не из нашей школы! А Кораблева вообще учудила! Женька только к утру сообщил, что она вещей понабивала в сумку, и такова! Даже кофемолку прихватила. Еще еж куда-то пропал. Женька думает, зверь не выдержал шума и сбежал. Не пойму, зачем так психовать из-за какого-то ежа? Вот дурдомиче получил-

ся... никогда больше не пойду на встречу выпускников. Одно светлое пятно было – ты. Теперь не пропадай».

Как будто я терялась.

За оставшиеся два выходных мы с Федей обменялись тремя десятками сообщений, и я ходила по квартире сияющая, прижимая к себе «Джейн Эйр». Впервые за долгое, долгое время я чувствовала себя победительницей.

Мне удалось сохранить свое сияние, даже когда выяснилось, что видео, где я лихо отплясываю в исподнем, выложили в Интернет под названием «Пухленькая телочка отжигает на встрече выпускников». В комментариях меня ругали за то, что я недостаточно одета, и за то, что не разделась совсем. Хвалили за пышность форм, и советовали скинуть килограмм десять. «Пьяная в дупель, – сердито написал кто-то. – А потом такие рожают детей!» «Никого я не рожаю», – попыталась оправдаться я, после чего на меня набросились, обзывая поганой чайлдфри.

В итоге, потратив четыре часа на бесполезную ругань, я решила просто закрыть страницу с видео и не вспоминать о нем. Тайра Бэнкс говорила, что если бездумно принимать всю критику, что на тебя обрушивается, то никогда не достигнешь успеха, и я решила, что ее мнение важнее. После того вечера она больше не являлась мне, и порой я чувствовала, что мне сильно не хватает ее наставничества.

Глава 4: Секрет идеального свидания

Три быстротечных дня майских праздников закончились, и настал черед будней. Я выздоровела. Если бы не Роланд, без которого я вся исстрадалась, возвращение на работу повергло бы меня в депрессию. Или заставило бы снова заболеть.

– Как дела? – спросила я у Дианы.

– Хорошо, но, – ответила Диана с саркастичной улыбкой.

– То есть?

– Ты поймешь.

Я поздоровалась с подошедшей Ириной, но та, явно чем-то озабоченная, даже и не заметила. Теперь ее место было прямо напротив Дианы, наискосок от меня. Хотя Диану и Ирину разделяла стеклянная перегородка, миазмы, по сообщению Дианы, доходили.

Я открыла электронную почту, заранее расстроенная перспективой разгребать накопившийся за время больничного завал, но ничего не обнаружила, кроме стандартной рассылки с офисными новостями. Странно.

Диана коснулась моего бедра, передав под столом записку. «У нас простой, – извещала записка. – Со дня своего появления Ирина не организовала ни одного заказа».

Простой. Не такое уж редкое явление в офисе, но каждый, кто посмеет произнести это слово вслух, будет немедленно подвергнут репрессиям. Прямо табу, как в африканских племенах. Я никогда этого не понимала. Если сотрудники свободны по не зависящим от них причинам, почему бы им просто не заняться своими делами? Так нет же, только два варианта: на работе мы работаем или делаем вид, что работаем.

У всего отдела ушки стояли на макушке. Аня уже воровато шарила на сайте магазина одежды, Диана проходила тест на английском. Я раскрыла Джейн Остин и Superjob, чтобы прятать за ним Джейн Остин. За стеклом Ирина сердито щелкала клавишами. Губы ее были сжаты в тонкую-тонкую ниточку. Я забила в Интернете ее фамилию и имя, пытаюсь отыскать информацию, но нашла только пафосно составленное резюме и несколько студийных фотографий, на которых Ирина улыбалась застывшей, безжизненной улыбкой.

В 12.15 Федя написал мне сообщение: «Привет! Как дела?» Я напечатала, что сижу, ничего не делаю, хочу домой. Федя ответил, что у них, наоборот, завал, с утра уже пять вызовов – он работал в компании, занимающейся починкой компьютеров на дому у клиентов. Я посочувствовала ему. Он прислал картинку с бегущей в колесе белкой. И так слово за слово, картинка за картинкой... В какой-то момент я вдруг осознала, что за моим плечом стоит Ирина, и суетливо свернула страницу. Удивительно, но Ирина вроде бы ничего

не заметила, глядя на меня сверху вниз и улыбаясь без всякого выражения в глазах.

– Соня, хорошо, что ты выздоровела, – Ирина обращалась ко всем на «ты», подчеркивая этим, что поддерживает неформальный, свободный стиль общения.

– Спасибо.

– Но в дальнейшем постарайся не болеть. Компании это обходится очень дорого.

Некоторое время Ирина продолжала смотреть на меня и улыбаться (уголки ее губ уже начали дрожать от напряжения), затем отошла, оставив меня в недоумении. Должна ли я радоваться, что начальница интересуется моим здоровьем, или же расстроиться, что подвела компанию? Но пришло новое сообщение от Феди и отвлекло меня.

В половине второго Ирина захлопнула свой ноутбук и тихо испарилась, ни с кем не попрощавшись. Через минуту подошла Диана, вернувшаяся с обеденного перерыва.

– Все строчишь. С кем это ты?

– Да я тут с парнем начала общаться...

– Как тебя угораздило?

– Он спас меня от стола.

– Даже не спрашиваю, как это произошло.

И почему Диана убеждена, что от моей личной жизни кроме нелепостей и ожидать нечего?

С отбытием начальницы все сразу расслабились, повеселели, начали передавать друг другу конфетки. Я налила кофе

и поудобнее расположилась в кресле, сосредотачиваясь на общении. Федя рассказывал, какими глупыми бывают люди в обращении со своими компьютерами. Я поддакивала, отправляла смайлики и мучительно пыталась придумать что-нибудь остроумное, но Федя, кажется, не замечал моего косноязычия.

Хозяйка вертепа вернулась в четыре, но все уже настолько погрязли в пороке и праздности, что не обратили на нее внимания. Воткнувшись в монитор, Ирина два часа просидела совершенно неподвижно, не двигая даже зрачками. Меня это немного нервировало. Что творится в голове у этой женщины?

Без десяти шесть девчонки зашевелились, сгребая со стола обертки от конфет и подкрашивая губы перед выходом. Моя рука уже потянулась к кнопке выключения компьютера, когда телефон на столе зазвонил.

– София, подойди, пожалуйста, – услышала я голос Ирины, одновременно в трубке и из-за стеклянной перегородки.

– София, у меня маленькая просьба, – начала она, когда я подошла к ней. – Мне срочно нужен обзор заработных плат медицинских представителей. Просмотри предложения, а лучше сделай несколько звонков.

– В какой форме предоставить отчет?

– В свободной. Мне только сориентироваться. Прости, что беспокою тебя в конце рабочего дня, – у Ирины был влажный взгляд олененка Бэмби, стоящего над телом матери.

– Конечно, нет проблем.

В большинстве офисов уже не отвечали, так что пришлось довольствоваться информацией, предоставленной в тексте вакансий. Через пятнадцать минут все было готово, и, прикрепив текстовый файл к письму, я щелкнула по значку «отправить», гордая тем, что начальница обратилась с просьбой именно ко мне. Если я буду аккуратной, исполнительницей и дружелюбной, то скоро окажусь в фаворе, а там и повышение не за горами!

И тут снова раздался звонок.

– Соня, подойди ко мне.

Почему она просто не говорит погромче? Это нелепо, общаться по телефону, сидя в двух метрах друг от друга.

– Да?

– Спасибо тебе за отчет, но прежде чем отправлять документ руководству, следует привести его в цивилизованный вид, а ты просто свалила все в кучу.

– Простите, – смутилась я. – Каким вы хотите его видеть?

– Создай колонки – название компании, вакансии, требуемый опыт, оклад.

Хм. Я не знала, что следует указать и требуемый опыт... пришлось снова перерывать страницы с вакансиями. С задачей я управилась только через полчаса.

– Соня, – Ирина всем своим видом выражала сожаление, когда ей пришлось позвать меня к себе очередным звонком, – здесь у тебя зарплата указана в gross, без вычета подо-

ходного налога, да? – она ткнула в монитор перламутровым ногтем.

– Да.

– А здесь?

– А здесь чистыми, минус тринадцать процентов.

– Все должно быть в едином формате. Исправь.

После того, как я разобралась и с этой погрешностью, выяснилось, что я забыла указать данные о социальном пакете. Потом мне порекомендовали рассортировать таблицу по уровню оклада. Потом оказалось, что в таблице представлено недостаточное количество иностранных компаний. С каждым новым замечанием голос Ирины звучал все тише, а губы ее сжимались все плотнее, что делало ее похожей на старую несчастную черепаху. Я же от надежд на повышение перешла к мечтам, что меня не уволят.

– В чем дело? – с искренним участием осведомилась Ирина. – Это же совсем несложно.

Это действительно не было сложным, и я не понимала, что происходит. Почему я каждый раз упускаю столь очевидные моменты?

В 8.25 Ирина начала покашливать и выразительно поглядывать на часы, тем не менее указав на очередной мой просчет. Мне захотелось запереться в туалетной кабинке и утопиться в унитазае. А что еще, скажите, делать самому бесполезному человеку на свете? Без двадцати девять Ирина получила итоговый вариант, а я бросилась прочь, не уверенная,

что завтра мне хватит смелости снова войти в этот офис...

Тридцать минут пробежав от трамвайной остановки к автобусной в надежде, что хоть где-то что-то приедет, в десять я достигла двери моей квартиры и – угадайте, что случилось – встретила соседа. Я так часто сталкивалась с ним, что, если бы он мне нравился, подумала бы, что судьба посылает намеки. Но он мне не нравился, и, буркнув формальное «здравствуйте», я во избежание визуального контакта притворилась, что занята поиском ключей. Меньше минуты спустя сосед не нравился мне еще больше, потому что, копаясь в сумке, я подслушала крайне подозрительный телефонный разговор.

– Кого ты мне прислал? – возмутился Эрик. – Теперь заставь меня ее развидеть! Да она только в 95 году сошла бы за красотку! Сиськи каждая с ее голову! Ей что, спать на них, как на подушках? А нос? Она явно стремится в санитары леса! Сруби его! Или я сам ей его снесу! Хотя какое мое дело, девочка-то твоя!

Ошеломленная этой тирадой, я застыла как суслик, перебегающий дорогу и вдруг заслышавший шум приближающегося грузовика. Наконец заметив меня, сосед очаровательно улыбнулся:

– Привет!

После чего удалился, продолжая костерить неизвестную на чем свет стоит.

Мне было далеко до настоящей американской феминистки, но даже мне показалось, что отзываться о женщине по-

добным образом непозволительно. И что значит «прислал»? Мысли в голову приходили самые нехорошие...

В «контакте» меня ожидали пятнадцать сообщений. Я быстро просмотрела их: картинка, картинка, картинка... Я была раздражена после провала с отчетом, и мне подумалось, что отправлять картинки самый легкий способ поддержать общение. Вообще не паришься. Даже не включаешь мозги. Просто просматриваешь всякую ерунду, пока человек набирает тебе сообщение, а потом отправляешь первую попавшуюся jpeg-шутеечку вместо ответа. Хотя с каких это пор я стала такой привередливой? Неделю назад меня обрадовало бы даже сообщение «Зафиксирована попытка взлома вашего аккаунта» – вроде, хоть кто-то проявил ко мне интерес.

«Только пришла домой, – напечатала я. – Устала, как собака».

Федя как будто все это время сидел у компьютера и ждал. «Ужас какой! Кстати, вот тебе картинка с собачкой в тему! А чего тебя так задержали?»

Я вдруг поняла, что просто не могу признаться в своей неспособности составить элементарнейший отчет, поэтому ответила уклончиво: «Да работы вдруг навалилось...»

«А-а...»

Мы потоптались немного, пытаясь набрести на тему для разговора. Потом Федя прислал картинку с доктором Хаусом, что на этот раз было действительно кстати, и мы пере-

ключились на обсуждение сериалов, проболтав весь вечер. Попутно я как-то незаметно для себя умяла коробку шоколадных конфет, и стыд едва не перевесил удовольствие от разговора. Тем не менее спать я легла счастливая. Больше одиночество не окружало меня беспросветной мглой... где-то рядом загорелся маленький огонек. Федя был таким милым...

Он был милым и в среду. И в четверг. Спасибо небу, он был, а то бы я совсем рехнулась: после инцидента со злополучным отчетом мне не давали совсем никакой работы, и все мои рабочие обязанности свелись к убиванию времени в Интернете и очистке фильтра кофеварки на кухне. Федя рассказал мне про своего кота. Его звали Пельмень. Он был толстый и ленивый, потому что кастрированный. Федя обещал познакомить меня с ним, но, едва я просияла, разочаровал уточнением: «Когда-нибудь, в будущем». Путем долгих, витиеватых и неочевидных расспросов мне удалось выяснить, что Федя живет с мамой. Это меня немного расстроило, хотя бы потому, что ни один из мужчин в романах не жил на четвертом десятке с мамой. Рост Феде почти дотягивал до минимальной планки, но вот цвет волос был не тот. Я утешила себя тем, что рано или поздно все мужчины седеют и тогда становится все равно.

В одиннадцать вечера, вынося мусор, я успела заметить вышедшую из квартиры Эрика женщину с длинными светлыми волосами. На ней была раскрашенная под леопарда

юбка и зеленые туфли на безумно высоких каблуках. «Хм», – сказала я себе, стоя возле мусоропровода и чувствуя себя то ли Шерлоком Холмсом, то ли оправдомшей из «Бриллиантовой руки».

В пятницу с утра я получила от Феди картинку с плюшевым медвежонком, обнимающим тряпичное сердце, догадалась, что сегодня он намеревается быть *особенно* милым, и тут же поняла, что меня это не устраивает.

На кухне возле микроволновки я настигла Диану, зажала ее в угол и вперилась в нее умоляющим взглядом.

– Что мне делать?

– Где? Когда? С чем? С кем? Зачем?

– Мы замечательно общаемся в «контакте», один раз он мне даже звонил, но сейчас выходные на носу, а он и не думает пригласить меня!

Склонив голову к плечу, Диана насмешливо посмотрела на меня.

– Вечно ты сходишь с ума из-за ничего. Позови его сама, если тебе хочется.

– Вот еще! Приглашать на свидание – обязанность мужчины.

– Кто сказал?

– Все говорят!

– Нет, кто мужчинам об этом сказал? А то они явно не в курсе и все время чего-то ждут.

– Никогда не звала на свидание и не буду это делать.

– Тогда можешь сидеть дальше и ждать, когда тебя похитит прекрасный пират и женится на тебе посреди тропического острова.

Мне не понравилась эта подколка. Романы романами, а жизнь это жизнь. И я хорошо их различаю. Ведь правда?

– А вдруг у него какие-то другие планы?

– Тогда он так тебе и скажет. Все просто. Ладно, не грузись, весь день впереди, может, он сам тебя позовет, – Диана похлопала меня по плечу, и тут в микроволновке что-то взорвалось.

В четыре часа Федя прислал мне картинку, и я обиделась. Картинки из «контакта» не спасут женщину от одиночества. Да и что он хотел сказать мне этими играющими дельфинами с подписью «Это пятница»? Что им так весело вместе, а мне сегодня весь вечер сидеть в четырех стенах? Что даже дельфины способны завести отношения, а я нет? Что вот уже пятница, а я никому на фиг не нужна?

В пять часов, совсем отчаявшись, я начала забивать в Гугле мутные запросы вроде: «что делать если он ничего не делает». Как ни странно, многие женщины задавались тем же вопросом в той же формулировке, так же пренебрегая запятой перед «если», и в итоге я получила ответ, перейдя по ссылке на статью одного журналиста, который решил дать совет прозябающим в одиночестве дамочкам.

«Мужики устроены куда проще, чем вы, девочки, – уверял автор статьи. – Чтобы быстро обзавестись одним или

несколькими экземплярами, достаточно знать три простых секрета.

Первый: изучите компьютерные игры. Будет здорово, если научитесь в них играть, но это по возможности. Ни один мужчина не сможет устоять перед женщиной, рассуждающей о «Контр Страйк».

Второе – выучите сотню другую пошлых анекдотов, чтобы держать его в приподнятом, во всех смыслах, настроении.

И третье – вооружившись этими знаниями, небрежно пригласите объект выпить пива. Это не унижит вас, хотя бы потому, что ни один парень не откажется выпить пива. Очень быстро он обнаружит в вас идеального компаньона и поспешит повести под венец прежде, чем вы очаровали кого-то еще».

Хм. Послушать его, так все проще пареной репы и вообще непонятно, чего я сижу все эти годы одна. Ладно, попробую почитать про игры...

Игр оказалось столько, что я мгновенно запуталась, к тому же все эти английские названия были для меня дремучий лес. Даже не уверена, что смогла прочесть их правильно. Времени оставалось все меньше, и тогда я просто сбросила информацию в текстовый документ в надежде разобраться в маршрутке. Пустив текст в печать, я направилась к принтеру и увидела Ирину, рассматривающую мою распечатку с возмущенным видом.

– Чье это?

– Не знаю, – соврала я.

– Что ты делаешь возле принтера?

Я притворилась дурочкой – к счастью, у меня были для этого все данные:

– А действительно... – и испарилась.

В десять минут седьмого мне таки удалось выцапать свой текст. В восемь я трясущимися пальцами набрала из дома сообщение: «Пошли выпьем пива?» Тут я вспомнила, что Федя не пьет. «Безалкогольного пива», – уточнила я. Ответ пришел меньше чем через минуту: «Когда? Где?»

В субботу мы встретились в баре с привлекательным для каждой девушки названием «Зелененький» (Федина идея; я согласилась только потому, что жила совсем неподалеку, в соседнем квартале). Прислушавшись к совету автора статьи, я не стала обряжаться в шпильки и бальное платье и оказалась права – изнутри это достопочтенное заведение напоминало осовремененный салун Дикого Запада. Разве что блюющие ковбои не валялись под ногами. Кроме меня и вульгарно накрашенной официантки, женщин в зале не было. Расфуфыренная, я бы смотрелась так, будто здесь работаю – еще и канкан бы станцевать заставили.

Меню представляло собой крошечный ужас: жареная картошка, жареное мясо, жареная рыба, жареные луковые кольца.

– Э, а салата тут нет?

Разумеется, салата не было. Пришлось заказать креветки.

Только потом я сообразила, что, ковыряя их, выгляжу крайне неуклюже. Да еще эти их глаза... неприятно есть кого-то, кто на тебя смотрит.

Десять минут, пока не принесли пиво, мы с Федей пялились друг на друга и улыбались. «Ага, – подумала я. – Без картинок тебе и сказать нечего». И тогда начала я. Причем начала лихо, в своей манере, и почему-то из всех тупых анекдотов, которые я прочитала, готовясь к свиданию, припомнила самый тупой:

– Идет мужик по пустыне. И ему сильно, сильно хочется... ну, этого. И он видит дохлого верблюда. Думает: раз такое дело, и верблюд сойдет. Пытается он пристроиться к верблюду, чтобы... ты понял... но у него никак не получается, потому что нога верблюда все время мешает. И тут почему-то бежит голая женщина. И говорит: «Я так хочу пить! Все для тебя за воду сделаю!» А у него, я забыла сказать, была фляга воды. Он дает женщине напиться, та его благодарит, спрашивает, чего он хочет, и он говорит: «Ногу верблюда поддержи!» – выдав все на одном дыхании, я даже запыхалась. Федя сидел с каменным лицом. – Вот дурак! У него же была голая женщина! А до него не дошло! И он продолжил с верблюдом! Ха-ха?

Федя взял салфетку и аккуратно вытер губы, как будто съел что-то мерзкое.

– Совокупление с мертвым животным – это отвратительно.

– Ладно, ладно, – смутилась я. – А знаешь, что нельзя говорить женщине после орального секса?

– Что?

– По усам текло, а в рот не попало.

Федя посмотрел на меня так, как будто засомневался в моем психическом здоровье.

– А еще я играю в компьютерные игры, – быстро сказала я.

– Да? – немного ожил Федя. – И какие тебе нравятся?

Если бы я хоть одну могла вспомнить...

– Ой, мобильник вибрирует, – я начала рыться в сумочке в поисках моей распечатки.

– Соня, да вот же он, на столе лежит.

– Да-а? Тогда мне интересно, что же там вибрирует... Вот, я люблю Жи-Ти-Эй.

– Чего? А, ты GTA, наверное, имеешь в виду... Клевая игра, – Федя отпил пива. – Там можно сбивать пешеходов и даже зайти в больницу и избить битой коматозника.

– Я тоже люблю бить битой коматозников, – механически поддакнула я, судорожно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь о перенасыщенном и многообразном мире игр. – Как ты думаешь, мы делаем это в игре, потому что нам не хватает подобных переживаний в реальной жизни?

Федя вытаращил на меня глаза.

– А тебе действительно хочется избивать коматозников?

– Ээ-эм, не то чтобы очень... – я зацедила пиво мелкими глоточками, притворяясь, что слишком занята, чтобы разви-

вать тему.

– А еще какие игры ты любишь?

Вот привязался...

– Телефон... – опять нырнула я в сумку. – Проклятый магазин, так и шлет эсэмэски о распродажах...

– Соня, твой телефон все еще на столе.

– Ну и что? – возмутилась я. – Это не мешает им слать эсэмэски о распродажах. О, «До-ом 2». Моя самая любимая игра.

– «Дом 2» это не игра.

– Но он есть в моем компьютере, и я в него играю!

Мы спорили еще минут пять, когда до Феди дошло.

– А-а... DOOM 2!

– Да, «Дом».

– Это читается «Дум».

– Главное, что игра отличная, – сказала я с видом эксперта.

– Что тебе может нравиться в этой игре?!

Я задумалась, пытаюсь понять, что вообще могло бы мне понравиться в игре.

– Она спокойная такая, расслабляет.

– Тебя расслабляет массовое истребление монстров в аду?!

– У меня такая нервная работа, что после ад кажется раем, – нашлась я, что прозвучало вполне искренне – Ирина еще не показала свои рога и копыта, но пылкать огнем уже

потихоньку начинала.

– Сколько лет ты уже играешь?

– Пять, – пять лет назад я устроилась в «Синерджи», и тогда же началась моя страсть к пасьянсу «Косынка».

– Здорово, – Федя вдруг положил руку поверх моей и, приблизив лицо, доверительно сообщил: – А я гей 80-го уровня.

– Что?! – отшатнувшись, я сбила стакан с остатками пива, и оно заструилось по столу, стекая мне на юбку.

– Эльф. 80-го уровня, – повторил Федя, и на меня накатил волна облегчения.

– Это круто! Замечательно! Нет, действительно классно!

Федя расцвел.

– Никогда ни одна девушка не хвалила меня за это. Ты такая необычная.

– Они просто не понимают, сколько труда ты вложил.

– Да ты что! – всплеснул руками Федя. – Сутками сидел за компьютером! Но теперь... я встретил тебя... все усилия вознаграждены...

Посмотрев в его глаза, я увидела в них сияние, влюбленность, радость... невероятно, но статья работала.

Мы просидели в баре до полуночи. Федя заказывал кружку за кружкой. Пиво, поняла я с опозданием, оказалось не таким уж безалкогольным, но Федя отмахнулся – ладно, в такой шикарный вечер можно и выпить. С каждым глотком Федя становился словоохотливее, рассыпая непонят-

ные мне термины вроде: «абилити», «мана», «амонт», «гильдия», «крафтинг». Мне оставалось только кивать и соглашаться. Наверное, это было бы скучно (да и такая страсть к онлайн-играм тревожит), но иногда Федя прерывался и переходил на понятный мне язык: «Ты великолепна! Ты просто обалденна!» Столько восхищенных слов в свой адрес за один вечер я никогда не слышала и, когда Федя провожал меня до дома, парила над землей, едва касаясь ее каблуками.

У моего подъезда мы остановились.

– Спасибо тебе за все. Это было лучшее свидание в моей жизни.

Он сказал «свидание»!

– И в моей, – улыбнулась я и не очень-то и лукавила: собственно, кроме свидания с носатым Константином, я больше и припомнить ничего не могла, так давно мне не доводилось с кем-то выходить.

– Ты такая... такая...

Так и не найдя подходящих слов, Федя потянулся ко мне носом... я привстала на цыпочки, поднимая лицо ему навстречу... и вот наши губы уже почти соприкоснулись... и тут Федя громко икнул.

– Прости, – он зажал рот ладонью. – Пффво. Проклятое пиво, я хотел сказать. Давай еще раз...

Мы снова потянулись друг к другу, и Федя снова икнул. Момент был очевидно упущен, пришлось пожелать спокойной ночи и расстаться. Набирая код домофона, я слышала

все отдаляющиеся звуки икоты. У меня мелькнула мысль пригласить Федю к себе под предлогом «попить водички», но я безжалостно прогнала ее – такие решения надо принимать на трезвую голову.

После всего выпитого тащиться на пятый этаж было ой как тяжело. Но сосед не встретился, уже хорошо.

В воскресенье я встала на весы и обнаружила, что, судя по весу, картошка-фри осталась висеть у меня на талии, а пара куриных окорочков накрепко прилипла к заднице. Печально. После завтрака я решила устроить кефирный разгрузочный день. Почему бы и нет? Все равно так наелась блинами за завтраком, что весь день буду сытая.

Выползая из своей квартиры, я едва не столкнулась с внезапно выскочившей из квартиры Эрика растрепанной рыжеволосой женщиной лет тридцати на вид. Ее одежда наводила на мысли о работницах цирков и борделей – кружева, мини-юбка, цветные колготки и каблуки-ходули. Зато глаза у нее были как у Скарлетт О’Хара – зеленые, слегка раскосые, с золотой искоркой.

– Мальчишки, – сдув со лба завитой локон, сказала незнакомка. – С ними напрыгаешься.

Из магазина я вернулась с кексами, леденцами, шоколадкой и без кефира – я пережила стресс при встрече с непристойной женщиной, мне нужно успокоиться. И потом, сладкое – это счастье, а от счастья, говорят, худеют. Проверим, так ли это.

– Я была на свидании, – поддавшись порыву позвонить Диане, похвалилась я.

– И как оно?

– Отлично. Весь вечер говорили о компьютерных играх.

– Разве тебя интересуют компьютерные игры?

– Нет.

– Ты уверена, что это было отличное свидание?

Я была уверена. Тем более что Федя постоянно повторял, что все прошло просто супер.

Стартовала очередная унылая пятидневка будней. Ирина продолжала игнорировать меня, но теперь я была рада безделью, ведь поток картинок от Феди утроился. Ничего страшного, утешила я себя, в конце концов, при личном общении он вполне вмняемый собеседник. К тому же играющие дельфины теперь фрустрировали меня меньше обычного.

Вечером мне пришлось идти к маме, потому что я и так в прошлый раз не пошла под предлогом визита к врачу.

Бабушка к моему приходу приготовила сковородку медленно дрейфующих в жире котлет, а мама – длинную нотацию. Не знаю, что из этого нанесло моему здоровью больший ущерб.

– Время уходит, а ты сидишь и не чешешься. Что у тебя на голове опять? Срежь эти космы, ходишь, как шишига, к тебе если только какое чудо болотное пристанет. Я вот такая аккуратная девочка была... как с журнальной картинки. Хотя куда тебе до девочки, взрослая тетка, только вид не се-

рзный совсем. Ты на крема не надейся. Тебе недолго ходить свеженькой. Тридцать пять стукнет и, как я, морщинами покроешься. Так успеи поймать мужика, пока осталось хоть что-то на что ловить!

Я прокашлялась.

– Мама...

Она продолжала.

– Котлетку? – спросила бабушка.

– Спасибо, бабушка, меня и так уже тошнит, – механически ответила я. – Мама... кажется, у меня появился парень.

Если бы к нам на стол, проломив потолок, рухнул неразорвавшийся снаряд времен Великой Отечественной, это произвело бы меньший эффект. Бабушка с грохотом уронила сковородку. Мама оцепенела на пару минут. А потом они заголосили обе разом:

– Тебе придется очень постараться, чтобы удержать его.

– С подружками не знакомь. Им бы только увести мужчину, надо, надо.

– Сходи постригись. И не спи с ним сразу!

– Романы свои все выбрось, а то подумает, что ты дура.

– У тебя зуб спереди кривоватый. Поэтому улыбайся, не показывая зубов.

– Грязные ложки в раковину не бросай. Выгонит в чем есть.

Последний в линейке отличных советов исходил от бабушки.

– Хватит! – закричала я, закрывая уши руками. – Хватит!
И они замолкли, хотя бы чтобы перевести дыхание.

Мы с мамой одновременно подняли взгляд на портрет моего отца.

– Да, мама, конечно, он не столь хорош, как папа, – устало согласилась я.

В среду Федя пригласил меня на футбол. Под предлогом посещения стоматолога я отпросилась с работы пораньше, несмотря на убеждение, что теперь-то меня точно уволят. К моему удивлению, Ирина легко отпустила меня, позволив мне отработать этот час завтра с утра. Хотя чего мне отрабатывать? Я же ничего не делаю.

Обычно толпы болельщиков, переполняющие трамваи и галдящие на улице, меня нервировали, но сегодня было интересно почувствовать себя частью всего этого, пусть даже сам футбол интереса не вызывал.

– Смотри, что я тебе приготовил! – сказал Федя вместо приветствия.

Он надел на меня шапку, которая помяла мою прическу, и шарф, который скрыл мою чудесную серебряную бабочку, висящую на цепочке. К тому же я не понимала, почему я так обязательно должна носить на себе эмблемы «Крыльев советов». Сам Федя был разодет как настоящий фанат.

На стадионе очень навязчиво предлагали пиво, рыбу, соленые орехи и всю ту же проклятую картошку-фри. Я бы смогла воспротивиться соблазну, ничего не купив, но Фе-

дя затоварился по полной. В итоге матч еще не начался, а мы уже налопались как гремлины и были слегка в подпитии. Я подумала, что настало время пригласить Федю к себе на ужин. Милый домашний ужин из низкокалорийных продуктов, с фруктами на десерт. И ничего жареного!

Начался матч. Болельщики все время гудели, что делало разговоры затруднительными, и у меня появилась надежда, что в этот раз я не наговорю глупостей. Хотя неловкий момент все-таки вышел, когда нашим забили, а я, перепутав команды, радостно вскочила и закричала:

– ГООООЛ!!!

На меня зашипели со всех сторон, и пришлось оправдываться, что это я радовалась за следующий гол, который «Крылья», несомненно, забьют в ворота противника. Кстати, которые из них ворота противника? И футболисты эти все одинаковые... Впрочем, вечер был не так уж и плох, потому что каждый раз, как мяч приближался к воротам, Федя трогательно сжимал мою руку, а когда «Крылья» все-таки забили, бросился меня обнимать. Это было так по-свойски, что у меня возникло ощущение, что мы уже год вместе. Теперь я ждала победы нашей команды вполне искренне, ожидая для себя особую награду, и беспокойно следила взглядом за перемещающимися по полю облаченными в голубое фигурами. Финальная минута матча, удар и... я вскочила, протягивая Феде руки, и с недоумением увидела, что он пылко обнимается с ближайшими мужиками...

Да, все-таки футбольное поле не лучшее место для свиданий. Пока мы шли к остановке, Федя все пытался меня поцеловать, но каждый раз откуда-то раздавался крик: «Крылья – чемпионы!», и он его подхватывал, сотрясая кулаками воздух.

К счастью, я могла добраться до дома пешком, а вот Федю в автобус пришлось буквально впихивать – завершение каждого матча сопровождалось транспортным коллапсом, так как толпы болельщиков пытались разъехаться по домам. Я еще долго не могла выкинуть из головы Федино лицо, размазанное по оконному стеклу. Все же я осталась несколько разочарованной сегодняшним мероприятием, хотя не стоило ставить об этом в известность Диану.

В четверг я пришла на работу в несносную рань и увидела, что офис пуст. Даже стишок вспомнился, про мальчика, который нашел нейтронную бомбу. «Долго над шуткой смеялись в РОНО, школа стоит, а в ней – никого». Зато я могла спокойно попить кофе и почитать форум «Космополитен». Только я устроилась, как появилась Диана.

– Чего ты так рано? – спросила я.

– Да приятно посидеть, поностальгировать, как тут все было без этой сучки.

– Угу. Она вроде ничего не делает, а все равно неприятно.

– Психо-игры, – презрительно фыркнула Диана. – Анечка наша теперь, между прочим, с этой пираньей обедает.

– Зачем ей это?

– Хочет остаться в компании.

– А ты?

– Хотела бы работать с неадекватными, устроилась бы санитаркой в дурдом, – отрезала Диана. – А ты куда вчера свалила?

– Мы с Федей были на футболе.

Диана навела на меня тяжелый взгляд.

– Это неправильно, – вынесла она вердикт и отвернулась.

– Почему неправильно?

– Невозможно выстроить нормальные отношения, все время подстраиваясь. У вас все крутится вокруг его увлечений. Он как будто разговаривает сам с собой.

– Зато вчера он написал мне, что я самая прекрасная девушка из всех, кого он знал!

– Лучше бы он поинтересовался, куда ты сама хотела бы сходить.

Несмотря на мои попытки отпираться, в глубине души я была согласна с Дианой. С другой стороны, я стала гораздо счастливее с Федей. Уж лучше обсуждать футбол, чем сидеть в тишине и представлять одинокую старость.

Подошедшая Ирина молча скользнула мимо нас и, включив свой ноутбук, сухо прокашлялась. Я посмотрела на нее с тоской. Каждый выход на работу превратился в тяжелое испытание. У меня начались изнурительные приступы беспокойства и ухудшился сон. Если мне больше ничего не поручают, а значит, я не приношу компании ни малейшей поль-

зы, почему меня до сих пор не известили об увольнении? Или это произойдет сегодня? Или завтра? Дома я уже начала просматривать вакансии в сфере подбора персонала. Хотя у меня и был теперь Федя, сердце все равно скорбно сжималось от мысли, что мне придется расстаться с Роландом.

Сейчас Ирина, уже столько дней не замечавшая меня, ответила взглядом и подняла трубку.

– София, в нашей компании открылась вакансия программиста. Я перешлю тебе все необходимые данные, и приступай к подбору.

Я радостно закивала. Жизнь внезапно начала налаживаться!

Рьяно приступив к работе, еще до обеденного перерыва я подобрала пятерых достойных кандидатов, с которыми я должна была встретиться в нашем офисе. Но после обеда Ирина подозвала меня к себе, и на ее лице я прочла сомнение.

– Пожалуй, я передам эту вакансию Диане.

– Но у меня пять собеседований в пятницу и понедельник...

– Диана проведет их. Для тебя у меня есть другое задание. Ладно, не так уж и плохо.

– Наша база данных сильно устарела, – продолжала Ирина. – А ведь, как известно, именно база с контактами профильных специалистов помогает осуществлять подбор редких кадров в рекордно короткие сроки. Необходимо про-

верить актуальность имеющейся информации. Раскрываешь каждую карту, звонишь. Если контакт доступен, проверяешь данные – имя, образование, опыт работы, согласие на хранение сведений в нашей базе. В случае отказа или недоступности контакта удаляешь карту.

– Но в нашей базе несколько тысяч карт!

– А ты считаешь, масштабность задачи это повод не браться за нее?

Я прикусила язык.

– Нет, конечно, нет.

Это была невероятно скучная работа. Звонишь, уточняешь, правишь. Звонишь, уточняешь, правишь. З, У, П. З, У, П. З, У, П. Повторить пять тысяч раз. Для такой работы должны придумать роботов. К вечеру я проверила 160 контактов. Осталось всего 4984.

– Она издевается над тобой, – прошипела мне на ухо Диана.

– Но база действительно устарела.

– Твой случай это как раз тот, когда простота хуже воровства.

Вернувшись домой в самых подавленных чувствах, я увидела возле своего подъезда мальчика лет семи. У него был совершенно ангельский вид, светлые вихры, васильково-синие глаза... и сигарета в зубах. Может, разумнее было пройти мимо, но я остановилась и сказала:

– Это нехорошо.

– Твое какое дело? – огрызнулся мальчик.

– Я серьезно. Курение очень вредно для здоровья. А ты еще совсем маленький.

Мальчик демонстративно повернулся ко мне спиной и выпустил облако дыма. Мне представилось, как его детские легкие чернеют от смол и, не в силах наблюдать этот акт саморазрушения, я выхватила у мальчика сигарету.

– Дура! Отдай!

– Как ты разговариваешь со взрослыми?

– Немедленно верни! – мальчик затопал ногами, и терпение мое лопнуло. Я достаточно в своей жизни натерпелась от взрослых мужчин, еще и недоросли всякие мне будут указывать.

Схватив его за руку, я потребовала:

– Веди меня к своим родителям! Пока не отведешь, не отпущу!

– Моя мама уехала! Далеко! В Париж!

– Значит, веди меня к папе!

– И что, ты думаешь, он мне сделает? – нагло вато осведомился ребенок.

– Если ничего, так тем более, веди меня.

Минут пять мальчик молча и упорно отбивался. Убедившись, что я не сдамся, с мрачным видом повел меня к подъезду. Моему подъезду, на мой пятый этаж, к моей квартире! Нет, все-таки к соседней... Заспанный Эрик открыл дверь.

– Что такое, Деструктор? – несмотря на столь странное

обращение, эти двое были явно знакомы.

– Он курил, – пожаловалась я.

– Вот как? Ну да он взрослое семилетнее существо. Все права, тра-та-та, в том числе право быть идиотом, и если уж решил употреблять, пусть употребляет. Да, Деструктор? Есть у тебя еще сигареты, или тебе подкинуть денег?

Мальчик, почему-то называемый Деструктором, показал Эрику пачку и степенно удалился в глубь квартиры.

– Как хорошо, что все быстро разрешилось, – сказал Эрик.

Минуту я молчала, погруженная в состояние глубокого шока. Потом подобрала челюсть и набросилась на Эрика.

– Как можно быть таким безответственным со своим младшим братом?

– А он мне не брат, – Эрик задумчиво почесал подбородок. – Он мой сын.

– Чего?! Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

Я провела нехитрые математические расчеты, и моя челюсть снова отпала.

– Тебе что, было пятнадцать, когда он родился?

– Нет, пятнадцать мне только на следующей неделе исполнилось.

Почувствовал, что вот-вот сорвусь и заорю благим матом, я развернулась, ушла в свою квартиру и громко хлопнула дверью. Бесполезно с этой наглой рожей разговаривать. И такие идиоты воспитывают детей! Да у него самого еще мозги

не выросли! Кошмар! Я задумалась, не обратиться ли мне в центр защиты детей, но решила понаблюдать до воскресенья. И пусть только он...

Утром, пока маршрутка везла меня к похожему на замок офисному зданию, в котором тем не менее меня ожидали вполне себе средневековые пытки, я перебирала вчерашний разговор с соседом и все еще страшно злилась.

Едва Ирина отошла, я принялась изливать свои фонтанирующие переживания Диане.

– Мой сосед ненормальный! Ему плевать на все! Водит к себе подозрительных женщин! Да еще и ребенка заделал в четырнадцать лет! Шпана!

– Бывает, – Диану ничего не могло пронять. – Заделали, родили.

– В четырнадцать лет? Да это же девятый класс, даже восьмой!

– Школьники сейчас очень активные, – пожала плечами Диана.

– Но не до такой же степени! Я вот в школьные годы не занималась сексом.

– Учитывая твои заморочки, я бы не удивилась, если бы ты сказала, что вообще никогда не занималась сексом.

Ее шутка задела меня до глубины души. Даже губы задрожали.

– Что ты хочешь этим сказать? Что я страшная, толстая, еще какая-то не такая, и меня никто не хочет?

– Нет, – удивилась Диана. – Я просто пошутила.

– Знаю я такие шутки. Это неправда. Я занималась сексом, занималась!

– Да на здоровье, – отмахнулась Диана.

– Я ЗАНИМАЛАСЬ СЕКСОМ! – закричала я.

Повисла странная пауза. И тут я заметила неподалеку Роланда. Слегка обалдевший, он стоял рядом с каким-то высоким, по-деловому одетым человеком в очках. Оправившись от потрясения, Роланд прочистил горло и вымолвил, обращаясь к незнакомцу:

– А это наш отдел по подбору персонала, – направленный на меня взгляд обещал смерть только после длительных пыток.

– Мы обсуждали приемы... хэдхантинга², – попыталась оправдаться я, но лучше бы уж молчала.

Человек в очках взглянул на меня с игривой искоркой во взгляде.

– Пойдемте, – поторопил его Роланд и сжал губы в ниточку.

– Вечно вы с Ярославом в эпицентре сексуального скандала, – пробормотала Диана.

Я пугливо поежилась и спряталась от мрачной действительности, погрузившись в не менее мрачный процесс вери-

---

² Хэдхантинг (от англ. «охотники за головами») – одно из направлений поиска и подбора персонала, когда ценным кадрам предлагают перейти в другую компанию, заманивая лучшими условиями, высоким уровнем оплаты и т. д.

фикации базы данных. Когда я уже задыхалась и чувствовала на себе всю тяжесть мира, позвонил Федя.

– Давай в субботу посидим где-нибудь.

Я даже знала, где. В «Бочке», «Зелененьком» или «Золотом леще». Но мне хотелось, чтобы в этот раз меня поцеловали, а не икали мне в лицо. Да и сколько можно пить?

– Давай просто погуляем, – решила предложить я. – По набережной, например.

Он поддержал мою идею с неожиданным энтузиазмом.

В субботу я ждала возле спуска на набережную, одетая в легкую джинсовую куртку и светло-бежевую, призывно развевающуюся юбку. С реки дул свежий, прохладный ветер, и я расправила плечи, наслаждаясь чудесным днем.

– Какая ты красивая, – отметил беззвучно подкравшийся Федя и легонько поцеловал меня в висок, после чего я поняла, что настоящих поцелуев уже не предвидится – от него так дохнуло перегаром, что следовало бы повесить ему на грудь табличку: «Осторожно! Огнеопасен!»

– Ты опять пил?

– Да встретил вчера старого друга... посидели...

Я уныло кивнула, чувствуя, как настроение начинает портиться, и мы пошли вдоль набережной.

– Мороженое?

– Можно.

– Одно мороженое и бутылку пива, – обратился он к ближайшей киоскерше.

– А пиво зачем? – встрепелулась я.

– Да ладно, я же не водку бутылками глушу.

В его словах был резон, тем не менее мой эмоциональный уровень упал еще на пару делений.

Вышагивая по брусчатке и попивая пиво, Федя громко восторгался всем и вся – набережной, Волгой, небом, собачкой на поводке у девочки. Озираясь, я втягивала голову в плечи. Опорожнив бутылку, он предложил мне второе мороженое. Я отказалась. Тогда Федя просто купил пива. Я заметила, что он уже начал загребать ногами.

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – заявил он, не прошло и десяти минут.

– Это третья! – напомнила я, и, против воли, мой голос прозвучал раздраженно. В конце концов, я имела на это право. Он пришел встретиться со мной или пить? Хотя лучше мне не слышать ответа на этот вопрос...

Федя просунул голову в киоск.

– Да, у меня есть рубль семьдесят... вот... а вы знаете, у вас очень красивые волосы. Очень красивые. Смотрятся прямо как настоящие.

– Людям нравится, когда им говорят приятные вещи, – пояснил Федя, возвращаясь ко мне. – Давай говорить!

– Давай лучше ты поедешь домой... приляжешь на диван... поспишь, – лепетала я, но его было не остановить.

– Какая прелестная девчужка, – сказал он мамаше, заглядывая в коляску. – Покупайте ей больше красивых платьиц.

– Это мальчик.

– Не успеете заметить, как подрастет и начнет таскать у вас косметику.

– Это мальчик!

– Толпу парней очарует...

– Да отвяжитесь вы!

– Федя, – вцепившись, я оттащила его на несколько метров.

– Видела, как она улыбалась? Матерям лестно, когда хвалят их детей.

Скорее уж скалилась, и ее можно понять... Федя пошатывался, даже при том, что я держала его под руку. Какая гадкая ситуация! Пренеприятная! Теперь, главное, не думать о том, что она не может стать еще неприя... тут мне на нос капнула дождевка. Чего? Небо же было ясное?! А что еще стряется? Град? Ураган? Землетрясение?

– Переждем дождик, – перехватив мою руку, Федя поволок меня к забегаловке с красноречивым названием «Пьяный заяц».

Ну почему именно бар оказался поблизости? Почему не кафе-мороженое? Почему не клиника по лечению алкогольной зависимости?

Внутри Федя уверенно устремился к бармену.

– Пива, козел! – решительно потребовал он.

Бармен, высокомерного вида юноша с темными приглаженными волосами, поднял на него внимательный взгляд.

– Что, простите?

– Пива, козел! – Федя выразительно ударил по стойке кулаком.

Лицо бармена оставалось все таким же невозмутимым.

– Почему бы вам не выйти проветриться.

– Да ты борзеешь, нахал! – мгновенно вошел в раж Федя. –

Щас как дам в нос!

Немедленно подскочивший охранник скрутил Федины белы ручки и вышвырнул его за дверь, придав такого импульса, что Федя пролетел еще метра два, прежде чем приземлиться в лужу.

– Что это было? – вскрикнула я, выскакивая за ним под дождь.

– Не понимаю, – Федя неловко поднялся и заморгал. – Я всего лишь сказал, что мне нужен «Козел». Светлый.

– «Козел», что ли? Ты так странно ставил интонации, что никто тебя не понял! Сильно ударился? Сильно промок?

– Я без своего не останусь... вон магазин.

Я была не в силах спасти магазин от Фединогo явления, поэтому поспешила следом, недоумевая, что мешает мне просто развернуться и уйти.

– Федя, что случилось? Тебе пора остановиться! Ты уже достаточно пьян! Слышишь, я обижусь!

Схватив с полки пару бутылок, Федя с нежностью прижал их к груди. Я понадеялась, что мы хотя бы сможем выйти из магазина без историй, но мне, как всегда, не повезло. В оче-

реди у кассы перед нами стоял полицейский. Это был самый компактный полицейский, какого мне приходилось видеть, к тому же у него были типично монголоидные черты лица, и Федя не смог его проигнорировать.

– Смотри-ка, мини-полицейский, – хихикнул он. – Наверное, он ловит только мини-преступников и расследует только мелкие правонарушения.

Полицейский бросил в нашу сторону кислый взгляд и сказал продавщице:

– И шоколадку, пожалуйста. Маленькую.

– Куда ему большую, – фыркнул Федя. – Он к этой-то не знает, как подступиться.

– Не хами, – зашипела я, уже отчетливо различая блеск ярости в темных узких глазах полицейского.

– Вот к чему приводит недостаточное финансирование правоохранительных органов, – Федя разливался соловьем, постепенно увеличивая громкость. – Этот полицейский такой маленький, что ему приходится писать свое имя со строчной буквы. Он такой маленький, что когда допрашивает свидетелей, те просят его позвать отца. Он такой маленький, что для сохранения равновесия ему приходится носить пистолет в одном кармане, а патроны к нему в другом. Он такой маленький, что...

– Это оскорбление представителя власти, – подскочив к Феде, отчеканил коротышка металлическим голосом. – Просьба пройти со мной в участок.

– Простите его, он не в себе, – взмолилась я. – Вы такой сильный, такой смелый, пожалуйста, будьте снисходительны к маленькому недотепе!

Кто-то в очереди рассмеялся, а кто-то обругал нас за то, что мы всех задерживаем. Утащив в укромный угол, я долго уламывала оскорбленное правосудие, а Федя тем временем глупо улыбался в пространство и раскачивался на ногах.

– Спасибо-спасибо, простите-простите, – сказала я, выставляя Федю на улицу, где дождь успел набрать силу.

– Передавай привет дружественному нам Китаю! – радостно гаркнул Федя, и нам пришлось бежать.

Когда мы остановились, я тяжело дышала, а моя юбка была вся забрызгана грязью.

– Это отвратительно! – закричала я. – Ты напился как... как... сильно напился. Думаешь, мне нравится такое свидание?

– Но я не пью, – удивился Федя. – Я бросил.

– Все! С меня хватит! Я иду домой!

– Но я не пьян, – повторил Федя.

– Да ты еле на ногах держишься!

– Еще как держусь! Я даже могу попрыгать! Я даже могу...

Я проследила за его взглядом и закричала:

– Нет! Нет!

Но он уже перемахнул ограждение и пополз по постаменту вверх, цепляясь за выступы с обезьяньей ловкостью... и вот он оседлал статую любимца детей, страстно обхватив ее

ногами.

– О господи! Слень с Лезина! То есть слезь с Ленина! Тебе костей не собрать, если ты оттуда рухнешь!

Федя идиотски рассмеялся.

– Видишь, как я умею? Мама меня сюда часто водила... и сматывалась... а чем еще мне тут три часа было заниматься? Ленин-дедушка, – Федя нежно прижался щекой к щеке статуи. – Как же много ты для нас сделал...

– Спускайся вниз! Тут уже народ собрался! Тебя фоткают на мобильники!

– Народ? Народ! Товарищи! Землю крестьянам! Фабрики рабочим!

Кто-то в толпе со смехом посетовал на весеннее обострение. Реакция Феди была моментальной:

– Это засланник мирового империализма! Его не слушайте! Меня слушайте! Задачи партии: немедленный съезд партии! перемена программы партии! перемена названия партии! Голосуем, товарищи!

– Он с тобой? – спросил меня лысый мужичонка в толстовке, тыкая мне в лицо своим мобильником.

– Я не знаю этого человека!

– Да кто же не знает вождя мирового пролетариата! – возмутился Федя. – Пролетариата было вот сколько... – он развел руками, пытаясь показать, как много было пролетариата, но едва не упал и снова вцепился в статую. – А он всех их объединил, воедино созвал и единою черною волей сковал

в Мордоре, где... хотя о чем это я? Ленин был добрым! Он лампочку Ильича изобрел!

Толпа гоготала. Кажется, я единственная переживала, что он упадет и сломает себе шею. Вздохнув, я отошла вызвать пожарных. Ожидая их прибытия, я тоскливо поджимала озябшие пальцы в промокших туфлях. Народ потихоньку рассосался. Федя наконец утомился и повис на статуе, покряхтывая от напряжения. Дождь усилился. У меня зуб на зуб не попадал. Я не заслужила всего этого. Чего уж там, даже Ленин не заслужил. Спустя полчаса приехали пожарные и начали смеяться над Федей, а я потихоньку сбежала.

Дома я налила себе горячую грелку и легла на кровать вниз лицом, чувствуя, как внутри все дрожит после пережитых волнений. Можно предположить, что я заснула, если основываться на том, что меня разбудили. В дверь стучали настойчиво и часто, но главное – зачем, ведь есть же звонок?

– Кто там?

– Открывай, подлюга.

Наверное, уже можно было догадаться, что пришли ко мне не с лучшими намерениями, тем не менее дверь я открыла, окончательно убеждаясь в наличии у себя синдрома жертвы. За дверью меня ожидала маленькая (наверное, до звонка она просто не дотянулась) старушка, похожая на крыску – вся серенькая, одежда тусклая, носик остренький.

– Здравствуйте. Вы по какому вопросу?

– Все ты, мерзавка, знаешь, – проворчала бабулька, реши-

тельно продвигаясь в мою квартиру.

Неспешно оглядевшись, она достала из своей тряпичной сумки потрепанный цветастый зонтик. Я наблюдала за ее действиями с некоторой настороженностью – так сидящий посреди дороги голубь смотрит на приближающийся автобус.

– Если полиция вас не карает, придется мне самой, старой, братья. При коммунизме таких скверных девок не было... развелись, поганки, при новой власти!

– Бабушка, вы о чем? Вы меня с кем-то перепутали?

– Как же я тебя, гадюка, перепутаю. С сыном моим встречалась? Федей звать?

С сыном? Должно быть, он очень поздний ребенок... и, как я знала, единственный. Что, видимо, означает, что мне будет особенно сложно мирно договориться с его возмущенной родительницей.

– Да-а, – начала я, и тут она ударила меня зонтиком. – Ай!!! Что вы делаете?!

– Больно? А сердцу материнскому не больно? Два года он не пил... мать радовал... работу нашел... хороший стал мальчик... дома сидит, в игры играет... и тут ты, паскуда драная, ему встречаешься... и все!

– Слушайте, если ваш сын влюблен, в этом нет ничего...

– Как же, в любви он! В запое!

Говоря все это, старушка мелкими шажочками приближалась ко мне, помахивая зонтиком с небрежностью настояще-

го братка. Я пятилась от нее, пока не уперлась задом в стол. И тут она с воинственным кличем сделала сокрушающий ребра выпад, после чего началась сценка из ситкома, когда все бегают друг за другом и кричат, только веселой музыки не хватало. Кто-то мог бы сказать, что это нелепо, убежать от старой бабушки, но они просто не знают настоящих русских бабок, рожденных на вольном хуторе закаленными войной матерями, вскормленных настоящим молоком и свехвитаминами яблоками, затем поставивших удар локтем в советских очередях, укрепивших нервную систему в чернухе 90-х и на пенсии пробудивших в себе берсерка путем ежедневного двенадцатичасового просмотра криминальных передач.

Внезапно появившийся Эрик прервал нашу идиллию.

– Что за шум, а драки... и драка.

– Еще один разгильдяй, – рассмотрев Эрика, резюмировала старуха, подступая к нему с зонтиком, но Эрик с неожиданной легкостью развернул ее, обхватив поперек туловища, оторвал от пола и понес к двери, несмотря на отчаянные попытки пнуть его по коленям.

– Бабушка, там в магазине в конце улицы сахар продают по дешевке. Прямо-прямо, а потом налево.

Распрощавшись со своей бесноватой ношей и вернувшись в комнату, он рухнул на диван и заявил:

– Ты меня поражаешь.

Я все еще не могла перевести дыхание.

– А при чем тут я? Это все она.

– Только не говори мне, что это нормально, когда чокнутые пенсионерки лупят тебя в твоём же доме.

– Черт, я не знала, что он алкоголик... тогда, наверное, я действительно виновата.

– Если я правильно понял по отрывочным воплям, доносящимся из-за стены, алкоголиком он был до тебя, так что вряд здесь есть твоя вина.

– Спасибо, что помог мне.

– Да не за что. Люблю идиотские ситуации. Они меня забавляют.

Мы помолчали с минуту, затем я спросила:

– Как Деструктор?

– Бросил.

– Зачем ты вообще разрешил ему курить?

Эрик тяжело вздохнул.

– У него невероятно упрямый характер. К тому же его новые старшие приятели не из самых благополучных семей. Я могу втирать ему о вреде курения до бесконечности, но его друзья скажут, что это круто, и он согласится с ними, тем более что сигареты запретны и оттого ещё более желанны.

– Значит, следует ограничить его общение с теми ребятами.

– И как это сделать? Перевести его в другую школу, скорее всего, такую же по контингенту? Запереть в четырех стенах? Повесить датчик слежения на щиколотку? Начнется война не на жизнь, а на смерть. Не вариант. А так он за день наку-

рился до рвоты, теперь ему противно, и он говорит, что курят только дураки.

– Я поняла, что ты хотел сформировать внутреннюю позицию, но это прокатит не с любым ребенком.

– Когда мне было девять, со мной еще как прокатило. И своего сына я знаю.

– Где его мать?

– Мы были женаты, недолго, потом расстались. Сейчас она в постоянных разъездах.

– И поэтому ты приглашаешь к себе этих женщин?

– Каких женщин?

– Я видела... блондинку, рыжую.

Эрик рассмеялся.

– Это моя мама. Она часто меняет цвет волос. И у нее эксцентричная манера одеваться.

– Но возраст...

– Она родила меня в пятнадцать. И выглядит молодо.

– Так это у вас семейное? Ранние дети?

– Да.

– Но ты же обсуждал тогда, в коридоре... тебе прислали девушку...

– Мы с приятелем делаем на компьютере модели персонажей для одного проекта.

– Знаешь, вот сейчас с тобой разговариваю... и вроде нормальный человек. А казался таким неадекватным...

– Почему?

– Красные глаза... какие-то таблетки... ужасные компьютерные игры... и ты еще сказал мне, что занят!

– У бывшей владелицы квартиры была собака. У меня на собак аллергия, отсюда таблетки. Я собираюсь стать разработчиком компьютерных игр, а пока не стал, набираюсь знаний и берусь за любые проекты. Например, тестинг – это когда вылавливаешь в игре баги, то есть ошибки, чтобы разработчик мог их исправить. В тот период у меня был грандиозный завал. Я двое суток не спал. Уж прости, мне было не до налаживания добрососедских отношений.

Я изумленно улыбнулась.

– Как легко все объяснилось! И надо было только сесть поговорить!

– Или чтобы вредная старушенция побила тебя зонтиком. А вообще недоразумения порождает недостаток коммуникации, как было показано в «Убойных каникулах». Ты видела этот фильм? Он о том, как городские придурки приняли двух деревенских мужиков за маньяков.

– Не видела.

– Классный. Пошли посмотрим.

– Прямо сейчас?

– А почему бы и нет? Я не маньяк, честно.

– Уже поздно... а, ладно. Все равно мне не уснуть.

Его квартира, освещенная приглушенным мягким светом, в это время суток показалась мне уютной, несмотря на ее захламленность (в углу по прежнему красовалась груда нерас-

пакованных коробок, оставшихся с переезда).

– Деструктора нет, он у бабушки. Жаль, его любимый фильм.

Мы скинули на пол стопки журналов на компьютерную тематику и сели на старый, рыхлый диван. Несмотря на чрезмерное обилие мерзостей, фильм мне понравился, хотя я все же сочла, что его не стоит смотреть детям раньше четырнадцати или даже двадцати.

После фильма Эрик принес кофе и маленькие цветные зефирюшки, и, взбодренная кофеином и глюкозой, как-то незаметно для себя я выложила Эрику обо всех этих дурацких ситуациях, происходивших со мной в последнее время. Даже о моем плане наладить личную жизнь в течение года. Это все было очень глупо, но слова так и прыгивали с моего языка. Наверное, мне просто слишком долго хотелось об этом поговорить, в итоге прорвало с первым встречным. Эрик так искренне, самозабвенно смеялся, что казалось глупым обидеться. И у него обо всем было свое мнение.

– Как-то странно ты рассуждаешь. Ну найдешь ты себе мужа, и?

– Что «и»?

– Твоя жизнь сразу станет замечательной, бабочки да плюшевые мишки?

– Это слишком сложный вопрос. Не уверена, что хочу обсуждать его сейчас, – вздохнула я. – Знаешь, что самое нелепое? Я по образованию психолог.

Эрик фыркнул.

Вернувшись в свою квартиру под утро, я сразу заснула, только и успела подумать, что нам с Федей предстоит очень сложная беседа.

Вечером воскресенья, когда Эрик постучался ко мне, я находилась в растрепанных чувствах.

– Он удалил меня!

– Странно. Ты все еще здесь.

– Из «контакта»! Молча взял и удалил!

– Тогда успокойся. Его могущество не распространяется дальше «контакта». В реальном мире ты в безопасности. Слушай, я тут собрался побродить по округе. Составишь компанию?

Наверное, он сто раз пожалел, что позвал меня, потому что я всю дорогу жаловалась на свою горемычную жизнь. Впрочем, внешне Эрик недовольства не показывал. Он был такой простой, с ним было так легко. Мы летели, как два воздушных шара.

– Да, он поступил по-свински, не извинился, исчез. Тебе-то чего расстраиваться?

– Как это? У меня был парень, а теперь нет!

– Нужен тебе такой парень? Ушел и пусть, выпей кофе, забей, забудь.

– Мне нужен кто-то, – упавшим голосом призналась я.

Шедшая навстречу ярко накрашенная девушка лет двадцати смерила нас взглядом, и я вдруг задумалась, как вы-

гляжу рядом с Эриком, – я, схватившая по привычке рабочую одежду и теперь вся такая офисная, и Эрик, чьи вещи гладили разве что до того, как он их купил.

– Надо тебя познакомить с моей мамой.

– Вряд ли это решит мою проблему.

– Ты не смотри, как она одевается. Она очень умная.

– И как это поможет с моей проблемой?

– Она действительно очень умная.

– Но...

– Слушай, ты чересчур заморачиваешься, – Эрик резко затормозил, развернувшись ко мне, и я едва не врезалась в него. Ветер ерошил его светлые волосы, щеки порозовели от свежего воздуха и энергичной ходьбы. Он выглядел таким юным. Двадцать два года... прекрасный возраст. Жаль, в свое время я этого не понимала.

– Тебе легко говорить. У тебя вся жизнь впереди.

Он посмотрел на меня с искренним недоумением.

– И что? У тебя тоже.

Глава 5: Ужасный ребенок

Наши отношения с Федей были столь же неидеальны, сколь и непродолжительны, но после внезапного разрыва я обнаружила, что вокруг меня стало темнее. День за днем я тратила свою жизнь на верификацию нашей бесценной базы данных (во всяком случае, я должна была считать ее таковой, иначе мне пришлось бы признать свою деятельность совсем бессмысленной). К пятнице я обнаружила, что окончательно и бесповоротно впала в депрессию.

Полученное от начальницы приглашение на randevу не улучшило моего настроения. Направляясь в сторону маленькой комнаты для собеседований, я гадала, что такое собирается сказать мне Ирина, если для этого ей потребовалось уединение. Однозначно, это будет не признание в любви.

Ирина сразу взяла быка за рога:

– Ты не улыбаешься.

Вот уж чего я не ожидала услышать.

– Что? – я непроизвольно улыбнулась смущенной, жалкой улыбкой.

– Ты ходишь с мрачным, замкнутым видом, чего корпоративная культура нашей компании категорически не приемлет. Сотрудники «Синерджи» обязаны излучать оптимизм и дружелюбие.

Да уж, сама Ирина так и излучала дружелюбие... впору

ставить на нее желтый знак с черепом и скрещенными костями: «Опасно! Ядовитые вещества!»

Я снова неловко улыбнулась.

– Простите... извините... сейчас у меня черная полоса, и...

– У всех бывают черные полосы, – перебила Ирина. – Но это не должно влиять на твое поведение на работе. Ты никогда не добьешься повышения в должности, если не будешь следить за выражением своего лица. Самое главное для построения карьеры – производить правильное впечатление. Никогда не знаешь, когда встретишь человека, который потом тебе поможет. Сегодняшний менеджер завтра может стать начальником отдела, или даже директором, и потянет тебя за собой. Именно поэтому необходимо быть любезной, очаровательной с каждым сотрудником. Улыбка – это ключ к симпатии людей. Ты должна сиять улыбкой, даже здороваясь с уборщицей. Посмотри на меня. У меня полно проблем. Но по мне же этого не скажешь, – Ирина зверски оскалилась, и ее суховатая по причине излишней худощавости кожа натянулась на лице, ясно обрисовывая череп.

– Да, по вам не скажешь, – испуганно соврала я.

Покивав, поблагодарив и – конечно – улыбнувшись, я выскочила из кабинета, кипя от возмущения. Возможно, совет Ирины и был хорош, но тогда ей самой не помешало бы ему следовать. Я не была осведомлена, как сложились ее отношения с нашей уборщицей Ритой, но Ирина даже с нами,

сотрудниками собственного отдела, никогда не здоровалась, пролетая мимо с видом снежной королевы. И потом, я не считала себя недружелюбной. Я никогда никому не грубила, я всегда была рада помочь, и замечания Ирины оставили у меня ощущение несправедливости.

Тем не менее весь остаток дня, стоило кому-то бросить на меня взгляд, я раздражалась суетливой, испуганной улыбкой, утешаясь лишь тем, что завтра суббота и мне не придется прозябать в этой пыточной под суровым взглядом главного инквизитора.

Диана весь день искоса поглядывала на меня, лениво пощелкивая по клавиатуре (с приходом Ирины в «Синерджи» Диана нечасто проявляла усердие), а в шесть внезапно сказала:

– Пошли-ка выпьем пива.

– О... конечно!

В задымленном многолюдном баре неподалеку от нашего офисного здания место нам нашлось только за стойкой, но я все равно очень радовалась, что Диана позвала меня. До этого мы ограничивались общением на работе. Однажды я была у нее в гостях, но только в связи с выполнением общего задания для тренинга профессионального роста.

Мы заказали пиво и не начали говорить, пока не влили в себя по кружке.

– Дела у нее ни шатко ни валко, – сказала Диана. – Еще есть надежда, что ее выпрут по окончании испытательного

срока. Но это вряд ли.

На темных волосах Дианы мерцали золотистые блики, и я, наверное, в сотый раз подумала, какая же она красивая, загадочная, как чужестранка.

– Почему?

– Потому что руководство, нанявшее ее, ни за что не признает своей ошибки. Это же как сознаться в собственной некомпетентности.

– Но если она неэффективный сотрудник, это же убыточно для компании.

– Ну и что? Тщеславие и гордость отдельных людей выше интересов компании, и уж тем более наших с тобой.

– Мне никогда этого не понять.

– Хорошо. Значит, ты нормальная. А я разведываю потихоньку, смотрю вакансии. Буду претендовать на начальника отдела.

Я вздрогнула.

– Смысл оставаться. Эта сучка не даст мне подняться, а мазохистское удовольствие работать с ней само по себе меня не привлекает.

– Мне будет очень грустно без тебя, – призналась я.

– А чего грустить? Тоже уходи.

– Легко сказать. Кому нужна сотрудница, пять лет протоптавшаяся в ассистентках?

– На твоём месте я бы задумалась, нужна ли мне компания, пять лет протоптавшая меня в ассистентках.

– Наверное, я плохо работаю.

– Глупости, ты хорошо работаешь. Во всяком случае, не хуже остальных. Просто ты тихая, незаметная. Другая бы уже давно пошла к Ярославу и стукнула кулаком по столу.

– И ее бы уволили.

– И ее бы повысили. Как минимум начальник бы узнал о ее существовании. А то Ярослав в упор тебя не видит, даже после череды ваших эротических приключений.

От замечания, что Роланд не видит меня в упор, я мгновенно впала в уныние, поэтому сказала:

– А мне все равно.

Диана деловито помахала рукой, подзывая бармена.

– Еще по кружке, пожалуйста. С этим Федей у тебя все, я так понимаю?

Я кивнула.

– А что такое?

– Неразрешимые противоречия. Я бы предпочла встречаться с ним без пива, а он – с пивом без меня. Зато я, кажется, подружилась с моим соседом. Оказывается, не такой уж он и плохой.

Диана загадочно хмыкнула.

– Ничего подобного, – возмутилась я. – В этом смысле он совершенно меня не привлекает.

– Почему? Он страшный?

– Нет, он довольно симпатичный... особенно если его причесать и прилично одеть. Но он мальчишка. Да еще

успевший сделать другого мальчишку. Стабильной работы нет, образования нет, своего жилья нет, интересы более чем странные. И к тому же в нем едва наберется 175 сантиметров роста.

Диана фыркнула, выслушав поток моих комментариев.

– Не такой уж мальчишка. Всего на восемь лет младше тебя.

– Даже без прочих обстоятельств, восемь лет – это пропасть. Я не приемлю таких отношений. Мне нужен нормальный, взрослый мужчина.

– Так и этот подрастет, – ухмыльнулась Диана. – Представляешь, как это удобно, когда твой парень живет по соседству.

– Ага, а потом уже твой бывший живет по соседству... хотя о чем я? Даже думать на эту тему не хочу. Да и он мною заинтересовался не более, чем я им.

– А ты действительно им не заинтересовалась?

– Когда вчера он зашел попросить черного перца горошком, я открыла дверь с маской из голубой глины на лице, да еще и в шортах для похудения.

– Значит, действительно не заинтересовалась... ну и как шорты для похудения?

– С ними, кажется, у меня не больше перспектив, чем с соседом. Деньги на ветер, – вздохнула я.

– Ладно, допивай и пойдем. Я замоталась сегодня. И мечтаю снять эти туфли.

Я была рада, что мы ушли от скользкой темы. Обсуждение Эрика в сексуальном контексте меня очень смущало. Он виделся мне кем-то вроде старшекласника, на фоне которого я смотрелась побитой жизнью учительницей средних лет. Какая-то ментальная педофилия, бр-р.

Не успела я вернуться домой, как объект пристального внимания двух старых похотливых теток явился собственной персоной.

– Привет. Что у нас на ужин?

– Ничего... А в чем дело? – на самом деле я не очень удивилась его появлению. Эрик был из тех, кому не стоит давать палец, если вы намерены сберечь руку. После того, как он спас меня от некой сверхагрессивной старушки, он стал частым и незванным гостем в моей квартире, то и дело вдруг появляясь под различными предлогами. По правде, мне уже начинало не хватать моего уединения.

Ничтоже сумняшеся, Эрик ввалился в мою кухню и заозирался в поисках чего-нибудь съедобного.

– У тебя есть мука? Если ты сделаешь тесто, я могу напечь оладьи. Ты любишь оладьи? Деструктор обожает.

– Вы что, у меня будете ужинать?

– Да, – Эрик снял крышку с заварочного чайника и заглянул внутрь.

– А в чем, собственно, дело? – происходящее все больше напоминало рейдерский захват, и я уперлась руками в бока.

– У меня на кухне Robotron CM 1910! – Эрик улыбнулся.

ся широчайшей, сияющей улыбкой, глядя мне в глаза с таким выражением, будто только что сообщил, что Дед Мороз реально существует. – Много-много Роботронов! Один мой приятель работает в университете и, представляешь, нашел это чудо в подвале, куда их свалили словно какой-то хлам! Чудовищно!

– Кто... что такое вообще этот «Роботрон»?

– Компьютер 86 года выпуска! X86 совместимость! Мощность 600 ватт! Шикарный монохромный черно-зеленый монитор! Прелесть! Одиннадцать штук! Из них четыре работают!

– Здорово, – вяло согласилась я. – Но у тебя же есть компьютер. Цветной.

– Это другое, – Эрик раскрыл навесной шкафчик и с удовлетворенным видом извлек пакет муки.

– И что ты намерен с ними делать? Так и оставишь на кухне? – если откровенно, волновалась я не за кухню Эрика, а за свою собственную.

– Буду чинить. А потом... не знаю. Но я согласен отдать их только в добрые руки.

– Если они такие старые, не проще ли их выбросить?

У Эрика отвисла челюсть.

– А «Мону Лизу» тоже выбросить? Потому что старая? Это же история!

– Ладно, ладно, – сдалась я и полезла на верхнюю полку за миксером.

Когда дело не касалось компьютеров, Эрик был сносным собеседником. Я рассказала ему про беседу с Ириной, и Эрик рассмеялся, сказав, что эта чокнутая, должно быть, здорово развлекает наш офис. «По меньшей мере у вас всегда есть тема для разговоров за обедом». Я не могла воспринимать ситуацию столь же позитивно и еще раз порадовалась, что завтра суббота. Болтая, мы как-то незаметно совместными усилиями напекли целую гору оладьев, и я попрощалась со своей талией до маловероятных времен, когда смогу продемонстрировать чудеса самоограничения. В битве с пищевыми соблазнами я всегда проигрывала. Если еда есть, ее съедаешь. Это неизбежно.

– А где Игорек? – я категорически отказывалась вслух называть его Деструктором.

– Смотрит фильм.

– Я позову его, – после того инцидента с курением меня не оставляло ощущение, что сын Эрика меня недолюбливает.

Скрестив на груди руки, Деструктор сидел на диване и с мрачным видом смотрел в монитор (квартира Эрика была загромождена техникой, но обычного телевизора в ней не вошло). Я тоже бросила взгляд: человек в страшной маске смачно кромсал блондинку ножом.

– Ужин готов.

– Угу, – Деструктор не тратил слов понапрасну.

В дверном проеме я столкнулась с неожиданно возникшим Эриком.

– Ты посмотрела моих красавцев? Нет?! Пойдем, покажу!

Вся кухня была заставлена старыми пожелтевшими от времени компьютерами и, действительно, тут даже стакан воды можно было налить только с риском для жизни. Эрик поднял громоздкий системный блок и нежно прижал его к сердцу.

– А вот этот мой самый любимый!

Я притворилась, что не видела. И Диане еще подумалось, что я могла им заинтересоваться... да на этого парня не упадет ни одна женщина в мире!

Уже на собственной кухне (Деструктор все еще «шел») я высказалась:

– Не думаю, что ребенку стоит смотреть такие жестокие фильмы.

– Какие жестокие? Это же старый добрый «Крик».

– Все равно, – я поджала губы. – Все эти сцены насилия могут плохо отразиться на его психике.

– Чтобы повлиять на психику этого ребенка, нужен как минимум Чикатило.

Подошедший Деструктор и глазом не моргнул.

– Не рановато ли было просвещать его насчет Чикатило? – осведомилась я.

– А как тогда объяснить ему, почему нельзя уходить с незнакомыми дяденьками?

Я вздохнула, принимаясь за очередной оладушек. Какая разница, худая я или толстая, меня все равно никто не любит.

Подошедший Деструктор быстро покидал еду в рот и, сухо поблагодарив, отбыл.

– Что это с ним?

– Не обращай внимания. Современные дети такие акселераты, что у них уже в семь переходный возраст.

– Не знаю, – усомнилась я. – Он как будто злится на меня за что-то.

– С чего бы ему на тебя злиться? Только не вздумай задабривать его шоколадками и сюсюкать над ним. Он потеряет к тебе всякое уважение.

– Чтобы я не потеряла к тебе всякое уважение, выкинул бы ты эти джинсы. На них дырки.

– Это вентиляция.

– И бахрома на штанинах.

– Это дизайн.

– Перестань бросаться умными словечками. Это просто очень старые джинсы.

– Это винтаж.

Я махнула на него рукой.

Ближе к полуночи, когда я уже приняла душ и сидела на диване в халате, с тюрбаном из полотенца на голове и с пропитанными борным спиртом ватками в ушах (последняя на телефоне мои бедные ушки безбожно болели), Эрик опять притащился и сел смотреть со мной «Доктора Хауса». Моя квартира уже начинала напоминать квартиру Моника из «Друзей», куда вечно кто-нибудь вваливался. Сил гово-

ритель уже не было, и мы просто сидели в молчании, пока я не отрубилась, не дотерпев до конца серии.

Проснувшись утром, я обнаружила, что полотенце висит на спинке стула напротив, сама я укрыта одеялом, а оставшаяся после вчерашнего ужина посуда перемыта и расставлена по полкам в хаотичном порядке. Все-таки иногда Эрик был очень милым, действительно милым.

Какое-то время я слонялась по квартире, теперь уже искренне надеясь, что сосед придет и спасет меня от моего уныния, но, судя по звукам из-за стены, он в очередной раз спасал мир от опасных пришельцев из космоса. Да-а, это по-настоящему печально, когда выходные тоскливее будней.

Выпихнув себя на улицу и даже проковыляв с километр, на обратном пути я встретила (и как мне удастся все время на кого-то наткаться?) маму Эрика, волочащую за собой сияющего от счастья Деструктора. На ней был шелковый бирюзовый кардиган, под которым не угадывалось юбки, и золотистые босоножки на двенадцатисантиметровых каблучках. Пышные завитые волосы усугубляли ее сходство с куклой Барби. Я вознамерилась потихоньку проскользнуть мимо, но ее радары уже засекли меня, и она завопила, как сирена:

– СО-О-ОНЯ!

Я непроизвольно втянула голову в плечи. Случайные прохожие заозирались, решив, что случилось какое-то несчастье. И зачем вообще меня окликать? Как будто мы подруж-

ки не разлей вода и пьем вместе каждую пятницу! Наверное, нужно было отбросить гордость и спастись бегством, но на меня уже налетел золотисто-бирюзовый вихрь.

– Ты грустная! Еще что-то случилось? Или ты все еще убиваешься из-за этого идиота?

Чертов Эрик... все растрепал своей матери. Впрочем, чего ожидать от этого разгильдяя...

– Кстати о твоих сережках. Ни в коем случае не надевай их в офис.

У нее было такое серьезное лицо, что я невольно прикоснулась к маленьким золотистым колечкам, свисающим с моих мочек.

– Золото притягивает негативную энергию, а затем она курсирует по кольцу. Для вашего гадюшника тебе нужны серьги-подвески, чтобы весь негатив стекал с них. И еще тебе пригодится кулон с лунным камнем – отводит дурной взгляд. С твоей стервой самое оно, если, конечно, ты не собираешься перейти к серьезной магии.

Оглушенная потоком нелепой информации, я и слова не смогла вымолвить, а мама Эрика уже устремилась прочь, подвижная, как ручей. И я еще думала, что Эрик чересчур непосредствен... да, яблочко от яблоньки... Я даже имени этой дамочки не знаю! Как будто подслушав мои мысли, она обернулась и крикнула:

– Альбина! Но вообще меня называют Аля!

Деструктор тянул ее прочь, но она все же гаркнула с рас-

стояния в двадцать метров:

– Мы с Деструктором идем в цирк!

Надеюсь, львы и обезьянки не испугаются ее макияжа. Хотя они привыкли, общаясь с циркачками.

– Эта женщина определенно не от мира сего, – бормотала я, поднимаясь по лестнице. – И Эрик не от мира сего.

Я подумала еще, что и сама немного того, и мне стало грустно.

Вероятно, я действительно нуждалась в средстве для отвода дурного глаза, потому что в понедельник Ирина снова вызвала меня в комнату для собеседований. Войдя, я сразу поняла по ее грозovому лицу, что в этот раз провинилась по-крупному.

– Ты разговаривала с администратором, – тонкие губы Ирины подрагивали от ярости.

Я лихорадочно начала вспоминать, где, как долго и, главное, о чем мы говорили с Эвелиной, но вроде ничего криминального не было.

– Мы только парой слов перекинулись, а потом я побежала работать, правда!

– Меня не интересует, с людьми какого круга ты общаешься во внерабочее время, но, находясь в офисе, ты являешься представительницей компании. Что было бы, если б, например, клиент увидел, как ты по-свойски болтаешь с обслуживающим персоналом?! Как после этого он оценит культуру наших сотрудников и, прежде всего, нашего отдела?

После такого заявления я вдруг поняла, что мама Эрика еще нормальная. Все познается в сравнении. Ирина вот тоже будет вполне нормальна на контрасте с туземцем из племени людоедов, прокалывающим свои гениталии шипами терновника.

– Впредь, прошу, тщательнее подбирай себе собеседника...

– Но, еще на прошлой неделе, вы говорили, что я должна улыбаться даже уборщице!

– Не в буквальном же смысле, – возмутилась Ирина. – К тому же это огромная разница – формально улыбнуться низкостоящему, или же снизить до общения с ним.

– Но... но...

Я попыталась возразить, но Ирина разразилась потоком слов, смысл которых был в том, что я должна вести себя как человек, уважающий себя, и именно поэтому я сижу тут, низко наклонив голову, и выслушиваю все те гадости и глупости, которые она мне говорит. Есть люди достойные, и есть те, что расположены ступенью или двумя ниже, и вроде как все равны, хотя некоторые менее равные, и, общаясь с ними, ты опускаешься до их уровня. Кажется, где-то когда-то подобные вещи уже произошли... году в 39-ом. По-немецки.

Получив наконец дозволение уйти, я направилась прямоком в туалет, где вскоре меня нашла Диана. Я сидела на унитаза и рыдала.

– Она просто стерва!

– Без сомнения. Судя по физиономии, с которой она пришла утром, она наступила в собачье дерьмо, вылезая из своей «Субару». А потом просто отыгралась на тебе.

– Столько гадостей наговорила про Эвелину! Как можно так отзываться о людях? И с какой стати администратор – обслуживающий персонал? Посмотрела бы я на Ирину, если бы на нее валились все шишки и три телефона постоянно звонили разом! С таким высокомерием ей только быть работницей на американском юге!

– Ага, а ты бы была бедной сироткой, которую она держит в хижине для рабов... а потом началась бы гражданская война, и она бы решила ублажить твоим телом приятеля-конфедерата, но появился бы храбрый солдат-янки, который бы тебя спас, и...

– Не издевайся! Хотя я бы почитала роман с таким сюжетом... Не понимаю, как они могли взять эту женщину в компанию... и профессионал никакой, и человек отвратительный...

– Или ее кто-то прикрывает? – спросила саму себя Диана. – Какой-то бешеный садист, которому приятно наблюдать, как она отрезает голову нашему отделу, либо же кто-то, кто вообще не втыкает в ситуацию. Ярослав?

– Надеюсь, что нет, – выдохнула я.

Если мой любимый стал причиной всех этих мук, то я испытаю куда большее разочарование, чем когда мальчик, который мне нравился в детском саду, ударил меня по голове

кубиком. Я решила, что уже достаточно расстроена на сегодня, и, позвонив маме, соврала, что у меня мигрень и я не приеду.

Ключ застрял в замочной скважине, не поворачиваясь. Недоумевая, я толкнула дверь, и она открылась. Только я задумалась о домушниках, насильниках и маньяках, как из кухни вывалился вечно сияющий Эрик.

– Привет!

– Как ты сюда попал?

– Представляешь, обнаружил в своей квартире ключи от твоей.

– А... я давала Антонине Павловне запасные, на всякий случай, а потом забыла об этом.

– Это опасно. Мало ли кто мог найти ключи и забраться к тебе.

– Вот сегодня это сделал ты, – я потянула носом. – Вкусно пахнет.

– Простлый раз ты меня угощала, сегодня я тебя.

Я вошла в кухню.

– Ты испек пиццу?

– Печь пиццу я не умею. Взял на вынос в соседней пиццерии.

Мы ели под «Секс в большом городе». Эрик все время отпускал шуточки с набитым ртом, и в другое время меня бы это раздражало, но сейчас я была слишком поглощена своими офисными передрыгами.

– Слушай... у меня тут возникла одна проблема...

– Какая?

– В пятницу я уезжаю в Москву на компьютерную выставку. На один день, но с дорогой туда-обратно получается, что раньше вечера воскресенья не вернусь. Обычно мама без проблем берет к себе Деструктора, и он обожает жить у нее, но я затормозил и не предупредил ее заранее. А сегодня узнал, что на выходные она отправляется в Питер на концерт Green Day. Ей удалось добыть билеты в последний момент. Все это хорошо, но теперь мы не знаем, куда деть Деструктора.

– И? – настороженно поинтересовалась я.

– Как насчет того, чтобы он пожил у тебя?

– Я ему даже не нравлюсь.

– Да он просто дикий, привыкнет. Но если у тебя есть свои планы, то, мама сказала, Билли Джо придется как-нибудь отыграть без нее.

Конечно, у меня есть планы. Провалиться два дня под одеялом, перечитывая в сотый раз «Само совершенство» Макнот, и сожрать целый пирог, оправдываясь депрессией. Я решила промолчать об этом и насмешливо сощурилась:

– Теперь понятно, к чему эта пицца. Решил меня задобрить?

– Нет, это просто ужин. Так что с Деструктором?

– Ты так запросто оставишь его соседке, которую знаешь без году неделю? А вдруг я психованная или вроде того?

– Такая девушка как ты не может причинить кому-то вред, – с чувством произнес Эрик.

Обрадованная обращением «девушка» и напрашиваясь на дальнейшие комплименты, я уточнила:

– Откуда у тебя такая уверенность?

– Потому что выбранная тобой жертва непременно оказалась бы районным чемпионом по бегу. И пока бы ты бегала за ней с маникюрными ножницами, мимо бы проехал полный автобус японских туристов с фотокамерами, обеспечив улики против тебя в суде. А потом ты свалилась бы в канализационный люк и сидела бы там до приезда полиции. На том бы все и закончилось.

– Неправда. Почему все считают, что со мной вечно происходят какие-то нелепые истории?

– Так ведь происходят же. Еще кусочек?

– Да, что касается пиццы, но нет, что касается Игорька. Это большая ответственность, Эрик, и я не готова взять ее на себя.

– Это всего три дня! С утра я сам выпровожу его на учебу. И он очень самостоятельный, может приготовить бутерброды или омлет, тебе не придется целый день стоять у плиты.

– Мне его даже положить негде.

– Он прекрасно поспит на диване. Я принесу его подушку и одеяло. Все, что от тебя требуется, – проследить, чтобы он делал домашнюю работу, чистил зубы и спал по ночам. Разве это звучит сложно?

– Звучит – несложно.

– Значит, ты согласна?

Видимо, жир и соль усыпили мою бдительность, потому что неожиданно я дала согласие, хоть и понимала, что Деструктор далеко не так прост.

Ночью мне приснилась Ирина, которая рассуждала, что вся еда хороша, но некоторая не так хороша, особенно если это пицца и ты ешь ее на ночь.

В среду официально стартовало лето, но в моей душе царил февраль. К четвергу Эрик решил проблему со своей кухней, переместив часть компьютеров в мою квартиру. Периодически он навещался, раскручивал один из них и ползал вокруг по полу. Я не обращала на это внимания, полностью сосредоточенная на своем офисном выживании.

Базе данных не было конца и края. Наверное, в будущем я постигну дзен, но пока мне оставалось только утешать себя тем, что меня хотя бы не заставляют придавать сугробам квадратную форму или перетаскивать бревна с одной половины поля на другую. Зашуганная до такой степени, что уже и не знала, кому улыбаться, я дотянула до шести вечера пятницы и бросилась вон из Замка, опасаясь, что моя феодалка объявит преследование.

Добравшись до своей квартиры, я очень удивилась, увидев Деструктора, сидящего на моем диване и небрежно листающего «Соблазненную девственницу».

– Что ты здесь делаешь?

– Теперь я живу у тебя.

– А, точно, – лучше бы он сказал «временно» или «пока поживу», а то даже как-то тревожно.

– Секс в жизни совсем не такой. Зачем они пишут неправду?

Вот, начинается. Помнится, кто-то мне говорил, что будет несложно.

– Откуда ты знаешь, какой секс в жизни?

– Нашел у папы в компьютере... обучающее видео.

Я вздохнула. Этого Эрика убить мало.

– Ну, писательницы пытаются приукрасить действительность.

– Для тех, кто это читает, само наличие секса уже означает приукрашенную действительность.

На минуту я потеряла дар речи. Деструктор смотрел на меня холодным мрачным взглядом без тени улыбки на губах.

– По результатам исследования, – выдавила я, собравшись с духом, – женщины, предпочитающие любовные романы, как правило, успешны в личной жизни.

– Авторы этого исследования, наверное, и не слышали о статистической выборке, валидности и критерии Стьюдента.

– Э-э, – протянула я, припоминая о критерии Стьюдента только то, что мы проходили его в университете. – На ужин пюре с котлетами или вареники?

– Мне все равно.

– Все равно так все равно. Поставь, пожалуйста, книгу на

полку. И больше не трогай. Это литература для взрослых.

– Взрослые читают Маркеса и Кафку, – буркнул Деструктор. – А это ерунда для школьников.

Черт! Он меня уделал! Я еще сохраняла душевное равновесие, но затем Деструктор посоветовал, заметив тоненький томик «Познакомиться и понравиться»:

– Тебе нужна книжка потолще на эту тему.

И мое терпение лопнуло. На работе достали, так еще какой-то мальчишка будет меня шпынять!

– Игорек, нам предстоит провести выходные вместе, и я требую, чтобы ты относился ко мне с уважением.

– Ну да, – он поник. – Я обещал папе, что не буду грубить и буду тебя слушаться.

– Вот и выполняй обещанное.

– Возьми, – Деструктор протянул мне ключи от квартиры Эрика и клочок бумаги с номером его телефона.

После того, как Деструктор с пресным видом склевал свой ужин, с отвращением косясь на телевизор, где как раз шел мой сериал, я поинтересовалась, что ему сегодня задали в школе. Может, это не мое дело, но я чувствовала ответственность.

– Так лето же началось. Какая школа?

– А, да... нет, стой. Я точно помню, что Эрик просил убедиться, что ты сделал домашнее задание.

– Паршивый логико-математический лагерь, – угрюмо буркнул Деструктор, возвращаясь из коридора со своим

рюкзаком. – Весь июнь в помойку. Еще и на дом задают. За что мой отец так меня ненавидит?

– Все, лишь бы помешать тебе зарыться в гаджеты, Игрек.

– Вот тетрадь. Домашка сделана, не парься.

– Я проверю.

– Папа никогда не проверяет мою домашнюю работу. Только заглянет, сделал я ее или нет.

– А я не папа.

– Да, ты малознакомая тетя-соседка.

Я сжала губы.

– Дай мне тетрадь.

– На самом деле я не выполнил задание, – сознался он, подавая тетрадку.

– Я помогу тебе, – пообещала я.

– Мне не нужна твоя помощь.

– А я все равно помогу.

Деструктор засопел, но ничего не сказал, сгорбившись за кухонным столом.

Раскрыв тетрадь, я с недоумением уставилась на страницу.

$$1234 = 0$$

$$6758 = 3$$

$$2749 = 1$$

$$8000 = ?$$

Взяв тетрадь, я прошлась по кухне, но мой мозг отказы-

вался это понимать. Это что, уравнения? В тетради первоклассника? Я попыталась сложить, разделить и умножить, но у меня все равно не получались указанные ответы. Деструктор испытующим взглядом отслеживал мои перемещения.

– Можно мне пока отойти?

– Отойди, – растерянно разрешила я и поставила чайник на плиту – кажется, дело затянется.

Опомнилась я только в два часа ночи. Вокруг меня на столе громоздились пустые чашки, голову сжимал обруч боли, а вопрос все так же нахально подмигивал мне со страницы. Это вечер поражений, не иначе...

Пошатываясь, я прошла в комнату и упала на диван. Деструктор успел приладить к моему телевизору приставку и теперь молотил неприятеля, превращая его в кровавое месиво. Мне стало стыдно вдвойне, когда я поняла, что в одиннадцатый часов он должен был лечь спать.

– Умывайся и в кровать.

– Пять, – произнес он, не оборачиваясь.

– Чего?

– Ответ – пять.

– Почему? – страдальчески осведомилась я.

Тяжело вздохнув, Деструктор оторвался от игры и принес с кухни тетрадь.

– 1234 – нет кружков в цифрах, поэтому 0. 6758 – один кружок в шестерке, два в восьмерке, поэтому 3. 8000 – пять кружков – ответ 5.

– Да?! – я схватилась за раскаленную от мучительных умственных усилий голову. – Если ты знал ответ, почему сразу не сказал?

Деструктор пожал плечами.

– Ты так хотела мне помочь.

Он отвернулся к телевизору. Человечек на экране схватил противника и небрежным движением разорвал его напополам. Наверное, в моих глазах можно было разглядеть всю тоску мира.

– Не стоит играть в такие игры. От них тупеешь.

Выключая приставку, Деструктор кинул на меня полный леденящего сарказма взгляд.

«Еще два дня», – успокаивала я себя, кутаясь в одеяло и пытаюсь заснуть. Деструктор давно сопел, погрузившись в глубокий детский сон. Я же задремала уже на рассвете...

В субботу с утра Деструктор вел себя на удивление смиренно. Даже похвалил гренки с сыром, которые я подала к завтраку. Я предложила ему пару детских книг, которые когда-то из ностальгии купила для себя, но он отказался и, упав в кресло, начал со скучающим видом просматривать мой «Космополитен».

– Моя мама самая красивая. Она высокая и очень стройная, а еще у нее длинные волосы, как у принцессы. Вот она, – он протянул мне журнал.

В рекламе «Мэйбелин»? Вряд ли.

Деструктор все еще рассматривал журнал, и не успела я

понадеяться, что он не наткнется на что-нибудь неприличное, как он открыл статью о прелестях мастурбации.

– «Муж или душ?» – прочел он заголовок. – Ты сделала свой выбор.

Я молча отобрала у него журнал. А ведь еще совсем недавно я считала, что дети милые, наивные существа... Между той мной и этой была целая жизнь.

Стиснув зубы, я позволила Деструктору переместиться в квартиру Эрика, а сама занялась обычными делами выходного дня – стирка, уборка, глажка...

– Скучно, мне скучно, – проныл Деструктор вечером за ужином.

– Мы можем посмотреть какой-нибудь фильм.

– Только выбираю я.

Я поколебалась секунду, но решила уступить, в надежде, что это улучшит наши отношения. Когда он включил ужасник про живущих в лесу людоедов, было уже поздно отказываться от своих слов. За окном темнело, и, закрывая глаза на самых жутких моментах, я почти чувствовала, как разрушается моя нервная система. Ужасники определенно были не моим жанром. Я еще не отошла от сцены в «Сексе в большом городе», где Саманте бреет лобок другая женщина.

– Закончился. Теперь другой фильм!

Я убрала ладонь с глаз.

– Как насчет «Хроник Нарнии»?

– Но сегодня же я выбираю фильмы!

– Мы договорились только на один фильм.

– Нет, мы договорились на весь вечер, – Деструктор надул щеки, выпячивая губы, и вообще принял свирепый вид.

Я понимала, что должна проявить твердость, но ощущала такую нехватку храбрости, что впору отправляться за ней к волшебнику Гудвину. Заодно и мозги бы попросила – глядишь, жизнь бы наладилась. С другой стороны, почему я должна расхлебывать последствия попустительского воспитания Эрика? Да количество мерзостей, которые Деструктор успеет увидеть сегодня, по сравнению с тем, сколько он уже пересмотрел, капля в море.

Стартовало очередное полуторачасовое испытание для моих нервов, и я предпочла ретироваться в кухню за чаем с печеньками. Когда я вернулась, Деструктор сообщил мне невыразительным тоном:

– А у нас в квартире живет привидение. В смысле, в нашей с папой квартире.

– Шутишь надо мной?

– Нет, на самом деле. Настоящее привидение. Я слышал его голос несколько раз. Перед его появлением возникает такой странный потрескивающий звук, как статические помехи. А однажды я даже его видел.

У меня мороз пробежал по коже, но я улыбнулась:

– Все ты придумал.

– Зачем мне такое придумывать, – Деструктор сунул в рот печенье. – Говорят, в нашей квартире до нас жила бабушка.

А потом она умерла, прямо там.

По экрану метался странный ребенок-призрак с мешком на голове. Я бы не удивилась, если бы под мешком оказался кто-то, очень похожий на Деструктора.

– А Эрик знает о привидении?

Знал бы, уже бы разболтал всем на свете... Но Деструктор отрицательно помотал головой.

– Оно появляется только по ночам. А ночью папа работает, надевает наушники и смотрит в монитор, ничего вокруг не видя и не слыша.

Я всмотрелась в лицо Деструктора, пытаюсь понять, что кроется за его рассказом. Такая нежная кожа, светлые, пшеничного оттенка волосы. Очаровательный ребенок – с виду. И очень похож на Эрика, прямо одно лицо. Деструктор пил чай и смотрел фильм, как будто уже забыл, о чем мы говорили.

– Если ты его видел... каким же оно было? – неуверенно поинтересовалась я.

– Да просто как пятно или поток света. Белого такого. Потом посмотрим «Проклятие»?

Казалось бы, я достигла самых недр ужаса, но «Проклятие» заставило меня взять лопату и копать глубже. Притворившись, что мне скучно, я спряталась за книжкой, а потом и вовсе сбежала в кухню, но к тому времени злые японские привидения навсегда отпечатались в моем сознании.

Вторую ночь мне было не до сна, и я ворочалась с боку на

бок, терзаясь опасением, что к моей кровати бесшумно ползет мертвая лохматая женщина, цепляясь за ковер сизыми пальцами с отслаивающимися ногтями. Только мне удалось задремать, как жуткий хриплый голос моментально пробудил меня и заставил поставить рекорд по прыжкам в высоту из положения лежа.

– Он голоден.

– А?! Что?!

Деструктор прокашлялся.

– Мой мобильник разрядился. А зарядка в нашей с папой квартире, возле компьютера.

– Ты был там сегодня, мог бы и забрать. В любом случае зачем тебе зарядка посреди ночи?

– Я забыл взять ее. Вдруг папа позвонит утром? Нет, она нужна мне сейчас. Я схожу.

– Иди спи дальше, я сама схожу, – вздохнула я. – Только скажи мне, где она.

Прямо в пижаме я вошла в соседнюю квартиру и слепо зашарила по стене в поисках выключателя. Нащупав, я нажала на кнопку, но свет не зажегся. В комнате свет тоже не работал. Странно... лампочки, что ли, перегорели одновременно?

Чертыхаясь и спотыкаясь о всякий компьютерный хлам, я пробралась в кухню и включила свет там. Немного его проникло в комнату, и я решила, что мне будет вполне достаточно. Возле компьютера зарядки не оказалось. Обшаривая

плоскости, я вспомнила историю Деструктора, и мне снова стало не по себе. Ладно, забудь, глупости все это.

Я нашарила зарядник на заваленном книгами журнальном столике и вдруг услышала: тихий шорох, словно кто-то потряхивал жестянку с гречневой крупой. Звук доносился из-под потолка, постепенно набирая громкость. Теперь я уже могла различить в нем дыхание... частое, прерывающееся дыхание. Мое сердце тяжело стукнуло о ребра, и я бросилась вон из комнаты, на выходе из квартиры забившись о дверь, не сразу соображая, что она открывается внутрь, а не наружу.

В собственной квартире я торопливо заперлась на ключ, как будто истинное привидение могли остановить замки, и жадно задышала, пытаясь выровнять дыхание.

– Все в порядке? – незаметно подкрался ко мне Деструктор.

– В полном.

– А где зарядка?

Если бы я знала, куда я ее зашвырнула...

– Там свет не работает. Я не смогла ее найти. Придется тебе подождать до утра.

В ванной я выпила воды из-под крана и посмотрела на себя в зеркало. С таким бледным лицом я сама сошла бы за призрака. В четвертом часу ночи, после выпитых украдкой пары глотков коньяка, я заснула с включенным ночником.

С утра мое ночное приключение уже не казалось таким жутким. Померещилось, с кем не бывает (тогда с ежом мне

тоже много чего подумалось), хотя я укрепились во мнении, что ужасики, особенно японские, вредны для психики. Деструктор старательно изображал из себя маленького ангелочка, что, несомненно, тяжело ему давалось, и я простила ему сомнительные шутки про душ и критерий Стьюдента. Неизвестно, сколько бы продлилась наша идиллия, если бы Деструктор не задал вопрос:

– Ты же его слышала? Вернее, ее, это она.

– Никого я не слышала, – я отвернулась к раковине, вдруг исполнившись непреодолимого желания помыть посуду.

– Ты была испугана, когда вернулась, я заметил. Видишь, привидение существует, – Деструктор произнес последние слова почти с торжеством.

– Кстати, мы совсем забыли зарядить твой телефон.

– Я схожу. Дай мне ключ.

– Я сама. Все равно собиралась лампочки поменять, – не пускать же ребенка туда, откуда сама вчера сбежала в ужасе.

В дневном свете квартира выглядела обжитой и даже по-своему уютной, только прибраться бы не мешало – вроде и не было грязно, но все эти журналы, книги, диски и извлеченные из роботронов перевитые проводами внутренности, казалось, кричали: «Найди нам место!» Привидение... Вот я идиотка! Я подняла с пола зарядное устройство и сунула его в карман. Притащив с кухни стремянку, поменяла лампочки, но и новые отказались работать. Может, с проводкой что-то не то? Где-то замкнуло? Оставив эту проблему Эри-

ку, я вернулась к себе.

День продолжался ни шатко ни валко, главное, обошлось без фильмов ужасов. Эрик должен был вернуться к одиннадцати вечера. Осталось только дожидаться его. Но проклятое привидение не оставляло меня в покое, продолжая громыхать в моей голове. Теперь я понимала лихорадочное стремление героев страшных фильмов пойти и посмотреть, что там. Может показаться, что дело в глупости, но причина в извечном человеческом оптимизме: ты почти уверен, что там ничего нет, и все, что тебе нужно – окончательно в этом убедиться и успокоиться. Да, привидения не было днем, но разве Деструктор не упоминал, что оно появляется только по ночам?

– Боишься? – подначил Деструктор, заметив мою нервозность.

– Мне тридцать лет. Стану я переживать из-за всякой ерунды.

Тридцать лет. Обмен веществ замедляется. Упругость груди снижается. Вероятность родить Дауна возрастает. Если вообще успеешь кого-то родить. Божже мой, такое ощущение, что люди скоро начнут тыкать в меня пальцами. Мне нужно купить обручальное кольцо и носить его для введения окружающих в заблуждение. Хотя чего там: у меня обреченно-унылый вид типичной одиночки. Люди сразу обо всем догадаются. Они начнут шептаться: «Смотрите, она носит обручальное кольцо просто так!»

... нет, я не переживаю из-за всякой ерунды. У меня нет на это времени.

– Если ты такая смелая, тогда принеси мой DVD с баку-ганями, – продолжил Деструктор.

Я понятия не имела, кто такие бакуганы, но решила воспользоваться представившейся возможностью прояснить ситуацию. И лучше до наступления темноты.

Решительно шагнув в «нехорошую» квартиру, я все же ощутила некоторую робость, когда Деструктор тихо прикрыл за мной дверь. Тусклый сумеречный свет просачивался сквозь занавески, окрашивая комнату в серые тона. После переезда Эрика она приобрела совсем другой вид, и теперь воспринималась как место, где всегда жил Эрик. Как будто никогда и не было Антонины Павловны с ее маленькой кудрявой собачкой. Хотя, если верить Деструктору, дух моей соседки еще витает здесь. Впрочем, даже если это так... при жизни мы были с ней в неплохих отношениях, почему они должны измениться к худшему после ее смерти?

Мне показалось, что на меня повеяло холодом, но это было самовнушение, не иначе. Объективно же ничего не происходило. Я взяла диск с компьютерного стола и, чтобы потянуть время, сложила журналы на столике в аккуратную стопку. Решив, что уже достаточно долго ничего не случается, я направилась к выходу.

Вот тогда снова возник *звук*. Тот самый, шелестящий. В этот раз шум нарастал стремительно, и вскоре к нему до-

бавилось непонятное грохотание, напоминающее звук разбивающейся кафельной плитки. Мои глаза широко раскрылись, а ладони неосознанно накрыли часто бьющееся сердце.

– Не оборачивайся, – прошептала я себе, как очередная глупая героиня очередного глупого фильма ужасов, и – разумеется – обернулась.

Раздался страшный голос, как будто усиленный мегафоном, и я мгновенно узнала Антонину Павловну:

– ЗАЧЕМ ТЫ ЗДЕСЬ?

И затем я увидела, как занавеска плавно выпячивается, выдувается пузырем, обрисовывая человеческий силуэт... Вспышка яркого света ударила мне в глаза... Я заорала во всю глотку, выбегая, опять стукнулась о дверь, да так, что аж дух вышибло, справилась с ней и запрыгнула в свою квартиру, продолжая визжать до тех пор, пока у меня не закончился воздух в легких.

– Это правда!!! Там привидение!!! Игорек! Игорек?!

Он не отвечал. Я обежала всю квартиру. Его мобильник лежал на кухонном столе, но самого Деструктора нигде не было. Поначалу я, конечно, предположила, что его украло привидение. Потребовалось не менее пяти минут панической беготни по квартире, чтобы до меня дошло, что привидение вряд ли догадалось бы переодеть его из домашних шорт в джинсы.

Я выбежала во двор, но не нашла Деструктора и вернулась в квартиру. «Без истерик, без истерик», – сказала я себе, хотя

уже была в истерике, и, не сразу отыскав записку с номером Эрика, дрожащими пальцами набрала нужные цифры.

– Эрик?

– Да? – его голос был едва различим среди шумов.

В этот момент я поняла, что вот-вот разрыдаюсь. Потерять чужого ребенка! Как можно было попасть в такую ситуацию? Вот уж правда, у меня все всегда наперекосяк!

– Игорек пропал!

– В смысле?

– Он убежал! Я начну его искать!

– Скоро буду. Но не раньше, чем поезд прибудет на вокзал, ты понимаешь.

Хотя бы не набросился на меня с криками... Схватив ключи, я выбежала на улицу.

Час спустя Эрик, выпрыгнувший из такси, увидел меня, безудержно рыдающую на лавочке у подъезда. На улице уже совсем стемнело. Когда его желтые кроссовки возникли в поле моего зрения, я подняла голову.

– Я... в-все... об-бегала... его н-нигде н-нет...

Склонившись надо мной, Эрик положил ладони мне на плечи.

– Слушай, тебе не стоит так нервничать. Ничего с ним не случится. Отправляйся домой, а я найду его.

– Он такой м-маленький...

– Да удаленький. Я же говорил, на этого ребенка если только Чикатило...

– Не повторяй эту ужасную шутку! Это не смешно! – из моих глаз пролились целые потоки слез.

Эрик встал, и я вцепилась в его руку.

– Я с тобой!

Он кивнул. Хорошо, что есть кто-то, способный сохранять спокойствие. Эрик, кажется, знал, где искать, уверенным шагом свернув в сторону улицы Пугачевской.

– Когда мне было шесть или семь, я решил махнуть в Суздаль.

– Зачем?

– Там жил мой друг из Интернета. Я пробрался в поезд и проехал зайцем, поскольку никто не мог представить, что такой маленький ребенок едет без родителей. Потусил день с приятелем, отправился обратно. Было весело.

– Твоя мама, наверное, с ума сошла.

– Да, но не удивилась. Это ее гены. Однажды с подружкой они построили плот и отправились в плавание. Плот затонул посреди реки, пришлось возвращаться на берег вплавь. К тому времени они уже были далеко от города. Она была сумасшедшей девчонкой. Все обожали ее, особенно мальчишки. Узнав, что беременна, она поссорилась с матерью и рванула из родного Львова в Киев. И ничего, устроилась.

– А как ее занесло в наш город?

– Куда ее только не заносило.

– А твой отец? Где он живет?

– Я его не знаю. Собственно, моя мама тоже его не знает.

Несмотря на то, что все это время я спешила изо всех сил, тут я встала как вкопанная.

– В смысле?

– У нее несколько возможных вариантов.

– Неужели она не смогла определить хотя бы по внешнему сходству?

– В то время ей нравились блондины, поэтому – нет.

Я поджала губы в молчаливом осуждении. Удивительно, что Эрик относится к этому так легко. Хотя, что вообще его грузит?

Мы поднялись на третий этаж торгового центра, в кинотеатр, и посмотрели расписание сеансов. Крутили «Сумерки 3».

– Нет, здесь его точно нет. Проверим еще несколько мест. Что вообще у вас произошло?

– Даже не знаю, как рассказать...

– Используй голос и словарный запас, – Эрик заглянул в магазин видеотехники на первом этаже, но Деструктора внутри не было. Голос из громкоговорителя извещал, что через десять минут магазин закрывается. Уже так поздно... если мы не найдем Игорька, как потом я смогу жить с этим?

Пока я рассказывала, моя голова опускалась все ниже. Сказать по правде, я сама едва могла поверить в тот бред, который я от себя слышала.

– Не было никакого привидения, – резюмировал Эрик. – Ты стала жертвой жестокого нае... накола. Вот мерзавец. На

его месте я бы сделал все, чтобы я себя сейчас не нашел. Ибо получит по полной программе. Я взял с него обещание вести себя хорошо, однако я как-то не подумал о том, что следует также взять обещание не устраивать мистификаций.

– Но там действительно происходило что-то жуткое... лампочки не работали...

– Один щелчок тумблером на щитке.

– Эти странные звуки откуда-то сверху... и Игорька не было в тот момент в комнате.

– Достаточно поставить эти звуки на звонок телефона, спрятать телефон... да хотя бы в вентиляционное отверстие, и позвонить, когда ты будешь на месте.

– Но я видела силуэт за занавеской. И свет.

– Деструктор недавно вклеил мячом в окно, и теперь в стекле трещина. Если ветер дует в нашу сторону, занавеска раздувается, как слизняк. Ты об этом?

– Да... Но тот внезапный свет...

– Уличный фонарь за окном зажегся.

– Но я даже слышала голос своей умершей соседки!

– Ты уверена, что это был ее голос? Он мог взять запись из Интернета или срезать с какого-нибудь фильма, а потом ты со страху «узнала» ее.

– Ох... может быть... Неужели я такая дура? – сокрушенно проямлила я.

– Ты не дура, но иногда бываешь чересчур доверчивой.

– Меня разыграл семилетний ребенок!

– Ну, если тебя это утешит, это ребенок, который в четыре года поставил мне пароль на bios. А в шесть, когда я отрубил ему Интернет, крякнул залоченный соседский Wi-Fi. Ты же знаешь этих современных детей. Они еще ходить не научились, а уже залогинились на сервак Metal Gear и всех там сделали, включая тебя самого.

Я не поняла полностью, что он сказал, но уловила суть и грустно кивнула. В «Мире Пиццы» мы прошлись вдоль столиков и расспросили официантку. Нет, светленького мальчика она не видела. Эрик стал заметно серьезнее.

– Я вот думаю, зачем он это сделал?

– Чтобы потрепать мне нервы, наверное, – предположила я.

– И откуда такая неприязнь?

– Не знаю.

Наконец в темном подвальном помещении игрового клуба мы нашли его. Оглушенный огромными наушниками, Деструктор даже не пошевелился, когда Эрик позвал его.

– Не прикидывайся, что ты меня не заметил. Поднимайся и идем.

– Сначала я разгромлю «Пантеру», – упрямо возразил Деструктор.

Терпение Эрика лопнуло, и, перегнувшись через Деструктора, он быстро нажал несколько клавиш. Танк Деструктора громыхнул и превратился в облако огня и дыма.

– Game over. Сворачивай в трей свои обижульки и шустро

топай домой.

Волоча за собой недовольно гримасничающего Деструктора, Эрик с каменным лицом расплатился и поднялся на улицу.

– Привидение заставило меня сделать это, – захныкал Деструктор.

– Может, я и похож на идиота, но не суди меня по интерфейсу. Ты поступил отвратительно! С какой стати ты решил, что можешь издеваться над Соней? Я в ярости, слышишь? Не надейся, что тебе все легко прокатит. Месяц никаких карманных денег! И никакого «Мортал Комбата»! – Эрик перечислял наказания, но в его голосе слышалась неуверенность, как будто делать это ему приходилось нечасто.

– А ты... ты оставил меня с этой... silly woman³!

– Зато ты был хорош, умник.

– She is a dork⁴! – закричал Деструктор, показывая на меня пальцем.

В этот момент я меньше, чем когда либо, жалела, что не знаю английского.

– Если ты используешь язык, который она не понимает, это никак не отменяет того факта, что ты хамишь.

– Stupid hoe⁵! – в запале выдал Деструктор, и Эрик тоже

---

³ Silly woman (англ.) – глупая женщина.

⁴ Dork (англ.) – глупый или глупо выглядящий человек, придурок (Деструктор гнет свою линию).

⁵ Stupid hoe (англ. слэнг – “stupid whore”) – опять-таки интеллектуально нераз-

начал кричать:

– Это еще что?! Больше никакого рэпа! Он тебя хорошему не учит! Завтра же берешь свой плеер, читалку, телефон, нетбук, ноутбук, 3DS, iPad и PSP и трешь отовсюду эту гадость! И учти: внешний жесткий диск я тоже проверю!

– Я не хочу, чтобы ты ходил к этой... этой... – Деструктор окончательно запутался, пытаясь подобрать для меня подходящую характеристику и при этом не вызвать очередную вспышку отцовского гнева.

– А при чем тут я? – спросил Эрик. – Чего я такого делаю? Это ты довел человека до истерики. На следующей неделе будешь читать...

– Чтением не наказывают, – машинально вставила я. Вынужденная быть свидетельницей этой некрасивой сцены, я чувствовала, как у меня горят щеки.

– Еще как наказывают! Это единственная причина, по которой у него по литературе «5». Вот пусть теперь прочтет словарь синонимов от корки до корки!

– Я хочу, чтобы мама вернулась, – сказал Деструктор и вдруг громко, совсем по-детски, заревел.

Все это время отчаянно жестикулирующие, руки Эрика вдруг повисли вдоль тела.

– Мама работает. Она не может вернуться.

– Я читал, что моделью работают недолго! Скоро она закончит карьеру и приедет к нам! – в голосе Деструктора зву-

чала такая отчаянная надежда, что я вся сжалась от боли.

Эрик тоже как будто съежился.

– Ты не должен встречаться с этой! – Деструктор выразительно мотнул головой в мою сторону. – Подожди маму!

Эрик опустился на колени, чтобы его лицо оказалось вровень с лицом Деструктора, и обнял его.

– Все гораздо сложнее, и...

– Нет, все просто, – заплакал Деструктор.

Я была здесь лишняя. Отойдя и украдкой наблюдая за отцом и сыном, я отчего-то ощутила такое одиночество, точно я была капитаном погибшей ракеты, дрейфующим в открытом космосе без надежды вернуться на родную планету. Деструктор, затихая, опустился лицом на плечо Эрика, и тот что-то прошептал ему, похлопывая по спине. У меня мелькнула мысль, что, если бы я родила ребенка в пятнадцать лет, сейчас он был бы уже вполне взрослый. У меня был бы друг или подруга, близкий человек, собеседник, надежда на будущее. Я бы не спала по выходным до двух часов дня, потому что никому не нужно, чтобы я проснулась, и не заводила бы беседы с плюшевым смешариком, тайно надеясь, что он мне ответит. И не покупала бы в магазине яблоко, две сосиски и половинку черного хлеба, мучимая параноидальным ощущением, что все вокруг понимают, что я одна, и про себя насмеются надо мной без тени сочувствия. Может, я бы даже перестала носить рваные колготки, перекручивая их так, чтобы спрятать в туфлях бегущие от пальцев стрелки, и за-

шила бы наконец эту ужасную дырку в подмышке моего домашнего свитера.

До дома мы дошли в полном молчании. Однажды мимо нас прогрохотал пустой, припозднившийся в депо трамвай. Деструктор держал Эрика за руку.

В первом часу ночи в мою дверь тихо поскреблись.

– Входи.

Я сидела на кухне в розовом халате и с блестящим жирным кремом на лице, но после сегодняшнего мне уже не могло стать перед Эриком еще неудобнее.

– Он уснул, – вид у Эрика был совершенно убитый.

– Чаю?

Эрик кивнул, усаживаясь напротив меня. Поставив перед ним чашку, я сказала:

– Прости меня.

Он замотал головой.

– Нет, это ты меня прости. Представить не мог, что он сотворит такое. Но, похоже, я вообще его не очень хорошо понимаю, если за все это время не заметил, что он скучает по матери. Хотя... за последние два года он ни разу не вспоминал о ней вслух.

Я принесла журнал.

– Это она?

Эрик едва глянул.

– Да, это Жанна. Она довольно известна сейчас.

– Как ты умудрился с ней познакомиться?

– В школе, когда мы с мамой переехали в этот город. Жанна была моей одноклассницей.

– Наверное, она была самая красивая у вас в классе.

– Нет, самая высокая, а балдели все от малютки, в которой было едва ли полтора метра, – усмехнулся Эрик. – Вскоре мы с Жанной начали гулять вместе. Так, ничего серьезно-го. Она могла говорить только о косметике и шмотках и как она станет звездой, а я только о компьютерах. Так и болтали одновременно, никто никого не слушал. А потом внезапно заткнулись и заделали Деструктора. Вот свезло, так свезло. Один выстрел, и сразу в яблочко.

Родился Деструктор, памперсы, пеленки, бутылочки, всякие такие дела. Мы с Жанной поженились, хотя это было зря. Я был глупым подростком. Мне казалось, я знаю все, но у меня было не так много жизненного опыта. Но я старался, правда. Я бросил школу в десятом классе и начал работать фрилансером. Это было удобно, потому что я был все время дома и мог заниматься ребенком.

Два года мы с Жанной то ссорились, то мирились. Потом она сказала, что едет в Москву, исполнять свою мечту, пока ее время не ушло. Я сказал: вперед, исполняй. И она уехала. Потом приезжала несколько раз, последний – года три назад.

– Ты так спокойно отпустил ее? – поразилась я, глядя на Эрика широко раскрытыми глазами.

– Она хотела уехать – и уехала, – Эрик пожал плечами. – Как моя мама говорит: никого не держи, ни за кем не бегай.

Твои люди всегда будут рядом.

– Но бросить маленького ребенка... потакая своим эгоистичным желаниям...

– У нее были другие приоритеты.

– И что? – возмутилась я. – Это ее не оправдывает. Она совершила омерзительный, бессердечный поступок. Она хотя бы присылает тебе денег на его воспитание?

– Она всегда была ужасная мотовка. Ей самой периодически требуется материальная помощь.

– Чудовищно. Это ваш общий сын, а она, фактически, сбросила его на тебя.

– Ну и что? Я люблю Деструктора, – Эрик смотрел на меня ясными синими глазами, не ведающими зла. – У нас все равно бы ничего не получилось. Если бы мы остались вместе, мы развелись бы даже раньше, чем четыре года назад.

– Это была ее инициатива?

– Да, ей сказали, что раннее замужество повредит ее карьере.

– И ребенок тоже.

– И ребенок. Все же я не понимаю. Я вырос без отца и ни на минуту не чувствовал себя ущемленным. Что происходит с Деструктором? У него есть я. У него есть лучшая бабушка в мире. Может, я делаю что-то не так?

По моему мнению, Эрик многое делал не так, но вслух я сказала не это:

– У тебя не было отца. А у него нет матери. Это совсем

другая ситуация.

Мы помолчали. После этого разговора я начала лучше понимать Эрика. Вполне возможно, под оболочкой юного компьютерного задрота пряталась личность, способная испытывать глубокие чувства. Мне вспомнилось, каким безмятежным выглядит Деструктор, находясь рядом с ним. Пусть педагогические приемы Эрика и кажутся странными, но он, скорее всего, воспроизводит манеру воспитания матери и, объективно говоря, получился у нее довольно неплохим человеком.

– Мне пора. Я с ног падаю, а послезавтра сдавать проект, – решил Эрик.

– Да, кстати... твои ключи.

– Оставь себе. На всякий случай. У меня есть дубликат.

Я посмотрела на часы. Господи, завтра на работу, а я за все выходные ни разу не выспалась.

Во вторник я встретила Деструктора, одиноко стоящего посреди песочницы.

– Как дела? – спросила я.

– Здорово. Замечательно. Великолепно. Волшебно. Чудесно. Потрясающе.

– Игорек, у меня ничего нет с твоим папой. Он мне не нравится и никогда не понравится как мужчина, только как друг.

– Возьми вот это, – Деструктор протянул мне руку.

– Что это? – я повертела в пальцах клочок бумаги, выкра-

шенный черным фломастером.

– Это черная метка. Потому что ты мне тоже никогда не понравишься. А мама вернется. Они с папой снова поженятся, и у нас все будет хорошо.

Я улыбнулась ему – искренне, но не ожидая улыбки в ответ. И в тот момент моя депрессия оставила меня. Я отчетливо поняла, что у меня нет причин ходить грустной. Что я потеряла – всего-то обильно пьющего парня, не способного спокойно пройти мимо памятника Ленину, да еще и с ужасной мамашей в придачу. В мире, где случаются потери, действительно разбивающие сердце.

Глава 6: Чуткие уши Вселенной

К середине июня лето окончательно вступило в свои права, и даже в нашем скучном офисе началось цветение: сотрудницы сменили опостылевшие блузки и классические брюки на яркие платья. Преобразилась даже Ирина – прекрасная и стройная в своем голубом дизайнерском сарафанчике, она смотрелась бы очаровательно, если бы догадалась сменить выражение лица. Только Диана осталась неизменной – все те же синие, черные, темно-серые цвета и облегающий фигуру покрой, делающий ее похожей на шахматную фигуру.

Аню повысили – она стала координатором (с сохранением прежнего уровня зарплаты, так что достижение сомнительное). Она продолжала обедать с Ириной и дистанцировалась от нас, хотя раньше активно общалась с Дианой. Теперь, если дело не касалось работы, все разговоры с Аней сводились к обмену «привет – привет, пока – пока».

Роланд в честь лета расстегнул две верхние пуговицы рубашки, и у меня повышалась температура, стоило ему пройти мимо. Меня одолела навязчивая склонность к поиску информации о нем в Интернете, и мне даже удалось найти его старую, сто лет не обновлявшуюся страницу на Фейсбуке с единственной фотографией, на которой Роланд, по обыкновению облаченный в костюм, стоял на пляже и держал мяч.

В процессе медитации на фото меня застала Диана, и мне пришлось соврать, что я просто впала в шоковое состояние оттого, что он притащился на пляж в костюме.

– С Ярослава станется, – буркнула Диана. – Он вообще странный. Не удивлюсь, если у него имеется отдельная стиральная машина для стирки трусов и носков.

Я была другого мнения. Я считала, что если Роланд оказался на пляже в костюме – значит, так было надо. Дома я видела его прекрасное лицо на обложках всех моих романов, вот только жаль, что он каждый раз обнимал разных женщин, ни одна из которых не была похожа на меня.

После того неприятного разговора на тему, что администраторов хорошо бы согнать в лепрозорий, где они общались бы только друг с другом, Ирина оставила меня в покое. Действия, связанные с базой данных, я довела до автоматизма и выполняла свою работу механически и безошибочно, как робот. Но только если Ирина ошивалась поблизости. Стоило ей отползти по своим змеиным делам, я раскрывала текстовый файл и погружалась в темные дебри романов Барбары Эрскин. Ее героини жили в холодных замках и претерпевали тиранию, жестокость и пренебрежение окружающих людей. Я тоже многое пережила в этом офисе.

Эрскин и кондиционер, дующий прямо в спину, отвлекали мое внимание от переживаний на тему несчастной личной жизни, но не заглушали полностью мысль, что вот уже лето, а я не сдвинулась с мертвой точки. Нет, так нельзя. Ес-

ли и следующий день рождения мне придется встретить, поедая помятый торт из разбитого корыта, то... то все будет, собственно, как обычно. А если все будет как обычно, то я не выдержу и совершу суицид через обжорство.

Будь я древней гречанкой, то, не жалея сандалий, отправилась бы в Дельфы, попросить совета у Оракула. Но я была современная, рационально настроенная девушка и поэтому полезла в Интернет, где постоянно сидят всякие умные люди, горящие желанием рассказать, как защитить кожаные сапоги от скукоживания, как приготовить рататуй, где ставить ударение в слове «звонят», и прочее, и прочее. Озираясь, я забила в строке поиска «как стать счастливой» и, секунду подумав, Гугл выдал мне миллион советов, среди которых, может, один или два могли оказаться полезными. Персональные страницы психологов-консультантов я даже не стала просматривать, потому что знала по себе, что профильное образование не мешает человеку быть плохим профессионалом. Так... амулет на счастье... золотое покрытие, полудрагоценный камень... только сегодня с 50 % скидкой... всего 4999 рублей. Нет уж, за такие деньги я соглашусь поплакать только на кулон из чистого золота. Статья «Шесть простых шагов к счастью», почитаем. «Принимайте себя такой, какая вы есть» – особенно когда сидите в депрессии и трениках и поедаете бутерброд с салом, запивая его пивом. «Живите настоящим» – ага, базой данных и этим проклятым кондиционером, от которого я точно заболею. «Пофантазируйте о

том, что могло бы вас порадовать» – остров, поросший жасмином, и что? Какая чушь, закрываем... Мой взгляд уперся в слово «симорон», и я щелкнула мышкой.

«Симорон – это современная магия, которая осветит вашу жизнь, как солнце, наполнит ее цветом, как радуга». Я посмотрела на сидящую за толстым стеклом Ирину, чьим твердокаменным лицом можно было бы забивать гвозди. Да уж, мне не помешало бы немного солнца в этом офисе, где симпатичный вид за окном закрывают жалюзи и всегда включен электрический свет. «Симорон включает в себя множество простых ритуалов, искрящихся фантазией и юмором. Применяя их, вы очень быстро сделаете ваши мечты реальными! Так не упускайте шанс изменить вашу жизнь ПРЯМО СЕЙЧАС. Сформулируйте ваше желание, упакуйте его в красивый конверт, зарядите позитивной энергией и адресуйте прямиком во Вселенную!»

Вот над вами поржут в вашем почтовом отделении... Я скептически нахмурилась. От окружающих статью мерцающих картинок с розами, конфетами и котятками рябило в глазах. Я поспешила перебраться в раздел «Сбылось!» – истории тех, чью жизнь изменил симорон.

– Что изучаешь с таким интересом? – Диана заглянула мне через плечо и фыркнула.

– Я просто читаю. Я не верю в эту чушь, успокойся.

Диана снова фыркнула, и мне подумалось, что она лезет не в свое дело.

Вечером, кротко перетерпев еженедельное унижение у мамы и втиснувшись в трамвай, я мысленно перебирала прочитанное и терзалась амбивалентными эмоциями. Все это действительно казалось крайне нелепым. Танец «на удачу», позволивший студентке вытянуть на экзамене именно тот билет, который она знала лучше других. Медовая маска для тела, помогающая отыскать работу мечты – рекрутеры так и липли с предложениями. Поражало, как много людей рассказывали о подобном. «Это работает», – фраза, которая постоянно бросалась в глаза. Конечно, можно все свалить на случайность, но... не слишком ли много случайностей?

Я приказала себе не думать об этом. Я же не мама Эрика какая-нибудь. Кстати, надо бы заглянуть к нему, посмеяться вместе над всеми этими глупостями.

Но Эрика в квартире не оказалось. Вместо него я увидела Алю в блестящем ультракоротком платье, стоящую возле плиты и помешивающую подозрительное варево. Сегодня волосы у нее были иссиня-черными, как у Белоснежки.

– А где Эрик? – я так растерялась, что даже не поздоровалась.

– Ушел вместе с Деструктором за сгущенным молоком.

– Что вы готовите?

Мама Эрика резко развернулась на пятках и посмотрела назад.

– Там никого нет, – резюмировала она после тридцатисекундного молчания.

– Да, – недоумевающая, согласилась я.

– Тогда зачем ты с ней разговариваешь?

Из осторожности я отступила в коридор, прежде чем спросить:

– С кем – с ней? Я разговаривала с вами.

– С этой унылой особой преклонного возраста. А я просто Аля. Со мной не нужно формальностей.

– Обращение на «вы» всего лишь проявление вежливости.

– Вежливость – это барьеры, которые люди ставят, чтобы держать дистанцию, – она заглянула в потрепанный журнал с рецептами. – Посолить, поперчить, добавить специи. Какие именно специи? В шкафу столько разных пакетиков. Придется брать наудачу.

– А я всегда считала, что вежливость – это то, что позволяет людям не передрасться.

– Лучше бы подрались, – отмахнулась Аля. – Выпустить пар полезно. Знаешь, как говорят – добрая ссора лучше худого мира.

– Наоборот. «Худой мир лучше доброй ссоры».

– Да что ты, тогда же совсем какая-то бессмыслица получается! Так, две пачки творога... – пробормотала Аля. – Я видела в холодильнике одну. Думаю, этого будет достаточно, – Аля зашвырнула творог в кипящее варево, не задумываясь о неуместности данного ингредиента в компании овощей и мяса.

Я впала в прострацию. В этой женщине было что-то та-

кое, отчего я постоянно подвисала («Как Windows 95», – сказал бы Эрик). Нелепая и внутри, и снаружи, она успешно создавала вокруг себя иррациональную атмосферу, даже стоя на крошечной кухоньке заурядной хрущевки. Под красное платье она надела фиолетовые леггинсы, а когда я опустила взгляд ниже, к ее босым ступням, то увидела кошачьи головы, нарисованные на ногтях ее больших пальцев. Внезапно я почувствовала сильную распирающую боль в голове. Мой характер можно было назвать кротким, и я редко позволяла себе чувство антипатии к кому-то, но эта женщина мне не нравилась. Слишком яркая... слишком самоуверенная... слишком несуразная. В ней всего было слишком. Да еще эта история с отцом Эрика... Не то чтобы я совсем дошла до ручки, как некоторые авторши, героини которых до тридцати лет блюдут невинность, пока не встретят героев, способных подобрать ключ к их сердцам и не только, однако если бы я по молодости вытворяла нечто подобное, сыну я предпочла бы об этом не рассказывать.

Вероятно, мама Эрика тоже что-то обо мне думала, потому что вдруг выдала, посыпая жаркое ванилью:

– Ты слишком стараешься. Что там следом? Шоколад...

– Стараюсь? – не поняла я.

– Ну да. Поэтому у тебя все наперекосяк, – Аля нащупала шоколадный батончик в своей маленькой серебристой сумочке, небрежно брошенной на пол возле холодильника. – Это как танцевать с мыслью, что все на тебя смотрят, что юб-

ка слишком узкая, а ноги слишком толстые, что до зарплаты еще далеко, зато твой парень уйдет от тебя уже завтра. Обязательно споткнешься. Попробуй жить не планируя. Не пытайся всем нравиться и всегда соответствовать. Не стремись решить все проблемы разом. Забудь о завтрашнем дне. Он будет потом. Просто будь такой, какой тебе хочется.

Кажется, сегодня я уже решила, что не нуждаюсь в психологической консультации. Тем более от женщины, которая мажет веки зеленым, надевая красное платье, и крошит в сковородку «Милки Вэй». Хуже настоящих психологов только парикмахерши, мнящие себя психологами.

– Знаете... знаешь, Аля, я уверена, многие люди, сейчас живущие на улице, рассуждали подобным образом. Они тоже не пытались соответствовать и делали что хотели. Хотели пить, и пили. Не хотели идти на работу, и не шли.

– Ты рассердилась?

– Нет.

– Вот опять. Лучше скажи: «Ты меня бесишь».

– Я не просила вас давать мне советы! Я не стремилась к общению с вами и не понимаю, почему вы на меня наускаиваете! Я не понимаю, с чего вообще вы решили, что умны или опытны достаточно, что рассуждать о том, как мне прожить мою жизнь, или как мне себя вести, или о чем мне думать! Вы даже тени для век подобрать не в состоянии!

– Не отвлекайся на тени для век. Всегда смотри прямо в глаза.

Сковородка зашипела, и мы одновременно перевели на нее взгляды.

– Осталось только добавить сгущенное молоко.

– Бред какой-то. Вы точно делаете все правильно?

– Как написано в рецепте.

Я заглянула в журнал.

– Да тут страницы слиплись! И получилось, что на одной стороне листа рецепт овощного рагу с мясом, а на обороте продолжение рецепта творожной запеканки!

Аля пожала плечами и подцепила вилкой кусочек со сковородки. Вытянула трубочкой ярко накрашенные губы, подула, попробовала.

– Тем не менее вкусно. Останешься на ужин?

«Ты издеваешься?» – подумала я, но вслух сказала:

– Спасибо, я сыта...

...по горло. Я удалилась с максимальным спокойствием и только в темном коридоре споткнулась о ее туфли.

М-да. Если эта дамочка и дальше будет тут околачиваться, мне придется свести общение с соседом к минимуму. Повезло Эрику, что у него сын. А то резвая бабуля постоянно таскала бы у внучки юбочки.

Я разулась, переделась в домашнее и устало присела на диван. Проклятый Симорон не давал мне покоя.

Одной из симоронских техник, о которых я узнала сегодня, была техника «Прыжка в другой мир». Ты громко озвучиваешь, что именно хотела бы исправить в своей жизни, и

совершаешь прыжок в «новый мир», где твоя проблема будет решена. В примерах, приведенных удачливыми симоронцами, все они почему-то сигали с унитаза. Я не знала, имеет ли унитаз в симороне сакральное значение, но считала, что это довольно рискованно – поскользнувшись, легко сломать себе что-нибудь или же раскокать сам унитаз, что способно вызвать вопросы, особенно, если ты живешь на съемной квартире и пользуешься, соответственно, съемным унитазом. Наверное, особенно обидно, проорав: «Хочу быть богатой!», обнаружить, что у тебя нет денег ни на врача, ни на сантехника...

Нет-нет, умные девочки так не поступают. Они прыгают с удобного дивана на мягкий коврик.

Я встала на край дивана и немедленно ощутила на себе воображаемый осуждающий взгляд. Да кому какое дело, что я делаю у себя дома? Лишь бы я не делала этого на улице и не пугала лошадей. В конце концов, многие люди ведут себя странно, когда они одни. Женщины все время взвешиваются – до туалета, после туалета, после булочки, через два часа после булочки, без юбки, без майки, голышом. Мужчины отливают в банку из-под пива, так как боятся, отойдя от телевизора, пропустить гол. На фоне этих странных людей, которых я сейчас придумала, сама я смотрелась еще относительно нормальной.

Я задумалась, от какой проблемы я хотела бы быть избавлена, переместившись в новый беспроблемный мир, и ответа

не пришлось искать дольше одной сотой секунды.

– Пусть Ирина исчезнет! – выкрикнула я. Одумавшись, добавила: – Из «Синерджи», – и прыгнула.

Прыгнула я хорошо, далеко, даже слишком, и впечаталась коленом в компьютерный стол. Катаясь по полу и поскуливая, я утешала себя тем, что хотя бы унитаз остался цел. Через пятнадцать минут я встала и похромала искать утешения в холодильнике, проклиная симорон и собственную глупость. К утру на коленке разлился здоровенный синяк, и мне пришлось идти на работу в брюках.

В офисе витала странная благодушная атмосфера, удивившая меня не менее, чем если бы я обнаружила, что сотрудники компании развели костер в корзине для бумаг и поджаривают на нем зефирюшки.

– Доброе утро, – Аня очаровательно улыбнулась, вызывая у меня желание обернуться и посмотреть, кому это она.

– Привет, – Диана с хрустом надкусила печенье. – А мы тортик купили.

– Что отмечаем?

– Иринин отъезд, конечно. Я забыла тебя предупредить?

– Она уехала?!

– Взяла отпуск за свой счет до конца недели и улетела в Италию. У нее там муж, оказывается.

– Итальянец?

– Нет, русский. Но живет в Италии. Если бы у меня была такая жена, я бы тоже предпочла держаться от нее подальше.

Это второй ее муж. Надеюсь, первый прошел лечение у психотерапевта и сумел восстановиться.

Я села на свое место (коленка противно заныла) и потянулась к кнопке включения компьютера. Неужели... нет, конечно, это просто совпадение. И потом, я вовсе не просила отправить Ирину побалдеть под итальянским солнцем. Я хотела, чтобы она ушла из компании. А еще лучше вообще сменила сферу деятельности. Ей подошла бы профессия таксидермиста или патологоанатома. Потому что шкуры она сдирает прекрасно, да и мертвым будет легче смириться с особенностями ее характера, нежели живым. Эх, это немного печально, когда у тебя хороший день, а у глубоко неприятного тебе человека еще лучше... Я легко могла представить Ирину, с прикрывающей светлые волосы широкополой шляпой, лениво прогуливающуюся по благоухающим итальянской едой миланским улочкам. Вот и муж у нее в наличии (второй; а я и первого-то пока не нашла). Почему же она такая вредная?

Пальцы уже щелкали клавишей мыши, глаза скользили по строчкам:

«Итак, используя техники симорона, вы должны помнить о следующих правилах:

Первое: формулируйте свои желания предельно ясно и четко. Указывайте временные и пространственные рамки. Помните, если вы загадываете «Я хочу стать знаменитой», то ваше желание может осуществиться много-много лет

спустя, когда ваши правнуки опубликуют ваш дневник.

Второе: Вселенная не любит частицы «не». Для Вселенной фраза «Я не хочу быть одна» звучит так же, как «Я хочу быть одна». Не используйте эту частицу, озвучивая ваши желания, и старайтесь избегать ее в повседневной речи.

Третье: Чтобы Вселенная прислушивалась к вашим желаниям, вы должны оставаться в гармонии с ней. Избегайте негативных переживаний и сами не причиняйте их окружающим. Не используйте грубые слова и не бросайте мусор. Настройте вашу душу на восприятие только позитивной энергии. Иначе вскоре вы обнаружите, что ваши желания более не исполняются».

Какая обидчивая Вселенная. Не успеешь поорать вволю, а она уже надулась. Может, потому она и услала Ирину в Италию и совсем ненадолго, что я повздорила с мамой Эрика? Эх, Вселенная, не стоит все относить на свой счет... Ладно, посмотрим, что еще у нее можно выклянчить, пока она не обозлилась на меня окончательно.

– Может, дело в отъезде нашей злючки, но глаза у тебя блестят как-то ненормально. Пойдем чаю с тортиком попьем, а? – предложила Диана.

С тортиком... интересно, в симороне есть что-нибудь о том, как есть и худеть? Хотя... учитывая, что скоро вносить платеж за квартиру, а деньги на исходе, мой жирок мне еще пригодится. Уходя в кухню, я стыдливо закрыла браузер.

После работы я потратила полтора часа на поиск толстян-

ки (растения с мясистыми листьями, в народе прозванного «денежным деревом»), оправдывая себя тем, что мне нужно гулять больше, пусть даже от магазина к магазину. В итоге толстянка была найдена в «Дрим Лэнде» по возмутительной цене в 600 рублей. Ладно, я все равно давно собиралась украсить облупленный подоконник на кухне зеленым растением... Прижимая добычу к груди, я поковыляла домой на отчаянно ноющих ногах.

Дома я быстро сформулировала желание. Чего я хочу? Деньги. Когда? Да хоть прямо сейчас. Сколько? Чем больше, тем лучше. Из какого источника? Так, что там может быть... Родственники? Однозначно, нет. Повышение оклада? С этим мне, возможно, поможет захват офиса с автоматом, но никак не симорон... Укажем: «Из неизвестного внешнего источника». Теперь нужно было спрятать у корней растения монету самого крупного номинала, но десятки в моем кошельке не обнаружилось.

Дверь в квартиру Эрика была открыта, но я все равно постучалась. У Эрика на шее висела синяя беспроводная гарнитура, как всегда, когда он сидел за работой.

– Эрик, дай, пожалуйста, десять рублей. Только монетой, не бумажные.

Он порылся в карманах и нашел монету.

– А зачем тебе?

– Для моего денежного дерева.

– *Денежного* дерева? Тогда это оно должно давать тебе

деньги.

– Вот для этого я и дам ему монету, – попыталась объяснить я.

– Маленький урок щедрости, – восхитился Эрик. – Может, тебе еще монет?

– Нет, достаточно. Это же совсем маленькое денежное дерево.

– Действительно. Деструктору я тоже установил предел. Нечего баловать.

– Ты потешаешься надо мной?

– Что ты, как можно. Я восторгаюсь твоими педагогическими приемами. Надеюсь, они дадут плоды. Или хотя бы вызовут цветение.

У себя на кухне я аккуратно, чтобы не повредить корешки растения, зарыла монету в землю. Симоронщики обычно использовали рифмованные присказки, но, как я ни старалась, вспоминалось только блоковское: «Ночь, улица, фонарь, аптека,/ Бессмысленный и тусклый свет./ Живи еще хоть четверть века -/ Все будет так. Исхода нет». Поэтому я просто сказала: «Дай денег. Ну, пожалуйста». В ту ночь я легла спать в тайной надежде, что проснусь с банкнотой, прилипшей к щеке. Ночью мне приснилось, что я пытаюсь нырнуть в золотые монеты, как делал в «Утиных историях» Скрудж Макдак, но оказалось, что это больно и неудобно, и я только наставила себе синяков.

Утром я проверила растение. Знающие люди утверждали,

что с каждым новым листочком будет повышаться уровень моего благосостояния. За ночь, конечно, ничего не выросло.

День на работе прошел замечательно, как в старые добрые времена. Поступило несколько вакансий, и Диана распределила их между нами тремя. После недель над базой данных выполнение своих нормальных рабочих обязанностей воспринималось как поездка на Маврикий.

Возвращаясь домой, я увидела на земле монетку. Наклонившись за ней, я заметила, как неподалеку блеснула еще одна. И еще... и еще...

Ворвавшись в квартиру Эрика, я заверещала как резаная, потряхивая горстью монет:

– Смотри, что у меня!

Эрик оторвал от монитора лунный взгляд. Такое ощущение, что с тех пор, как я видела его в предыдущий раз, он так и сидел за компьютером.

– Ты пела в трамвае?

– Нет! Я нашла все эти деньги!

– Мне непонятен твой восторг. Деструктор так не вопил даже когда подобрал на тротуаре почти новый iPod с 40 гигабайтами памяти.

– Я никогда раньше ничего не находила!

– Ну, ты все время витаешь в облаках. Куда тебе до грешной земли.

– Эрик, ты только не смейся, но... – я начала рассказывать о симороне.

Эрик не рассмеялся, просто продолжил работать, слушая меня вполуха.

– Симорон... странное слово. Что оно означает?

– Ничего. Оно бессмысленно.

– Как и все связанные с ним действия.

– Эрик, это работает! Я же рассказала тебе про Ирину. Она уехала!

– Как я понял, ее отъезд был запланирован заранее. То есть она в любом случае бы уехала, скажешь ты с кровати или нет.

– Да, но деньги?

– Не надо в каждом стечении обстоятельств видеть проявление высших сил. К тому же ты была подсознательно настроена что-то найти, вот и стала внимательнее обычного. Да и сколько там денег?

Я посчитала.

– 127 рублей.

– А на покупку своей толстянки ты истратила...

– 600.

– Знаешь, не нужно быть бизнесменом с Уолл-Стрит, чтобы понять, что ты в убытке.

– Она еще окупится.

Отвернувшись от монитора, Эрик посмотрел на меня так, будто я с дуба рухнула.

– Сонь, ты на самом деле в это веришь?

– Я читала, что одна женщина похитила со стройки кир-

пич, а потом ее семье дали квартиру в том самом доме...

– А если спереть с работы компьютер, то у тебя появится компьютер.

Я надулась.

– Это не одно и то же.

– Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось, – Эрик отвернулся к компьютеру.

Наблюдая, как его пальцы быстро стучат по клавишам, я спросила:

– Что ты делаешь?

– Программирую.

– Это сложно?

– Это муторно.

– Знаешь, ты мог бы работать в офисе. Программисты хорошо получают. Как раз у нас в «Синерджи» открыта вакансия.

Одним взглядом Эрик дал мне понять, как он относится к подобному предложению.

– Ты бы хорошо смотрелся в костюме, – попыталась оправдаться я.

– Кошки тоже хорошо смотрятся в кукольных платьицах, которые надевают на них дети, но кошкам это совсем не нравится. Пятидневка, с девяти до шести, обед по расписанию. Навевает на мысли о тюремном заключении. К тому же нестерпимо скучно. Одни и те же действия каждый день. С определенного момента уже ничему не учишься.

– Людям часто приходится заставлять себя делать что-то неинтересное.

– Да, если они слишком ленивы и бестолковы, чтобы заниматься тем, что им нравится, – Эрик щелкнул по клавише «Enter». – Однажды в юности я устроился в службу технической поддержки, но продержался всего неделю. Идиотия в таком количестве меня просто убивала. Ты ладно, ты очень мило тупишь.

Хм. Почему мне кажется, что он только что проехался в мой адрес?

– Офисная работа оплачивается лучше, чем фрилансерство.

– А проституция лучше, чем офисная работа. И?

Я вздохнула.

– Ты действительно думаешь, что однажды сделаешь суперпопулярную компьютерную игру?

– Конечно. Я стану знаменитым, как Кармак, Ромеро и Гейб Ньюэлл.⁶

– Я не знаю всех этих людей.

– Тогда относительно тебя я уже знаменитее их, – усмехнулся Эрик.

---

⁶ Кармак Джон – американский программист, основатель компании id Software, прославившейся разработкой таких игр, как Wolfenstein 3D, DOOM и Quake. Ромеро Джон – программист и дизайнер компьютерных игр, экс-коллега Кармака по id Software. Ньюэлл Гейб – один из основателей и генеральный директор компании Valve, занимающейся разработкой компьютерных игр и их цифровой дистрибуцией. Самая известная игра – Half-Life.

Я ушла к себе, завидуя его самоуверенности. Жаль, он не мог поделиться ею со мной.

Навестив Эрика в четверг, я обнаружила, что его лицо приобрело зеленоватый оттенок от постоянного сидения за компьютером. В сочетании с перенасыщенными непонятными терминами разговорами по гарнитуре он производил впечатление человека, постепенно опускающегося в бездну безумия. С нарастающей тревогой я отметила увеличивающийся беспорядок в квартире. Пустые чашки и пластиковые бадейки от еды быстрого приготовления были расставлены, казалось, повсюду.

– Эрик, тебе не стоит есть эту быстрорастворимую дрянь. Там столько химии.

– Smallest code на среду не влияет, – убежденно возразил Эрик.

– И тем более подобной пищи стоит избегать Игорьку. Он растет, ему нужны витамины и белки.

– Включи Delphi32 в список исключений DEP. Какой у тебя класс регулировок?

Вздыхнув, я решительно шагнула к нему.

– Эрик, дай денег, – на толстянке проклянулся один листик, но толку от него пока не было.

Эрик посмотрел на меня мутным от недосыпания взглядом.

– Что?

– Денег дай.

– Возьми в кармане шорт.

Хоть бы поинтересовался, зачем, а то сразу: «Возьми...» Отыскав шорты среди груды брошенной на диван одежды, я взяла деньги и отправилась в магазин, где купила овощи, мясо, молоко, яйца и прочее. Преодолев соблазн угнать продуктовую тележку, я на горбу доперла тяжелые пакеты до дома и убила вечер на приготовление сразу нескольких завтраков, обедов и ужинов. Заваленный работой Эрик едва замечал меня, пока я набивала его холодильник и морозилку, но к ночи прислал Деструктора, весьма опечаленного необходимостью меня поблагодарить.

Лишенная отрезвляющего общения с соседом, я все глубже погружалась в симоронскую пучину. В пятницу я решила заговорить на эту тему с Дианой – я знала, что она меня не одобрит, но меня просто распирало. Диана посмотрела на меня своими загадочными азиатскими глазами и сказала:

– Я всегда подозревала, что ты потенциальный член какой-нибудь секты.

– Это работает, Диана.

– Да? Хочу яхту и дом из белого мрамора. Я могу получить их к завтрашнему дню?

– Ну не так сразу... симорон учит, что нужно довольствоваться даже мелочами, ведь это только начало, и...

– Некоторым людям скучно жить. Вот и придумывают себе всякие глупости, а потом сами в них верят.

– Между прочим, если сжать в кулаке монетки на проезд

и потрясти, то маршрутка сразу приезжает! Я третий день проверяю!

– Попробуй этот трюк в чистом поле, вдруг и туда придет, – посоветовала Диана и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Диана умела обескуражить, но она ничего не понимала. Симорон мог изменить мою жизнь. Впервые я чувствовала, что могу управлять событиями. Все, что мне нужно – это научиться формулировать желания правильно. Я совершенствовалась каждый день. Порой мне вспоминался мой скептицизм, когда мама Эрика посоветовала приобрести кулон с лунным камнем, но... Аля могла верить во всякую чушь, но симорон... симорон это почти наука... если только не цепляться к нему со всякими глупыми критериями научности. Вчера я нашла еще пятьдесят рублей и мобильный телефон, который, к сожалению, не работал. Ощущая ветер перемен, я была охвачена нетерпением. Мне не сиделось на месте. Каждые пять минут я отходила за чаем или в туалет, хотя вливать и выливать жидкости мне уже изрядно надоело.

Вернувшись в очередной раз, я увидела в «контакте» новое сообщение. Оно было от мамы Эрика.

– Эта сумасшедшая женщина, Аля, пишет, что у меня плохая прическа, – возмутилась я.

Диана заглянула в мой монитор.

– Она пишет, что у них в салоне акция «приведи друга», и она может постричь тебя бесплатно.

– Так она еще считает, что я нищая?!

– Я не знаю, в симороне ли дело, но твои мозги зияют, как решето, – протянула Диана. – Всю неделю ходишь взвинченная. А еще ты уселась прямо на бумаги.

– Это я нарочно. Я сижу на диете.

– Что?

– Я написала на листе бумаги «диета» и теперь сижу на диете. Худеем по-симоронски.

Диана выразительно покрутила у виска. Все это предубеждение со стороны окружающих уже начинало меня раздражать.

Проигнорировав заявку Али в друзья, я просмотрела ее страницу. На фотографии, раздетая в микроскопическое бикини, она красовалась на краю бассейна в окружении надежно прилипших к ней парней лет двадцати – двадцати двух.

– Господи, – вырвалось у меня. – У нее взрослый сын, она бабушка, а снимается в таком виде! Это похоже... на оргию.

Диана глянула на фото.

– Счастливая женщина. Я бы тоже хотела на оргию, а вместо этого геморрой себе здесь высиживаю.

Я возмущенно уставилась на нее.

В маршрутке я расстелила лист с надписью «диета», прежде чем сесть – нечего упускать время, которое можно потратить на похудение. Народ уставился на меня как на буйно помешанную, но я только гордо задрала подбородок. Я чувствовала себя Галилеем, которого сожгли за то, что он

утверждал, что земля вертится. Или это Коперника сожгли?

Эрик продолжал работать. Я зашла к нему, чтобы проверить съеден ли обед и вернуть майки Деструктора, которые я забирала на починку.

– Теперь тебе осталось только дождаться феи, которая превратит тыкву в карету, а крыс – в кучеров, – сказал Деструктор.

– Но у меня нет ни крыс, ни тыквы.

– Тогда не судьба тебе ехать на бал, Золушка, – Деструктор пожал плечами.

Эрик вдруг пошевелился, на секунду выползая из мира мерцающих символов и цифр. Я заметила, что на нем та же одежда, что и вчера.

– Деструктор, я предупреждал. Будешь разговаривать с Соней в таком тоне, я...

– Ты заставишь меня читать Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей».

– Именно.

Деструктор пожал плечами.

– Он был квазипсихолог. Фактически, все, что он говорил, сводится к банальному «улыбайтесь, и люди к вам потянутся».

– Начитался психологических форумов?

– Чтобы ты не думал, что сможешь загрузить меня каким-то Карнеги.

Прежде подобные диалоги здорово выносили мне мозг.

Но со временем я привыкла.

Настало субботнее утро, и я поняла, что выходные мне предстоит провести в одиночестве. Вроде бы, всего шестой день, как Эрик засел за свой проект, но по ощущению прошла вечность. Эрик шумел, смеялся надо мной, опустошал мои запасы кофе, оставляя за собой вереницу грязных чашек, в ванной бросал полотенце для рук на стиральную машину и заказывал на дом вредную вкусную еду, от которой я толстела. Однако когда он исчез, настала странная тишина, постоянно звенящая в ушах, как будильник, который забыли выключить. В квартире как будто бы стало темнее и на пару градусов холоднее, но я приказала себе не расстраиваться. В конце концов, как-то же я прожила в одиночестве все эти годы. К тому же у меня есть симорон. И, в отсутствие свидетелей, ничто не мешает мне полностью отдаться мракобесию.

Перед завтраком я встала на весы, и они показали 62 килограмма. Два кило чистого жира испарились, будто их никогда и не было. Если я продолжу сбрасывать вес так быстро, вскоре мне придется покупать новую одежду. Надеюсь, денежное дерево поможет с финансами.

После завтрака я два часа пялилась в зеркало, находя себя заметно постройневшей, а потом еще два часа зависала над фотографией Роланда на пляже. Во мне горел огонь. У меня ехала крыша. Тишина начала орать.

– Эрик, – постучалась я в соседскую дверь, – у тебя, случайно, нет бубна?

– Нет, – стоя в дверях, он развернулся и посмотрел в глубь комнаты, где мерцал голубоватый монитор. – Но подумываю приобрести.

В пять я села на трамвай и поехала просить у леса любви. После трамвая я пересела на маршрутку, через полчаса выплывшую меня на окраине. Вывалившись на обочину, я замотала головой, пытаюсь рассмотреть, где, собственно, этот лес. Я никогда не бывала здесь прежде и не имела понятия, куда идти. Сдавшись, я решила позвонить Вовану, как рекомендует в таких случаях симорон. Мой забытый дома мобильный остался возле компьютера, и я просто прижала к уху кулак:

– Вован, привет! Я маленько заплутала... не подскажешь, как пройти к лесу? Ага... ага... – периодически соглашаясь, я медленно побрела по грунтовой дороге.

– Дочка, а ты знаешь, что телефона-то у тебя нету? – услышала я мягкий голосок и, обернувшись, увидела низенькую старушку в голубом платочке. Настоящий божий одуванчик с лучистыми глазами.

– Я знаю, но Вован в любом случае меня услышит. Знаете, если что-то приключилось, надо звонить ему. Он поможет.

Старушка механически закивала, не сразу справляясь с полученной информацией.

– Это ты Владимиру Владимировичу, что ли? – спросила она после долгой паузы.

– Для меня он просто Вован.

– Ты из этих... олигархов? – робко осведомилась бабушка. Чувствовалось, что значение последнего слова она понимает достаточно смутно.

Я рассмеялась, недоумевая, почему меня вдруг приписали к олигархам.

– Нет, я симоронщица!

– Эх тебя угораздило, – крикнула старушка и, резко развернувшись, с нестарческой скоростью устремилась прочь.

Чего это она? А я ведь так и не спросила ее, где лес... да и Вован не спешит просветить меня. Наверное, надо было пользоваться настоящим телефоном. Я пошла наугад и вскоре, бочком спустившись с взгорка, действительно увидела лес. Жалкий такой лесочек, где между хлипкими деревьями мог спокойно проехать грузовик, ломая заросли кустов и крапивы. И везде обертки, пакеты, бутылки. Самая настоящая помойка! Вспомнилась услышанная где-то фраза, что, бросая мусор на землю, не забывают хрюкнуть. Все это очень печально, но придется довольствоваться тем, что есть.

Хорошо, что у меня оказался с собой полиэтиленовый пакет. Расчистив полянку для ритуала, я сложила в него мусор, намереваясь после отнести до урны. Нельзя же оставить это безобразие в лесу. Затем я достала банку с мелочью, которую взяла вместо бубна (а что, звенит неплохо), и прислушалась к звукам леса, чтобы войти с ним в эмоциональный контакт. Но в голову постоянно лезло что-то не то...

Вон обертка от «Сникерса». И почему люди такие сви-

нии, неужели тяжело убраться за собой? Хочу «Сникерс». Он вкусный, но калорийный. А капуста низкокалорийная, но не вкусная. Это несправедливо. Ну вот, прошлогодние листья накололись на мои каблучки. В девяностых годах талоны накалывались на металлические штыри. Интересно, а зачем Эрику бубен? Черт, я столько думаю, а толку все равно никакого нет. Будем считать, что лес заметил мое присутствие.

Подняв банку с мелочью, я принялась неуклюже пританцовывать, пытаюсь мысленно воссоздать образ Роланда, но мне упорно представлялся «Сникерс». Надо было пообедать... Давай же, Роланд, представляйся. Помнится, на той неделе ты мне так хорошо представился, что я проехала свою остановку.

– Лес, лес, помоги, – затынула я, стараясь, чтобы голос звучал менее жалобно. – Меня любовью награди. Лес, лес, помоги...

– Угу, – услышала я.

– Что? – я даже перестала танцевать от удивления. – Ты мне поможешь?

– Угу. А ты харэ прыгать, а то еще инфермальную ючу призовешь.

Послышался смешок, и даже до меня начало что-то доходить. Я потянулась за своими вещами, и тут из кустов вывалилась парочка хаотично шевелящихся деревенских мужиков, которые, видимо, все это время тихо сидели на соседней поляне (как я умудрилась их не заметить?). То ли от употреб-

ления горячительных напитков, то ли от длительных усилий сдерживать смех, их лица были багрово красными. Один из них, с дикой усатой рожей, пополз ко мне на четвереньках, выгибая спину, как кот:

– Великий Ктулху услышал твои молитвы!

Поскальзываясь на траве и листьях и костеря мужиков, испортивших мой ритуал, я побежала прочь. Один раз я все-таки упала, спровоцировав взрыв смеха.

Уже сидя в маршрутке, я вдруг осознала, что прижимаю к себе пакет, полный мусора, уже успевший привлечь внимание окружающих. С мыслью, что хуже не будет, я достала из сумочки лист с надписью «диета» и подложила его под себя.

До дома я добралась расстроенная и усталая, но в воскресенье с утра меня немного взбодрила потеря еще пятисот граммов – голодовка, лесные танцы и последующее потрясение сделали свое дело. Решив не портить свой внешний вид раздувшимся по причине переполненного желудка пузом, я решила воздержаться от еды и несколько часов бродила по улицам, надеясь встретить мужчину, как две капли воды похожего на Роланда, с одним принципиальным отличием: он влюбится в меня с первого взгляда. Если я его и не встретила, так только из-за тех гадких мужиков.

– Да, ты похудела, – заметила Диана в понедельник.

– Я же «сизу на диете».

– Ты бегаешь по офису с полоумным видом и читаешь про свой симорон, забывая пообедать, вот поэтому. Делать

Вселенной нечего, кроме как растоплять твои жиры. А что твоя толстянка, окупилась?

– Почти, – соврала я.

– И когда твой мозг вернется из отпуска...

– Мне непонятен твой негативизм. Эффективность этого метода легко проверить. Ты просто берешь позитивную энергию и направляешь ее на...

– Все, с меня хватит. Если я соглашусь слышать от тебя слова на букву «С», так только «Сознаюсь, Совсем Свихнулась».

К одиннадцати часам подкатила наша любимая до скрежета зубовного начальница. Она загорела, но ее настроение не улучшилось. Я решила применить к ней технику переименования. До полудня я следила за ней взглядом, мысленно называя ее не иначе как «Та, которая ценит меня как сотрудника и дает мне самые важные поручения». В обед я почему-то съела весь хлеб из хлебницы, и мне стало плохо.

После обеда у Ирины действительно нашлось важное поручение, и она подошла ко мне, мрачно щурясь.

– София, нужно разобрать шкаф.

Я оглянулась на лопающийся от бумаг шкаф позади меня.

– Просто выбросить все это?

– Там резюме. Персональная информация. Мы не можем выбросить их. Возьми шредер и уничтожь все бумаги.

Не слишком важное поручение, но все-таки «работа с персональной информацией». Будем мыслить в позитивном

ключе. Не стоит ссориться с Вселенной. Она меня похудела, она меня и обратно потолстеет. Отыскав шредер, я приступила к заданию и уже спустя полчаса впала в черную депрессию. Шредер был маломощный и соглашался проглотить всего несколько листиков за раз. Стоило мне добавить один лишний, как бумага застревала в зубах шредера намертво. К тому же каждые полчаса устройство перегревалось. Ожидая, когда шредер остынет, я сгребала резаную бумагу в пакеты для мусора и оттаскивала их к бакам у черного хода. В шесть все засобирались домой. Я тоже, хотя еще не закончила.

– Ты оставишь здесь этот беспорядок? – холодно осведомилась Ирина, прежде чем накинуть на плечо сумочку от Луи Виттон и избавить меня от своего общества.

Пришлось попросить у уборщицы пылесос. Водя щеткой по ковровому покрытию, я задумалась, что, кажется, теперь я уже даже не ассистентка. А ассистентка ассистенток или вроде того. Меня немного подбодрил звонок мамы, которая сообщила, что у нее резко разболелся зуб и теперь она собирается к зубному, поэтому приезжать мне не нужно. Хотя я только собиралась посиморонить на этот счет, тем не менее оно уже сработало, и я предположила, что это маленький утешительный поцелуйчик от Вселенной.

Во вторник мне так не хотелось идти на работу, что пришлось съесть яичницу из трех яиц, чтобы успокоить себя. К двум часам я закончила кувыркаться со шредером, пошла в

кухню и объелась хлеба. Настроение было на нуле. Я прямо чувствовала, как распухаю. После работы я уступила влечению к «Сникерсу», терзающему меня с самого инцидента в лесу, и зашла в магазин.

– Такая красивая девушка, и без кольца. Какой ужас, – пробасил вдруг кто-то над ухом, и я отшатнулась от неожиданности.

– Это было бы еще ужаснее, будь я гранатой, – вспомнила я глупый анекдот.

Он громко рассмеялся, и я настороженно улыбнулась. Шатен, среднего роста. На вид ничего.

– Судя по содержимому вашей корзины, дома вас не ждут. Так, может, погуляем вместе?

– Какой вы быстрый...

– Я все делаю быстро! – ляпнул он, и я ехидно приподняла брови: «Все?»

Он немного смутился, и мне вдруг подумалось, что он похож на Роланда. Правда, волосы у него темнее, и ростом он пониже. И еще у Роланда лицо совсем другое. А так похожи. Ритуал?..

– Я не хочу гулять. Я устала. Я потом, я вас не знаю.

– Меня зовут Александр. Как Невского.

– Соня. Как чью-то тщеславную сестру, которую заточили в монастырь.

– Петра Первого.

Я кисло улыбнулась. Я была слишком измочалена, чтобы

поддерживать остроумную беседу с незнакомцами, пусть даже похожими на Роланда.

– Пожалуй, мне пора домой.

– Встретимся завтра?

– Где?

– В центре. Возле «Севильи». В семь. С меня ужин.

«Севилья» была рестораном с хорошей кухней и приятной обстановкой – во всяком случае, так о нем говорили. Я немного взбодрилась.

– Звучит неплохо, – неуверенно протянула я.

– Тогда до встречи, – он помахал кончиками пальцев.

– До встречи. Очень надеюсь, что вы не маньяк.

Прежде чем удалиться, он вручил мне визитку. «Александр Серов, Alpha Consulting, номер телефона: +7...». Хм, похоже он не пошутил насчет свидания.

Я подошла в семь, Александр – почти в семь. В смысле, ближе к восьми. Одет он был прилично – дорогие, отлично сидящие джинсы, легкий элегантный пиджак. Я исполнилась самых радужных надежд, но очень скоро они начали таять, превращаясь в серую жижу. Все началось, как только он открыл меню.

– Вот это цены! Панакота – 400 рублей! Салат с рукколой – 500 рублей! Карпаччо – 420 рублей! Возмутительно!

– Обычные ресторанные цены...

– 350 рублей за паршивые равиоли! А-а... утиная грудка по-каталонски – 800 рублей!

– Не обязательно брать утиную грудку. Мы можем заказать... не знаю... хлеба. Или попросить принести воды, – попыталась я утихомирить спутника, но его голос звучал все громче:

– Делают миллиарды ни на чем! Грабеж! Вот только пистолет к голове не приставили!

Я стала такая же красная, как скатерть, и уже видела, как нас спускают с лестницы, но тут Александр встал и взял меня за руку:

– Уходим отсюда! Найдем приличный ресторан вместо этого вертепа!

На улице мне подумалось, что, будь я умной девушкой, я бы уже бежала прочь, сняв туфли. Но я была не только глупая, но и очень голодная девушка, прекрасно осведомленная, что в ее холодильнике нет ничего, кроме одинокой картофелины и бутылки подсолнечного масла, а в кошельке лежат последние купюры.

– Вот это местечко, кажется, ничего.

Я подняла взгляд, и он намертво прилип к поражающей воображение и эстетическое чувство вывеске пиццерии «Обжора». Не успела я сформулировать все свои возражения, как была втянута внутрь. Судя по немногочисленности посетителей, местечко не пользовалось популярностью. Усевшись на липковатые пластиковые стулья, мы стали ждать. Официантка болтала с барменом. Мы ждали. Официантка рассказала бармену неприличный анекдот. Мы все

еще ждали. Официантка знала много неприличных анекдотов и намеревалась рассказать бармену каждый из них.

– Меню на стойке, – сказал Александр.

Я подняла брови. Александр тоже поднял брови. Официантка и бармен громко рассмеялись. «Движение сжигает калории», – напомнила я себе и поднялась за меню.

– Что будешь? – спросил Александр.

– Пиццу «Четыре сыра».

– Жир и тесто... не усугубляй свою ситуацию.

Я посмотрела на него. Он действительно так сказал? Александр морщил нос, покачивая головой. Ладно, поем и сразу уйду. Вот дружи после этого со Вселенной, такое мне подсунула... Хотя, возможно, ей он тоже поначалу показался адекватным.

– Тогда салат «Овощной».

Пытаясь докричаться до официантки, я потратила больше калорий, чем было в тех пожухших листьях, которые она мне принесла. Пока я размышляла, простаивал ли этот салат с утра или же его сразу приготовили из несвежих продуктов, Александр лихо разделался со своей пиццей, отрывая и проглатывая огромные куски.

– Жарко, – выдохнул он. По его подбородку тек жир, и я хотела сказать об этом, но тут Александр снял пиджак, и я потеряла дар речи. На его футболке была нарисована женщина. Самая обычная голая женщина с грудью шестого размера.

– Еще одну «Маргариту»! – крикнул Александр официантке, и тут у него зазвонил телефон. Он достал его из кармана и прижал к уху. – Привет. Да ничего не делаю. Ты сам как?

Пятнадцать минут спустя, когда принесли «Маргариту», он все еще продолжал разговаривать. Вперившись взглядом в блестящие капли жира на поверхности пиццы, я впала в оцепенение.

– Да, смотрел, но не досмотрел. Нормальное киношко. Тот чувак таки поймел рыжую?

Я заерзала на стуле. Александр скосил на меня глаза:

– Ты в порядке? Не скучаешь?

– Все хорошо, – ответила я, надеясь, что Вселенная оценит мои старания и наградит меня табуном мужчин, худший из которых будет лучше Александра.

Он проговорил еще минут двадцать, ковыряя остывающую пиццу вилкой, и, когда я совсем уже решила уйти, завершил разговор и посмотрел на меня:

– Попросить счет?

– Да.

Принося счет, официантка продемонстрировала несвойственное ей ранее проворство. Наблюдая, как на лбу Александра углубляется морщина, я приготовилась к Великой Истерики № 2.

– И как я мог рассчитывать, что меня не попытаются в очередной раз обдурить! Посмотри на это!

Я заглянула в счет. Мои салат и минеральная вода, кола и две «Маргариты» Александра.

– Все в порядке.

– Две «Маргариты»!

– Вы заказывали две.

Он с шумом выдохнул и, поднявшись на ноги, простер руки над растерзанной пиццей.

– Но я *не съел* ни кусочка!

Я приказала себе расправить сморщившееся лицо. Ничего, когда-нибудь я посмеюсь над всем этим. Я напишу книгу «Сто худших свиданий», и она станет популярнее, чем «Дневник Бриджет Джонс». А сейчас мне надо собраться, держаться достойно, не закричать на этого придурка матом. Визуализация мне поможет: солнышко, речка, травка. Прекрасный мир, полный отвратительных мужчин.

Александр достал из кармана двести рублей и бросил их на стол. Одна «Маргарита» стоила больше.

– Если у них есть совесть, они довольствуются этим.

«Если у вас есть совесть, вы придете домой и повеситесь в шкафу».

– Как тебе вечерок?

– Удался. Большое вам спасибо, – я выгребла из кошелька все деньги (подавись) и направилась к выходу. За спиной я услышала хлопки и обернулась. Александр бил в ладоши. Хлопали официантка и бармен. Хлопали люди за столиками.

– Что происходит? – спросила я.

– Улыбайтесь, вас снимает скрытая камера, – как будто соткавшись из воздуха, передо мной материализовался бодрый человечек в красной бандане. – Вы только что стали победительницей конкурса от передачи «Большая терка»!

– Какого конкурса?

– Вот она, настоящая русская женщина! Кроткая! Благородная! Терпеливая!

Он продолжал петь мне дифирамбы, а я, уже совершенно замороченная, бросила на Александра полный упрека взгляд.

– Вы меня разыграли...

Он улыбнулся и развел руками.

– Если я выиграла, каков мой приз? – спросила я человечка в бандане.

– Вы все узнаете. На съемках нашей передачи!

– Не уверена, что... а когда съемки?

– В эту пятницу.

Получив от телевизионщиков указания, когда и где, я добрела до остановки и поехала домой приводить в порядок расшатанную нервную систему.

Когда ко мне ворвался Эрик, я все еще сидела на диване и медленно пила воду.

– Привет!

Я посмотрела сквозь него, едва отмечая, каким измученным он выглядит.

– Ты все еще работаешь над тем проектом?

– Еще несколько дней. А у тебя как дела?

– Меня будут снимать для программы на ТВ.

– Все настолько плохо?

Я довольно бессвязно рассказала ему о произошедшем сегодня.

Эрик нахмурился.

– Ты пойдешь?

– Конечно. Я прославлюсь и мигом налажу свою личную жизнь.

– Чтобы прославиться на телевидении нужно быть прокладкой или памперсом. Все, что получишь ты – дурную славу.

– Не знаю, почему ты настроен столь мрачно. Я не сделала ничего плохого. Я даже не запустила салатом ему в голову. К тому же я выиграла конкурс!

Эрик попробовал было со мной спорить, но, поняв, что это бесполезно, со вздохом поднял взгляд к потолку.

– У тебя на люстре висят трусы?

– Это красные трусы, – объяснила я. – И они совсем новые. Поэтому ничего страшного, что они висят на люстре.

– Взяла идею из журнала «Мой уютный дом»?

– Нет. Они там, чтобы привлечь в дом любовь.

– А также быков и санитаров. Вижу, ты все еще увлечена этой ерундой, как ее там...

– Симорон. Знаешь, пренебрежительность вовсе не помогает тебе выглядеть умным. Если бы ты позволил себе вы-

ползи из раковины предрассудков, ты бы сам поразился, насколько улучшилась бы твоя жизнь. Дай себе свободу верить, поймай счастье, что витает в воздухе! Существует Небесная Канцелярия, в которой отмечаются все наши желания, все наши мечты и...

Не слушая, Эрик продолжал осматривать комнату своими тусклыми, запавшими глазами, вокруг которых отчетливо проступала синева.

– Зачем тебе кастрюля моркови на столе?

– Я пытаюсь с ней подружиться.

– Каким образом?

– Постоянно ее ем.

– Со мной бы такой способ наладить дружеские отношения не прошел.

Я задрала подбородок.

– Если подружиться с морковью, она подарит тебе любовь.

– В каком смысле?

– Не надо ехидных вопросов. На симороне я уже похудела на два с половиной килограмма!

– Это за счет мозга.

– Ничего подобного! Посмотри, – я привстала, и Эрик сощурил глаза, рассматривая меня.

– Да, кажется, чуток сбросила. В этом психотическом трипе ты вообще выглядишь довольно осунувшейся.

– Я буду худеть еще, я купила себе гель для душа.

– Либо ты сейчас объединила в одно два не относящихся

друг к другу предложения, либо мне не понятна твоя логика установления причинно-следственных связей.

– Ну, знаешь, жидкость для мытья посуды растворяет жир. Я представлю, что гель для душа – это жидкость для мытья посуды, и он растворит мой жир.

– Не проще ли тогда сразу взять жидкость для мытья посуды?

Я задумалась.

– Раньше твои задвиги казались забавными, но сейчас мне уже страшно. Мы не общались всего-то... сколько-то дней. Когда ты успела так съехать?

– Ну вот, начинается, – я встала с дивана и зашагала по комнате. – Сейчас ты скажешь мне то же, что и Диана. Что у меня невроз навязчивых состояний, спровоцированный одиночеством и постоянным недовольством собственной жизнью. Что я прибегаю к сомнительным ритуалам, потому что они дают мне иллюзию контроля и тем самым снижают уровень тревожности, который у меня явно завышен! Но знаешь, что думаю я? Что на самом деле вы хотите, чтобы я оставалась несчастной! Что вам нравится наблюдать мои зловключения, потому что в сравнении с ними ваши собственные проблемы кажутся незначительными!

– Я не квалифицирован для того, чтобы поставить диагноз «паранойя», но мне кажется, это она.

– Думаешь, ты самый умный?

– Да уж выше среднего уровня, – отбрыкнулся Эрик.

– Меня никто не понимает! – закричала я.

– Помнится, еще недавно ты заявляла, что моя мама с серьезным прибабахом, а ведь она всего-то посоветовала купить кулон.

– Что? Она тебе рассказала? С вами вообще возможно общение один на один? Без последующей передачи содержания диалога третьему?

– А ведь моей маме, расставляющей свечи по фэн-шуй, далеко до тебя, вешающей трусы на люстру...

– Это мне далеко до твоей мамы! – воскликнула я. – Я не веду себя, как глупый подросток! Не набрасываюсь с воплями на незнакомых людей! Не одеваюсь, как... как... как...

– Что?! – возмутился Эрик. – Вот так, значит? Да ты просто ей завидуешь!

– Как же, буду я завидовать расфуфыренной дамочке без царя в голове! Да она смекнет, как должна вести себя женщина под сорок не раньше, чем ей стукнет восемьдесят!

– Если это не зависть, то почему тогда такая аффектация по отношению к моей матери?

– Она не сможет вывести меня из себя, даже если поселится в моей ванной!

– Она твоя полная противоположность. У нее есть все, что ты хотела бы иметь. Она уверена в себе. Она легко относится к жизни. Она нравится мужчинам. И каждый раз, когда ты видишь ее, ты вспоминаешь, что твоя жизнь обернулась крахом.

– Я тоже могу натянуть короткую юбку и выставить себя на посмешище! Я тоже могу добавлять к мясу сгущенное молоко! Если я захочу, я стану такой же, как она! – закричала я.

– Ты собой-то можешь быть едва-едва, – тихо произнес Эрик и вышел из моей квартиры, плотно прикрыв за собой дверь.

– Вот и проваливай, – обессиленно прошипела я. – Меня покажут по телевизору, и ко мне прибегут десять, нет, тридцать парней, и я устрою с ними оргию, сделаю фото и поставлю его на аватар в «контакте»! И твоя мать будет мне завидовать!

А Ирина уволит меня с работы...

Вечером пятницы я с тревогой наблюдала в зеркале, как опытные руки гримерши меняют мою внешность к худшему.

– Вы уверены, что это необходимо? Мой изначальный макияж был неплох.

– Он не подходит для съемок.

– Но я получаюсь какой-то невзрачной...

– Мне лучше знать, – отрезала гримерша.

Я посмотрела на ее грубое скуластое лицо и усомнилась. Да еще это платье... оно было серое, а мне не шел серый. Оно меня полнило. Зачем вообще его на меня нацепили, если я пришла в таком миленьком наряде?

– Готово.

Меня выставили в коридор, где я проторчала около часа, глядя на заурядную пыльную улицу за окном. Люди так за-

ворожены телевидением... я же чувствовала себя разочарованной. Потом меня забрала коротко стриженная женщина в очках и поставила за занавеску.

– Выходите, когда услышите ваше имя.

Ожидая, я едва понимала, о чем говорят в студии. В желудке громко урчало. Наконец назвали мое имя, и на негнущихся ногах я вышла и села на красный диван, скованно улыбнувшись ведущему. Его звали Сергей Монахов. Я видела его по телевизору. Он говорил с такой скоростью, что, наверное, смог бы связать шаль, используя язык вместо крючка.

– Здравствуйте, София!

– Здравствуйте, – я нерешительно посмотрела на присутствующую в зале публику. Среди редких хлопков послышались смешки. Я понимаю, что зрители оживляют шоу, но участникам они мешают.

На большом экране на стене позади красных диванов продемонстрировали запись моего знакомства с Александром и последующего душераздирающего свидания с ним же. Пока шло видео, я раздумывала, какую бы позу принять, чтобы выглядеть менее толстой. Это правда, что камера визуально добавляет пять килограммов? Тогда конец мне.

Экран погас, и ведущий развернулся к зрителям:

– Напоминаю, что тема нашего сегодняшнего шоу «Любовь по-русски» – почему русские женщины позволяют мужчинам унижать себя.

– Что? – беззвучно прошептала я, поднимая глаза на Монахова. – А как же конкурс?

– Послушаем комментарий психолога, – игнорируя меня, Монахов передал микрофон женщине в ярко-малиновом костюме.

– Артемида, психолог, – представилась она. – Первое, что привлекает внимание: легкость, с которой девушка дает согласие на встречу с сомнительным мужчиной, увиденным ею впервые в жизни...

– Но люди всегда видят друг друга впервые, когда знакомятся. И он не казался сомнительным, – возразила я, но из-за отсутствия микрофона меня едва ли кто-то услышал.

– Далее она позволяет вовлечь себя в неприятную ситуацию, покорно принимает грубость. Все это очевидные проявления наличествующего у нее комплекса жертвы.

– То есть, Артемида, вы хотите сказать, что она сама выбирает таких мужчин, которые будут с ней грубы? – невинно осведомился Монахов.

– Именно, – Артемида закивала, плотно сжав губы. – Либо же подсознательно провоцирует их на неадекватное поведение.

– Артемида, как вы считаете, является ли возможным для нашей героини построение благополучных отношений с мужчиной в будущем?

– Конечно, нет.

Почему бы сразу не сказать, что я схохну в одиночестве,

в приюте для нищих, с ампутированными ногами? С какой вообще стати эта женщина решила, что может рассуждать о моем будущем?

– Дайте мне микрофон, дайте микрофон! – попросила я.

Монахов оглох так удачно, что слышал всех, кроме меня, и микрофон переходил в чьи угодно руки, кроме моих. Каждому было что сказать.

– Вы знаете, я не думаю, что это «комплекс жертвы». Все проще. Посмотрите на нее – женщина за тридцать. Конечно, она готова на все.

– Профессиональная сваха ей поможет. Хотя, не факт.

– У нее низкая самооценка, причины которой нужно искать в детстве. Соня, скажите, вы были хуже всех остальных детей?

– Это естественный отбор. Она никому не нужна. Ее гены умрут вместе с ней. Не стоит плакать об этом. Это жизнь.

– Я экстрасенс и с уверенностью заявляю, что на ней венец безбрачия, надетый очень могущественной ведьмой, которую ей следует искать в своем ближайшем окружении.

Они говорили, и говорили, и говорили, и говорили. Гудели, как рой злобных ос.

– Замолчите! – закричала я. – ЗАМОЛЧИТЕ!

К моему удивлению, Монахов на этот раз поддержал меня, добавив к моим воплям свои. Мы почти не успели охрипеть, а в зале уже наступила тишина. Наконец-то я получила микрофон.

– Люди, послушайте, я нормальная! Если бы я искала себе плохого мужчину, поверьте, я бы давно его нашла, потому что плохих больше, чем хороших. И если во время того несчастного свидания я не стала в истерике кататься по полу, так это не потому, что я не видела, как гадко он ведет себя, или что мне это нравилось! Я просто хотела сохранить достоинство, не дать себя расстроить, а затем уехать домой и забыть все, как страшный сон!

Я встретила глазами с глазами Монахова и в его взгляде увидела понимание. Он был таким симпатичным человеком, с такой красивой прической. «Хотя бы один здесь нормальный, – подумала я. – Хотя бы один». А потом он раскрыл свой большой болтливый рот и начал вещать, обращаясь к студии:

– Наша героиня может не осознавать глубинных психологических проблем, разрушающих ее жизнь и отношения с мужчинами, но это не причина осуждать ее. Посмотрите на ее лицо, волосы и одежду. Она как цветок, увядающий до срока. Мы должны здесь, сейчас найти способ помочь ей, потому что без нашей помощи у нее просто нет шанса.

Его ладонь легла на мое плечо в заботливом, оберегающем жесте, но я стряхнула ее, как мерзкого тарантула. Какое ужасное место, ужасные люди. Если я и победила в конкурсе, то только за звание «Мисс Лох». Чувствуя, что вот-вот разрыдаюсь, я вскочила и побежала прочь – из студии, из здания, подальше от этой улицы.

Запахавшись, я перешла на шаг, слишком расстроенная, чтобы отслеживать свой маршрут. Невнимательность всегда чревата, и через двадцать минут я была вынуждена признать, что не знаю, где нахожусь, а обстановка вокруг крайне подозрительная. Вот уж не думала, что в черте нашего города можно увидеть такое: облупленные заборы, покосившиеся одноэтажные домишки, колдобистые дороги, усыпанные битым стеклом. У дома в конце улицы паслась привязанная к колышку коза.

– Извините, вы не подскажете... – обратилась я к прохожей, но она проволочла свое грузное тело мимо, даже не взглянув в мою сторону. Ну и ладно, от бесед с такими особами добра не жди.

Вон еще человек идет. Когда он приблизился, я посмотрела ему в лицо. Пожалуй, и на этот раз мне следует воздержаться от коммуникаций.

– Козочка, милая, – обратилась я к кроткому животному. – Где я нахожусь?

Я доблестно попыталась самостоятельно отыскать выход в нормальный мир, но мои поиски закончились вместе с прочностью моей босоножки. И тогда я села на один из заготовленных для колки на дрова чурбанов и позвонила единственному человеку, который мог согласиться мне помочь.

– Эрик, пожалуйста, прости меня. Я не должна была так говорить о твоей матери, и...

– Что у тебя произошло? – после недавней ссоры голос

Эрика звучал холодно.

– У меня порвалась босоножка, и телефон вот-вот разрядится, и... я не знаю, где я.

– То есть?

– Ну, это где-то в получасе ходьбы от телецентра, и тут все очень деревенское на вид.

– Еще что?

– Здесь коза, – телефон вырубился, помешав Эрику высказаться насчет моего несомненного таланта давать ориентиров.

Через полтора часа меня, впадшую на бревнах в кататонию, привели в сознание звук и ослепительный свет фар подъезжающего такси.

– Ты не перестаешь поражать меня, – заявил выпрыгнувший из машины Эрик. У него было мрачное выражение на лице и веселая морда Багза Банни на футболке.

– Это потому, что я такая удивительная женщина, – кисло пошутила я.

– Нет, это потому, что ты чудо гороховое, – Эрик был суров, но справедлив. – Нельзя делать закон Мерфи основным законом своей жизни.

– Что за закон Мерфи?

– «Если что-то может пойти не так, оно обязательно пойдет». И что за хламида на тебе?

В такси Эрик положил свою тяжелую усталую голову на спинку сиденья и заморгал, пытаясь не заснуть.

– Прости, наверное, счетчик много накрутил, пока вы меня искали. Я верну деньги.

– Не нужно. Мне хорошо заплатят за проект. К тому же ты так заботилась о нас, пока я был занят работой.

Я широко улыбнулась. Не то чтобы я ждала благодарности, но она в любом случае приятна.

– Ты закончил проект?

– Ровно за минуту до твоего звонка, – Эрик посмотрел в окно. – Скоро будем дома.

– Эрик, – я вцепилась ему в руку, – я не хочу домой!

– Почему?

– Лучше бы я была прокладкой. Или памперсом. Если сейчас я окажусь в тишине своей квартиры, я начну думать обо всем, что я натворила, и просто умру от стыда.

– Если бы от стыда умирали, никто не пережил бы подросткового возраста, – возразил Эрик, но попросил остановить машину возле кафе.

– Соня, что ты будешь?

– Салат с морепродуктами.

– Два таких салата, пожалуйста.

– Эрик, как ты думаешь, я могу запретить им трансляцию выпуска с моим участием?

– А ты подписывала бумаги?

– Да...

– Тогда, скорее всего, у них все схвачено.

– Что пить будете? – спросила официантка.

Я печально посмотрела ей в глаза.

– Водку. Принесите сразу целую бутылку.

У Эрика были свои причины для печали:

– Кофе. У вас маленькие чашки?

– Да.

– Тогда четыре. И перелейте в кружку.

В последующие три часа я подливала водку и проливала слезы.

– Мама убьет меня...

– Соня, судя по тому, что я узнал о твоей маме, она убьет тебя вне зависимости от.

– Может, она подобрела бы, если б иногда купалась в бассейне с парнями, как твоя?

– Я видел эту фотку. Мамин салон устроил для сотрудников корпоратив в бассейне. Моя мать обучает новичков для всей сети, и те парни, чтобы были с ней, Соня, все геи.

– Да?

– И, как ни странно, мясо, тушеное с овощами и творогом, получилось ничего, тем более что я помешал ей добавить сгущенное молоко. Нам с Деструктором понравилось.

– У вас крайне оригинальная семья, – рассмеялась я, наконец прекращая плакать. – А в симорон я больше не верю.

– Что смогло тебя образумить?

– Он не спас меня от очередной лужи.

– Наверное, ты просто не нашла нужный ритуал...

– Молчи.

Он выглядел таким красивым в этом тусклом свете. Золотистые волосы. Кожа.

– Эрик, мне так тебя не хватало. Все это время я как будто прожила на дне темного, сырого колодца.

– Мне тоже тебя не хватало.

Когда фаза признаний сменилась фазой отсутствия связной речи, Эрик отвез меня домой.

В девять утра я проснулась в своей квартире. Горло жгло от жажды, язык казался странно распухшим. Медленно и плавно продвигаясь в кухню, я наткнулась на Эрика: он отключился прямо на коврике в коридоре, так и не добравшись до постели.

– Эрик, позволь я отведу тебя домой.

Я отперла дверь в соседнюю квартиру и помогла Эрику перейти, причем во время этой операции не проснулся не только дрыхнувший без задних ног Деструктор, но и сам Эрик. Оказавшись под одеялом, он сразу свернулся клубочком. Глядя на его сомкнутые веки, я вдруг осознала то, чего не замечала все это время: однажды, в первой половине этой весны, Вселенная действительно меня услышала.

Всю субботу мы с Эриком лениво подвывали Кайли Миноуг, вместе с сердитым Деструктором дремали под фильмы и ничего больше не делали. В воскресенье, в восемь часов вечера, вышел выпуск «Большой терки» с моим триумфальным участием. В 21.05 позвонила моя мама.

– Позорище, – сказала она. – Я не знаю, как мне завтра

идти на работу.

Все было бы не так плохо, если бы этим она и ограничилась, но она, разумеется, продолжила. По завершении разговора я долго сидела и смотрела в пространство, пока в комнате сгущались сумерки.

Телефонная трель заставила меня подпрыгнуть.

– Алло? – спросила я шепотом, держа трубку на расстоянии, как будто она могла пырнуть меня ножом или плеснуть кислотой в ухо.

– Милая, ты была великолепна! – разлился веселый голосок Али. – Среди этих выскочек ты смотрелась как Симба на фоне гиен. А как ты постройнела! Даже в том паршивом платье было заметно.

– Спасибо, – выдохнула я. – Аля, прости, что я на тебя напустилась. Кажется, я и вправду тебе позавидовала.

– Да это я тебе завидую! – рассмеялась Аля. – Я совсем не умею готовить. Каждый раз, как пытаюсь, получается катастрофа!

– Приезжай в гости, – предложила я. – Я тебя научу.

Глава 7: Добейся успеха: мне или никому

– Я нашла «Мое непослушное сердце»! – объявила я Диане с утра пораньше.

– Теперь тебе осталось отловить свой блуждающий разум и поднять свою низкую самооценку, – Диана пила кофе крошечными глоточками.

– Я о Сьюзен Элизабет Филлипс.

– А я нет, – отрезала Диана.

– Ты не понимаешь. Это очень редкий роман. В последний раз его издавали в 2001 году и... В общем, в выходные я намерена устроить себе праздник. Куплю мороженого, обложусь подушками и буду читать, пока...

– Пока мозги не потекут из ушей, – любезно подсказала Диана.

Я решила обидеться, но меня отвлекло появление Ирины. На ней было темно-синее элегантное платье и туфли из змеиной кожи, окрашенные ему в тон.

– В субботу в девять утра встречаемся у входа в здание и едем на корпоратив. Вернемся вечером воскресенья, – объявила всеми любимая начальница.

– Лучше я ногу сломаю, – скучным голосом произнесла Диана, когда Ирина, бросив на стол сумку, отошла.

В прошлом мне нравились наши корпоративы, но тогда они не подразумевали необходимость терпеть общество Ирины, и я спросила:

– Думаешь, все будет так себе?

– Весьма вероятно, что получится нечто похожее на сиквел фильма «Мизери». Только безумную тетку с молотком будет играть другая женщина, – Ирина вернулась, и Диана понизила голос. – Взгляни на это подергивающееся от злости лицо. Возможно, оно станет последним, что ты увидишь в своей жизни.

– Тогда я откажусь. Лучше останусь дома и почитаю.

– Скажи ей об этом, – предложила Диана не без ехидства.

Нахмурившись, я встала и направилась к Ирине.

Ирина тыкала длинным ногтем в клавиши, хмуро глядя в монитор.

– Поедешь, – рявкнула она, даже не посмотрев на меня.

Без единого звука я вернулась на свое место.

– Диана, пожалуйста, отправляйся со мной.

– И откуда я знала, что так и будет? – пробормотала Диана, подпирая щеку ладонью. – Что вообще нас ожидает? – крикнула она Ирине сквозь стеклянную перегородку в грубое нарушение офисного этикета.

– Кемпинг.

– Кемпинг, – повторяла я, сидя на диване в квартире Эрика и с яростным вниманием наблюдая, как фигурки на экране колотят друг друга. – Кемпинг! Нет бы просто сказать «от-

дых на природе», так она и здесь выделяется!

– Если тебе не хочется ехать, просто оставайся дома, – Эрик сражался так сосредоточенно, как будто его и вправду могли прикончить.

– Легко сказать, – я надула щеки. – А так хотелось поваляться с книжкой... Эрик, а ты случайно не думаешь, что женщины, читающие любовные романы, дурочки?

– Да я тоже сейчас не Шопенгауэра изучаю, – Эрик мотнул головой в сторону монитора.

– Хм, – обняв подушку, я откинулась на спинку дивана. – Эрик, а почему ты не женишься снова?

– Щас, все брошу, – ответил Эрик, нажимая на кнопки контроллера.

– Нет, серьезно.

– Мне хватило одного раза. Когда мы с Жанной были женаты, она никогда ни за что не отвечала и все время чего-то требовала. Она теряла мои вещи и удаляла мои файлы. Она приводила своих истеричных подруг, которые бузили на кухне всю ночь, своим тупым ржачем будили ребенка и мешали мне работать. Пока я был с ней, у меня не было времени даже на то, чтобы дышать.

Хм. Похоже, Эрик метит в убежденные холостяки.

– Ладно, я, пожалуй, пойду.

Неделя пролетела, не отмеченная примечательными событиями, если не считать истерики, которой разразилась Аня на кухне в четверг.

– Какая же она противная! Высокомерная! Только и говорит, что о своих успехах и дорогих шмотках!

Мы с Дианой не нуждались в пояснении, о ком идет речь.

– Слушай, тебе не обязательно ползать перед ней на пузе, – мягко указала Диана. – Не первая работа и не последняя.

– Но мне нужна эта работа! Я устроилась меньше года назад... а эта компания на хорошем счету. Здесь у меня есть перспективы. Куда мне уйти? В кадровое агентство? Расширяться, делая сотни звонков в день?

По лицу Ани катились крупные слезы. Тем не менее не прошло и пяти минут, как она собралась и удалилась со сдержанно-отчужденным видом, как будто все произошедшее не имело к ней отношения.

В пятницу я спохватилась, что мне нечего надеть на корпоратив, и предложила Диане пройтись со мной по магазинам. Но Диана была записана к парикмахеру и отказалась. Тогда, в рамках программы укрепления мирных отношений, я позвала Алю. Уже в торговом центре, возле фонтана с прыгающими струями, мне позвонила Диана и сказала, что ее попросили перенести дату визита, и через пять минут она присоединится ко мне. Пока я размышляла, что будет, когда сойдутся стихи и проза, лед и пламень, черный и розовый в зеленую крапинку, строгая рациональность и тотальное раздолбайство, они подошли одновременно. На Але было мозговыносящее неоновое-зеленое платье, подол которого пред-

ставлял собой развевающиеся ленточки.

– Как вам это удалось? – поразилась я. – Вы даже не знали, что должны встретиться!

– Ты много о ней рассказывала. Я узнала ее, когда увидела женщину, одетую как на карнавал в Рио-де-Жанейро.

– Ты много о ней рассказывала. Я узнала ее, когда увидела женщину, одетую как сотрудница элитного крематория.

– Да и кто еще бы стал танцевать Майкла Джексона в обувном.

– Это лучший способ проверить, удобны ли туфли.

Пока мы ходили по магазинам, Аля непрерывно болтала. Диана отвечала ей спокойно и без колкостей, по большей части предпочитая слушать. К моему удивлению, они отлично поладили. Хотя без инцидентов не обошлось: в примерочной магазина нижнего белья Аля заметно развеселила тоскливо ожидающих жен мужчин, все время выпрыгивая из кабинки в проход к зеркалу, которое она сочла более удобным. Жены также обратили на нее внимание, и не прошло и пяти минут, как раздался звук пощечины. Аля подошла, взяла разгневанную женщину за руку и, кротко заглянув ей в глаза, сказала:

– Не бейте этого мужчину. Может быть, он вам еще пригодится.

– А в чем дело? – недоумевала она, когда я попыталась объяснить ей, почему ее поведение вызвало восторг одних и негодование других. – Мы же ходим на пляже полуголые.

– Но это же не купальники. Это нижнее белье.

– Ну и что? Мой купальник скрывает меньше. Если я вообще его надеваю, конечно.

Тем не менее все это отвлекло меня от моего любимого садомазохистского занятия в магазинах – оглядываться на себя в зеркалах и пугаться размера собственной задницы. К тому же Аля заставила меня пересмотреть мои принципы в одежде.

– Все эти майки-палатки, которые ты набрала, просто ба-рахло, – фыркнула она.

– Тебе хорошо, ты стройна как лань. А мне надо прятать пузо.

– Не преувеличивай. Ты просто немножко пухленькая, в этом нет ничего плохого. В любом случае живот должны прятать шорты и юбки. А эти хламиды, свисая с груди и прячась, добавляют тебе килограмм десять.

Я хотела поспорить, что негоже выставлять свои складки напоказ, но Аля уже исчезла. Вернулась она с темно-синими шортами с высокой посадкой и мягкой зеленой маечкой, примерив которые, я решила впредь заткнуться и слушаться.

– Аля, ты не могла бы подыскать мне что-нибудь еще?

– Нет проблем.

Через полтора часа, разоренные, утомленные и счастливые, мы присели в кафе.

– Минеральной воды, – сказала Диана.

– Минеральной воды, – подтвердила я.

– Пива для всех, – перевела официанту Аля и восхищенно

посмотрела ему вслед. – Его попойкой можно колоть орехи.

– Мне было бы противно есть эти орехи, – протянула я.

– Есть же специальные щипцы для орехов, – напомнила Диана.

Аля глотнула пива и обвела нас абсолютно счастливым взглядом.

– Мы похожи на понишек из «Моего маленького пони». Я – Пинки Пай, Диана – Твайлайт Спаркл, а Соня...

– Флаттершай⁷, – завершила Диана. – А что? Я смотрю с дочерью.

Принесли салаты. Я вдруг вспомнила о завтрашнем дне и помрачнела.

– Еще и в выходные терпеть Ирину. Целый день, и ночь, и еще день.

– Ну ночь не в счет, – возразила Диана. – Если только она не прилетит к тебе пить кровь.

– Я не знаю, чего ждать от нее. Вообще она похожа на суккуба.

– Если я нервничаю или боюсь, я представляю себе чирлидеров – девочек из группы поддержки, с помпонами. Они

---

⁷ «Мой Маленький Пони: Дружба это Магия» (My Little Pony: Friendship Is Magic – с 2010 по настоящее время) – насахариненный мультсериал, повествующий о приключениях разноцветных пони, чей умильный вид оказывает гипнотическое воздействие на психику детей, а также многих взрослых, заставляя их покупать весь сопутствующий мерчендайз. Пинки Пай – тусовщица с явными психическими нарушениями. Твайлайт Спаркл – занудная всезнайка. Флаттершай – застенчивая любительница животных, боящаяся собственной тени.

прыгают и кричат что-нибудь вроде... – Аля поднялась с места, – АЛЯ! АЛЯ! ВПЕРЕД! ВПЕРЕД!

Она запрыгала. Ее груди тоже. Мужчина за соседним столиком отпил мимо чашки.

– Аля, сядь пожалуйста, – мы вцепились в нее. – На нас все смотрят.

– Это очень помогает. Смотрела «Добейся успеха»?⁸

В один плохой день. Все части подряд. Закутавшись в одеяло. С тортом.

– Да, смотрела. Я попробую. Просим счет?

После того, как официант принес нам сдачу и чек в фаянсовой тарелочке, Аля добавила чаевых от себя и, подкрасив губы, коснулась ими чека, оставляя официанту поцелуй на память.

– А номер телефона ты ему не написала?

– Нет, нельзя лишать молодых девчонок шанса.

В субботу сотрудники «Синерджи» стеклись ко входу в Замок. Диана выглядела угрюмой и усталой, Аня украдкой зевала в ладонь, да и все вокруг, казалось, предпочли бы находиться сейчас в своих постелях. Ирина еще не подошла, и я украдкой посматривала на Роланда, который оказался

---

⁸ «Добейся успеха!» (Bring It On, 2000 г.) – мыльное кино о красавицах-чирлидершах. Благодаря обилию акробатики и минимуму одежды, фильм стал популярным среди девочек-подростков и одиноких мужчин среднего возраста. В дальнейшем были выпущены еще четыре части: «Добейся успеха снова», «Добейся успеха: Всё или ничего», «Добейся успеха: Всё за победу» и «Добейся успеха: Борись до конца».

более пунктуален. Одетый в белоснежную рубашку и серые брюки с острыми стрелками, он блуждал с растерянным видом, огибая вяло переговаривающиеся группки.

– Отдел подбора, послушайте меня, – по старой доброй традиции Ирина воздержалась от приветствий. – Цель предстоящего корпоратива – налаживание дружеских связей в коллективе и, прежде всего, в отделах. Поэтому ваша задача – продемонстрировать максимальный уровень сплоченности.

– Это как? Когда у нас критические дни в одно время? – спросила Диана.

Ирину передернуло.

– Не надо извращать мои слова. Учтите – каждую из вас, которая не будет достаточно веселой, отзывчивой и дружелюбной, в понедельник ожидает выговор.

– Мысль об этом определенно поможет нам настроиться на нужный лад, – не отставала Диана.

– Там будет гендиректор. Поэтому без вывертов, – прошипела Ирина, отходя.

– Вот так вот. Либо вы объединитесь немедленно, либо чуть позже я сведу вас навеки в братской могиле, – ухмыльнулась Диана. – Я уверена, особенности мышления этой женщины обозначаются каким-то сложным психиатрическим термином.

Подошли автобусы, и непривычный долго удерживать свой вес на ногах офисный народ устремился к ним, цепля-

ьясь сумками. Я устроилась рядом с Дианой, Аня же шмыгнула к своей подружке Дане из отдела кадров. Подошедшая Ирина бросила на Аню испепеляющий взгляд, но тут же успокоилась, заметив свободное место рядом с Роландом. Наблюдая их головы рядом, я ощутила болезненный укол ревности.

– Пропашие выходные, – пробормотала Диана, запрокидывая голову. – Хорошо хоть Сабрина как раз отправилась пожить у отца.

– Как у вас с ним?

– Все в норме, – Диана, как всегда, была лаконична.

– Вы уже столько лет встречаетесь. У вас ребенок. Не понимаю, почему вы не поженитесь.

– Потому что не все люди созданы для брака.

«Странно», – подумала я, отворачиваясь к окну. И почему люди, у которых есть возможность, не женятся, а те, у кого такой возможности нет, только о том и мечтают?

– Ирина, как удачно, что мы оказались попутчиками. Я как раз хотел обсудить с вами несколько рабочих вопросов, – Роланд достал свой ноутбук и включил его.

– Конечно, – Ирина так улыбнулась, что у нее сморщился затылок.

Я дочитала последние пять глав в книге Бренды Новак; Роланд все еще вел с Ириной деловую беседу. Мы с Дианой посмотрели на ее читалке серию сериала «Коломбо»; у Роланда явно накопилось много вопросов. Я начала Гарвуд. К

тому времени, как герои добрались до постели, мы ехали уже три с половиной часа, а Роланд вещал и вещал, все тем же монотонным голосом сосредоточенного на деле, никуда не торопящегося человека.

– Вот уж не думала, что скажу это, но Ярослав великолепен, – протянула Диана, обмахиваясь моим «Великолепием чести».

Когда автобус наконец остановился, Ирина, как мне показалось, выскочила наружу с некоторой поспешностью.

Вокруг было свежо и зелено. Я вдохнула чистый воздух, и мой желудок заурчал от голода.

– Здравствуйте-здасьте, – навстречу своим несколько помявшимся в дороге сотрудникам вышел гендиректор собственной персоной – дражайший Самсон Петрович Елизаров.

Можно предположить, что он приехал сюда раньше на машине со своим шофером, но, если судить по его виду, он прискакал на волшебном ослике. Обычно предпочитающий мешковатые костюмы и рубашки странных оттенков, сегодня Елизаров облачился в необъятную гавайскую рубаху и милитари-шорты с карманами. Развеселые яркие шлепанцы и высокая ковбойская шляпа изящно дополняли элегантный ансамбль. Его разругавшиеся щеки и красный кончик носа наводили на мысль о розах, распустивших свои лепестки после дождя. Впрочем, стакан в его руке провоцировал на размышления о совсем других вещах.

После формальных приветствий, которым из последних

сил попытались придать вид сердечных, все получили возможность расположиться и осмотреться, коротая время до завтрака, который по времени уже вполне сошел бы за обед. Жить нам предстояло в ряду крошечных домиков, украшенных очаровательным деревянным кружевом в старорусском стиле. Каждый домик предназначался для двоих, и, естественно, я поселилась с Дианой. Аня, вжав голову в плечи, опрометью, будто через минное поле, бросилась к Дане, но на середине пути была схвачена тонкой и разящей, как плеть, рукой Ирины.

Внутри нашего с Дианой домика была единственная маленькая комнатка, она же по совместительству кухня с крошечной плиткой и чайником.

– Хорошо, что душ и унитаз не поставили здесь же, – сказала Диана.

Из мебели были только кухонный стол, две узких кровати и тумбочки между ними. Диана достала вещи из сумки и аккуратно переложила их в тумбочку. Я тоже достала свои и побросала где придется. Таким образом, мы обе устроились.

Переодевшись в майки и шорты, мы погрызли драже «тик-так», завалившиеся у Дианы в сумке, надеясь, что они придадут нам достаточно сил, чтобы, когда нас наконец позовут к столу, мы смогли доползти до него прежде, чем все будет сожрано.

Дело таки дошло до обеда, и когда мы увидели обильное многообразие еды, мы почти поверили, что наша компания

любит нас – по крайней мере поверили на тот период, пока голод делал нас сентиментальными и доверчивыми. Мы с Дианой схватили тарелки и вооружили свои опытные руки деревянными палочками, уже чувствуя на языке вкус Калифорнии, и Акари Маки, и Окинавы Ролла... Но тут Самсон Петрович поднял руку, и мы с тоской поняли, что он будет говорить.

– Как чудесно, что в этот замечательный день все сотрудники местного представительства нашей компании собрались вместе...

Диана дернула уголок рта, явно не относя тупую обязательку на счет чего-то чудесного. К тому же собрались далеко не все. Из всего отдела социальных исследований, например, доехала едва ли половина. Впрочем, Самсон Петрович так редко появлялся в нашем офисе и обращал на нас так мало внимания будучи трезвым, что даже если бы накануне разогнали весь коллектив и набрали китайцев, едва ли заметил бы изменения.

– Кстати, как называется наша компания? – он хитро прищурился, как будто действительно полагал, что не все найдут ответ на этот вопрос.

Это походило на собеседование при приеме на работу умственно отсталого. Очень захотелось сказать, что мы понятия не имеем и пришли сюда просто пожрать.

– «Синерджи», – буркнула Диана, когда молчание неловко затянулось.

– Правильно. И что же означает название нашей компании? – он упер кулаки в бока, сверкая торжествующим взглядом. Хо-хо-хо, а вы думали, вопросы всегда будут такими простыми?

– По-русски оно звучит как «синергия». Синергия – суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их совместное действие существенно превосходит эффект каждого из них по отдельности, – отчеканила Диана, и гендиректор не удержался от разочарованного вздоха.

– Именно... и почему же наша компания получила такое название? А вот почему...

Далее началась пространная, много раз слышанная любым офисным сотрудником речь о том, что компания – это огромный механизм, но в нем важен каждый винтик, и только наши слаженные действия обеспечивают бесперебойность его работы... Нам, отделу персонала, было особенно тошно все это выслушивать, потому что кто, как не мы, знали, как часто эти винтики вылетают и тут же без проблем заменяются другими.

Елизаров разливался соловьем, зачарованный звуками собственного голоса. Бла-бла-бла, я буду говорить, пока ваши роллы не стухнут, пока ваш салат не почернеет, пока пирожки не превратятся в камень. Народ украдкой позевывал. Даже Роланд не выдержал и, достав планшет, заглянул в него. Ирина, единственная из присутствующих, смотрела на ген-

директора широко раскрытыми восхищенными глазами, но она одна знала, чего ей это стоило. Диана же... Диана серьезно задумалась. Очень странно. Неужели она... прониклась?

– Поэтому, – вещал Самсон Петрович.

Диана задумчиво потерла подбородок.

– И вопреки, – продолжал Самсон Петрович.

Диана сощурила глаза, пристально всматриваясь в него.

– Так выпьем же за это!

Встрепенувшись и резко покинув состояние летаргического сна, доблестные сотрудники «Синерджи» потянулись за стаканами – только чтобы с тоской обнаружить, что ничего крепче соков на столе нет. Я тоже взяла стаканчик и налила в него вишневого за неимением чего-то лучшего. Полагаю, руководство компании ясно представляло себе, что дай они доступ скучающим сотрудникам к алкоголю, все с тоски перепьются вмертвую еще до наступления вечера.

– Точно, Рокфор из «Чипа и Дейла»! – выдохнула Диана. – Вылитый!

Самсон Петрович так лихо чокался своим металлическим стаканом, что из наших, пластиковых, сок летел во все стороны. Энтузиазм гендиректора наводил на мысль, что ему повезло больше не только с емкостью, но и с ее содержимым.

Наконец с формальной частью было покончено, и мы набросились на еду как стая ворон. Роланд неловко подцепил палочками ролл, но, осмотрев его со всех сторон, положил обратно. Постояв пять минут, он отошел от стола, вероятно,

надеясь, что про него подумают, что он просто уже съел достаточно.

– Наш отдел – самый дружный в компании, – прощепетала Ирина, когда ей удалось протолкнуться поближе к Елизарову. – Правда, Дианочка? – Ирина положила ладонь Диане на плечо.

Диану родная мать не решалась называть «Дианочкой», и на руку Ирины она взглянула так, что та предпочла убраться свою конечность, пока не поломали.

– Мы все делаем вместе, – с чуть напрягшейся улыбкой продолжила Ирина.

– Вместе с кем? – осведомилась Диана.

– Решаем все встающие перед нами проблемы...

– Чьи проблемы? – не отставала Диана.

Пряча глаза, Ирина быстро покидала на тарелку роллы и протянула ее Ане.

– Анечка, твоя любимая еда.

Аня помотала головой.

Ирина скосила глаза на гендиректора и зашипела сквозь стиснутые зубы:

– Ешь.

– Но...

– Ешь! – рявкнула Ирина.

Аня взяла тарелку и под замораживающим взглядом Ирины надкусила один ролл.

– Очень вкусно. Спасибо, – сказала она громко.

– Как это мило, – восхитился Самсон Петрович.

Тут Елизарова кто-то окликнул. Воспользовавшись тем, что он отошел, мы тоже потихоньку смылись.

– Она такая неискренняя, – прошептала я. – Неужели он ей поверил?

– Даже если и нет. Начальники обожают, когда вокруг них прыгают на задних лапах, норовя подлизать задницу.

– Зато с нами она такая высокомерная.

– Может, я и могла бы уважать эту женщину, будь она просто стервой. Но эту льстивость я не могу ни понять, ни извинить. Да еще этот Елизаров... жди от нее спектакля.

Я опустила голову. Вот уж повезло. И почему Самсон Петрович, обычно обитающий в головном московском офисе, решил навестить нас именно сейчас, когда нас вывезли на природу и заставили предаваться бессмысленным развлечениям?

Вскоре после обеда отдел социальных исследований предложил поиграть в шарады. Что характерно – предложил и свалил. А Самсон Петрович уже загорелся. Конечно, он не собирался вставать со своего шезлонга под сенью раскидистого дерева, но был рад погонять своих крепостных по самой жаре. Ирина выдала поток истерического энтузиазма и украдкой послала нам злобный взгляд, так как мы воздержались от бурных проявлений радости. Третий час дующие привезенное с собой пиво благодушные айтишники не были за, не были против и вообще считали, что мы лишь пылинки

в пустыне вечности. Короче, они не убежали, и мы их тоже привлекли, хотя сами предпочли бы поваляться возле речки вместе с отделом аутстаффинга.

– Только я не знаю, как играть, – заявила вдруг Ирина.

– Молча изобрази что-нибудь, кого-нибудь. Действие, животное, профессию. Что угодно, – объяснил Леша из IT. Верхняя часть его лица пряталась под очками, а нижняя скрывалась густой черной щетиной. Каким-то образом он всегда был небрит, но и бороду не отращивал.

– Профессию, – пробормотала Ирина себе под нос.

Мы предполагали, что она ничего не сможет отчудить. Это же всего лишь игра в шарady. Но здоровый человек часто не может предсказать, что способен вытворить человек с больной психикой.

Играли мы до десяти очков. Балл начислялся, если команде удавалось разгадать шарadu команды-противника. Конечно, Ирина рванула показывать первая. Она вышла на поляну, с широкой улыбкой вытянула вперед руки и пошевелила пальцами.

– Зомби, – предположил кто-то из IT.

Ирина обиженно фыркнула и прижала ладонь к щеке. Прошла три шага, села на воображаемый стул и зашевелила губами.

Парни из IT прекратили отпивать из бутылок и предприняли отчаянные мыслительные усилия, какие только возможны в такой жаре и после пива.

– Есть версии? – поторопила их Ирина.

– Э-э-э, – начал Леша, как самый активный. – Кто-то кого-то потрогал за грудь, она дала ему по уху, он сел и начал обещать, что больше так не будет.

– Нет, – удивилась Ирина. – Это же рекрутер!

Самсон Петрович заплодировал, и Ирина просияла. Будь у этой женщины хвост, она бы сейчас взмыла в воздух, как на пропеллере. Из остальных никто даже не улыбнулся.

– Мы отдыхаем. Можно и отвлечься от работы, – подал голос Данила, упитанный белобрысый парень с сонными голубыми глазами и щеками, покрытыми нежным пушком.

– Мне не нужно отвлекаться от работы, – провозгласила Ирина, явно переигрывая с пафосом. – Работа для меня – лучший отдых.

После Ирины выступил Леша, который довольно убедительно показал пингвина, сидящего на яйце, и мы отгадали. 1:0. Леша явно надеялся, что ему удастся направить Ирину на путь истинный, но далее она показала ассессмент, который айтишники не отгадали, и никто не отгадал. Как вообще можно загадывать ассессмент?!

Атмосфера накалялась. Айтишники мрачно переглядывались между собой, совсем позабыв о пиве. Данила, начинающий багроветь от раздражения, вышел и показал нечто обезьяноподобное. Когда мы отгадали, он потребовал ответить, какая именно обезьяна. Как оказалось, Аня большая любительница «Нэшнл Джографик», поэтому после нескольких

неверных версий она смогла отгадать колобуса. «Красный или черно-белый колобус?» – потребовал уточнить Данила. Мы поставили на красного и проиграли.

– Покажи лизинг персонала, – приказала Ирина, выталкивая меня на полянку.

Когда на меня обратились все взгляды, я застыла столбом, не только не способная изобразить лизинг персонала, но и вспомнить, что это такое.

– Постовой? Кататония? Телеграфный столб? Суслик перед ударом о бампер? – посыпались варианты.

В порыве вдохновения я вытянула язык и пошевелила им, как змея.

Судя по выражению лиц отдела IT, догадки у них были, но по какой-то причине они не решились их высказать. Счет остался прежним. На Данилу было страшно смотреть. Из-за контраста с пунцовым лицом его белые волосы казались париком.

– Вы играете нечестно, – сказал Леша.

– Просто признайтесь, что вы недостаточно сообразительны, чтобы отгадать что-либо, – фыркнула Ирина.

– Ах так, – Данила вышел и показал нам что-то, невыразимое словами.

Совершенно замороженные, мы начали перебирать все подряд, и не пытаясь думать. Лучшая версия оказалась у Даны:

– Хомяк, в лунном свете выгрызающий себе печень, –

хладнокровно предположила она, и мы все заткнулись, признавая, что все равно не сможем придумать ничего лучше.

– Командный интерпретатор БАШ, – выдал Данила с торжеством.

– Справедливо, – расхохоталась Диана.

Далее игра скатилась в нечто совсем неприглядное. Ирина сыпала терминами из нашей профессиональной сферы, айтишники – из своей. Отгадать что-либо было невозможно, таким образом, счет оставался прежним. Самсон Петрович наблюдал происходящее с большим интересом. Я нервно топталась на месте. Аня чесала щеку, на которой все отчетливее проступала красная сыпь – в первый и последний раз она ела роллы шесть лет назад, и тогда же у нее обнаружилась на них дикая аллергия. Диана, в пику Ирине, вышла и показала чайник, согнув одну руку и вытянув другую. Замороченные айтишники решили, что над ними издеваются и это все что угодно, кроме чайника, и отгадать не смогли.

В результате, после CRM, контрпредложения, маршрутизатора, должностной инструкции, обратной совместимости (каким-то непостижимым образом Диане удалось отгадать), кейс-метода, аппаратной части, компетенции и аутентификации, игра была остановлена Самсоном Петровичем с приговором нам победы со счетом 2:0.

В глазах Ирины полыхали фанатичные огни.

– Мы их сделали! – восклицала она, потрясая руками. – Мы им показали!

Диана сказала, что если подобный восторг и был уместен, так только в Берлине в 45 году. Но в то время Ирина была бы на стороне проигравших. Аня потихоньку удалилась, сказав, что у нее вся кожа чешется. Позже мы видели ее за ужином – проклятая сыпь уже расползлась по шее и даже плечам. Мы попытались ей помочь, отыскав аптечку в надежде раздобыть что-нибудь антигистаминное, но как обычно там было много всего ненужного и ничего, в чем мы действительно нуждались. Ирина же только вздернула брови, недовольная неприглядным видом подчиненной.

Весь вечер мы с Дианой чувствовали себя как шпионы на вражеской территории, прячась, едва завидя нечто иринообразное. Аня спасти себя не смогла и грустной тенью следовала за Ириной, механически кивая ей и почесываясь.

– Жалкое зрелище, – прокомментировала Диана. – Согласна заглотить руку по локоть, если начальница потребует. Да и начальница, когда дело касается кого повыше, согласна заглотить, причем не только руку. Два сапога пара.

Я не была столь строга к Ане. Я слышала, она собирается замуж, и подозревала, что намеревается вскоре после отправиться в декрет. В отличие от многих других компаний в городе, наша оформляла сотрудников согласно Трудовому Кодексу и гарантировала приличный социальный пакет. Думаю, декретные были основной причиной, по которой Аня так отчаянно старалась удержаться.

Мы долго разговаривали с Дианой, прежде чем уснуть.

Еще никогда я не ощущала между нами такую близость. Диана рассказала, что ее дочка родилась с шестью пальчиками на ножках, но впоследствии лишние удалили. Еще она рассказала о своем детстве в крошечном городке, почти деревне («Там не было книжного магазина, и это было самое худшее»). Как росла с отцом алкоголиком и вечно потекающей ему матерью.

– Она могла ругать его часами, рассказывать, как мечтает уйти от него, а потом вдруг заявляла, что остается, потому что детям нужен отец. Она год за годом взваливала эту тяжесть на меня и моего брата. Когда я была уже взрослая, мы с братом узнали, что хотя наша мать и вышла за алкоголика, она не стала рожать от алкоголика, и наш настоящий отец – давний друг семьи, вполне приличный человек. Так какой отец был нужен детям? В этот момент все мое сочувствие к матери пропало. Можно достичь дна Марианской впадины, но не дна человеческой глупости. Я стала очень нетерпима к идиотам. Мне хочется сворачивать их в клубок и пинать ногами прочь от себя. А вокруг нас столько всякой ерунды. Рекламы, советы, статьи в журналах, телепередачи. Просто не успеваешь это отфильтровывать.

Вскоре брат Дианы уехал на Север на заработки и там осел. Она не видела его более десяти лет.

Я пыталась расспросить ее насчет отца Сабрины, но она возразила, что, когда все в порядке, и говорить не о чем.

Тогда я поделилась с ней своими планами на тридцать

первый год моей жизни, рассказала о данной себе клятве, встрече выпускников, Феде, танцах в лесу, обо всем.

– По меньшей мере ты пытаешься что-то изменить к лучшему, – решила Диана.

– Ну, пока от моих усилий толку не было. Знаешь, иногда я пытаюсь успокоить себя. Залезаю в Интернет, читаю сообщества одиноких, чтобы почувствовать, что я не одна такая. Но при этом у меня возникает ощущение, что мы, одиночки, оторваны от всего остального мира и никого не интересуем. Живем под куполом из прочного стекла, где всегда тихо и ничего не происходит, куда никто, кроме таких же, как мы, не может войти, и никто не может выйти.

– Это слишком депрессивно. А что твой сосед?

– Оставь моего соседа в покое, – пробормотала я, зарываясь лицом в подушку.

С утра мы были предупреждены о необходимости одеться поудобнее, после чего нас поставили в шеренгу и куда-то повели.

– Не отставай, – поторопила Диана. – Расстреляют.

В пути половинчатый отдел социальных исследований бесследно растворился. Его можно было понять.

На месте нас ожидала парочка студентов – девушка с золотистыми выгоревшими на солнце волосами и кудрявый смуглый парень. Они были одеты в матроски, треуголки и застывшие аниматорские улыбки. Между ними в мягкую перекопанную землю был воткнут пиратский флаг.

– О нет, только не поиск сокровищ, – пробормотала Диана.

– Здравствуйте, искатели сокровищ! Вот вы и подошли к своей цели... Здесь, в этой земле, погребены сокровища, спрятанные зловещим пиратом Черной Бородой двести лет тому назад, незадолго до его смерти от ружья английского матроса!

– Эдвард Тич, Черная Борода, помер едва ли не триста лет назад, – проворчала Диана. – Если они берут реальное историческое лицо, почему бы не сопоставить даты?

– Начинайте копать, – провозгласили аниматоры хором.

– И не подумаю, – бросила Диана.

Мальчики из IT вооружились лопатами и приступили к раскопкам. Было заметно, что после вчерашних возлияний движения даются им нелегко. Вскоре показался искусственно состаренный сундук с новешеньким блестящим кодовым замком на нем.

– Заперт! – торжественно провозгласили аниматоры. – К счастью, среди записей Черной Бороды сохранилась старая карта. Возможно, именно она поможет вам отыскать кодовое слово. Но только самые отчаянные и смелые откроют сундук первыми и получат сокровища!

– А самые ленивые просто проведут день в удовольствии и неге, – вздохнула Диана, тоскливо глядя в ту сторону, где исчезли дезертиры из отдела социальных исследований.

– А теперь поделитесь на две команды и выберите капи-

танов.

– Я капитан! – сразу закричала Ирина.

Наш маленький отдел объединили с отделом аутстаффинга. Выступать нам предстояло против команды IT. По несчастному стечению обстоятельств, отдел аутстаффинга, еще минуту назад пышущий здоровьем, внезапно подвергся нападению различных хворей. У Лены вдруг разболелась голова, Татьяну затошнило, Владимир честно признался в проблемах с желудком, а Дмитрий просто развернулся и ушел, видимо, терзаемый чем-то совсем постыдным. Не успели мы моргнуть, как остались в привычном составе: Ирина, наряженная в короткий комбинезончик с плетеным поясом, очаровательные туфельки на танкетке и широкополую соломенную шляпу; Диана, не изменившая любимому черному цвету даже переодевшись в шорты и майку; скребущая щеки Аня и я, опечаленная предстоящими телодвижениями.

– Похоже, не все рады перспективе плавания под вашим руководством, капитан, – хрюкнул небритый Леша. Это был уже откровенный наезд, и его немедленно избрали капитаном команды IT.

Ирину всю перекосило, и она непременно ответила бы грубостью, но как раз подошел Самсон Петрович, поэтому она сказала только:

– Мы вас сделаем. И я еще поговорю с руководителем вашего отдела по поводу вызывающего поведения его подчиненных.

– Я руководитель отдела, – сказал Леша.

Во взгляде Ирины мелькнуло неприятное удивление. Этот недоросль в здоровенных очках и мятой футболке руководитель отдела? Их взгляды встретились, опалая траву. Война была объявлена. К сожалению, нам в ней была уготована роль пушечного мяса.

Подошедшая девушка-морячка попыталась разрядить обстановку.

– Отомстите им, выиграв соревнование, – с улыбкой предложила она.

Нам выдали красные платки, айтишникам – синие, и пояснили, что мы должны собирать буквы соответствующих цветов. Мы с Аней повязали платки на шею, Диана надела свой как бандану, а Ирина убрала платок в карман, потому что сделать из него корону не было возможности.

Теперь нам было нужно выбрать себе название.

– «Победители», – заявила Ирина.

– Как бы не стать проигравшими «Победителями», – усмехнулась Диана.

– Мы выиграем! – взвизгнула Ирина.

– Наверное, нужно что-то на морскую тематику, – задумалась я. – Может, «Морские звезды»?

– Кроме меня, я здесь других звезд не вижу, – отрезала Ирина, и Диана выгнула бровь. – Нам нужно что-то, демонстрирующее нашу уверенность в собственной непобедимости.

– «Мания величия»? – предложила Диана.

– Перестань нести чушь, – огрызнулась Ирина.

– «Победители»? – подала голос Аня, переплетая пальцы в тщетной попытке не чесаться. Она выглядела такой несчастной, что я бы попросила отправить ее отлежаться в домик, но знала, что Ирина ее не отпустит, потому что ай-тишников и так было пятеро против нас четверых.

– Где ты витаешь вообще? – зашипела Ирина. – Этот вариант уже был! Давайте скорее, *эти* уже придумали!

– «Мегаломания». «Байкеры из ада». «Гремлины в джакузи». «Роботы-каннибалы, разрывающие людей напополам», – выдала Диана.

– Вы решили? – окрикнула ведущая.

Ирина суетливо улыбнулась.

– Да. «Победители».

Ее ответ спровоцировал вспышку смеха среди отдела IT.

– Это был ваш единственный шанс назваться победителями, – сказал Артемий, который обычно был очень тихий и незаметный. Но Ирина и барсука заставила бы разговориться и высказать ей претензии.

– А вы кто? «Флибустьеры»? Ха, тоже мне, гроза морей. Если вы и способны кого напугать, так только друг друга.

– Капитаны, подойдите, – позвал кудрявый юноша.

Капитанам вручили карты, свернутые в трубочки, и Ирина сжала свою так, что карта смялась.

– На старт, внимание... – кудрявый едва сохранил рав-

новесие, когда его задела промчавшаяся мимо Ирина, – ...
марш!

Стеная мысленно и вслух, мы неохотно побежали догонять нашего фюрера.

– Вы чего плететесь, как хромые собаки? – обернувшись на бегу, прокричала Ирина. – Быстрее! Быстрее! БЫСТРЕЕ!

– Хоть бы она в дерево врезалась, – от души пожелала Диана.

Наверное, если бы не вопли Ирины, я бы давно уже рухнула. В боку у меня закололо еще до того, как мы начали – так сказать, от предчувствия. В спорте я была не сильна, тем более что в школе прогуливала уроки физкультуры, поскольку была толстая и неуклюжая и надо мной все смеялись. Из горла вырвался хрип, и, вспомнив совет Али, я попыталась представить себе чирлидерш, выкрикивающих мотивирующие лозунги, помахивая красными помпонами. Но боль в боку усилилась, и стало не до них.

До пункта назначения мы добрались в таком состоянии, что, будь мы лошадьми, нас бы уже пристрелили. Эх, нужно было соврать, что у меня волчанка или педункулярный галлюциноз...

Первое испытание представляло собой поле, пересеченное веревками с прикрепленными к ним бубенчиками, которое надо было преодолеть так, чтобы ни один бубенчик не звякнул. На другой стороне поля нас ждал красный листочек с первой буквой кодового слова. Конечно, мы бы сжуль-

ничали и поперлись не разбирая дороги, но здесь уже была девушка-наблюдательница в матроске и шортах с надписью «Dskquared».

– Диана, – скомандовала Ирина.

Диана развернулась и флегматично посмотрела на нее.

– Вы хотите, чтобы я туда полезла?

– Да.

– А я не хочу.

– Как это не хочешь? Я твой капитан! Ты обязана подчиняться моим приказам!

Диана не могла припомнить, когда нанялась к Ирине юнгой, тем не менее она шагнула вперед и положила ногу на веревку. Бубенчики зазвенели.

– Следующий участник, – объявила наблюдающая.

– Аня! – гаркнула Ирина.

Аня начала довольно бодро, демонстрируя гибкость и умение хорошо держать равновесие. Ирина подбадривала ее выкриками вроде: «Шустро! Мы уже проиграли! Копуша!» Она по-настоящему вжилась в роль капитана. Из тех, которые владеют затрапезной шхуной и обзаводятся матросами, стучая людей по головам на пристани.

На середине поля Аня вдруг замерла, вздрагивая от взвизгов Ирины. Я почти физически ощутила, как она пытается преодолеть невыносимый зуд, но ее рука потянулась к открытому сыплю лицу, и... Аня зачесалась яростно, как шелудивая собака, и бубенчики зазвенели, объединяя голоса в

серебристый гул.

– Попробуем снова, – сдавленно произнесла Ирина и с сомнением посмотрела на меня. – Давай.

«Давай! Давай!» – закричали чирлидерши в моей голове, задирая ноги так высоко, что можно было видеть их черные трусики. Я начала с того, что упала. «Ай-яй-яй!» – запричитали чирлидерши.

– Убирайся, я сама, – прошипела Ирина, отталкивая меня. Несмотря на высокий рост, из нас четверых Ирина оказалась самой грациозной. Она то изгибалась, поднимая ноги, то опускалась на четвереньки, изящно выгибая спину. Ее плавные движения наводили на мысль, что она могла бы сделать карьеру в стриптизе. Эта работа в любом случае подошла бы ей больше, чем пост руководителя нашего отдела.

– Из-за этих веревок у меня уже в глазах рябит, – пожаловалась она. – Вот навязали. Куда я должна двигаться?

Диана была услужлива, как никогда.

– Левее... правее... развернитесь... еще развернитесь... теперь вы вообще не туда!

– Слушайте, она ползает кругами, – сказала я.

– Да пусть ползает, – прошептала в ответ Диана. – А теперь в другую сторону...

Аня могла бы помочь своей патронессе, но она только почесывала ключицу, со слабой улыбкой на губах глядя в пространство.

Через полчаса, когда Ирина схватила-таки заветную бук-

ву («G») и, обогнув поле, подошла к нам, она была такой взмокшей, что ее от гламурного вида ничего не осталось. Зато осталась шляпа. Где-то посреди поля. Ирина бы покричала на нас, но, к счастью, ей пока не удалось восстановить дыхание.

Осмотревшись (айтишников нигде не было видно), наша супер-команда поспешила к следующему испытанию, обливаясь потом под одуряющим полуденным солнцем. Кто вообще придумал проводить соревнование в самый разгар дня? Я чувствовала, как мои внутренние органы отказывают один за другим. Пот раздражал сыпь Ани, усиливая и без того мучительный зуд. Ирина задыхалась – больше от злости, чем от бега. Одна Диана, кажется, не слишком страдала, двигаясь размеренно и спокойно.

Карта привела нас к худосочному притоку Волги, на берегу которого, среди сотни рассыпанных для нас добрыми аниматорами ракушек, нам предстояло найти одну, под которой пряталась буква из кодового слова. Мы приступили к поискам. Ирина же тем временем утомленно прислонилась к дереву, не прекращая при этом нас поторапливать.

– Может, вы просто поможете? – предложила Диана.

– Я ваш руководитель. Я не буду тут ползать, как краб. Я и так все за вас сделала в прошлый раз.

– Да, матушка. Хорошо, матушка, – прошептала Диана. – А потом мы переберем чечевицу от фасоли, перец от пороха и сахарную пудру от кокаина.

Странно, но Диана как будто бы не выглядела по-настоящему разгневанной. Некоторое время я добросовестно ходила по-утиному, переворачивая каждую створку. Чирлидерши выкрикивали мое имя, но вскоре их помпоны обессиленно повисли, как будто и на воображаемых девушек действовала жара. И тут я начала замечать подозрительные вещи: Диана в десятый раз заглядывает под одну и ту же раковину, а Аня, повернувшись к Ирине спиной, почесывает лицо и вообще ничего не делает. Пока капитан отчаянно стремилась выиграть, ее команда играла в поддавки.

– Вот я вас взгрею в офисе, – пообещала Ирина, когда терпение ее истощилось, и, отпихнув нас, сама принялась за дело. Ракушки так и полетели.

– Что-то у меня в глазах темнеет, – пробормотала Диана и уселась под то самое дерево, празднично наблюдая за работой Ирины.

Вот кому было действительно плохо, так это Ане, но она молчала, не решаясь на стычку со своей патронессой.

Буква «Е» была найдена, и после очередной пробежки нам пришлось разбираться с плоскими пластиковыми фигурами, изображающими пиратов-конкурентов. Закидав их помидорами, мы обогатились буквой «У». Диана от участия отказалась, сославшись на радикальный пацифизм.

– Мне вообще не нравятся помидоры, – сказала она. – У них такой лицемерный сладковатый привкус...

Следующее испытание повергло нас в уныние: нам пред-

стояло с помощью веревки, перекинутой через толстую ветвь большого дерева, поднять одну из нас к его верхушке, где на ветру одиноко трепыхался сложенный вчетверо красный листок.

– Ты слишком толстая, – сразу отбросила меня Ирина. – Ты... – она перевела взгляд на Диану. – С учетом твоего самомнения ты просто неприподъемна.

– Если учитывать вес самомнения, остается только Аня, – резюмировала Диана.

К счастью, к концу веревки была привязана деревянная сидушка. Неловко устроившись на ней, Аня вцепилась в веревку и посмотрела на нас грустными глазами. Мы с Дианой начали тянуть, а Ирина отошла на несколько шагов, чтобы ей было удобнее окидывать нас критическим взглядом. Но тянула, кажется, одна я. Во всяком случае, Аня поднялась в воздух не более чем на десять сантиметров и сразу шлепнулась обратно.

– Мы вдвоем не справляемся, – обратилась я к Ирине.

– Придется справиться. У меня дорогой маникюр.

– А у нас вообще нет ногтей, – заявила Диана. – Их вырвали, чтобы заставить нас участвовать во всем этом.

Поднять Аню мы так и не смогли. Сдавшись, мы посадили на ее место Ирину и снова взялись за веревку. Разгневанная Ирина костерила нас на чем свет стоит. Мы уже подняли ее более чем на метр, а она все не умолкала.

– В ходе соревнования вы все проявили свою полную

несостоятельность. Неудивительно. Как бы вы здесь разобрались, если вы в офисе не способны справиться с самыми элементарными заданиями. И это мой отдел! Лучше бы я управляла стадом овец. От вас же вообще ни «бе» ни «ме»!..

С каждым ее словом сила как будто утекала из моих рук. Аня сморгнула каплю пота и сморщила лоб от напряжения. Она явно испытывала те же чувства.

– Никчемности!

Веревка выскользнула из потных рук ни на что не пригодных существ и устремилась вверх, в то время как Ирина устремилась вниз (чуть быстрее, чем она сама бы предпочла), приземлившись с таким грохотом и силой, что могла бы сломать себе копчик. Мы с Аней подбежали к ней, но, судя по энергично выкрикиваемым обвинениям, с Ириной все было в порядке, и мы благоразумно отошли.

Некоторое время мы выжидали, пока она успокоится, заплевав землю огнем и ядом, затем предприняли вторую попытку. В этот раз Ирина догадалась встать на сиденье и просто дотянуться до листка («S»), когда мы немного приподняли ее.

Мы падали с ног, но должны были бежать, гадая, какие еще издевательства ожидают нас впереди.

Создатели этой идиотской игры, видимо, полагали, что у себя в офисе мы только и делаем, что ходим по ниточке. Пусть в действительности так оно и было, но не в буквальном же смысле! Чтобы мы не сочли их садистами, вместо

нейлоновой бечевы они предоставили нам канаты. Даже два каната, натянутые параллельно друг другу над мутной водой протоки.

– Встаете на канаты боком и двигаетесь, опираясь друг на друга. Итак, Соня и Диана...

Мое сердце куда-то ухнуло. Чирлидерши попрятались за помпоны.

– Я не справлюсь! Я боюсь высоты! Я не умею ходить по канату! И не люблю падать!

С отвращением отвернувшись от меня, Ирина обратилась к Диане.

– Этого нет в перечне моих должностных обязанностей, – отчеканила Диана металлическим голосом.

Позеленев от злости, Ирина вперила в нее леденящим змеиным взглядом, но Диана осталась невозмутима, как факир.

– Аня, – приказала Ирина, с досадой отворачиваясь от Дианы.

– Но я...

– Я сказала, АНЯ!!!

Обреченно вздохнув, Аня бочком придвинулась к канату. Ирина встала напротив. Медленно, судорожно вцепившись друг в дружку и опасно покачиваясь, они двинулись через протоку.

– Мне жаль Аню не потому, что она идет по канату, рискуя упасть одетой в грязную воду. Мне жаль ее, потому что на-

против такое злое лицо, – сказала Диана.

Ане, видимо, тоже было себя жалко, и она старалась не смотреть на Ирину. Ирина же отводила взгляд по другой причине.

– Надеюсь, твоя сыпь не заразна.

– Это аллергия.

– Ты должна была взять с собой мазь или что-нибудь. На тебя противно смотреть.

Аня сердито покраснела.

– Я же не могла предсказать, что вы заставите меня есть роллы.

– Так это я тебя заставила? Нет, вы посмотрите на нее! Бедняжка! Тебе было сложно сообщить мне об аллергии?

– Я пыталась, но...

– Знаешь, что, не будь ты такой бесхребетной, ты бы не пыталась. Ты бы сообщила!

И тут случилось невероятное – Аня зажмурилась и с силой оттолкнула от себя Ирину. Падая, Ирина вцепилась в Аню, и вместе они полетели в протоку, подняв тучу брызг. Глубины оказалось не более метра, к тому же Аня удобно упала на Ирину. Ирине повезло меньше, и она впечаталась в дно.

Я не была намерена злорадствовать, но, когда мои чирли-дерши зашлись в ликующих воплях, ничего не могла с ними поделать. Протянув руки Ане, мы с Дианой подняли ее на берег. Она была вся в иле, поднятом со дна Ириной, но в

уголках ее губ мне померещилась улыбка.

– По крайней мере мне уже не так жарко.

Если бы не сыпь, она бы выглядела как вышедшая из воды русалочка. Ирина, прежде единственная из нас с макияжем, а теперь единственная из нас с потеками туши на щеках, походила скорее на утопленницу, до крайности разгневанную своим преждевременным уходом из жизни.

– Вы вообще собираетесь меня вытаскивать?

«Нет», – подумали мы так громко, что даже смогли услышать друг друга.

Оказавшись на берегу, Ирина предалась своему любимому занятию – тренировать голосовые связки.

– Моя одежда испорчена! Да вы знаете, сколько она стоит? Вы столько не получаете, сколько!

Заметив боковым взглядом движение над протокой, она повернула голову и потеряла дар речи: босая Диана, расставив ноги, ловко шлепала по канатам. Добравшись до противоположного берега, она сгребла сразу два красных листочка («R» и снова «Y») и тем же путем вернулась обратно.

– Думаю, я могу рассчитывать на премиальные, – сухо произнесла она, ступив на твердую землю.

– Ты все время могла это сделать? – поразилась Ирина. – И не сделала?

– Наш капитан прямо-таки фонтанировал крутостью. Не хотелось прерывать.

Ирина задумалась, не наброситься ли на Диану с побоями,

но, посчитав свидетелей, отступилась от этой идеи. Среди утешительных новостей было то, что на другом берегу Диана увидела синие листочки команды противников. Это означало, что айтишники пока не добрались сюда, и Ирина немного присмирела.

Мы уже не побежали, а побрели вдоль протоки, проклиная яркий летний день и гадая, кто мог решить, что подобные переживания способны заставить кого-то подружиться.

Последнее испытание было задумано как специальное издевательство для людей, страдающих фобией высоты. Нам предлагали залезть по веревочной лестнице на почерневшую от дождя башню и взять букву в крошечном окошке под самой крышей. В отличие от прочего инвентаря игры, башня действительно выглядела древней. Я бы даже сказала, ветхой. Такое испытание было чревато большим ущербом, чем отбитая задница, и парень из команды аниматоров известил о необходимости надеть страховочный трос.

– Соня, не думай, что и на этот раз я позволю тебе увильнуть, – процедила Ирина.

– Но я...

– Прикрепите к ней трос.

Я поставила ногу на веревочную лестницу, и она заизвивалась подо мной, как живая. Это уже было больше, чем я согласна выдержать. Вцепившись в лестницу, я попыталась вызвать свою группу поддержки, и, к счастью, они явились по первому зову – юные, свежие, с плоскими животами, свер-

кающие глазами и волосами. Помпоны взлетели к небу, и девушки заголосили, выкрикивая по буквам: «У! В! Ы! У! В! Ы! Увы! Увы! Увы!»

Я слетела с лестницы и повисла на тросе, беспомощно размахивая конечностями и норовя приложиться о стену башни.

Ирина прыгала и кричала:

– Лезь! Даже и не мечтай спуститься! Я тебя мигом зашвырну обратно! Я тебя...

– Все, хватит, – Диана решительно подошла ко мне, смогла найти опору и отстегнула страховочный трос. – Она не ползет.

– Но мы должны победить!!! – завопила Ирина (и почему она до сих пор не охрипла?).

У меня тряслись коленки, и я села на землю.

– Это вы считаете, что мы должны победить. А мы не считаем. Вам надо – вы и лезьте, – каждое слово Дианы было тяжелым и холодным, как ком льда.

Ирина растерянно перевела взгляд на Аню. Та молча помотала головой.

– Вот так, значит, – шептала Ирина, пока ей пристегивали страховочный трос. – Неудачницы. Пустышки. Ничего из вас не выйдет.

Злость придала ей сил, и до окошка она добралась быстро, с торжеством убедившись, что кроме красной буквы «N» на месте еще и синяя. Также оказались в наличии голуби, кото-

рые взмыли в воздух, когда она потянулась к букве. Один из них зацепил ее волосы, второй ударил ее крылом по щеке. Ирина попыталась врезаться птице в ответ, но голубь увернулся, а сама Ирина едва не свалилась с лестницы.

– Сделайте с этими паршивцами что-нибудь! – закричала она.

– Плохие голуби, – флегматично пожурела Диана.

Ирина извернулась, пытаясь пнуть улетающих птиц. Туфелька сорвалась с ее ноги и, описав красивую дугу, плюхнулась прямо в протоку. Затем сорвалась и сама Ирина и с громкими воплями закачалась на тресе. Парень-помощник бросился ее отвязывать. Едва освободившись от троса, Ирина бросилась к протоке. Ей повезло – туфелька запуталась в тине и ряске, иначе ее давно бы унесло течением.

– Это же Norma J. Baker за 12 тысяч! Спасайте ее!

– Правда? 12 тысяч? – спросила я.

– Она одна была за 12 тысяч? – уточнила Диана. – А при покупке одной была скидка на вторую? Или это была акция «за каждую туфлю получи еще туфлю бесплатно»?

– Перестаньте трепаться, идиотки! – Ирина развернулась к Ане. – Найди мне палку! Живо!

Аня убежала и вскоре вернулась с веткой, впрочем, все равно получив трепку за промедление. Присев на берегу, Аня попыталась подцепить веткой туфельку, опасно наклоняясь вперед.

– Тыкай, тыкай, – шипела Ирина. – Да не так ты тыкаешь!

Дай мне!

Выхватив у Ани палку, она потянулась к своей неоправданно дорогой обуви и во второй раз за день упала в воду. Ряска и водоросли, которые здесь почему-то водились во множестве, облепили ее волосы сплошным зеленым покровом.

– Достаньте меня!

– Да, ты всех достала, теперь наша очередь, – пробормотала Диана.

– Надо же что-то сделать, – сказала я, наблюдая, как Ирина плещется, заглатывая воду.

– Потыкай в нее палкой, – посоветовала Диана.

Ирина совсем скрылась под водой. К поверхности поднимались лишь пузыри.

– По меньшей мере она была не ведьма⁹, – резюмировала бессердечная Диана.

Перебирая в голове буквы в попытке составить из них слово (перегретые на солнце мозги отказывались думать), мы вернулись в исходный пункт. Зрелище мы представляли забавное: мокрая Аня; еще более мокрая и полуживая от злости Ирина, которой удалось спасти туфельку, но при этом она потеряла вторую; я, трясущаяся после пережитых волнений; и невозмутимая, как горноста́й, запакованная в чер-

---

⁹ Испытание водой – высокоэффективный средневековый способ проверки на колдовство. Предполагаемую ведьму бросали в воду. Если она тонула, ее признавали невиновной. Если не тонула, ее казнили как ведьму. В любом случае подопытной приходил конец.

ную одежду Диана. И первые, кого мы увидели – наши ненавистные соперники из отдела IT, расположившиеся прямо на траве и отпивающие пиво из запотевших банок.

– Мы победили, – известил Леша. – Вон сокровища.

Мы перевели взгляд на распахнутый сундук, полный маек и бейсболок с логотипом компании.

– Но... как?

– Мы отгадали кодовое слово – SYNERGY – и открыли сундук.

– Но вы не прошли все испытания!

– Нам не ставили условие пройти все испытания. Нам сказали – победит тот, кто откроет сундук. И не наши проблемы, если вам понадобились все буквы, чтобы угадать кодовое слово.

На Ирину было больно смотреть. Она едва сдерживала слезы.

– Ирина, – я коснулась ее руки.

– Все из-за вас, вы, святая троица, – прошипела она, отдергивая руку. – Не попадайтесь мне на глаза!

И, резко развернувшись, она удалилась широкими шагами.

Вечером состоялась грандиозная попойка, и некоторые увлеклись настолько, что позже их пришлось в бесчувственном состоянии погрузить в автобус. Айтишники натянули на себя «сокровища» и сразу залили их пивом. Диана как ни в чем не бывало болтала с Лешей, да и Аня заметно повеселе-

ла, пусть и не скрыв свою сыпь под слоем пудры, но хотя бы сделав ее менее заметной. Под ручку она держала свою подружку Дану, и периодически они дружно заливались смехом. Самсон Петрович танцевал, выплескивая на окружающих содержимое своего бокала. Ирина же отсиживалась в домике, сославшись на головную боль после беготни на солнце. Мне все же довелось увидеть ее, когда, привлеченная чей-то заунывной песней, я вышла к ее домику.

На бревнышке прямо под Ирининым окном сидел пьяный Данила и, эмоционально закатывая глаза, во всю мощь своих легких пел:

– Возьми моё сердце,
Возьми мою ду-ушу,
Я так одинок в этот час,
Что хочу умере-е-еть...

– Да заткнись ты уже! – высунулась из окна голова Ирины. Даже в слабом свете, исходящем от тусклой лампочки над крылечком, было заметно, что после соприкосновения с ряской и тиной ее обесцвеченные волосы приобрели выраженный зеленый оттенок.

Окинув Ирину туманным от винных паров взглядом, Данила отошел на десять шагов и меланхолично продолжил:

– Мне некуда деться,
Свой мир я разруши-и-ил,
По мне плачет только свеча

На холодной заре-е-е...¹⁰

– Передай Ане, чтобы принесла еды, – сердито приказала мне Ирина и захлопнула ставни.

Я вернулась к остальным, которые так громко разговаривали и смеялись, что я едва могла расслышать собственные мысли. Только Роланд, одинокий и печальный, как призрак, белел среди деревьев. Он так и не смог приспособиться к праздности, бессмысленной и беспощадной. На мне было выбранное Алей желтое платье, которое делало меня очень симпатичной даже в собственных глазах, и, наверное, поэтому меня вдруг охватила решимость. («Давай, срази его своим очарованием», – небрежно похлопывая помпоном по своей голой ноге, подбодрила меня одна из чирлидерш. У нее были черные волнистые волосы и синие глаза. Я решила, что ее зовут Джессика). Нерешительно приблизившись, я заглянула в дымчатые глаза Роланда.

– Ярослав Борисович, – прошептала я, – в нашем отделе возникла проблема в связи с нехваткой канцелярских принадлежностей, а наша руководительница Ирина, к сожалению, очень загружена, и я не решаюсь обратиться к ней.

На Роланда как будто плеснули живой водой. Во всяком случае, свой планшет он достал очень живо.

– Мы могли бы оформить заказ прямо сейчас.

– Это было бы чудесно. Нам столько всего нужно. Даже

---

¹⁰ «Возьми мое сердце» – рок-баллада в жанре хеви-метал, выпущенная группой «Ария» в 1995 году.

точилки для карандашей.

Он уже водил кончиком пальца по экрану, раскрывая страницы.

– Вы определились с маркой?

– Давайте посмотрим весь ассортимент, – выдохнула я в стиле Мэрилин Монро, и в этот момент мы с Роландом стали немного ближе друг к другу.

Мы провели восхитительных два с половиной часа, выбирая карандаши, и ручки, и папки для бумаг. Мимо нас то и дело сновала Аня с тарелками – видимо, у Ирины на нервной почве открылся жор.

– А я вас помню... Анастасия?

– София.

– Ах да, София... точно. Сейчас мне припомнилась Анастасия. Беспардонная особа. Столько раз ставила меня в неудобное положение.

– Как хорошо, что я не Анастасия, – нервно хохотнула я.

– Кстати, София, я просмотрел отчет Ирины о работе отдела, и как раз собирался вас уволить... Но сегодня вы проявили ответственность, позаботившись о том, чтобы у вашего отдела было все необходимое для эффективной работы, и мне подумалось, что в вас имеется нераскрытый потенциал. А вот с Анастасией необходимо распрощаться.

– Она уже не работает у нас, – быстро сказала я.

– Да? Хорошо, когда люди сами догадываются о необходимости уйти. И еще... ваше платье. Не вздумайте надеть

его в офис.

Домой уезжали поздно. В автобусе сильно пахло алкоголем. На моем лице не гасла улыбка. А у Ирины не было причин для радости. На этот раз она сидела одна, потому что Роланд положил на место рядом с собой свой ноутбук, давая понять, что больше не намерен терпеть общение с кем бы то ни было. Но Ирине тоже было не до компании. Каждые двадцать минут она просила водителя остановиться и убежала во тьму. Она утверждала, что ее укачивает, но карман ее брюк топорщился, набитый туалетной бумагой, к тому же ее расстроенный после нервного переедания желудок выводил настолько громкие трели, что я могла слышать их даже через шум мотора.

– Я совершенно удовлетворена. Теперь можно месяц не заниматься сексом, – съехидничала Диана, сверля взглядом спину Ирины, которой снова понадобилось выйти.

В четыре утра, стоя возле двери Эрика, я размышляла, лег ли он спать. Решив, что вряд ли, я все-таки постучалась.

Эрик открыл дверь, одетый в майку с Чипом и Дейлом и зеленые трусы.

– Ой, ты спишь?

– Спал. До того, как ты постучалась.

– Прости... тогда я пойду.

– Да нет, останься, раз уж разбудила, – Эрик посторонился, впуская меня в квартиру. – Как твой корпоратив?

– Ужасно... чудесно... это был лучший корпоратив в моей

жизни! Ты уверен, что тебя не нужно оставить в покое?

– После выражения столь противоречивых эмоций мне не терпится услышать, как все прошло. Кофе? Бутерброд?

– Да, – согласилась я, хотя знала, какие у Эрика масштабные бутерброды. – Слушай, я так взвинчена, и скоро уже на работу, так что, наверное, вообще не буду ложиться. Это будет считаться едой на ночь или сойдет за ранний завтрак?

– Ты реши, как тебе удобно, а я подыграю.

– Только... Эрик... надень, пожалуйста, штаны.

Рассказывая, я наблюдала, как Эрик достает из холодильника ветчину, сыр, овощи, салатные листья, соус тар-тар, сооружая трехэтажного монстра. Иногда он прерывал процесс, чтобы целиком сосредоточиться на смехе. Больше всего его почему-то поразила моя беседа с Роландом.

– О чем вы говорили? О ручках? Этот парень вообще в адеквате? Ладно, тебя не уволили, значит, в вашем странном времяпрепровождении был хоть какой-то смысл.

Я подумала, что подобные комментарии нельзя воспринимать всерьез, если они исходят от человека, способного часами рассуждать о каком-то там Юниксе, но промолчала.

– За два дня я соскучился по тебе и твоим чокнутым историям, – признался Эрик, и у меня потеплело на сердце.

– Правда? Эрик, а ты посмотришь со мной «Мой маленький пони»? Прямо сейчас?

– Конечно.

– Только в моей квартире, а то разбудим Деструктора.

Послышались шлепки босых ног, и в кухню явился Деструктор, сердито морщась от света. Он был в короткой пижамке с динозаврами. Заметив на его коленке помазанную йодом болячку, я порадовалась, что этот ребенок все-таки бегаёт, а не сидит сиднем над своими видеоиграми.

– Нет уж, смотрите здесь. Под моим присмотром, – потребовал Деструктор.

По непонятным мне причинам Деструктор предпочитал, чтобы мы с Эриком переместили наше общение на их территорию. Не став спорить, мы взяли тарелки и чашки и пристроились на диване, сдвинув постельное бельё.

– А пока вы будете смотреть детскую ерунду про пони, я буду читать Ницше, чтобы вы почувствовали себя ущербными, – пригрозил Деструктор.

– Это ты почувствуешь себя ущербным, читая Ницше, – возразил Эрик. – Более того, я подозреваю, что и сам Ницше...

После пони-марафона, зевая, я побрела на работу. Диана уже была на месте – такая же, как всегда. Аня помазала чем-то свою сыпь, и та заметно поблекла. Подошедшая Дана пожаловалась, что с утра ей звонит уже пятый из отдела социальных исследований с предупреждением, что не выйдет на работу, и она подозревает, что тенденция продолжится.

А потом голос Даны застыл, и все звуки просыпающегося офиса обратились в льдинки, которые, упав на пол, разлетелись на тысячу осколков. Воздух стал тяжелее, свет ламп по-

блек. Явилась она, сокращая продолжительность нашей жизни одним лишь взглядом.

В тот же день Ирина написала жалобу на имя гендиректора, обвиняя отдел IT в плохой работе компьютеров и игнорировании запросов персонала. В ответ пришел Леша и прикрепил на клавиши ее ноутбука маленькие записочки «Вкл», «Пробел» и «Стереть», чтобы у нее «возникало меньше проблем при эксплуатации оборудования».

Написала Аля, спрашивая, помогли ли чирлидеры. «Они идеально соответствовали общей атмосфере дурдома, – ответила я. – Спасибо тебе еще раз, что помогла с одеждой. Придешь ко мне сегодня вечером? Нажарим пончиков».

Спустя некоторое время Аня помирилась-таки с Ириной, хотя прежнее к себе отношение ей восстановить не удалось. Она все еще держалась холодно со мной и Дианой в присутствии Ирины, но стоило той отойти, мгновенно очеловечивалась. В конце концов, корпоратив действительно поспособствовал улучшению отношений в отделе – ведь общий враг сближает. Диана продолжала потихоньку искать идеальную работу, игнорируя исходящую от Ирины леденящую ненависть. Ирина была бы рада уволить строптивую подчиненную, но ее останавливало осознание, что первой, кому Диана сообщит об этом, будет трудовая инспекция. У меня же спирало дыхание каждый раз, когда Ирина проходила мимо. Я понимала, что она никогда не простит нас. Не только за то, что мы не принесли ей победу, но и за то, что наблюдали

ее поражение. Мы поставили ее авторитет под сомнение. Мы имели свою точку зрения. Кроме того, она едва не разревелась при нас! Я приходила утром на работу и улыбалась как обычно, но знала, что месть последует. Но в тот день, когда мы сустились на жаре, сшибаемые с ног окриками Ирины, я сделала одно важное открытие, позволившее мне по-новому взглянуть на многие вещи: все эти безупречные люди в дорогой одежде, выглядящие умными и высокомерными, иногда тоже проваливаются. Да еще с каким треском. Прямо как я.

Глава 8: Нижние сферы

В конце июля грянула страшная жара, привнеся в мою жизнь дополнительные страдания. К утру простыни становились влажными и липкими от пота, и я просыпалась вялая и преисполненная отвращения ко всему и вся.

Зато в офисе кондиционеры шпарили вовсю, и я то дрожала, овеваемая со спины ледящим воздухом, то обливалась потом, чувствуя на себе взгляд Ирины, исторгающий адское пламя. Работы было мало, но морально мы испытывали космические перегрузки – взять хотя бы ежедневный отчет о проделанной работе. Если Ирина могла к чему-то придраться, она придиралась. Если не могла, то выговаривала за что-нибудь другое – одежду, осанку, манеру улыбаться. Выслушивая ее уничижительные комментарии, я старалась представлять золотых рыбок, спящих от одной стенки аквариума до противоположной.

– Собака лает – ветер носит, – сказала Диана, от которой после нашего триумфального корпоратива Ирина старалась держаться подальше. – Когда ты перестанешь на нее реагировать, она отстанет от тебя. Она же просто неудовлетворенная жизнью садистка.

Но я считала, что как только Ирина поймет, что я не реагирую, она придумает что-нибудь похуже. Дошло до того, что я начала просыпаться ночью, чтобы посмотреть на часы

и успокоить себя, что еще какое-то время могу оставаться в безопасности.

Радовал меня только Роланд. Он всегда вежливо отвечал на мое приветствие и даже почти запомнил, как меня зовут – только пару раз назвал меня Роксоланой. Но я решила, что Роксолана – красивое и романтическое имя, поэтому все в порядке.

С августа должен был начаться отпуск, и я ждала его, как девятнадцатилетняя девушка ждет критических дней после бурной ночи.

Во всем этом был один положительный момент: сыграли роль нервы или безбожная жара, но мой вес снизился до шестидесяти. Я даже не могла припомнить, когда я столько весила. Может, в десятилетнем возрасте. Конечно, мне было еще далеко до заветной цели в пятьдесят килограммов, но я чувствовала себя менее отвратительной.

Решившись продемонстрировать свою фигуру и заодно поднять себе настроение, я даже купила желтый с зелеными листочками купальник и съездила на городскую набережную. На пляже народу было больше, чем капель воды в Волге, и на меня сразу наорали, что я хожу тут и брызжу песком. В итоге мне удалось примоститься на крошечном пятачке, скрючившись в три погибели. Загорать так было невозможно. Тогда я решила искупаться, нырнула, под водой кто-то ударил меня пяткой и, выныривая, я проглотила бычок. Кашляя, я пролила столько слез, что река стала соленой.

На пути домой, трясясь в душной маршрутке, я мечтала об Испании, Греции и Египте, но мечты эти были горькие, как хина, потому что мои финансовые возможности не позволяли мне добраться даже до Украины. Да еще хозяйка квартиры недавно намекнула, что повысит оплату...

Эрик работал. Он помогал делать игру американцам из Техаса, много и часто говорил по-английски, и, когда ему приходилось снова переходить на русский, не сразу перестраиваясь, звучал как-то неуверенно. С наступлением сумерек он устраивал себе перерыв и звал меня на улицу проветриться. Если бы не эти встречи, я бы совершенно точно свихнулась и покончила бы с собой, включив духовку на кухне и доведя свой организм до летального перегрева.

– Как ты умудрился связаться с техасцами? – спросила я его на очередной встрече.

На Эрике была футболка с изображением знаменитого водопроводчика Марио из старой игры на Денди – Марио пожирал гриб, щурясь от удовольствия. Светлые волосы Эрика торчали как иглы дикобраза, и я не была уверена, что за последнюю неделю он хотя бы раз поинтересовался, где в его доме расческа.

– Да познакомился с одним на западном форуме программеров, он меня и подключил к делу.

– А о чем игра?

– Девочка приходит в школу и обнаруживает, что ее одноклассники и вся школа в полном составе превратились в

зомби. Далее она пытается успокоить их с помощью тесака, обломка ржавой трубы, бензопилы и дробовика, случайно оставленных кем-то на территории школы. В финале выясняется, что она всех перебила, находясь в состоянии токсического психоза, вызванного химическим загрязнением воды в близлежащем озере.

– Какой отвратительный сюжет.

– Да уж лучше, чем в «Фаренгейте»¹¹. Ты не понимаешь. Это будет высококачественная третьесортная игра.

Мы бесцельно слонялись по улицам, и я беспрерывно исходила нытьем. Другой бы уже сменил замок и перестал откликаться на собственное имя, а то и вовсе переехал бы на Гоа, но Эрик привык относиться ко всему легко, и бациллы моего уныния на него не действовали. Он считал, что я должна уволиться, но летом работодатели разъехались в волшебные края, и с вакансиями было глухо. Эрик даже предложил помочь мне деньгами, но я только недовольно дернула плечом. В тридцать лет финансово зависеть от недавнего школьника – разве это не признание жизненного краха?

Стеная и вопия, я дожидая до последнего четверга июля и возрадовалась, что еще один день в аду, и отпуск, являющийся мне в розовых грезах, станет реальностью. Я намеревалась поделиться радостной вестью с Эриком, но тут в дверь

---

¹¹ «Фаренгейт» (Fahrenheit, 2005 г.) – видеоигра, список нелепостей сюжета которой не будет приведен здесь, поскольку по размерам он превышает текст главы. Лучший момент – зачатие ребенка от мертвого главного героя на морозе (причем герой активно участвовал).

поскреблись и в квартиру вошел Деструктор.

– У папы аврал. Он опасается, что ты повесишься на люстре, и поэтому прислал меня составить тебе компанию. Наверное, мы должны изобразить радость, но я предлагаю воздержаться и признать, что мы ненавидим друг друга.

– Я тебя не ненавижу.

– Просто подожди немного.

– Что Эрик пообещал тебе за твое милосердие?

– Деньги на Mass Effect 2. Теперь эта игра обязана оказаться гениальной. Или получится, как если бы я продал почку за iPad – ну, знаешь, один китаец так сделал. А потом потерял бы его в трамвае.

– Не преувеличивай. Провести со мной вечер и отдать почку – не одно и то же.

– Тогда напомню тебе, что нервные клетки плохо восстанавливаются, – Деструктор прошел в комнату и сел на диван. Он напоминал странную версию Эрика – меньшую по размеру и сочащуюся ядом. Но я заметила его скованность. Уверена, на предложение Эрика он согласился далеко не сразу.

– Есть хочешь? – спросила я.

Деструктор неопределенно пожал плечами, и я принесла ватрушку, которую испекла вчера на ночь глядя, когда жара спала. Правильнее было бы отправить Деструктора домой, но я все еще надеялась наладить с ним отношения. Странно сказать, но, несмотря на желчный нрав и несвойственное нормальным детям поведение, он мне нравился.

– Я включу фильм? – предложил Деструктор.

Какая-нибудь «Летающая опухоль 4». Жду не дождусь. Но музыка из заставки показалась мне знакомой, и, вернувшись из кухни со стаканами и пачкой сока, я узнала танцующую невесту, предваряющую «Свадьбу моего лучшего друга».

– Папа сказал, девчонки любят что-нибудь сентиментальное. Я забил в поиске «сопли», и мне выдали вот этот фильм, – объяснил Деструктор.

– Спасибо, Игорек. Я ценю это.

Пока Джулия Робертс носилась по экрану, пытаясь отбить своего бывшего у Камерон Диаз, мне действительно стало легче. Но когда, с позором продув бой, Джулия почему-то вдруг уселась за стол вместе с остальными, и все хором начали петь, я дико зарыдала. Это было спонтанно и внезапно, как приступ икоты, и я не успела остановить себя.

– Бедная Джулия... она осталась совсем одна... скоро она покроется морщинами, и всем уже будет плевать, какая раньше она была кра-а-сивая-я...

– Но Джулия Робертс замужем, – проявил осведомленность Деструктор.

– А-а-а! – еще горше заревела я. – Значит, одна останусь только я!

Деструктор попытался меня успокоить.

– Успокойся, – сказал он. – Если ты столь решительно настроена умереть в одиночестве, то подожди, пока я выйду из комнаты. И напиши моему отцу сообщение о моей непри-

частности. Послушай, – он с содроганием положил ладонь на мое плечо, – может быть, все еще будет хорошо. Может, ты встретишь какого-нибудь дяденьку, такого же пожилого, как ты.

Несмотря на оскорбительную характеристику, похоже, он не пытался меня обидеть, просто совершенно искренне считал меня пожилой. Это тот случай, когда худшее – враг плохого.

– Кажется, тебе пора домой, Игорек.

– Наверное, – у двери он остановился и посмотрел на меня. – Смени обстановку. Вдруг поможет.

– Ты пытаешься избавиться от меня, Игорек?

– Нет. Если бы пытался, то сказал бы, что жаркое солнце Сомали излечит любые сердечные раны.

– Все-таки ты циник, – я улыбнулась.

– Может быть, это все лишь попытка компенсировать мою сверххранимость.

– Вряд ли.

По причине дефицита денежных средств для того, чтобы воспользоваться советом Деструктора и отправиться в Сомали, мне самой бы пришлось продать почку. Тем не менее поданная им идея прочно, как каблук-шпилька в трещине на асфальте, засела у меня в голове, и большую часть ночи я пролежала с открытыми глазами, повторяя: «Бежать, бежать».

Вероятно, я разжалобила судьбу или докричалась до ан-

гелов, но в пятницу, когда я бессмысленно шлялась по Сети, пользуясь отлучкой Ирины, я наткнулась на баннер: «Отдых за Волгой! Комфортабельный дом отдыха! Дешево!»

Я подняла трубку.

– Да, я насчет отдыха. Неделя сколько стоит? А есть еще дешевле? А можно еще дешевле? Здорово! Я еду!

В субботу я уже грузилась в маленькую лодку с подвесным мотором, хозяин которой пообещал за в меру неумеренную плату доставить меня прямо на место. Чтобы забраться внутрь лодки мне пришлось пройти по гладкой корме, и я бы пороняла свои пакеты в воду, если бы не помощь вызвавшегося проводить меня Эрика. Ничего, утешила я себя, я смогу утопить их возле другого берега. От воды исходили прохлада и умиротворение. Я представила себе чудные денечки, которые меня ожидают. Планы у меня были пусть не наполеоновские, но тоже планы. В отпускной период, когда мой мозг избавлялся от тяжелой слипшейся массы профессиональных проблем, я пыталась отвлечься от чтения про девиц, теряющих невинность в кроватях с балдахинами, и немного интеллектуализироваться – или как минимум приобщиться к какой-нибудь новой ерунде. В этот раз я вознамерилась изучить теорию йоги и несколько основных асан, и уже видела себя на залитой солнцем поляне, погруженную в глубокую медитацию под пение птиц.

Заранее ощущая себя несколько просветленной, я выбралась из катера, окунув в воду пакет с нижним бельем. Хозя-

ин катера указал мне направление, и я устремилась, пока не различая впереди ничего, кроме большого прямоугольного здания, чем-то похожего на конюшню или коровник.

Мое радужное настроение несколько поблекло, когда, достигнув коровника, я поняла, что именно он и является пунктом прибытия. Понадеявшись, что внутри будет лучше, чем представляется снаружи, я поздоровалась с мрачной вахтершей и прошла в свою комнату, где мои надежды поджидали разочарование и гибель. Быть может, будь я аскетичной любительницей ретро, мне бы и понравилась эта обстановочка, напоминающая о периоде развала Советского Союза, но я была приземленная мещанка и предпочитала пошлый комфорт. Пожелтевшие от времени обои пузырились, намекая, что без них было бы еще хуже, металлическая кровать соблазняла торчащими пружинами, а небрежно сваленное на прикроватную тумбочку пятнистое постельное белье наводило на мысли о путешествии в плацкартном вагоне по маршруту «Урюпинск-Кыргызстан». Ко всему прочему, в комнате было до того сыро, что хоть грибную ферму устраивай.

– А что ты хотела, за такие деньги, – философски изрекла я, преодолев впервые в жизни возникший импульс пойти и поскандалить с администрацией.

К вечеру, протерев пыль спертым из туалета последним клочком туалетной бумаги и повыкидывав оставшийся от предыдущих постояльцев хлам, я немного успокоилась и за-

села на лавочку под березкой читать «Девственный огонь». Интеллектуализация интеллектуализацией, но сейчас главная задача – не увязнуть в черной депрессии. Где-то была столовая, но на сегодня мне было достаточно потрясений, и я предпочла подкрепиться булочками, которые привезла с собой. Когда стемнело настолько, что я уже не могла различать текст, я приняла бодрящий (в нем текла только холодная вода) душ и поплелась в свою мрачную обитель, где обнаружила, что на самом деле она много кого устраивает. Снующие по стенам блестящие черные тараканы уж явно чувствовали себя как дома. Мне бы так и не удалось уснуть, но, к счастью, в три часа ночи соседи за стенкой устроили семейный скандал и орали так громко, что гнусные насекомые с перепугу попрятались по щелям.

С утра, не выспавшаяся, непричесанная и невеселая, я потащила в столовую, потому что голод сильнее страха. К моему невероятному изумлению, столовая оказалась просторной, светлой, чистой и приятно пахнувшей, и я сразу решила проводить здесь как можно больше времени. Все же я насто-роженно осмотрелась вокруг – несколько постояльцев уже приступили к завтраку и пока не демонстрировали признаки пищевого отравления. Я взяла кисель, омлет и пирожок и уселась за столиком возле окна.

– Ужасное место, – услышала я высоко над своей головой. – Но, как ни странно, столовая у них отличная. По крайней мере в ней можно раздобыть что-нибудь свежее. Можно

я подсяду к вам за столик? Здесь удачно протянуты энергетические потоки.

Я не знала, как тут в действительности с потоками, но подсестра разрешила.

Он опустился на стул напротив меня, и мои жадно жующие челюсти застыли. Прежде мне казалось, что Джудит Макнот изрядно преувеличивает, расписывая красу своих брюнетов, но сейчас, увидев подобный экземпляр воочию, я поняла, что ее слог неточен и бледен. Даже когда он сидел, было заметно, что он очень высокий. Загар придал его коже смуглый золотистый оттенок, в темных глазах я заметила примесь фиолетового. Черные, как вороново крыло, слегка вьющиеся волосы своим блеском давали понять, что их хозяин обладает прекрасным здоровьем. «Рядом с таким красавцем даже Роланд смотрелся бы средненько», – кощунственно подумала я.

– Арсений, – представился он.

– А меня... э-э... Соня, – м-да. К тридцати годам желательно бы запомнить свое имя достаточно хорошо, чтобы оно не вылетало из головы, даже если с небес свалится голый Хью Джекман с Брэдом Питтом на руках.

Арсений улыбнулся, как будто давно привык, что у женщин при знакомстве с ним отбивает мозги, и отпил из своего стакана густую желтую жидкость.

– Это сырое яйцо? – удивилась я.

– Да, коктейль из перепелиных яиц. Мне готовят по спец-

заказу.

– Вы живете здесь?

– Нет, в палатке в лесу. Каждое лето вырываюсь на пару месяцев. Отдохнуть от суеты, постигнуть смысл жизни.

Я подумала, что, видимо, познать смысл жизни ему не очень-то удастся, если на следующее лето придется повторять все снова, но промолчала.

– Я недавно прочитал интересную книгу... скажите, вы слышали что-нибудь о сыроедении?

– Это когда едят сыр?

– Это когда едят все сырым.

– Зачем? – удивилась я.

– При термической обработке продуктов уничтожаются все полезные вещества и витамины.

– Да? И как мы все от цинги не умерли, – хохотнула я. Возможно, витамины и чувствовали себя вольготно в его яичном коктейле, но и сальмонеллез тоже не стеснялся.

Между мной и Арсением завязалась беседа, в ходе которой мы перешли на «ты», а я узнала о здоровом питании много того, чего не знала и предпочла бы не знать и дальше. Система питания у Арсения была очень сложная. На завтрак должен быть белок, а на ужин нельзя углеводы, но все-таки углеводы нужны, только я так и не поняла, когда именно. Если бы я попыталась соблюсти все правила Арсения, то умерла бы от голода прежде, чем определилась с дневным меню. Впрочем, сказала я себе, Арсений делится всеми эти-

ми сведениями из лучших побуждений. Если только потом не позовет меня в секту. Совсем потеряв нить разговора, я просто наслаждалась мужской красотой, периодически кивая. Верхняя губа Арсения походила очертаниями на дугу лука. Нижняя была гораздо полнее, что обычно заставляло героинь любовных романов задуматься о ее чувствительности. И какой нос... изумительной формы, всем носам нос. У меня вспотели ладони.

– Пока мне сложно слезть с яиц, потому что я их очень люблю, но мяса я не ем уже год, два месяца и три недели. Человек не нуждается в мясе. Более того, пищеварительная система человека совершенно не приспособлена к перевариванию мяса.

Странно. Я считала, что если человек не приспособлен к перевариванию чего-то, он просто не будет это есть. Например, камни. И если человек по своей природе травоядное существо, почему тогда у него не четырехкамерный желудок, как у коровы? Я уже хотела спросить об этом, но вместо этого внезапно сказала:

– Я тоже вегетарианка. Уже шесть месяцев. Похудела на тридцать килограмм, – на самом деле самое масштабное в моей жизни похудение произошло, когда я лежала в больнице с язвенно-некротической ангиной. В горле у меня образовалась болячка, и я не могла ничего есть в течение трех недель.

Арсений так обрадовался. Прямо просиял. Как будто нуж-

дался в донорских органах, а я заявила, что у меня как раз есть лишние. Нервно улыбаясь, я разломилла пирожок надвое и потянула кусочек в рот.

– НЕ-Е-ЕТ! – закричал Арсений, хватая меня за руку.

– Что такое? – перепугалась я. Неужели и в пирогах тараканы?!

– Мясо, – он указал на пирожок обвиняющим перстом.

– Какой ужас... этот пирожок подкинули... меня подставили...

– Плоть мертвого животного, – выдохнул Арсений.

– Да, мертвое животное, – механическим голосом повторила я. – Его нужно похоронить.

Мы вышли из столовой, и под березкой, поскребя землю, я положила пирожок в ямку и присыпала землей. После минуты молчания над несчастным животным, чьей последней обителью стал кокон из дрожжевого теста, Арсений удалился, сославшись на утреннюю тренировку, которая наполнит его тело энергией, а душу позитивом. Я же осталась рассматривать черную грязь под ногтями и недоумевать, зачем я устроила весь этот балаган. Поистине, красота страшная сила, способная разбить здравый смысл в щепы.

Передо мной простирался весь день. Я провела его ярко и насыщенно: наслаждалась солнцем, купалась в сверкающей реке, познакомилась с интересными людьми, выучила четырнадцать асан и ощутила, как на меня снисходит благодать. Шутка. На самом деле я мокнула палец в реку, решила,

что вода слишком холодная, ушла в свою комнату и до ночи читала очередной роман, который, к слову, тоже оказался отвратительным.

С утра, которое у меня началось в полдень, я таки выгнала себя на лесную поляну, с обещанием после наградить себя шоколадкой. Я заглянула в книгу про йогу, но изображенные на иллюстрациях позы были либо слишком простые, чтобы тратить на них время, либо слишком сложные, чтобы я с ними справилась. Пока я сидела и тупо таращилась в пространство, размышляя, что все равно польза от йоги сильно преувеличена, из чащи, как лесной бог, вышел Арсений.

– Медитируешь?

– Ага, – вообще я как раз решила встать и пойти пообедать, но я же женщина, могу позволить себе внезапно передумать.

– Можно к тебе присоединиться?

В каком смысле?

– Да, конечно.

К моему разочарованию, он устроился вне пределов моего поля зрения. Мы приступили, и скоро я поняла, что не знала, во что ввязываюсь. Ты сидишь, и с тобой ничего не происходит. Звучит не так плохо, но только первые десять минут. Эх, мне стало бы легче, если бы я могла сейчас выпить чашечку чая. Или посмотреть телевизор. Или помыть посуду. Что угодно будет веселее. Говорят, эти йоги живут по столетиям. Но если при этом они хранят целибат и спят на гвоздях,

то зачем такая жизнь? При всем моем уважении, раз индусы такие умные, чтобы придумать все эти практики, почему они до сих пор такие нищие? Ой, кажется, у меня по плечу кто-то ползет. А нет, показалось. Интересно, если во время медитации по вам действительно начнет кто-то ползать, имеете ли вы право почесаться или же должны сохранять состояние покоя и расслабления, преодолевая невыносимый зуд? Как мне скучно... Ту же скуку я претерпеваю по восемь часов каждый будний день в офисе, но нирваны пока не достигла. И ведь от медитации даже не похудеешь. Стоит ли женщине делать что-то, если при этом она не похудеет? Я слышала, что от сидячего образа жизни образуется целлюлит. Так и есть. Я уже чувствую подозрительное жжение в ягодицах.

Я пошевелилась.

– Арсений, а как ты живешь в городе?

– Тсс.

А вдруг он и в городе живет в палатке? Хотя было бы удобно, если поставить палатку прямо возле офиса. Сэкономила бы на маршрутке. Но Ирина совсем бы перестала меня уважать, она и так ко мне относится как к голодранке. Мои любовные романы бы все промокли после первого дождя... И мобильник заряжать негде, а ведь я играю на нем в sudoku... Плюс проблема с гигиеной... ума не приложу, как решить ее в палатке. Да, проблемы не решаются... Ну дала я себе клятву изменить свою жизнь, и чего? Где чудесное преобразование? Сажу на пыльной траве, как дура, а жизнь проходит

мимо. А потом встанешь, а тебе уже сорок стукнуло...

Мысли мои становились все мрачнее и мрачнее, пока наконец не обратились в подобие черной вязкой грязи.

Спустя час, когда все закончилось, я чувствовала себя так, как будто только что пришла с собственных похорон. Арсений же, прежде чем испариться, заявил, что пережил единение с природой и постиг некий неуточенный внутренний смысл.

В столовой я съела двойной обед, но даже это не смогло поднять мне настроение.

Хотя встречи с Арсением оставляли у меня смешанные впечатления, в то же время я очень радовалась тому, что что-то постоянно сводит нас вместе в последующие дни. Впрочем, наши частые случайные столкновения могли объясняться и тем, что, едва проснувшись, я отправлялась бродить по округе, разыскивая его. Мне удалось отвязаться от медитаций, оправдавшись тем, что в прошлый раз я получила послание свыше и мне необходимо время, чтобы разобраться в нем. Зато ежедневно мы отправлялись на длинные лесные прогулки. Лес был весь в холмах и канавах, деревья в нем росли вкривь и вкось, а тропинка то виляла, как ненормальная, то резко взмывала ввысь, то отважно падала в овраг. Я тоже частенько падала, так как обычно смотрела на Арсения, а не себе под ноги, но синяки и ссадины были ничтожной платой за возможность получить помощь из его прекрасных рук. Я бы валилась на землю снова и снова, если

бы не опасалась прослыть полной идиоткой.

С Арсением я уподобилась овце, готовой брести вслед за бараном хоть на бойню. Он был так прекрасен. А если бы заткнулся хоть на минуту, то стал бы сверхчеловечески хорош... Его экспрессивность придавала ему сходство с безумным проповедником. Все несет смерть! Яблоки покрыты ядом! В шоколадках пальмовое масло, которое, не выходясь из организма, остается в нем навечно! Все либо слишком сладкое (сахар чистый героин, хуже только сахарозаменители), либо слишком соленое (соль давно уже контролирует наш мозг), а то, что притворяется безвкусным, все равно до предела напичкано химией. Кофе опасен, но менее, чем разъедающий стенки желудка бульон из растворимых кубиков. Мясо пичкают гормонами, от которых маленький теленок вырастает до трех метров в высоту, а уж яйца... Он разделяется с яйцами, он преодолевает свою страсть к этой мерзости, которую выпрастывают из себя одуревшие от антибиотиков птицы!

Его слова провоцировали во мне внутреннюю борьбу. С одной стороны, я начала задумываться о том, как много вредных для здоровья веществ попадают ко мне в желудок. С другой стороны, я начала уставать под гнетом параноидального страха и уже готова была сдаться, признав, что слишком люблю еду, чтобы перейти на пареную морковь. Еда была моим проклятием и другом. Большую часть моей жизни именно еда составляла мне компанию и компенсировала де-

фицит положительных эмоций. Арсений часто рассуждал о пищевой зависимости как о зависимости от сигарет или алкоголя, но разве всем людям в норме не присуща тяга к еде? Еда является нашей витальной потребностью. Зачем же так отчаянно бороться с ней? И его стул... кажется, если я еще раз услышу о работе его кишечника и как восхитительно она улучшилась на сыроедении, я начну рыдать. Но каждое утро Арсений продолжал информировать меня:

– Все прекрасно. Никакого избыточного газообразования.

– Чудесно. Ровно в восемь, как часы.

– И совсем не пахнет. И пот больше не воняет. Хочешь понюхать мою подмышку?

Желудок – кишечник. Желудок – кишечник. Все самое увлекательное, что есть на Земле, для Арсения сосредоточилось в его собственном теле, преимущественно в нижней его части. И зачем же так увязать... в нижних сферах?

Хотя чего уж там. Судя по моему поведению, мое мышление тоже сместилось от мозга куда-то гораздо ниже. Арсений являлся мне в снах – с обнаженным торсом, протягивающий полные горсти пророщенной пшеницы.

Тем временем срок моего пребывания в лучшем доме отдыха на земле истекал, а наши отношения с Арсением, полные разглагольствований о питании, меня не насыщали. Необходимо было резко развернуть ситуацию в другое русло, и начались размышления на тему «женщина я приличная или право имею». Хотя уже не знаю, чего следует больше

стыдиться в моем возрасте – распутства или этого беспрочно целомудренного существования. Мама бы не одобрила моего поведения, решишь я на отчаянный шаг... и после этой мысли я внезапно решилась.

Отрепетировав накануне вечером, на следующее утро я встретила Арсения на нашей обычной полянке, заранее приняв позу собаки – это когда ты раскорячилась, как перевернутый шезлонг, а твоя задница смотрит прямо в небеса. Таким образом я простояла минут двадцать, и от прилива крови к голове у меня начало темнеть в глазах. Объявившийся спустя субъективную вечность ожидания Арсений окинул меня задумчивым взглядом и сказал:

– Постарайся поставить пятки на землю. И глубже прогни спину.

Это была определенно не та реакция, какой я ожидала. Рухнув на землю, я быстро поднялась и сделала позу стула, отставив корму как можно дальше.

– Колени слишком торчат вперед, – заметил Арсений.

– Я слышала, что йога здорово улучшает сексуальные ощущения. Конечно, я только начала, но уже чувствую изменения, и мне не терпится проверить, – быстро, чтобы не успеть передумать, выпалила я.

– Если будешь делать упражнения правильно и регулярно, у тебя много чего улучшится.

Я страдальчески вздохнула.

– Нужно дышать через нос, – строго напомнил Арсений.

«Какой же он тупой», – тоскливо подумала я, выгибая спину в позе верблюда – мои соски, казалось, вонзились прямо в небо.

– Говорят, секс сам по себе улучшает здоровье, – вкрадчиво произнесла я.

– По-моему, так если питаться чипсами и гамбургерами, то никакой секс уже не поможет...

– Завтра я уезжаю, и мы никогда больше не увидимся.

– Надеюсь, ты воспользуешься моим советом и перейдешь на полное вегетарианство. Все равно современные молоко и яйца чистая отравка.

Я уже начала сомневаться, что мне вообще нужен такой олигофрен, но раздражение, придав мне храбрости, позволило заговорить прямо:

– Где твоя палатка?

– Там, – он неопределенно указал в сторону леса.

Распрямившись и морщась от боли в спине, я решительно взяла Арсения за руку.

– Предлагаю перейти от слов к действиям.

– Ты хочешь что-нибудь приготовить?

– Я предлагаю заняться сексом! – заорала я так громко, что птицы снялись с деревьев.

– Жаль. Я знаю отличный салат с морковью и орехами...

Я подняла взгляд к окаймленному кронами берез небо. Если так и дальше пойдет, мне действительно придется довольствоваться морковью.

Поразмыслив, Арсений решил, что мое предложение не самое плохое. Налаживая тактильный контакт, он даже взял меня за руку и весело размахивал ею всю дорогу, рискуя травмировать мой плечевой сустав. В его палатке, сексуально пахнущей прелой капустой и брезентом, я триумфально извлекла первый самолично купленный мною в семнадцать лет презерватив, который с тех пор таскала в сумке как талисман. Бурной сексуальной жизни талисман мне не принес, но сегодня получил возможность хоть на что-то сгодиться.

Увидев презерватив, Арсений люто воодушевился, растегнул мои шорты и поцеловал меня. Его твердые малоподвижные губы напомнили мне о бугорках на патиссонах, но я понадеялась, что другие части его тела только порадуют меня своим сходством с овощами. Например, с крупным хорошим дайконом – это такая редиска, длинная. Поскольку Арсений торопился как на поезд, я надорвала пакетик с презервативом и сразу ощутила исходящую от него вонь. На упаковке обещали «романтический аромат розы», но за прошедшие годы вся романтика стухла, что частенько происходит и в межполовых отношениях. Я решила не обращать внимания, тем более что все равно была вынуждена терпеть запах капусты.

Внезапно я оказалась лежащей на спальном мешке. Арсений начал совершать пылкие невнятные манипуляции с нижней частью моего тела, не сопровождающиеся выраженными ощущениями, зато я почувствовала, что по моему пле-

чу кто-то ползет – на этот раз уже совершенно точно.

– О боже, муравей!

– Ты что, боишься муравьев? – недовольный тем, что его отвлекают, спросил Арсений.

Меня и коровьи лепешки не пугали, но не то чтобы я хотела сейчас лежать вся ими обмазанная.

Чертовы муравьи. Они возились под моей спиной. Одного я почувствовала на щеке, другие взбирались по моей шее. Да их тут сотня. Должно быть, в дне палатки есть разрыв.

– Все это время ты спишь на муравейнике и даже не заметил?

– Нет, с утра я передвинул палатку.

– Все-таки палатка не лучшее место для жизни.

– Ты можешь немного помолчать в процессе?

– А что, мы уже начали? – ляпнула я.

Арсений сердито засопел. С минуту я пыталась разобраться в своих ощущениях, но меня отвлекали муравьи, щекочущие меня лапками и щедро расточающие зудящие укусы. Но уж лучше муравьи, чем тараканы. А мокрицы даже противнее тараканов. Хорошо, что здесь нет мокриц – оптимистично резюмировала я. Ухвертки! Вот кто гаже мокриц!

Арсений вдруг замер, издавая странные пищащие звуки, напомнившие мне об очень печальной песенке «Котенок в колодце».

– Все? – удивилась я. – Уже?

– Я не виноват, что ты такая сексуальная маньячка, – ви-

димом, половой акт длиной более двух минут уже предполагал для Арсения наличие сексуальной девиации¹².

Он соскочил с меня и отвернулся, судорожно застегивая молнию.

– Но... – я обошла Арсения, пытаюсь заглянуть ему в лицо, и, шокированная замеченным в его ширинке, закричала, прижав ко рту ладони: – О, боже, такое вообще бывает?!

Это было очень грубо с моей стороны. Я начала оправдываться, что вовсе не хотела его обидеть – ни *его*, ни самого Арсения, но Арсений перебил меня:

– И что? Тебе же понравилось?

Во мне честность боролась с состраданием.

– Не то чтобы мне не понравилось, просто я ничего не почувствовала. Я... – чёрт.

– Я тоже ничего не почувствовал, – заявил вдруг Арсений, будто это не он только что пищал, как мышь под сапогом. – И знаешь, почему?

Я с ужасом уставилась на него. Ты уверен, что хочешь произнести это вслух?

– Потому что у тебя слишком большая вагина, – со злорадным торжеством завершил Арсений.

– Что? – к такому повороту событий я была не готова.

– Да! Она похожа... на большой баклажан с вырезанной

---

¹² Сексуальная девиация (от лат. *deviare* – сбиваться с пути) – патологическое сексуальное поведение, напр.: избыточная любовь к домашним животным, предпочтение обуви женщины самой женщине и склонность к занятию сексом, не снимая носков.

мякотью. Она размером с вагину коровы... козы.

– Что ты несешь? – вступилась я за свою вагину.

– Ты могла бы провозить в ней килограммы наркотиков!

Дальше мы начали беззастенчиво орать друг на друга, и со времен размолвки Юнга и Фрейда это был самый большой конфликт на почве генитальных разногласий. Едва не лопаюсь от ярости, я побежала прочь, мысленно желая Арсению, чтобы к нему подкрались муравьи и отгрызли то небольшое, что у него есть.

Остаток дня я прослонялась возле реки в надежде, что Арсений одумается и придет принести извинения. Понятно, что наши отношения не поддаются ремонту, но у него был шанс хотя бы завершить их по-человечески. Он не пришел. Как показала практика, размер имеет значение. Особенно если он в четыре раза меньше среднестатистической нормы.

Я все еще недоумевала, чем мне считать произошедшее между нами (я не была Казановой, но даже мой предыдущий опыт не позволял назвать эту возню сексом – мы даже не разделись!), когда заметила блеск под водой. Оказалось, это крупный, с ладонь, кусок стекла, гладко обкатанный водой до почти овальной формы. Сколько же лет стекло пролежало на дне реки? Я называла такие находки стеклянными камнями, и в детстве у меня было их два – желтый и синий. Они были моими главными сокровищами, а потом мама выбросила их в мусорное ведро. Я вдруг почувствовала, что мне не хватает вечно ершистого Деструктора и его простецки-дру-

желюбного отца. Подняв стеклянный камень к лицу, я посмотрела сквозь. Он был зеленым и сверкал как самый настоящий изумруд.

Можно было остаться до утра, но я быстренько собрала свои вещи и уехала вечером. К счастью, у меня сохранилась визитка лодочника. До своей квартиры я добралась поздно и, слишком усталая, чтобы поздороваться с Эриком, рухнула спать, во сне по привычке подергиваясь из опасения, что ко мне подбираются тараканы.

Проснувшись утром, я поняла, что мое настроение не улучшилось. Гадости, которые выкрикивал мне Арсений, продолжали звучать в голове. В поисках моральной поддержки я постучалась в соседнюю дверь.

– Папа спит, – отворив мне дверь, объявил Деструктор. – Он всю ночь работал.

– Тогда не буди его. Игорек... я привезла тебе кое-что, – я достала из кармана шорт и протянула ему речное стеклышко.

Он взял его и начал вращать, недоуменно рассматривая.

– Это стеклянный камень, – пояснила я.

– Это может быть либо стеклом, либо камнем. В данном случае это стекло, – угрюмо возразил Деструктор.

– Когда я нашла его, то сразу подумала о тебе.

– Слушай, – Деструктор отступил в глубь квартиры, – тебе не стоит пытаться подластиться ко мне. Бесполезно. Я всегда буду против того, что ты химичишь с моим отцом. И по-

том, если ты решила изобразить из себя добренькую мачеху, могла бы выбрать подарочек покруче. Например, диск для PlayStation 3.

– Но камень такой красивый, – пролепетала я.

– Мне не нравится, – отчеканил Деструктор, исчезая за дверью.

Ах так! Маленький поросенок! И нужен мне твой папа-школьник, которому еще расти и расти до моей грандиозной вагины...

Я вернулась в свою квартиру и сделала вид, что сегодня не выходила из нее. Я нуждалась в разговоре, но Аля трубку не взяла, скорее всего, отсыпаясь после очередной вечеринки, а Диана ответила напряженным, усталым голосом:

– Слушай, я на своей стройке, и у нас тут дурдом, извини, – в трубке я слышала сверление, гулкие удары молотка и отборный русский мат с южным акцентом.

Я позволила Диане сосредоточиться на доведении до ума ее будущей резиденции, а сама осталась сидеть, глядя на близкую, казалось, только руку протяни, стену напротив. Из-за всей этой кутерьмы с Арсением я умудрилась избежать набора веса, и сейчас, более-менее стройная, отдохнувшая за неделю, я снова и снова задавалась вопросом, почему жизнь по-прежнему кажется такой паршивой. Похоже, со мной действительно что-то не так, иначе как еще объяснить, почему все мои начинания заканчиваются провалом. И неопровержимый факт – никто из моих предыдущих любовников не

пожелал задержаться со мной надолго. В страшной духоте комнаты меня вдруг прошиб холодный пот.

– Перестань, – сказала я себе. – Прекрати.

Но уже включила компьютер. «Очень большая вагина», – забила я в поисковой строке Гугла. Судя по всему, пользователи, озабоченные проблемой большой вагины, делились на две категории: женщины, которые мечтали сделать ее меньше, и мужчины, которые хотели на нее посмотреть (я так и не поняла, заинтересованы они именно в большой вагине или просто согласны на любую).

Среди прочих бесценных сведений я наткнулась на информацию, что если предыдущие партнеры женщины все как один были с богатырскими членами, то однажды она обнаружит, что у нее все так растянулось, что теперь удовлетворить ее сможет разве что конь. Я всполошилась, но после тщательного припоминания облегченно вздохнула – все это время мне везло.

Вечером ко мне таки заглянула Диана. Выглядела она поразительно аккуратно после дня на стройке, но была измучена как никогда. Я поделилась с ней курьезом с Арсением, но она была не в том состоянии, чтобы слушать.

– И чего они хотят? Запихивать такие маленькие штучки в такие здоровенные дыры!

Я поперхнулась собственной слюной, и Диане пришлось похлопать меня по спине.

– Ты... об этом моем случае?

– Нет, я про дюбеля, – сердито возразила Диана. – Что за идиоты. Запихнули слишком узкие дюбеля, и крючки в ванной сразу все попадали.

Я решила, что дальнейшие попытки обсуждения бесполезны, и, отставив разговор, приготовила Диане ужин. Она была благодарна мне за это.

Когда я провожала Диану до двери, на меня что-то нашло, и я все-таки спросила:

– Как ты думаешь, у меня слишком большая вагина?

– Слишком большая *для чего?*

– Диана, я абсолютно серьезно.

Одним взглядом Диана дала мне понять, что, даже будучи абсолютно серьезным, человек может восприниматься окружающими как клоун.

– Спроси это у женщины, с которой тебя связывают отношения иного рода, – устало посоветовала она, затворяя дверь.

Маразм крепчал, и ночью я заказала в виртуальном секшопе специальные шарики для укрепления мышц влагалища. Опытные люди утверждали, что после соответствующей тренировки я не только значительно сокращу размер вагины, но также смогу колоть ею орехи, играть на флейте и рисовать, удерживая кисточку вертикально. Но, конечно, играть на флейте я не собиралась.

В десять утра я была разбужена курьером. Товар, как и обещали, доставили в непрозрачном пакете без указания со-

держимого, но вот зачем они украсили упаковку наклейками в форме сердечек? Пока курьер искал сдачу, из соседней квартиры вышел Деструктор и, как просвещенный современный ребенок, сразу обо всем догадался.

– Я рад, что ты наконец оставила ложные надежды и доверилась технике, – одобрил он. – Извини, я выбросил твою стекляшку и только потом подумал, что должен был вернуть ее тебе.

Нагавив в душу, он безмятежно удалился играть во дворе. Несносный мальчишка. Вот покончу с вагиной, и с ним разберусь.

Оказавшись в блаженном одиночестве, я надорвала пакет, и моему взгляду предстали два гладких шарика ярко-салатового цвета, соединенные тонких шнурком. На сайте предлагали три размера на выбор, и, решив, что тренироваться так тренироваться, я выбрала самый большой. В ванной, тщательно вымыв шарики с мылом и попытавшись разместить их в органе, качество которого вызывало у меня сомнения, я поняла, что несколько погорячилась. Инструкция предписывала удерживать шарики внутри, напрягая мышцы влагалища, а на деле мне даже не удалось впихнуть их внутрь. Пришлось приложить некоторые усилия и таки доказать, что невозможное возможно.

Натянув трусы и немного побродив по квартире (чтобы удерживать шарики мне даже ничего не приходилось делать), я решила, что для первого раза достаточно. Но меня

ждал шок – шарики уже немного прижились внутри и не желали извлекаться наружу. Скрипя зубами от напряжения, я тянула за шнурок с яростью самурая, выпускающего себе кишки, и один шарик все-таки выскочил! Вместе с обрывком шнурка... тогда как второй остался на месте. Я не могла поверить в случившееся. Просто лежала в ванне с раздвинутыми ногами и глупо хлопала глазами. Из состояния непристойного шока меня вывел звонок.

Голая ниже пояса, опасливо косясь на входную дверь – вдруг забыла запереть – я прошлепала к телефону и взяла трубку.

– Алло? – мой голос звучал так, будто в нем собрались все слезы мира.

Это была Аля.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить! Потом позовешь меня в крестные матери первенца!

– Какого первенца? – проямлила я.

– Его зовут Евгений – пушкинское имя. Вчера вернулся из Германии с курса повышения квалификации. Умный, добрый, симпатичный, образованный мальчик. Вы встречаетесь сегодня, у входа в парк Гагарина, в семь часов. Я дала ему твой номер телефона. Он наверняка будет с цветами, так его и узнаешь. Да, я знаю, что ты перетруссишь, начнешь искать отговорки и тянуть время, но вот что я тебе скажу – подними жопу и иди!

– Аля, – елейным голоском начала я, – я еще не вернулась

из дома отдыха, и...

– Я же звоню тебе на домашний телефон!

– Тогда перезвони мне на мобильный, – настаивала я.

– Глупости какие!

– Но я...

Аля бросила трубку. Я бы села и заплакала, но мне нужно было вытаскивать шарик из вагины. Безуспешно промаявшись до двадцати минут шестого, я начала собираться на встречу. Постучался Эрик, но я притворилась, что меня нет. Я была в отчаянии и сердилась на Алю. С чего она так много на себя берет? С чего она решила, что этот парень мне обязательно понравится аж до первенца? Помнится, мама меня знакомила...

Когда я подошла, он уже ждал меня с букетом белых лилий в руках.

– Онегин? – спросила я.

– Евгений, – улыбнулся он. У него была спокойная приятная внешность. Конечно, до Арсения далеко, но почти наверняка в чем-то он его превосходил.

– Извините... Соня.

Он протянул мне цветы с таким выражением на лице, будто ничего прекраснее угрюмой тридцатилетней тетки в жизни не видел.

– Вы расстроены?

– Тяжелый день.

– Возможно, вечер будет лучше.

Я посмотрела на него.

– А есть надежда?

– Я постараюсь.

Я спрятала в букете смущенный взгляд. Мне так редко дали цветы, что дома у меня даже не было вазы. Чашечки лилий казались такими нежными...

– Может быть, вы слышали... была такая художница, Джорджия О'Киф... Она рисовала цветы, очень похожие на женские репродуктивные органы. Это принесло ей известность, но сама художница всю жизнь твердила, что это просто цветы.

Умолкнув, я вонзила зубы в нижнюю губу. Что я делаю? Я рехнулась? Половые органы – наилучшая тема для обсуждения на первом свидании! Еще воспримет как намек...

Но Евгений только улыбнулся и задумчиво произнес:

– Интересно, говорила ли эта художница правду.

Мы медленно побрели по аллее парка. После множества злоключений с другими парнями я постоянно ожидала от Евгения подвоха. Может, он столкнет меня в пруд. Или окажется неонацистом. Или признается, что давно приспособил для мастурбации щель между сиденьями кухонного диванчика.

– Вы очень красивая, Соня, – тихо произнес он.

– Да? – я внимательно заглянула ему в глаза. Казалось, он совершенно искренен. Почему-то это встревожило меня больше, чем если бы он столкнул меня в пруд.

Но я быстро нашлась.

– А знаете, в каком мультфильме впервые прозвучало слово «влагалище»? В познавательном фильме для девочек, созданном Уолтом Диснеем. Ой. Простите. Я не знаю, зачем я это сказала.

– Это интересно.

– Да. Я прочитала в Интернете.

Некоторое время мы шли молча. То, что Евгений до сих пор не убежал, указывало на его редкую психическую устойчивость.

– Бедуины палками заталкивали в вагины верблюдиц камни, чтобы они не забеременели во время долгих переходов через пустыню, – выдала я очередной перл. Я не понимала, что со мной. Слова выпрыгивали, как зубы хоккеистов во время сурового матча.

Рот Евгения приоткрылся, глаза широко раскрылись.

– Соня, – выдохнул он, – да вы просто кладезь любопытных фактов!

Я растянула дрожащие губы в подобие улыбки.

– Ну что вы. Меня просто заело, как заигранную пластинку. Ни один нормальный человек не стал бы повторять это слово так часто – вагина, вагина, вагина. Хотя, вы знаете – где женщина, там и она.

– Было бы странно, если бы они располагались отдельно, – согласился Евгений, глядя на меня смеющимися глазами.

– И криминально. О, я как раз знаю одну историю на эту тему!

– Нет, спасибо, – вежливо отказался Евгений.

К счастью, больше я ничего не смогла припомнить о вагинах и предоставила возможность говорить Евгению. Он рассказал о своей профессии (химик), Германии, о том, как скучал по русскому языку и нашему городу, о своих дальнейших планах. Он обладал мягким ненавязчивым чувством юмора, не сразу заметным, но позже заставляющим проникнуться к нему симпатией, и по-детски чистым восприятием мира. Он действительно мне понравился, но судьба съерничала и на этот раз – наконец-то встретив адекватного мужчину, сама я при этом оказалась в полном неадеквате.

Проклятый шарик по ощущениям уже весил как целая гиря. Я представила, как прихожу к гинекологу. «Что вас беспокоит?» – спрашивает врач. «О, совершенно ничего, – отвечаю я. – Кроме ярко-зеленого шарика, застрявшего в моей вагине». Врач начинает смеяться, потом пытается достать шарик. Но тот держится как гвоздями приколоченный. Затем врач созывает консилиум, и тогда уже много врачей смеются, а потом решают, что я могу жить с этим, и отправляют меня домой. Дома я внезапно понимаю, что теперь, кроме проблемы доступа к мужским половым органам, у меня затруднен доступ и к собственным, и все это делает мою мечту о семье и детях совершенно неосуществимой. Далее я завожу пятнадцать кошек, вяжу мягкие накидки на мебель и

провожу всю оставшуюся жизнь, рыдая под бразильские сериалы.

Чувствуя мою тревогу, Евгений пытался подбодрить и успокоить меня, но вокруг меня точно сжимался гудящий кокон, сотканный из тысячи ос. Позже я не была уверена, что он действительно так часто говорил о шариках. Но в тот вечер мой слух выхватывал только фразы, отмеченные их зловещим присутствием.

– Посмотрите, какие чудесные воздушные *шарики*!

– Я так рад вернуться в Россию. Здесь все свое, привычное. Когда живешь в чужой стране, иногда возникает такое чувство, будто *шарики* заезжают за ролики.

– Давайте зайдем в тир! Мне хотелось бы попробовать выиграть для вас вон того *смешарика*... Десять *шариков*, пожалуйста.

– Приглашаю вас в кафе. Признаться, я голоден. Недавно вернулся, и в холодильнике пока *шаром* покати.

– Соня, вам один *шарик* мороженого или несколько *шариков*?

– Я играл в пейнтбол, мне очень понравилось. Но когда эти *шарики* ударяют по коже, остаются синяки.

Как в самом настоящем пейнтболе, шарики били, и били, и били по моим истерзанным нервам. И я взорвалась. Я завопила. Я ужасно себя опозорила.

– Почему вы постоянно говорите о шариках? Вы издеваетесь надо мной? Как вы узнали? КАК ВЫ УЗНАЛИ?!

По завершении театра одной истерики мне оставалось только бежать со сцены, игнорируя рукоплещущих зрителей и просьбы повторить на бис.

Возле карусели я остановилась, глотая воздух и не веря собственным глазам: обняв разноцветную кобылку, на ней кружился тот самый бородатый мужик, которого я видела на встрече одноклассников, и длинным розовым языком облизывал самый громадный круглый леденец на палочке, какой я видела в своей жизни!

Топая к дому, я задумалась, что теперь скажу Але. С одной стороны, Аля именно тот человек, которому можно рассказать все как есть. Но вдруг она перескажет Эрику? Да... из всех моих провалов этот был самый разрушительный по последствиям. Кажется, на этот раз я потеряла действительно стоящего парня. О попытке помириться с Евгением и речи не шло, потому что тогда я была бы вынуждена назвать причину моего эмоционального взрыва. Признаться, что пришла на свидание с шариком, застрявшим в вагине? Нет уж, пусть лучше он продолжает считать меня буйно помешанной.

Когда я поднималась по лестнице, меня осенило: порно. От возбуждения выделится влага, и шарик выскользнет. Включив компьютер, я отыскала соответствующий сайт и приступила к просмотру. Я и раньше не была фанаткой порно, считая, что оно эксплуатирует женщин, но сегодня оно если что и вызывало, так только раздражение. Сплошные

груди и яйца, груди и яйца, круглые и отвратительные. Мне было просто больно смотреть, как все эти женщины делают вещи, для меня физически невозможные по причине шарика в вагине! Потом вдруг на экран вывалилась непристойная реклама, и мне пришлось перезагрузить компьютер, поскольку крестика «закрыть» мне найти не удалось. Но и после перезагрузки всплыл тот же баннер и загородил все ярлыки на рабочем столе. Авторы этого безобразия обещали, что очистят мой экран, если я отправлю одну SMS стоимостью в двадцать рублей. В итоге на телефонном счете испарились все деньги, а противный баннер остался висеть на месте. Совсем обескураженная, я выключила компьютер и пошла в аптеку.

К сожалению, в единственной на всю округу круглосуточной аптеке фармацевт оказался мужчиной. Впрочем, не рассчитывала же я, что мне повезет.

– Мне нужно, чтобы... ну... смазывать, – с перепугу я забыла нужное слово.

Фармацевт подался вперед.

– Что именно смазывать? Спину? Шею? Горло? Десны?

Отличный вопрос, чтобы подвесить меня еще на неделю.

– Э-э... при сексе...

– Лубрикант? – громко уточнил фармацевт. В этот момент в аптеку вошел посетитель.

– Да-а, – я покосилась на посетителя. Конечно, это тоже был мужчина.

– Вагинальный? Анальный? – фармацевт не сбавлял громкость, как будто хотел поведать всему миру – Соня Острова покупает лубрикант.

– Мне все равно, – буркнула я.

Фармацевт любезно улыбнулся.

– Нет, вы не поняли, – ужаснулась я. – Это для шарика. Который застрял. Не то чтобы я его в себя запихивала, как какая-нибудь извращенка. Но теперь его нужно вытащить.

Язык мой – враг мой. Никогда больше не пойду в эту аптеку.

К двум часам ночи мне удалось вытащить шарик с помощью лубриканта и чайной ложки. Это была длительная, унижительная и болезненная процедура, во время которой я с тревогой припоминала высказывания религиозных людей о том, что бог сверху постоянно наблюдает за нами. Надеюсь, это все же не так. Хотя, может, потому он людей и создал – чтобы смотреть на них и ржать.

С утра пришел Эрик, чинить мой компьютер, который показывал только фаллоимитаторы. Эрик быстренько удалил отвратительную рекламу, и все бы закончилось хорошо, если бы он не заметил лубрикант, который ночью я забыла на столе. «Только бы он тактично промолчал», – взмолилась я, но Эрик был бы не Эрик, если бы не фыркнул:

– Компьютер я тебе починил из чистого альтруизма, не надо благодарности.

– Даже не проси меня рассказать.

– Если я буду ныть и умолять, это подействует?

– Нет, – отрезала я, но, когда Эрик приступил, на десятой минуте сломалась и выложила ему все, начиная с сыроеда.

Эрик чуть ли не по полу катался, слушая меня.

– Эрик, я не так иронично к себе отношусь, как ты надо мной смеешься. В течение двух суток со мной случилось непристойностей больше, чем... чем это было бы прилично.

– И какой у него был длины в сантиметрах?

– Может, четыре. А может, я выдаю желаемое за действительное.

– Почему ты загналась? Этот неудачник просто свалил с больной головы на здоровую. То есть с не совсем головы. И последующая психотическая история с шариками... тебе не пришло в голову, что если ты даже не сразу смогла их впихнуть, то с твоей вагиной все в полном порядке?

– Иди домой, – надулась я. – Оставь меня страдать и есть.

– Я думаю, я найду способ поднять твоё настроение.

– У моего настроения импотенция.

Эрик схватил меня за руку и потащил в свою квартиру. Игнорируя гневный окрик Деструктора, он вытащил из-под его спины подушку и потрянул ее. На ковер с мягким стуком упал стеклянный камень.

– Кажется, тебе он сказал, что выбросил его. На самом же деле твой подарок так ему понравился, что он даже ночью с ним не расстается.

– Ты меня заложил, – прошипел Деструктор.

– Стану я тебя прикрывать, маленький мошенник, – парировал Эрик. – И я не намерен тебе потакать только потому, что ты малоуправляем.

Мое зрение вдруг затуманилось.

– Ничего, я привыкла, что лица мужского пола врут, чтобы меня обидеть, – выдавила я, развернувшись, чтобы уйти.

– Прости, – тихо сказал Деструктор.

– Все в порядке. Съем чего-нибудь и успокоюсь. Может быть, трехкилограммовый торт.

– Я закажу пиццу! – вырвалось у Деструктора. – В качестве извинения.

– Соглашайся, – подсказал Эрик. – Он собирался купить на эти деньги Mass Effect 2, поэтому ни в чем себе не отказывай. Это будет справедливо.

Я обернулась и посмотрела на Деструктора через плечо.

– Если ты хотел подластиться ко мне, то мог бы предложить фуа-гра с марципаном.

– Я думаю, мы должны быть ближе к реальности, – не сразу нашелся Деструктор.

Эрик открыл меню на сайте пиццерии.

– Выбирай.

– А что там есть повреднее?

Глава 9: Дело о похитителях органов

В середине августа, с разницей в несколько дней, Деструктор и Эрик отпраздновали свои дни рождения, и проблема выбора подарков измучила меня до головной боли. Все, что их интересовало, было обмотано проводами, если только не именовалось беспроводным. Я же, с моим бедным опытом дарения подарков мужчинам, могла предложить разве что крем для бритья. Но тогда что мне подарить Деструктору?

В день объединенного торжества, заглянув в квартиру Эрика, я обнаружила, что народу в ней как в трамвае в час пик. Друзья Эрика были одеты как юные оболдуи и уже успели запустить Super Mario; друзья Деструктора предпочли солидный черный цвет и сосредоточились на жестоких убийствах в Mortal Kombat. На деле они отличались не больше, чем жители Вилларибо и Виллабаджо из старой рекламы – время неизбежно сгладит их различия. В своем изящном платье я ощутила себя неловко, как яйцо Фаберже среди «Киндер Сюрпризов». Два здоровенных льва, свисающих у меня из-под мышек, тоже выглядели неуместно.

– Эрик, это львы, – пояснила я.

– Вижу.

– Догадался, почему львы? Догадался? Догадался? – в мо-

ем голосе звучала умирающая надежда.

– Э-э...

– Потому что ты и Игорек – вы оба львы!

Лицо Эрика выражало непонимание, и я добавила:

– По гороскопу.

Взгляды всех присутствующих устремились на меня. Произнеси я слово «фекалии», оно бы вызвало меньшее неодобрение.

– Помоги мне с бутербродами, – из сострадания попросил Эрик и утащил меня в кухню.

– Я сказала что-то не то?

– Мои друзья – программисты.

– Программисты не верят в гороскопы?

– Почему же, верят – в факт их существования. Но считают страшной хренью.

– Ну вот, опять я выставила себя идиоткой.

– Не бери в голову, – Эрик ровной горкой выкладывал на тарелку бутерброды. – Если хочешь поправить впечатление, скажи, что обожаешь гуро¹³.

– Что такое гуро?

– Да так... комиксы... мультики... японские.

Вернувшись в комнату, я присела на край дивана и невинным голоском сообщила:

---

¹³ Эрогуро, или просто гуро – направление в искусстве Японии, характеризующееся смакованием расчлененки, некрофилии, каннибализма и прочих радостей для настоящих гурманов.

– Обожаю гуру. А вы?

Сидящий рядом парень обратился на меня дымчатый, с при- таившейся в глубине искоркой, взгляд:

– Чем вас привлекает гуру?

– Ну, хм... можно почерпнуть много всего полезного. Для повседневной жизни.

Кажется, эти люди действительно прониклись ко мне ува- жением. Все же при всем старании Эрика подбодрить меня, вечер оказался невероятно скучным, потому что в этой ком- пании я оказалась не только не способна поддержать разго- вор, но и хотя бы понять, о чем речь. Например, шейдеры. Что это вообще?

Во второй четверг сентября, неуклюже выкарабкавшись из маршрутки, доставившей меня к дому после психологи- чески изнурительного рабочего дня, я увидела на остановке Деструктора. Он сидел на лавочке и что-то читал с планшета, подперев рукой щеку. На затылке у него криво сидела боль- шая ковбойская шляпа.

– Привет. Не сиди сгорбившись. Это вредно.

– Привет, – Деструктор вскочил, поправил шляпу и по- следовал за мной к дому.

– Классная шляпа.

– Это стетсон. Папа купил. Но при этом он посоветовал мне помнить, что американцы истребили индейцев, сгоняли негров в рабство, да и после не оставили своих привычек. Взять, например, Ирак.

– Твой папа не любит американцев?

– Нет, мой папа считает, что истреблять людей плохо.

– Хорошо бы и тебе перенять у него это убеждение.

– А знаешь, мы собираемся в музей, посмотреть выставку про индейцев.

– Игорек, мне что-то подсказывает, что ты ждал меня на остановке не для того, чтобы обсудить со мной историю захвата Северной Америки и культурно-просветительные учреждения.

– Ну... мне действительно неприятно это признавать, но у меня есть к тебе просьба.

– Какая?

– Наша директорша вызвала папу в школу. В общем, я хочу, чтобы вместо него пошла ты.

– Будет странно, если к директору придет твоя соседка.

– Нет. Ты скажешь, что ты моя мать.

Споткнувшись, я во все глаза уставилась на Деструктора.

– Что ты такое натворил, что даже отцу сообщить боишься?

– Да так... главное, что все живы, правда?

– Он ничего тебе не сделает. Ну заставит читать Гете.

– Спасибо, мне еще Достоевского пять томов осталось.

– И есть еще твоя бабушка...

Деструктор надул щеки.

– Слушай, если не хочешь мне помогать, так и скажи.

– Я помогу.

В пятницу, за десять минут до назначенного времени, я подошла к лишенному всякой индивидуальности серому прямоугольному зданию. Непристойная близость ларька, торгующего сигаретами и энергетическими напитками, заставила меня нахмуриться.

В школе пахло мыльной водой и пылью.

– Здравствуйте, я к директору, – обратилась я к вахтерше.

Вахтерша чесала лысы с охранником, не замечая моего присутствия.

– Здравствуйте! – крикнула я громко.

– А, к директору... третий этаж.

Взгляд вахтерши отчетливо выражал: «Ходят тут всякие».

Ну почему, почему никто меня не уважает?

Директриса оказалась дамой внушительной и выглядела так, будто ее рисовали по линейке – жесткий угловатый костюм, квадратное лицо, очки с прямоугольными стеклами. Чем-то она походила на Брежнева, но одарять меня поцелуями явно не собиралась.

– Садитесь, – ее тяжелый взгляд так и припечатал меня к сиденью. – Итак, вы мама Игоря Любименко.

– Да, – живо подтвердила я, впервые услышав фамилию Деструктора и ругая себя, что не потрудилась узнать ее заранее. – Эрик не смог прийти. Он... он уже двое суток, как засел за компьютер.

– Вот как.

«Блин», – подумала я. Если я уточню, что Эрик работает,

она расценит это как попытку оправдаться?

– Меня зовут София.

– Ираида Феофилактовна.

В этой школе нашкодивших детей не обязательно отводить к директору. Достаточно заставить их сто раз произнести ее имя-отчество.

Сощурившись, директриса рассматривала мое лицо, и я подавила импульс почесаться. Как говорит моя мама, «хороший нос за неделю кулак чует».

– У вас с мужем значительная разница в возрасте.

– Даже курятину лучше брать посвежее, – брякнула я.

– Хотя сейчас я припоминаю, что отец Игоря упоминал, что он не женат...

– Не бросаться же мне на каждого школьника, от которого меня угораздило забеременеть? – говорят, некоторые люди немеют от волнения. Счастливые.

Лицо директрисы стало таким твердым, что им можно было забивать гвозди.

– Что ж, поговорим о вашем сыне. Учебный год едва успел стартовать, а Игорь уже перешел все границы. Да и в учебе его похвалить не за что.

Хм. Девятое сентября. Вот уж действительно, молодой да ранний.

– Да, Игорька не назвать... кротким, но разве он плохо учится? Он очень умный.

– Или мнит себя таковым. Взгляните, – она раскрыла пе-

редо мной тетрадь. – Вот что он пишет во время словарного диктанта.

«Кавалергард, – прочитала я. – Длинношеее. Параллелограмм. Афедрональный¹⁴. Абсорбент. Адсорбент. Фелляция. Биеннале». Хотя исправлений в словах не было, снизу стояла жирная двойка.

– Он писал совсем не те слова, которые диктовали.

– Я рада, что учительница не диктовала второклассникам слово «фелляция», – сказала я.

– Каким образом оценить уровень его грамотности, если он отказывается выполнять контрольные задания?

– Я думаю, если ребенок смог правильно написать «афедрональный», то и со словами покороче он тоже справится, – проямлила я.

– Учительница английского уже на грани нервного срыва от его постоянных вопросов: как перевести на английский «руки не доходят»? а слово «перелай»? а выражение «склеить ласты»?

– Я очень ей сочувствую, но, скорее всего, Игорьком движет искренний интерес...

– А вот контрольная по математике...

– Опять «два»? Ответы неправильные?

– Правильные. Но где запись решения? Учительница об-

---

¹⁴ Афедрональный (от греч. «афедрон») – букв. «относящийся к сиденью», или попросту к заду. Деструктор лучше других знает, что использование сложных ругательств (напр. «афедрональнополушарный») – лучший способ привести противника в смятение.

винула Игоря, что он списал ответы у соседа, на что было заявлено, что это так же несправедливо, как кастрация Тьюринга¹⁵.

– Вряд ли дети поняли, что значит «кастрация»...

– Он не стал дожидаться перемены, чтобы просветить их.

– Вы опасаетесь, что это обострило их фрейдистские страхи? – робко предположила я.

– Мне кажется, вы не осознаете всей серьезности ситуации. Он совершенно отбил ся от рук.

– Я слышала, что у одаренных детей часто возникают проблемы с дисциплиной, так как, легко решая школьные задачи, они переживают постоянную скуку и...

– Уже сейчас он демонстрирует наклонности юного девианта...

– Или программиста...

– Грубит направо и налево...

– Конечно, мы не можем понять все, что он говорит, но уверяю вас, не все эти слова грубые...

Директриса хлопнула по столу ладонью.

– Вы спорите со мной?!

– Я? Нет, – я втянула голову в плечи, ощущая себя маленькой провинившейся школьницей. – Просто Игорек не так плох, как вам могло показаться. Это все, что я пытаюсь

---

¹⁵ Тьюринг Алан Мэтисон – английский математик и криптограф. В 1952 по обвинению в гомосексуализме приговорен к химической кастрации. Год спустя погиб от отравления, предположительно, совершив самоубийство. А потом «цивилизованная Европа» вещает нам о правах человека...

сказать.

– Без сомнений, он еще не достиг нижней точки своего падения. Но он уже совершил серьезное преступление, за которое, будь он старше, ему пришлось бы отбывать тюремное заключение.

– Что? – прошептала я. Мое сердце вдруг провалилось куда-то в ноги, и в груди стало пусто-пусто.

– Он украл дорогостоящее школьное оборудование. Анатомический разборный макет торса человека.

– Насколько дорогостоящее?

– Семь тысяч рублей.

За квартиру я отдавала сумму немногим больше, и у меня защипало в носу.

– Я... мы извинимся, мы вернем... Но... как это произошло? Вы абсолютно уверены, что это сделал Игорек?

– Макет был доставлен утром четверга, и примерно за пятнадцать минут до окончания первого урока завхоз самолично внес его в кабинет биологии и оставил на столе, заперев за собой дверь. Отмечу, что учительница биологии со второй половины среды отсутствовала по болезни. Тогда же, в четверг, Игорь решил прогулять урок труда, шедший вторым уроком. Поскольку он знал, что во время уроков в коридорах дежурит охранник, отлавливая праздничношатающихся учеников, он самовольно взял с вахты ключ от кабинета биологии и направился туда. Еще до окончания урока учительница физики увидела Игоря, выбегающего из кабинета биологии,

прижимая к себе рюкзак. Она остановила его и отчитала, после чего взяла ключ, брошенный на стол в кабинете, заперла кабинет и отнесла ключ ко мне, рассказав о проступке Игоря. Ключ оставался у меня. Спустя некоторое время, решив проверить возникшие у меня подозрения, я спустилась в кабинет и обнаружила, что макет пропал.

– Макет был большой? Он поместился бы в рюкзак?

– Большой, но компактно сложенный в коробке в разобранном виде, да и рюкзаки у школьников не маленькие. В случае, если макет не будет найден, вам придется компенсировать его полную стоимость. Кроме того, я надеюсь, вы понимаете, что после произошедшего я обязана сообщить в полицию с последующей за тем постановкой его на учет в детскую комнату. Тем более что в прошлом году он уже совершал кражу в нашей школе.

– О, нет, – ужаснулась я. – Пожалуйста... пожалуйста... мы все оплатим, если потребуется... будем следить за ним в десять глаз... можно ли как-то избежать полиции?

Директриса задумалась. Пока длилось молчание, я отчетливо слышала, как мои нервы хрустят, как снег под ногами.

– По выходным в школе продолжают завершающие ремонтные работы, – наконец сжалась директор. – Вы могли бы помочь нам. Возможно, вы умеете стелить ламинат или устанавливать пластиковые окна?

– Я умею оттирать землей надписи со столов.

Директриса устало вздохнула.

– Ладно. Мы как-нибудь найдем вам применение.

Я вышла из школы совершенно убитая. Деструктор ждал меня на лавочке, прячась под стетсоном от пока по-летнему жаркого солнца.

– Ты должен вернуть макет!

– У меня его нет.

– Но директриса считает, что это ты его украл!

– Я знаю. Но я этого не делал. Зачем мне анатомический макет? Захоти я полюбоваться на внутренности, у меня есть Интернет.

– Даже если ты не брал его, обстоятельства против тебя. Тебе придется компенсировать его стоимость.

– Я понимаю. Но я действительно этого не делал.

– Ты обязан рассказать Эрику, – я едва не рыдала.

– Я сам разберусь.

– Директриса сказала, это уже не в первый раз... Что она имела в виду?

– Неважно.

– Нет, ты мне расскажешь, или я немедленно отправлюсь к твоему отцу!

Деструктор злобно стрельнул в меня глазами из-под стетсона.

– Ладно. Это случилось в прошлом году. У нас была математика. «Цифра 10», – сказала учительница. Я поправил ее, что цифры – это ряд от 0 до 9, числа же состоят из цифр, и 10 – это уже число. Тогда она сказала, что нет никакой раз-

ницы, и велела мне встать в угол. Стоя в углу, я догадался, что ее раздражение вызвано тем, что она осознала собственную профессиональную несостоятельность. Я ужасно разозлился. Взрослые так часто лажают, но никогда не признают свои ошибки. Когда урок закончился, и учительница вышла из класса, я, сублимируя агрессию, сгреб с ее стола ручки, карандаши, записную книжку и выбросил их в окно. Она обвинила меня в краже, и с тех пор у нас отвратительные отношения.

«Сублимируя...», – мысленно отметила я. Надо сказать Эрику, что Фрейда Деструктору читать все-таки рановато. Пусть предложит ему что-нибудь безобидное – Юнга, например.

– Теперь мне понятно, почему ты не хотел звать к директору папу – один раз поправшись, второй раз доверия к себе не ждешь, даже если действительно невиновен. Но, Игорек... я уверена, Эрик бы все понял правильно.

– Он разочаруется во мне.

– Уверена, этого не произойдет.

– Мама уже во мне разочаровалась. Иначе она бы не уехала, – выпалил Деструктор и натянул стетсон на лицо. – Ты слишком переживаешь за меня. Не волнуйся. Я смогу найти эти деньги.

– Ты смиришься с этим обвинением? Это несправедливо!

– Мир вообще несправедлив.

– Дети не должны так говорить, – ужаснулась я.

– В мире, где Достоевского сослали на каторгу, инки проиграли конкистадорам, а Гитлер едва не победил, мои проблемы весьма незначительны, – мрачно произнес Деструктор и, ускорив шаг, пошел прочь от меня.

В отличие от Деструктора, я не могла отпустить ситуацию так легко. С томиком Линды Френсис Ли, который я взяла в качестве моральной поддержки, в одной руке, и чашкой чая в другой, я допоздна шаталась по своей душной квартире. В моей голове переживания сегодняшнего дня мешались с давними школьными тревогами. В школе у меня была «4» с натягом по географии и прочим гуманитарным предметам, «3» по алгебре и прочим точным предметам, и вечная «2» по физкультуре. Мой титул был не из лучших – самая толстая девочка в классе. Выходя к доске, я становилась во всех смыслах крупной мишенью для насмешек, поэтому предпочитала отмалчиваться за партой. Постепенно учителя пришли к убеждению, что я туповата, и оставили меня в покое. Я закуталась в розовый блестящий флёр. Я таскала романы в рюкзаке и все время видела вокруг себя замки и горы романтической Шотландии. Но среди этого прекрасного иллюзорного мира, где-то в глубине души я чувствовала себя ужасно одинокой.

Деструктор всегда выглядел таким самоуверенным. Я не могла представить, что у него могут быть проблемы. А сейчас я должна ему помочь. Приняв решение, я наконец смогла пойти спать.

В десять утра я решительно шагала по направлению к школе, когда меня догнал Деструктор. За спиной на шнурке болтался его стетсон.

– Так я и думал, – задыхаясь после пробежки, выпалил он. – Сегодня ты уже не моя мамочка! Иди домой!

– Я решила найти настоящего похитителя, Деструктор. Я проведу собственное расследование.

– Это будет как кабачок за рулем автомобиля.

– Не смейся надо мной. В подростковом возрасте я прочла много детективов из серии «Черный котенок», и они развили мою смекалку.

– Ага, но чтобы установить Winamp на компьютере, ты зовешь моего отца.

– Не все люди сильны в компьютерных программах.

– Не все люди вообще в чем-либо сильны. Ладно, сам виноват. Мне следовало припомнить, что у тебя есть свойство превращать самое заурядное событие в череду происшествий за гранью здравого смысла. Надеюсь, тебя просто выставят из школы.

– Я обещала директрисе помочь с ремонтом, так что у меня есть повод находиться в школе в выходной день.

Деструктор обреченно вздохнул.

Мы прошли мимо пустой вахты, избежав необходимости давать объяснения, и поднялись на второй этаж, где, как неохотно указал Деструктор, находился кабинет биологии. Школа казалась бы совсем безлюдной, если бы не стуки и

грохот, производимые рабочими. Дверь в кабинет биологии была распахнута настежь – в него сволокли стулья и парты из соседнего помещения, сложив их в опасно неустойчивые башни.

– Все место преступления затоптали, – расстроилась я.

– Предлагаю возрыдать и сдаться, – предложил Деструктор.

– Ладно. Всем великим сыщикам приходилось сталкиваться с затруднениями в расследовании.

– Так то великие сыщики... А у тебя вся жизнь – сплошное затруднение.

– Восстановим последовательность событий... Ты прогуливал урок труда...

– Чуть-чуть.

– Кстати, часто ты пропускаешь уроки?

– Не отвлекайся, Великий Мышиный Сыщик.

– Ты стянул ключ от кабинета биологии... нехороший поступок.

– Ты никогда не восстановишь последовательность событий, если будешь то и дело перескакивать на чтение морали.

– Макет был на месте?

– Не уверен...

– Он был упакован в коробку.

– Я просто не обратил внимания.

– Ладно... пока оставим это.

Для начала я заглянула в смежную лаборантскую. Там в

колбах плавали части разных умерщвленных существ, и я решила, что, пожалуй, лучше сперва осмотрю кабинет.

Через десять минут Деструктор сказал:

– Ты можешь сколько душе угодно ходить по кабинету по-утиному, но все же напомню, что Эркюль Пуаро осуществлял поиск улик по-другому.

Меня уже самую посещали сомнения в эффективности моего метода, но тут я обогнула стол и радостно закричала:

– Нашла! Здесь упавший цветочный горшок на полу. И много следов!

– Три дня и три ночи сидел Зоркий Глаз в темнице, а потом заметил, что одной стены не хватает, – пробормотал Деструктор. – Цветок могли уронить строители.

Я потрогала сломанный листок.

– Нет, это сделали не строители – листок успел подсохнуть, да и следы, судя по размеру, детские. Но учительница биологии бы заметила, что цветочный горшок упал с подоконника, ведь окно расположено возле ее стола. Значит, это произошло уже после ее отбытия на больничный.

Я потянула створку окна, и она легко растворилась, оказавшись только прикрытой. Теперь понятно – горшок сбили, открывая окно. На белом подоконнике красовался замечательно четкий отпечаток испачканной землей подошвы в волнистую полоску. Были еще следы, но смазанные. Я выглянула в окно – на расстоянии полутора метров располагался козырек над черным ходом. А уж с него и до земли недалеко.

– Кто-то выпрыгнул из окна. Знаешь, почему я так решила? Потому что следы смотрят в сторону улицы и окно открывали изнутри!

Деструктор странно посмотрел на меня.

– Это настолько очевидно, что я не понимаю, зачем ты мне это рассказываешь.

Схватив с учительского стола лупу, я принялась самым тщательным образом рассматривать след.

– Думаю, без лупы тебе было бы проще оценить рисунок на подошве.

– Настоящие детективы пользуются лупой.

– Настоящие детективы не имеют никакого отношения к тем, которых ты видела в кино.

Отложив лупу, я достала из сумки блокнот и, высунув от усердия язык, двадцать минут старательно срисовывала след. Когда я закончила, Деструктор вытащил свой мобильный и запечатлел улику на фото.

– Я сомневаюсь, что в расследовании ты продвинешься еще хотя бы на миллиметр.

– Ха! Да я только начала и уже обнаружила важную улику!

– Дальше-то что будешь делать?

– Во всяком случае, у меня есть след.

– Угу. Удачи тебе с ним.

– Главное, он есть у меня.

Я задумчиво присела на парту. В тех детективах, которые я читала, стоило найти след, так все сразу откуда-то знали,

чей он. Захотелось позвонить Диане и спросить ее совета, но Диана слишком сблизилась с Алей, и Деструктор не простил бы мне утечки информации до его бабушки. Что ж, придется думать самой.

– Я... я попробую применить дедуктивный метод.

– Попробуй просто применить мозги.

– Судя по рисунку на подошве, это должна быть кроссовка, а не ботинок. Размер ноги... хм, я бы предположила, что ученик четвертого-пятого класса. Мальчишка, конечно.

– Капитан Очевидность аплодирует, Шерлок нервно курит в сторонке.

– Найти бы нам эти кроссовки, мы бы и ноги нашли.

– Какая нестандартная идея.

– Кстати, об обуви, – я посмотрела на пыльные потрепанные кеды Деструктора. – Ты вот в этом ходишь в школу?

– Нет, обычно я переобуваюсь в сменку в гардеробе.

– То есть сменку все хранят в гардеробе?

– Ну да...

– Тот, кто выпрыгнул из окна, скорее всего, был в сменной обуви. На следующий день, в пятницу, он в ней же пришел в школу, а уходя, переобулся в свою уличную – это было бы логично. Значит, кроссовку следует искать в гардеробе. Пошли.

– Вот еще, – заартачился Деструктор. – Не с моей репутацией шарить по раздевалкам.

– Мне нужен твой мобильник, в нем фото.

– Просто сделай снимок на свой.

– Не могу. Он совсем простой, там нет этой функции.

– Тебе что, дали его на сдачу в супермаркете?

– Дай свой мобильный, – настойчиво потребовала я. – Для связи я оставлю тебе мой.

Раздевалка располагалась в подвале и была разделена по секторам. Класс, которому принадлежал сектор, был указан на стене белой краской. Миновав маленькие ботиночки и туфельки первоклашек, я перешла сразу к четвертым классам. Ничего. Пятый «А» также оказался чист, не считая пачки сигарет, обнаруженной в гламурной золотистой балетке. Пачку я забрала на выброс – нечего портить здоровье. В секции 5Б я подняла потрепанную грязную кроссовку, перевернула ее и, даже не сверяя с изображением, поняла, что это она.

– Что вы здесь делаете?! – прогрохотало у меня над ухом, и я подскочила, как ужаленная.

Директриса с непроизносимым отчеством жалила меня взглядом сквозь прямоугольные очки.

– Мышь, – нашла я. – Я видела, как она побежала сюда.

– У нас нет мышей, – возмутилась директриса. – Что вы придумываете? Вам показать санитарно-эпидемиологическое заключение?

Я втянула голову в плечи.

– Что вы, я поверю вам на слово. Должно быть, померещилось.

Директриса продолжала сурово глядеть на меня сквозь

холодные стекла.

– Со мной иногда бывает, что кажется всякое, – продолжила я, заговаривая ей зубы, как злому псу. – В детстве мама даже водила меня к врачу из-за этого.

– Ах, вот как, – протянула директриса, кивая сама себе.

– Не думаете же вы, в самом деле, что я стала бы воровать поношенную детскую обувь? – я нервно захихикала.

– Я не знаю всех причин, по которым ваша мама водила вас к врачу. Вы пришли помочь с ремонтом? – не дожидаясь ответа, директриса развернулась к выходу. – Я покажу вам, что делать.

Следуя за ней, я сверлила взглядом ее спину. Суббота... чего ж вам дома-то не сидится?

Мы прошли мимо кабинета биологии (мое сердце замерло) в кабинет физики.

– Вон кисти, вон банки с лаком, вот газеты, чтобы не за-
капать пол. Покрасьте все парты и на сегодня будете сво-
бодны, – директриса критично осмотрела мою белую маечку
и брючки-капри. – Вероятно, после работы эту одежду вам
придется выбросить.

Она удалилась, оставив меня тоскливо осматривать беско-
нечные ряды парт. На телефоне Деструктора я набрала соб-
ственный номер:

– Даже не думай, что оставишь меня с этим.

Деструктор явился через пятнадцать минут – долго же он
шел из соседнего кабинета.

– Я нашла кроссовки.

– Поздравляю. Теперь ты можешь выдвинуть им обвинение, – Деструктор отколупнул крышку с банки, понюхал лак и поморщился.

– Не смешно. Что дальше будем делать?

– Это ты у нас Шерлок Холмс, я всего лишь доктор Ватсон. Добровольно-принудительный.

– Мне всегда казалось, что доктора Ватсона недооценивают, – протянула я, окуная кисть в лак и проводя ею по парте. От кисти сразу же отделились несколько волосков и намертво прилипли к поверхности. – Он бегает, как савраска, выполняет самую черную и скучную работу, попадает в опасные ситуации, а вся слава достается Шерлоку.

– Я приложу максимум усилий, чтобы этого не повторилось в нашем расследовании.

– Ты приложишь максимум усилий, чтобы ничего не делать?

– Именно. Ну что, тебя уже осенила блестящая идея?

– Нет.

Мы покрасили парту, и две, и три, и я уже отупела, надышавшись испарениями лака, а идея так и не пришла.

– Мы находимся в школе, – не выдержал Деструктор. – А здесь ведут...

– ... уроки.

– Да нет же. Заполняют...

– ... знаниями головы учащихся.

– Отмечают...

– ... День учителя и День знаний. А, еще есть День здоровья.

Деструктор застонал, сраженный моим идиотизмом.

– Посмотри в журнале!

– Что посмотреть?

Деструктор спрятал лицо в ладонях.

– Точно, – дошло до меня. – Я же могу посмотреть, кто из 5 «Б» пропускал занятия утром четверга. Следы у подоконника оставили два человека, так что если отсутствовала сразу пара, то...

– С озареньем, – кисло поздравил Деструктор.

– Где учительская?

– На третьем этаже.

Я решительно направилась к двери, но вдруг резко остановилась.

– Только один вопрос... как эти неизвестные – назовем их X и Y – попали в кабинет? Они не могли сделать это ранее, чем принесли макет – как бы тогда они его украли? И не могли сделать после того, как из кабинета ушел ты – ведь учительница заперла кабинет и передала ключ директору.

– Может, когда в кабинет внесли злополучный макет, дверь оставили открытой.

– Да, вероятно, – я шагнула в коридор, но сразу развернулась. – Я вспомнила: директриса упоминала, что завхоз запер дверь за собой.

– Она свечку не держала.

– Верно. Но чуть позже тебе, чтобы попасть в кабинет, пришлось украсть ключ с вахты.

– Они тоже могли стянуть ключ, а потом вернуть его. И следом его взял я.

– Однако растяпистая у вас вахтерша... но могло быть и так, спасибо, – я вышла из кабинета, прошла десять метров и вернулась.

– Что еще? – закричал Деструктор.

– Одна маленькая деталь не дает мне покоя... У них есть ключ... но они запирают кабинет, выпрыгивают через окно, возвращаются в школу и относят ключ на вахту. Если они хотели оставить школу незаметно, зачем относить ключ, ведь вахтерша могла их заметить? Бросить его где-нибудь, да и все. И пропажа макета бы обнаружилась не сразу. Если же они не опасались, что будут замечены, почему тогда не вышли через дверь?

– Я не знаю, – раздраженно ответил Деструктор. – А может, нам следует просто забыть обо всем этом и пойти домой?

– Ну уж нет, я только вошла в раж.

– Да ты с утра неадекватная.

На пути в учительскую мне встретились рабочие, но я приняла максимально невинный вид. К счастью, в самой учительской никого не было. Вот и журнал 5 «Б» класса, в синей глянцевой обложке... Четверг, восьмое сентября. Пер-

вым уроком был английский. Отсутствовала одна девочка по болезни. Далее следовала литература, которую проигнорировали некие Антонян и Веничкин. В тот день в школу они уже не вернулись. Я полистала страницы. Эти двое частенько прогуливали занятия вместе. Не наши ли это X и Y? Интересно... если Деструктор прогуливал второй урок, и эти двое прогуливали второй урок, и все трое отсиживались в кабинете биологии... как они умудрились не встретиться?

Шаги! Я бросила журнал на место, но убежать не успела. Директриса! Ноздри раздуваются, копыто загребает землю.

– Опять вы!

Я могла бы сказать то же самое.

– Снова мышь?

– Нет, кошка. Слышите – мяучит? А все, перестала.

Суровое лицо директрисы внезапно смягчилось.

– К зрительным галлюцинациям у вас добавились слуховые. Как закончите работу, идите домой.

– Ну что? – набросился на меня Деструктор, когда я вернулась в кабинет физики.

– В очередной раз наткнулась на директрису, – я рассказала отягчающие подробности, чем ввергла Деструктора в депрессию.

– Теперь она будет думать, что я не только воришка, сын малолетнего отца, но еще и мать у меня чокнутая.

– Не драматизируй. Веничкин и Антонян, случайно, не твои знакомые?

– Знать их не знаю, – отрезал Деструктор.

Я кивнула, не став распространяться, что после того, как директриса вышла из учительской, я просмотрела и журнал второго класса, обнаружив, что Деструктор пропускает занятия в те же дни и время, что Веничкин с Антоняном. Совпадение? Сыщики не верят в совпадения. Деструктор не договаривает... И это меня тревожит.

К тому времени, как мы докрасили парты, мы так надышались лаком, что голова шла кругом. Небо за окном успело приобрести приятный золотистый оттенок. Выйдя из школьных дверей, мы остановились, жадно вдыхая свежий воздух.

Мимо нас прошла девочка.

– Привет, – сказал Деструктор, но она не обернулась, поспешно удаляясь. На ней были дешевая футболка и юбка, из которой она уже немного выросла.

– Вы знакомы?

– Да это Камышова, из третьего «А». Она похожа на Полумну Лавгуд. И такая задавака. Никогда не ответит, только смотрит, как на соплю.

– Что она забыла в школе в субботу?

– В библиотеке торчала, заучка. Она помощница библиотечарши, и, видимо, ей доверили ключ.

– Игорек, у тебя есть друзья в школе?

– С кем мне дружить? – с горечью осведомился Деструктор. – Одноклассники такие глупые. А уроки такие скучные... Да еще учителя разговаривают как с олигофреном.

Ненавижу школу.

Эрик открыл нам дверь и поморщился.

– Ну и запах от вас. Откуда это вы вместе возвращаетесь?

Мы с Деструктором воровато переглянулись.

– Игорек помогал с ремонтом у моей мамы.

– А когда я звонил ему несколько часов назад, он сказал, что он у друга.

– Он был у друга. А потом великодушно согласился протянуть мне руку помощи.

Эрик покосился на Деструктора, как будто сомневаясь в его великодушии.

– Да? Деструктор, и как тебе Сонина мама?

– Психованная стерва. Достала меня вообще, – Деструктор сбросил кеды и завалился на диван.

Эти слова Эрика убедили.

– Эрик, у тебя есть еда? Мы оба ужасно голодные.

– Твоя бабушка сжалилась?

– В смысле?

– Ты же вечно жалуешься, что она тебя закармливает.

– Она... она просто совсем забегалась... с этим ремонтом.

– Сейчас что-нибудь сварганю по-быстрому. Посмотришь со мной «Выход дракона»?

Пока мы уничтожали пищу и наблюдали визжащего Брюса Ли,двигающегося как на быстрой перемотке, Деструктор вяло копался в ноутбуке, а потом и вовсе заявил, что устал и ложится спать.

– У вас какие-то тайные дела, – сказал Эрик, как только за Деструктором захлопнулась дверь ванной. – Но, может, оно и к лучшему. Мороженого?

– Большую плоску. И, кстати, Эрик...

– Да?

– Если у кого-то действительно тайные дела, как бы ты их вывел на чистую воду?

– Устроил бы очную ставку.

Эрик скрылся в кухне, а я впилась взглядом в ноутбук, который Деструктор оставил включенным. Очная ставка... Мне повезло – в «контакте» Деструктор не вышел из сессии. Во вкладке «Мои сообщения» я быстро нашла Антоняна и напечатала: «Завтра в 12.00 в школьной подсобке. И приятеля тещи. Дело есть». Я не могла ручаться, что завтра кабинеты будут открыты. Подсобка же, как я заприметила, запиралась только на крючок.

– Твое мороженое. Большая плоска.

Я отшатнулась от ноутбука.

– У тебя был такой вкусный сироп... ментоловый...

– Сейчас, – Эрик снова удалился в кухню.

Я заглянула в браузер. Пришел ответ: «Ок». Я суетливо нажала на «крестик», удаляя последние два сообщения. Следы заметены.

С утра Деструктор демонстрировал крайнюю подозрительность.

– Почему я только сейчас узнаю, что в двенадцать дирек-

триса велела нам быть в школе?

– Да ладно, не парься. Мы быстро со всем закончим.

На крылечке курили рабочие. Я подумала, что нам очень повезло, что дело происходит в выходные. В будни наши шатания по школе бы не остались незамеченными.

Решительно втолкнув Деструктора в подсобку, я предусмотрительно заняла место поближе к двери.

– Что мы собираемся делать? – Деструктор подозрительно оглядывал ведра и швабры. – Варить обратное зелье?

– Просто побудем здесь некоторое время.

– Что конкретно сказала тебе директриса? – нахмурился Деструктор. – Сесть и не высовываться?

Тут с редкой для пятиклассников пунктуальностью подошли Антонян и Веничкин. Антонян был худым и длинным, с задиристой смуглой физиономией, а Веничкин – маленьким и бледным, с большими оттопыренными ушами, нежно розовеющими на просвет.

– Это что за училка? – удивился Антонян, переводя взгляд туда-обратно с меня на Деструктора.

Деструктор стоял с каменным лицом. Заметив, как подрагивают от ярости его ноздри, я впервые задумалась, что, может, мне и не стоило лезть во все это.

– Располагайтесь, – предложила я и, придвинув ведро к двери, уселась на него с решительным видом, как будто заявляя: «No pasaran!»¹⁶

---

¹⁶ «Но пасаран» (исп. ¡No pasarán! – «Они не пройдут!») – лозунг, выражаю-

Антонян покрутил у виска. Веничкин выглядел растерянным, Деструктор – злобным. Все же они расселись, кто куда. Деструктор пристроился прямо на пол. «В чистых шортах!» – подумала я с негодованием.

– Итак, первый вопрос: знакомы ли вы друг с другом?

– Нет! – переглянувшись, дружно закричала троица.

– Да, глупый вопрос, – я смущенно почесала подбородок. – С самого начала было ясно, что вы начнете отпираться. Тем не менее по результатам проверки школьного журнала было установлено, что уроки вы прогуливаете вместе.

– Одновременно, – усмехнулся Антонян. – Но это не значит вместе. Вообще впервые вижу этих парней.

– Протестую! – крикнула я, ударяя кулаком по жестяному тазу. – С Веничкиным вы, Антонян, учитесь в одном классе, следовательно, не видеть его прежде не могли. И потом, получив указание привести приятеля, с собой вы привели именно Веничкина.

– Никого я не привел. Он сам увязался за мной по дороге.

Все зашло в тупик. Я беспомощно посмотрела на Деструктора. Он послал мне сумрачный взгляд.

– Ладно. Веничкин и Антонян, признаетесь ли вы, что посещали ранее кабинет биологии?

– Нет, – Антонян достал жвачку и сунул в рот. – Никогда

щий твёрдое намерение защищать свою позицию. Они не пройдут. И не выйдут. И вообще будут сидеть и слушать, пока не ознакомятся со всеми материалами следствия.

не посещали. А что, он есть в нашей школе?

Веничкин просто молча покачал головой.

– Ожидая, что с вашей стороны будут предприняты попытки ввести следствие в заблуждение, я подготовила ксерокопии страниц журнала, на которых мы можем видеть представленные оценки, а именно «3» и «2», полученные вами на уроке природоведения, который, как нам стало известно, проходит именно в кабинете биологии! – торжественно изрекла я.

– Что, действительно, есть ксерокопии? – заинтересовался Антонян.

– Нет... но если что, их можно сделать...

– Что ты доказала? – прошипел Деструктор. – Что изредка они ходят на природоведение?

– Если ты такой умный, Игорек, сам веди допрос.

– *Игорь*, – процедил Деструктор, косясь на Антоняна и Веничкина. – И, хочу напомнить, ты заманила меня обманом.

– Кроме того, следствие располагает неопровержимым доказательством, – я опустила взгляд, оценивая размеры ступней Веничкина и Антоняна. – А именно отпечатком подошвы, предположительно, Антоняна, запечатлевшимся на подоконнике кабинета биологии в момент, когда Антонян покидал его нетрадиционным способом, то есть через окно!

– Но... – начал Антонян.

– Протестую! – закричала я, снова ударяя по тазу, отчего образовалась пробоина.

Пока я удивленно рассматривала свой покрытый ржавчиной кулак, Веничкина внезапно прорвало:

– Даже если мы там были, то что? То что?!

– Вы сперли макет?

– Мы? – поразился Антонян. – Зачем нам эта фигня?

– Да, я признаю, что у таких оболтусов, как вы, мотивация к похищению учебных экспонатов явно недостаточная...

– Мы были там. Потом ушли, через окно, – быстро произнес Веничкин. – Но мы ничего не сделали и ничего не брали. Разве что ключ до этого свистнули.

– Вы видели макет? В коробке?

– Вроде там была на столе коробка...

– Была, – подтвердил Антонян. – И осталась.

– Что вы делали далее?

– Ничего. Погуляли. Выпили по энергетику. Пошли к Венику, поиграли в комп.

– В школу вы в тот день вернулись?

– Не. Вот еще. Ушли так ушли.

– Протестую! – взвизгнула я, теперь уже осторожнее ударяя по тазу.

Все поморщились.

– Чего вы орете-то? – простодушно удивился Антонян. – Мы тут рядом сидим...

– В случае, если ваши слова правдивы, ключ должен был остаться либо в кабинете биологии, либо же у вас, Антонян и Веничкин, но, как нам известно, позже его выкрал с вахты

Игоре... Игорь. Как это так? Как можно украсть уже украденное?

– А вот он украл! – с чувством праведного гнева заявил Антонян. – И макет он же стырил!

Деструктор посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

– Если только... – начала я.

– Все, дальше я говорю лишь в присутствии адвоката, – заявил Антонян.

– Если только вы не были там вместе. Ключ был похищен один раз, потом *Игорь*... – подчеркнула я для Деструктора, – ...выбежал из кабинета, а вы остались внутри. Подошедшая учительница начала отчитывать *Игоря*, и, услышав ее голос, вы поспешили ретироваться через окно! Потом учительница заперла дверь и... и, собственно, непонятно, кто же украл макет.

– Так и было, – впервые за время нашего разбирательства подал голос Деструктор. – Мы пришли туда втроем. Макет лежал на столе. Мы все его видели.

– Зачем вы туда пришли?

– Чтобы взять лягушек из лаборантской.

– Зачем вам понадобились лягушки?

– Хотели подложить в стол русичке. Она такая фифа. Была там, ездила туда, купила бусики, купила платице, поела французских лягушачьих лапок. Вот пусть теперь русских лягушек попробует. Я должен был разбить в лаборантской

колбы и переложить лягушек в пакет. Ключ от лаборантской был на том же кольце, что и ключ от кабинета. Я отпер дверь... но в последний момент вдруг подумал... ну это же школьные колбы, и лягушки тоже школьные. Если я возьму их, это будет... как воровство. Я передумал, мы начали ссориться. Я выбежал из кабинета и попался физичке.

Антонян цыкнул сквозь зуб и криво ухмыльнулся.

– Сливаешь.

– А это нормально, когда ты вешаешь на меня макет, который, как ты прекрасно знаешь, я пальцем не тронул? – холодно осведомился Деструктор. – А мы клялись, что никогда не сдадим друг друга.

– Поэтому ты врал, что был в кабинете один? – спросила я. – Из-за клятвы?

– Да.

– А если бы они украли макет?

– Они его не трогали, – Деструктор смотрел прямо перед собой. – Не их стиль. Да и коробка была большая, через школьный двор с ней бежать палевно, а вместе с учебниками в рюкзаке она бы не поместилась. Нужно было вытащить книги, куда-то их спрятать, сунуть в рюкзак макет и сбежать через окно. И все за пару минут.

– Но не мог же макет сам уйти? Вы вошли, он был. Вы ушли, он был. После вас никто не входил – макет пропал.

– Никто не входил, – пробормотал Деструктор. – Но это не значит, что никто не выходил.

– То есть?

– Может, там уже кто-то был. В лаборантской. И мы его выпустили.

Все помолчали.

– Слушайте, это даже как-то жутко, – сказала я. – Учительница ушла накануне. Неужели кто-то со среды сидел в лаборантской?

– Все может быть. А потом этот кто-то забрал макет и сбегал из запертого кабинета тем же путем, что и Тончик с Веником, через окно. Поэтому и следы на подоконнике были такие смазанные, – задумчиво продолжил Деструктор.

– В среду был дождь...

– Угу. Конечно, можно было покидать учебники из окна, положить макет в рюкзак, вылезть самому и подобрать их. Но вряд ли тот, кто так фанатеет от школьных экспонатов, станет швырять учебники в грязь. Да и нести их домой, прижимая мокрые, грязные к себе... Значит...

– Они в кабинете биологии. Пошли, – я встала и дернула дверь. Но она оказалась заперта – пока мы тут сидели, кто-то с внешней стороны опустил крючок. – Блин!

– Это не проблема, – успокоил Антонян. – Выйдем обычным путем. Через окно.

Я скептически посмотрела на маленькую форточку, расположенную под самым потолком.

– Я подниму Веника, он легкий, а сам подтянусь. Мы выйдем, зайдем в школу и выпустим вас.

– Хорошо.

Мы помогли приподнять Веника, и он выскользнул в форточку со змеиной грацией. За ним по-обезьяньи ловко последовал Антонян.

– Зачем ты связался с этими пройдохами?

– С ними было прикольно. Шутки, конспирация, все такое. Немного развеяло уныние первого класса.

– Какие шутки?

– Мазали школьные доски мылом. Устроили в туалете потоп. В кабинете одной злой училки исписали стены ее любимыми выражениями вроде «пеньковый лес» и «дошло?». Перемешали реактивы в кабинете химии. Принесли особую свечу, которая сильно дымит, и нас всех отпустили домой по причине пожарной тревоги...

– Не вижу во всем этом ничего забавного.

– Теперь я тоже сомневаюсь, что это было так уж смешно.

– Что-то они пропали...

Прошло еще десять минут, а мы по-прежнему сидели взаперти.

– Вот мерзавцы! Ну что, Игорек, на этот раз они подшутили над тобой. Ты сможешь добраться до форточки?

Деструктор задрал голову, но куда ему до рослых пятиклассников.

– Нет.

– Значит, будем стучать.

Я только пару раз стукнула в дверь, как она растворилась.

Увидев нашего освободителя, мне сразу захотелось захлопнуть дверь обратно.

– Вы не поверите, – сказала я. – Я просто проходила мимо и вдруг почувствовала запах дыма! А потом кто-то нас запер...

Директриса смотрела на меня немигающим взглядом. Она не произнесла ни слова, но я все поняла. И, схватив в охапку Деструктора, рванула прочь из школы.

– Притворимся, что уходим, – прошептал Деструктор и чинно взял меня за руку.

Мы прогулялись и съели по мороженому. День был прекрасный, хоть выезжай на природу и устраивай шашлыки с купаниями.

– Как ты думаешь, она все еще караулит на входе?

– Думаю, уже нет. Пошли.

На вахте Деструктор беззастенчиво подцепил ключи пальцем.

– Прошлый раз их сперли Тончик с Веником. Так что будем считать, что меня отругали заранее.

Тесная лаборантская, плотно заставленная всякой всячиной, пахла формалином и пылью. Стеллаж, на полках которого теснились колбы с плавающими в формалине внутренностями и пожелтевшие от времени книги, сразу привлек наше внимание. Там мы их и нашли – под стопкой старых, еще с восьмидесятых годов, томов, прятались совершенно новые учебники, с белой гладкой бумагой.

– Если бы у нас была возможность снять с них отпечатки пальцев и отправить на экспертизу...

– Все проще, – Деструктор достал тетрадь, вложенную в один из учебников, и посмотрел на обложку. – Камышова.

– Камышова?

Позади нас кто-то испуганно икнул, и, подскочив от неожиданности, мы с Деструктором обрушили груды свернутых в трубочки старых плакатов. Закашляв от пыли, сквозь выступившие на глазах слезы мы увидели в дверях маленькую, всю какую-то невзрачную Камышову, одетую в те же майку и юбку, что и вчера. Лицо ее выражало ту убежденность в собственном превосходстве, что можно увидеть на каменных лицах статуй королей и тиранов. Она открыла рот, как будто собираясь расхохотаться, но звуки, которые у нее вырвались, скорее походили на придушенный писк:

– Х... х-х... х-х... х-хор-рош-шо, чт-то т-теперь в-вы все з-зна-ет-те.

Прерываемые вздохами, попытками взять себя в руки и буксованием на согласных, ее признания заняли немало времени.

– В с-среду после уроков я пробралась в лабор-рантскую и зач-читалась... а потом поняла, что меня зза-зза-заперли! Я с-стучала, но меня не слышали... М-мама д-дежурила в ночь, и я осталась сидеть... Ут-тром пришли мальчишки... и открыли дверь... я уже решила, что меня обнаружили... но нни-икто не вошел... а потом все пропали... и когда я в-вы-

шла, я увидела... м-мм-мма... м-макет! – она зажмурилась, и вдруг выдала почти без запинки: – Он был такой красивый, и, глядя на него, я испытала жесточайшую фрустрацию, под влиянием которой контроль Эго над Оно ослабел, и я взяла макет!

У меня отвалилась челюсть. Деструктор же застыл, как молнией пораженный.

– Но в пятницу я хотела принести макет обратно! – продолжала Камышова. – Правда! Прежде, чем все обнаружится... Но учительница биологии заболела, и я не смогла попасть в кабинет... А потом я ус-слыш-шала, что Иг-горя обвинили в... в... в... к-к-краже. И п-поняла, что это из-за-за меня... что нужно все срочно исправить... Я пыталась вернуть макет в суб-боту, но здесь все время кто-то был, и я не рискнула... попыталась сегодня... и вот, наткнулась на в-вас. Ид-демте к дир-ректору. Я во всем при-при-признаюсь. Еще и мама т-теперь узнает, что в ту ночь младшие остались од-дни...

– Подожди, не спеши, – попросила я.

Мы поговорили с Камышовой еще немного (оказалось, ее зовут Олеся). То, что раньше мы принимали за высокомерие, оказалось патологической застенчивостью. Стоя перед нами, она едва могла дышать, и цвет ее кожи менялся с мелово-белого до помидорно-красного, но, постепенно успокаиваясь, она говорила все чище. У нее были младшие брат и сестра, и мама, которая работала медсестрой и нагружалась дежур-

ствами, чтобы хоть как-то прокормить детей. Для мечтающей стать врачом дочери матери-одиночки макет, в котором каждый орган можно снять и изучить, стал непреодолимым соблазном.

Деструктор, видимо, пришел к каким-то своим выводам по делу, потому что вдруг решительно заявил:

– Не надо к директору. Меня уже ни в чем не обвиняют.

– Правда? – удивилась я.

Деструктор наступил мне на ногу.

– Выяснилось, что потом сюда приходили еще какие-то мальчишки, и подумали на них, но никто не знает, кто они... и, в общем, дело закрыто. А макет купили на деньги одного депутата, и тот пообещал, что даст еще. У депутатов много денег, ты знаешь. Так что этот можешь оставить себе.

Олеся посмотрела на нас круглыми глазами.

– Правда?

– Да, – заявил насквозь лживый Деструктор. – Только один вопрос... Олеся... если ты так долго сидела в лаборантской... то как же быть с... естественными потребностями?

Девочка покраснела, потом побелела, потом снова начала краснеть и быстро стала почти багровой.

– Т-т-т-т... т-т-т-т...т-тер-р-мос-с.

Когда мы возвращались домой, Деструктор – невероятно – прямо-таки излучал добродушие.

– Как она говорит! – восхищался он.

– Она заикается, когда волнуется.

– Нет, не это. *Как* она говорит, какие слова использует. Она не дурочка, как другие девчонки.

– А где ты найдешь столько денег? Я могу дать тебе некоторую сумму, но не семь тысяч.

– Продам часть своих дисков для Sony PlayStation 2. У меня их слишком много скопилось.

– Это очень благородно. Но директриса все равно будет считать тебя воришкой.

– Я не буду общаться с Тончиком и Веником. Я не буду дразнить учителей. И однажды она решит, что я лучше всех.

– Поживем – увидим. И все-таки ты должен рассказать обо всем папе.

– Раз все разрешилось, я расскажу.

Вечером я подошла к Эрику. Несмотря на воскресный день, он работал.

– Эрик, Игорьку скучно в школе.

– Я в курсе. Это вроде семейного проклятия: моей маме было скучно в школе, мне было скучно в школе, теперь Деструктор зеленеет с тоски.

– Я думаю, традицию нужно сломать.

Эрик оторвался от монитора и развернулся ко мне.

– Что ты предлагаешь сделать?

– Перевести его на класс выше. То есть в третий.

– Он замучается сдавать переходные тесты.

– Тем лучше, а то он начал привыкать, что учиться слишком легко.

– И в классе все будут старше его.

– Может, спеси поубавится. А то привык считать себя самым умным.

– Он найдет там друзей?

Я улыбнулась.

– Что-то мне подсказывает, что да.

В понедельник, после тягостного рабочего дня и не менее тягостной встречи с мамой и бабушкой, ко мне заглянул Деструктор. Он был в стетсоне.

– Я позвал Олесю к себе и научил ее играть в Mortal Combat.

– Наверное, она все время проигрывала.

– Нет, один раз она смогла меня убить, – широко улыбнулся Деструктор. – Ты очень мне помогла. И я благодарен тебе. Спасибо. Но теперь... могли бы мы вернуться к прежней вражде?

– Да не вопрос, – я направила на Деструктора указательный палец и сделала вид, что стреляю. – Ненависть. Смертоубийство. Вендетта.

Деструктор послал ответный выстрел и притворился, что сдувает дым с кончика ногтя.

Наблюдая, как он неспешно удаляется, раскачиваясь и широко расставляя ноги, в своей высокой ковбойской шляпе, я подумала, что не хватает только заходящего солнца на фоне – в лучших традициях вестернов. Закрывая дверь, я все еще улыбалась. Рано или поздно мы подружимся. Это

неизбежно.

Глава 10: Униженные и разозленные

Утром, уже на работе, я увидела в «контакте» сообщение: «Привет. На выходных собираюсь заехать в ваш городок, навестить старых друзей. Встретимся?» Я раскрыла страницу отправителя и минуты три всматривалась в фотографию, а потом набрала указанный в сообщении номер.

– Соня! Привет! – он так открыто мне обрадовался, что у меня даже мелькнула мысль, что, может быть, судьба не без умысла свела нас снова.

– Столько лет прошло, Вадик, – не знаю, почему, но в нашей университетской группе никто и никогда не называл его полным именем, даже преподаватели.

– Я вспоминал тебя каждый день.

– Ты уже купил билет?

– Да, вечером буду. Мне же только три часа на автобусе.

«Ты так часто меня вспоминал, но почему-то ни разу не приехал», – мысленно уколола я, но мне сразу же стало стыдно – он мне ничем не обязан.

– Где остановишься?

– Поищу какую-нибудь гостиницу. Просился к приятелю, но у него малой недавно родился, не до меня. Мы увидимся?

– Обязательно.

– Отлично, – радостно рассмеялся он. – Ты варенье любишь?

– Люблю. А что?

– Моя бабуля делает отличное варенье. Я захвачу тебе баночку.

– Захвати. Ой, начальница идет, я отключаюсь, – я быстро сложила телефон и сунула его в карман.

Ирина так сияла, как будто только что на своей «Субару» сбила парочку бомжей после долгого преследования. Мы насторожились, давно успев уяснить, что, веселая она или мрачная, сам факт ее появления не предвещает ничего хорошего.

– Мы выиграли тендер! – прояснила она причину ее ликования.

Хотя Ирина рьяно относилась к своей обязанности продвижения услуги подбора персонала фармацевтическим компаниям, работы у нас с ее появлением не прибавилось. Даже наоборот – мы как будто теперь только тем и занимались, что ковырялись на сайтах со сплетнями да испытывали страх и трепет. Сейчас она получила, наконец, возможность продемонстрировать высшему начальству свою полезность.

Не разделяя ее радость, Диана вяло пожала плечами. Аня улыбнулась с совершенно пустыми, стеклянными глазами. Я тискала в кармане мобильник и витала мыслями далеко от офиса.

– Подробности – на собрании через полчаса, – так и не

получив криков «Браво!» и другого выражения раболепного восхищения, Ирина досадливо поморщилась и уселась за свой ноутбук – составить официальное уведомление о совещании и разместить его в наших электронных ежедневниках.

Через полчаса покорно, как овцы на скотобойне, мы собрались в конференц-зале и уселись в противно скрипящие кожаные кресла. Мне повезло, что Ирина еще не подошла, потому что из моего кармана раздался звонок. Я поднесла телефон к уху.

– Клубничное или малиновое?

– Что – клубничное или малиновое?

– Варенье, конечно.

– Клубничное.

Голос Вадика похолодел:

– Очень зря. Моя бабуля просто спец по малиновому варенью.

– Тогда малиновое.

– Но если ты так принципиально хочешь клубничное...

– Я хочу малиновое.

– Кхе, кхе, – надо мной внезапно материализовалась Ирина, взирающая на меня с тихим бешенством.

– Все, пока, – я захлопнула телефон и вытянулась в струнку.

– Личные разговоры на рабочем месте категорически не приветствуются, – процедила Ирина, усаживаясь во главе стола.

Кресло под ней издало пукающий звук. Диана дернула уголком губ.

– Итак, нам предстоит закрыть девяносто восемь вакансий «Консультант по лечебной косметике» в восьми различных городах, среди которых Москва, Петербург и, конечно, наш. Условия: четырехчасовой рабочий день, работа во вторую половину дня, оформление – договор подряда. Обязанности – продвигать косметику марки «Пальмира», стоя возле стенда в аптеке. Требования: девушка 20 – 29 лет, привлекательная внешность, правильная речь, умение раскрыть достоинства товара, желательно среднее профессиональное или незаконченное высшее медицинское образование. Существуют система премирования и система депремирования, а также план – в течение одного рабочего дня консультант должен продать продукции не менее чем на 2000 рублей, исходя из цен, указанных в прайсе компании «Натюрлих», производителя марки. Если план выполняется менее, чем на 70%, консультант штрафуются на сумму 20% от дневного заработка. Если план перевыполняется более, чем на 15% процентов, консультант премируется на сумму 10% от дневного заработка. Оплата почасовая. 90 рублей в час – Москва и Питер, 80 рублей в час – для остальных городов. Ваши вопросы?

– Да, у меня вопрос, – начала Диана. – Ирина, как вы считаете – молодая, привлекательная, ужасно занятая студентка медицинского университета согласится продавать свое вре-

мя за 80 рублей в час?

– Все зависит от того, как ты, менеджер по подбору персонала, сумеешь ее замотивировать.

– Есть некоторая разница между мотивированием и зомбированием.

– «Натюрлих» солидная немецкая компания. Она исследовала рынок и установила адекватную заработную плату.

– А по моим сведениям, даже промоутерам, просто раздающим листовки, платят от 200 рублей в час. А здесь продажи. Совсем другая работа, которая совсем по-другому оплачивается.

– У тебя неправильные сведения. Компания «Натюрлих» утверждает, что они в рынке.

– Компания «Натюрлих», кажется, не в курсе, что крепостное право в России отменили и за похлебку с мукой уже никто не работает. Могли бы и узнать, когда заходили в 42-м.

– Диана, я полагаю, *ты* в курсе, что оскорбление клиента считается в нашей компании грубейшим проступком, за которым обычно следует увольнение.

Диана и глазом не моргнула.

– И что за система депремирования? Это похоже на штраф. А штрафовать сотрудников – незаконно.

– Но это же не называется «штраф», – Ирина дернула плечами. – Это называется «депремирование». К тому же у них есть и премия.

– Если 320 рублей в день, значит, 32 рубля премии... ну

купят себе «Сникерс». От шоколада, говорят, гормон радости вырабатывается. И план завышен. Они думают, народ с пеной у рта бросится на их «Пальмиру»? Люди с недоверием относятся к незнакомым маркам.

– Диана, если ты считаешь себя недостаточно компетентной, чтобы справиться с этим проектом, я рекомендую тебе сменить профессию на ту, что будет тебе по способностям, – грубо оборвала ее Ирина. – Совещание закончено. Всю информацию я перешлю вам на почту. Распределите между собой города и начинайте работать. В нашем городе – предварительное телефонное и затем очное интервью, для остальных городов – только первичное телефонное интервью. Резюме успешных кандидатов передаете менеджеру проекта, Наталье Аксюте. После окончательной проверки она сама направит кандидатов в компанию «Натюрлих» для завершающего интервью.

– Итого получается собеседование в три-четыре этапа. Зачем? Это всего лишь консультанты, не топ-менеджеры.

Ирина плотно сжала губы.

– Ты слишком много рассуждаешь, Диана. И слишком мало делаешь.

– Мне всегда казалось, что прежде, чем взяться за что-то, стоит как следует подумать, – отрезала Диана, и это было не в бровь, а в глаз.

– Совещание закончено, – прошипела Ирина, вылетая за дверь.

Мы остались сидеть в подавленном молчании. Раньше мы не работали с консультантами, только с медицинскими представителями. Ирина назвала бы это расширением сферы деятельности, но в отделе все понимали, что это скорее означает спуститься на ступеньку. Мой телефон зазвонил, заставив нас вздрогнуть.

– Да?

– Малиновое закончилось, – убитым тоном известил Вадик.

– Тогда клубничное.

– Есть еще абрикосовое. Обещай мне подумать об этом.

– Конечно, – соврала я.

В компьютерах нас уже ждала подробная информация с комментарием от Ирины: «Жду результатов уже сегодня». Сама Ирина сидела за стеклом с перекошенным от злости лицом и старалась не смотреть в нашу сторону.

Раскрыв файлы, Диана вся погрузилась в чтение. Иногда на ее гладком лбу собиралась морщинка. Я же ни на чем не могла сосредоточиться. Еще дважды позвонил Вадик, причем оба раза когда я разговаривала по рабочему телефону с менеджером Натальей. Он начинал меня раздражать. Неужели непонятно, что на работе у меня могут быть дела поважнее, чем выбрать банку варенья?

– Время обеда, – позвала меня за собой Диана.

Мы вышли, но направились не в кухню, где со стен глядели офисные камеры и была возможна прослушка, а прочь из

Замка, на улицу, залитую солнечным светом. Это означало, что Диана хочет сообщить мне что-то важное.

– Что такое? – спросила я шепотом, хотя мы отделились от Замка уже метров на двадцать.

– Ее «солидная немецкая компания» в черном списке работодателей. Невыплаты, штрафы, незаконные увольнения – много грязи. Ирина лоханулась. Она заключила контракт с проходимцами. Что самое печальное – ее стараниями «Синерджи» обязалась осуществить подбор персонала на практически невыполнимых условиях. Я просмотрела их цены в Интернете и сравнила с ценами в прайсе. В прайсе цены занижены, следовательно, на практике дневной план возрастет до 2500-3000 рублей. Выполнить его консультанты смогут только если будут предлагать товар, удерживая покупателя на мушке.

– А что нас ждет, если мы провалим проект?

– «Синерджи» выплатит большую неустойку за невыполнение взятых на себя обязательств. А что ждет непосредственно наш отдел – не знаю. Одно известно наверняка – Ирина ни за что не признает свою ошибку.

– Как она могла согласиться на безнадежный контракт?

– Да ты посмотри на нее. Ездит на дорогой машине. Туфли из змеиной кожи. Явно ее кто-то спонсирует, даже при ее зарплате руководителя. Она понятия не имеет, сколько зарабатывает промоутер! По ее рассуждениям, нищая студентка и копейке должна радоваться. Ее ждет суровое разочарова-

ние. А винить она будет нас. Все, пора валить, – Диана задумчиво обвела взглядом золотистые деревья.

Хотя солнце светило по-прежнему ярко, у меня возникло ощущение, что небо затянуло тучами. Заверещал телефон, и Диана сказала:

– И так все плохо, еще какой-то олигофрен тебе весь день названивает.

– Мед! – пафосно объявил Вадик в трубке. – Это именно то, что тебе нужно!

– Я не люблю мед.

– Мед полезен для здоровья. Ты что, не заботишься о своем здоровье?

– Давай оставим все это. Мне ничего не нужно. Просто приезжай.

Вадик вдруг смертельно обиделся. Хотя он ничего не говорил, я слышала в трубке его тяжелое, сдавленное дыхание.

– Хорошо, – вздохнула я. – Привези мне мед. Я обожаю мед. Мед действительно то, что мне сейчас нужно. Я бы согласилась, чтобы мед стал новым руководителем нашего отдела. Чтобы он стоял на столе, радовал нас своим золотистым цветом и ничего больше не делал.

Завершив разговор, я сразу пообещала подарить мед Диане. Обеденный перерыв заканчивался, и мы грустно побрели к офису, где атмосфера стояла прямо-таки грозовая, и каждую минуту темный воздух пронзал очередной электрический разряд. Я разместила вакансию в Сети и за неимени-

ем толпы желающих лезть в это ярмо, начала обзванивать кандидатов с подходящими резюме и рассказывать им о нашей работе, не веря в собственную наглость. Девушки не проявляли особого энтузиазма. Одна просто спросила: «Это шутка?» – и бросила трубку.

К шести часам я вымоталась морально и физически, тем более что весь день ничего не ела. Предложение Дианы съесть где-нибудь по мороженому было очень кстати. Мы позвали Алю, вместо мороженого почему-то заказали пива и на пустой желудок сразу окосели.

С полчаса мы приятно чихвостили Ирину, а потом Диана спросила:

– Кто это тебе сегодня названивал?

– Один старый приятель, – я заглянула в пивной стакан в поисках моральной поддержки.

– Кто? Зачем? Откуда? – загалдели Диана и Аля. Они здорово походили на птиц: Диана – чинная черно-белая сорока, Аля – разноцветный колибри, беззаботно перелетающий с цветка на цветок в поисках сладкого нектара.

– Он не из нашего города. Мы познакомились в университете – учились в одной группе. Он был в меня очень влюблен.

– Вы встречались?

– Нет. Он не решился рассказать мне о своих чувствах. И, не выдержав эмоций, бросил университет и ушел в армию.

– Откуда ты тогда знаешь, что он был в тебя влюблен и ушел в армию из-за тебя?

– Он всем своим друзьям говорил об этом... Хотя насчет армии я не уверена. Может, его просто отчислили.

Диана и Аля переглянулись.

– Чувствую, намечается очередное Свидание Века, – сказала Диана.

– Где ты таких находишь? – спросила Аля. – Скажи мне. Я буду за версту обходить это паскудное место.

– Вы его даже не знаете, – я поджала губы. – В конце концов, я не видела его после армии, мало ли, как человек изменился за столько лет. Нужно дать ему шанс.

– Это типично, – сказала Диана. – Женщина без мужика. Какое-то время она держится, веря если не в принца на коне, то хотя бы в менеджера на «вольво», а потом начинает понижать планку. Как голодающий, поедая траву, представляет сочную котлету, она уверяет себя: да, он несколько дебилен, но это еще не идиотия¹⁷; да, сегодня он стукнул меня ножкой от стула, но с завтрашнего дня обещает бить меня только мягкими предметами; да, он запирается на три часа в ванной с журналом «Твой друг – собака», но кто сказал, что это ненормально? Больше всего страшась одиночества, бедняга, она находится в таком смятении. И вот она уже готова дать шанс каждому.

– Что значит «каждому»? – обиделась я. – Он мой старый

---

¹⁷ Дебильность – самая слабая степень умственной отсталости, тогда как идиотия – самая глубокая. Соответственно, имбецил находится на среднем уровне. Теперь, зная все градации, вы сможете наиболее эффективно оскорблять людей, распределяя каждому по заслугам.

приятель. Мы посмотрим на белочек в парке Гагарина, погуляем по набережной, может, разопьем бутылку вина.

– Она уже видит себя в белом платье, – доверительно сообщила Диана Але.

– Ничего подобного! И потом... белое платье... в тридцать лет... еще подумают, что я девственница, вот будет позорище.

Аля одним глотком опустошила кружку, заказала следующую и, потянувшись через стол, заговорила со мной примирительным тоном женщины в подпитии:

– Соня, ты лапочка, но почему бы тебе просто не подождать того самого, вместо того чтобы экспериментировать со всякими подозрительными людьми?

– Что значит – подождать? – взорвалась я. Разговор перешел на повышенные тона, если не учитывать, что из-за громкой музыки в зале нам давно уже приходилось орать. – Мне тридцать. Не успеешь подумать, какая ты старая, как стукнет сорок – и тут все, смерть, занавес, секс только по телевизору! Да еще мама! Я готова выйти замуж только для того, чтобы она перестала меня изводить!

– Ты не понимаешь... любовь приходит сама по себе. И обычно как раз в тот момент, когда ты сдалась и приняла одиночество как факт. Пока ты бегаешь по округе в лихорадочных поисках, ты только привлекаешь к себе сумасшедших. Поэтому просто живи и веди себя естественно.

– А то я веду себя неестественно.

– Ты разводишь странную суету вокруг каждого встречного самца. Никогда не понимала этой стратегии – быть милой изо всех сил. Ну, может, кого-то твой избранник и полюбит... кого ты изображаешь из себя. Что не имеет к тебе реальной никакого отношения. И рядом с этим человеком, ради которого ты вся изломалась, ты будешь чувствовать себя такой же одинокой, как прежде.

– Аля, то, что ты говоришь, лишено всякого смысла. Я совершенно точно не стану объектом чей-то страсти, пока сижу на диване с соседом, с синей глиной на лице и в разных носках!

– Да, но соседу ты явно понравилась, – вставила Диана.

Аля развела руками.

– О чем я и говорю.

Я вылупила на них глаза. Аля широко улыбалась и обмахивалась ладошкой, не забывая отпивать из кружки. Диану как будто только что телепортировали с важного совещания – серьезный вид, на костюме ни морщинки, вот только глаза чуть косее обычного.

– Поверить не могу, Диана ладно, но ты, Аля, ты же его мать!

– Ну и что? Он уже половозрелый. Его восьмилетний сын тому доказательство.

– Он младше меня!

– Не настолько, чтобы твои действия сочли незаконными, моя радость. Женщины живут дольше мужчин. Поэтому мо-

жешь считать, что вы ровесники. Я всегда успокаивала себя подобным образом. И еще фразой, что мне столько лет, насколько я выгляжу.

Бросив Але свирепый взгляд, я принялась вылавливать свою упавшую челюсть из кружки с пивом.

– Да он ей не годится, – вдруг хрюкнула Диана. – Она метит выше. В нашего директора.

– Что ты имеешь в виду? – похолодела я.

– Считаешь, никто не заметил, что ты столько лет по нему сохнешь? Если кто до сих пор не вкурил, так только сам Ярослав по причине его редкой неадекватности во всем, что касается человеческих отношений.

– Он нормальный!

– А ты замечательно разбираешься в людях!

– Блин, – я закрыла лицо руками. – Обо мне говорят в офисе?

– В офисе говорят обо всех, если это тебя утешит. Стоит прийти со стрелкой на колготках – и ты на первой полосе. Еще тот гадюшник. Я уже домой прихожу, а у меня чувство, что вот-вот башка из унитаза высунется.

– Поставь, – Аля ласково разжала мои пальцы, судорожно сжавшие ручку пивной кружки. – Да не слушай ты нас, глупых старых одиноких теток. Наговорили мы по пьяни глупостей.

– Тоже мне, одинокая, – вмешалась Диана. – Вот у кого нет проблем с принцами.

– У меня было так много принцев, что я не смогла решить, какого из них выбрать, и в итоге до сих пор одна.

– Вот если бы были гаремы с мужчинами, – фыркнула Диана.

– О да. И ночью они танцевали бы передо мной с изумрудами в пупках.

– Тебе пришлось бы их всех содержать.

– Нет, утром я бы выгоняла их на работу. У нас же не Арабия какая-нибудь.

– Господи, – тяжело вздохнула я. – И страны-то такой нет. Да, нечего мне вас слушать. Лучше пойду пописаю.

Удаляясь покачивающейся походкой морячка, я подумала: а разве Диана одинокая?

В кабинке я достала из кармана телефон и быстро, пока не передумала, набрала номер Вадика.

– Это снова Соня. Привет.

– Соня! – он обрадовался мне как в первый раз, будто и не было этих споров о варенье.

– Ты уже едешь? – спросила я, хотя слышала шум автобуса.

– Да.

– Знаешь, что я тут надумала... ни к чему тебе гостиницу искать. Ты можешь остановиться у меня. Комната одна, но я могу поставить раскладушку на кухне... если это не покажется тебе неудобным... или я даже сама пойду спать в кухне.

– О, спасибо! – поблагодарил меня Вадик то ли за предоставленный кров, то ли за согласие самой спать в кухне.

– Тогда я тебя встречу. До скорого.

– Ты позвонила ему, – сразу поняла Диана, когда я вернулась к столу.

– Даже и не думала.

– Конечно, не думала. Потому и позвонила.

Аля пожала плечами.

– Мы ее предупредили. Как зовут то его?

– Вадик.

Аля и Диана посмотрели друг на друга.

– Мужичу тридцатник, не меньше, а он не дорос до Вадима. Конченный придурок.

– Аналогичный вердикт, коллега.

– Какие же вы злые, когда пьяные, – вздохнула я. – Впрочем, и трезвые тоже...

До автовокзала я прогулялась пешком. К счастью, алкоголь успел немного поветричься, к тому же всю дорогу я жевала мятную жвачку.

Вадик выскочил из автобуса бодрый и жизнерадостный, как апельсин. За прошедшие годы он совсем не изменился – все такой же тонкий и звонкий, с коротким ежиком волос и привычкой смотреть куда-то мимо. Пожалуй, я была даже разочарована, что он не подкопил солидности. И не отрастил уже волосы нормальной длины. И не надел другие штаны, вместо этих, с подтяжками, с такими широкими штани-

нами, что он мог бы влезть в одну из них целиком и уютно свернуться клубочком.

– Ты отлично выглядишь! – закричал он, пылко прижимая меня к себе. – Так постройнела!

Я вспомнила, что этот человек был влюблен в меня еще когда я была толстой, и у меня потеплело на сердце.

– Слушай, ты не знаешь, здесь можно купить летучие фонарики? В нашем городишке я их не нашел.

– Какие фонарики?

– Которые поджигашь, и они летят вверх.

– Первый раз слышу. Поищем в Интернете.

Не прошло и часа, как, медитируя в поздних пробках, мы добрались до моего дома, находящегося в тридцати минутах езды.

– Чувствуй себя как дома, – предложила я – несколько запоздало, потому что Вадик уже забрался в мой холодильник.

– Я голодный как волк.

– Я сейчас приготовлю ужин.

Пока я готовила, Вадик сидел на табуретке и рассказывал о своем житье-бытье. Работал он в колл-центре, принимая заказы на какие-то сомнительные товары из телемагазина. Зато жил один в двухкомнатной квартире – по крайней мере до тех пор, пока его заблудившаяся сумасшедшая тетя, в период прояснения, не вспомнит дорогу к дому.

После ужина Вадик внезапно вспомнил о парочке друзей, способных впасть в депрессию, если он немедленно их не

навестит.

– Но не думай, что я от тебя убегаю. Я вернусь совсем скоро, и мы поболтаем от души.

– Не уверена. Я с ног валяюсь. Лучше я отдам тебе ключи от квартиры и лягу спать.

– Во сколько ты ложишься спать?

– Обычно в двенадцать.

– Я вернусь к двенадцати. Мне не нужны ключи.

Я посмотрела на часы – начало одиннадцатого.

– Ты не успеешь. Просто пообщаемся завтра.

– Если я что-то обещаю, значит, я это сделаю. Все, пошел.

Ты пока отдохни.

И он исчез. М-да, наша встреча прошла не столь радужно, как я рассчитывала. Когда я смыла посуду и вытирала руки полотенцем, пришла эсэмэска от Дианы. «Только банка меда способна подсластить впечатления от этого поганого рабочего дня». Точно, мед. Надо напомнить Вадику.

В половине двенадцатого заглянул Эрик и позвал меня на поздний киносеанс. Я ответила, что собираюсь в ванную, очень хочу спать и вообще у меня гость. Эрик просунул голову в мою квартиру и огляделся.

– Ты уверена, что твоего гостя видит кто-нибудь, кроме тебя?

– Я серьезно. Ко мне приехал приятель на пару дней. Он вышел, но скоро вернется.

– Что за приятель?

– С университета.

– А ему обязательно жить у тебя?

Мне не понравился его напор.

– А мне обязательно отчитываться тебе, кто у меня живет?

– Ладно. Я просто беспокоюсь. Приезжают к тебе странные типы, которые шляются по ночам.

– Ты и сам не прочь прогуляться в темноте. Вот как раз сегодня. Все в порядке, иди.

– Если что, стучи в стену. Прибежит Деструктор и убьет его своим остроумием.

– Я поняла.

В двадцать минут первого позвонил Вадик, извинился за задержку и сообщил, что будет через десять минут. В час мне надоело ждать, и я легла, но мои нервы были настолько напряжены в ожидании дверного или телефонного звонка, что я не могла уснуть, хотя и ощущала себя измотанной, как бог на шестой день творения. Без пятнадцати два, когда мне наконец удалось задремать, снова позвонил Вадик, уверяя, что стоит у моего подъезда. К тому времени спокойный разговор стал невозможен.

– Вадик, ты издеваешься надо мной?! Ты всю ночь намерен звонить мне каждые десять минут? Это какая-то извращенная пытка в китайском стиле? У меня уже голова раскалывается!

– Я буду через пять минут.

– Да, ты будешь. Или оставайся там, где ты есть, а я буду

спать.

Он пришел в два. Проклиная свое малодушие, я открыла ему дверь, злая, как целый осиный рой. Вадик рассыпался в тысяче извинений. У него сбилось время на мобильном, и у всех его друзей внезапно сбилось время на мобильных – попали в аномальную зону, не иначе. А потом еще старушка среди ночи долго переходила дорогу – как ей не помочь. Он рассказывал мне эти вещи с явным расчетом на то, что от недосыпания критичность моего мышления ослаблена. Я пожалела, что в университете не общалась с ним больше. Тогда бы я воздержалась от этой ошибки – пригласить его к себе. Но все же он очень сожалел о своем поведении. У него даже слезы на глазах выступили.

– Соня, – он взял меня за руку и чуть трусливо, как лысая собака, заглянул мне в глаза. – Соня, не сердись, ты ведь такая добрая. Я думал о тебе весь вечер. Я даже купил тебе подарок.

Он вынул из-за пазухи и протянул мне пакет.

– Чипсы? – удивилась я.

– Было сложно найти что-то получше в круглосуточном магазине.

Пока я в замешательстве смотрела на чипсы, Вадик прошел в квартиру и встряхнулся, на глазах приобретая прежнюю уверенность.

Я действительно не умела долго злиться, к тому же в своем изнуренном состоянии потеряла последние остатки воли,

поэтому последующие полтора часа мы провели в дружелюбной беседе, доев все, что оставалось у меня в холодильнике. Вадик рассказывал о придурках, которые звонят ему на работе, и его тетке, которая, выходя на улицу, натягивала подол себе на голову – провокационно. Возможна плохая наследственность, это следует учесть. Я нажала кнопку на телефоне, чтобы посмотреть время, и вспомнила о Диане.

– Вадик, а что с медом?

Он посмотрел на меня с недоумением.

– Каким медом?

В четыре я постелила ему на раскладушке и поплелась к себе, хватаясь за стены. Покой мне даже не снился, потому что я сразу провалилась в бессознательное черное состояние, почти равнозначное смерти.

– Соня... Соня... Соня, – слова медленно пробивались в мой мозг, и мне захотелось плакать.

– Ну что еще? – застонала я, тяжело переворачиваясь с бока на спину.

Возле моей кровати стоял Вадик, замотанный в простыню, как будто решил поиграть в привидение.

– Я не могу уснуть, – у него был такой скорбный вид, как у маленького мальчика, чью собаку на его глазах сбила машина, которой управлял его отец, который только что застрелил его мать, и все это происходило в его день рождения, на который не смогли явиться все его лучшие друзья. – Можно я полежу с тобой?

Я была одета в пижаму и соображала слишком скверно, чтобы найти аргументы для отказа, поэтому согласилась:

– Ладно.

Он проворно скользнул под одеяло и, прижавшись к моему затылку лицом, неуклюже обнял меня. Я хотела возразить, но поскольку мне было тепло и уютно, промолчала.

– Знаешь, когда я был в армии, меня закинули аж на Сахалин.

– Угу, – я ровно дышала в подушку. В голове все перемешивалось.

– Я чувствовал себя таким... оторванным от нормального мира. Иногда мне казалось, что моя жизнь уже никогда не станет прежней. Что мне не сбежать от этого одиночества. И у меня начало болеть сердце. Ночью я лежал на своих нарах, и, среди тишины и темноты, мне было нечем отвлечься от ледяной, проникающей боли.

Он прильнул к моей спине, и внезапно я действительно почувствовала что-то... какой-то холодок, исходящий от его груди, как будто боль, о которой он рассказывал, все еще оставалась в нем, засев прочно, как осколок снаряда. Я широко раскрыла глаза, потрясенная этим ощущением, но в следующий момент вся магия была разрушена. Вадик пошевелился и спросил:

– А может... того самого...

– Чего – того самого?

– Ну ты поняла, – он сжал меня сильнее.

Я минуту подумала, напряженно шевеля полуспящим мозгом, и решила:

– Нет, я против.

– Почему?

– А с какой, собственно, стати? Я век тебя не видела, да и раньше у нас ничего не было. К тому же у меня нет средств контрацепции.

– Ну и что? Ты же не забеременеешь с одного раза, как в кино. Я обещаю.

– Ты мне уже много чего сегодня обещал. И вообще я не намерена проверять свою фертильность таким образом.

– Да ладно тебе. С резинкой противно. Она натирает.

Мне не понравился его тон и то, что он уламывает меня, как безмозглую школьницу.

– Знаешь что, иди-ка ты к себе.

– А если я скажу, что у меня есть презерватив?

Замечательно. Теперь у него есть презерватив. Это обеспечивает мое согласие. Я даже обиделась.

– Тем более. Уходи.

Десять минут спустя, когда я уже начала рывкать, Вадик наконец сообразил, что дело не выгорело, и, стеная и охая, отчалил к себе в кухню.

Вздыхнув, я спрятала лицо в подушке и погрузилась в тревожный чуткий сон, в котором банки с вареньем, вращаясь, витали в темном космическом пространстве. «Бери что придется», – прочитала я на этикетке одной из них. «И этот

сойдет», – уверяла этикетка другой. Скрип двери мгновенно пробудил мое бредящее сознание, и я подскочила на кровати, разразившись диким воплем – в серой мути рассвета ко мне приближалось нечто, оказавшееся облаченным только в похоть Вадиком. В его руке, на манер лопнувшего воздушного шара, болтался презерватив.

– Я же говорила тебе, НЕТ!!! – прорычала я.

– Я подумал, а вдруг ты передумала...

– Я спала!

– Ну а вдруг ты во сне передумала... как Менделеев...

Наверное, я сама бы его треснула, но тут с жутким топотом в комнату влетел Эрик и попытался вручить Вадику оплеуху, от которой тот увернулся опытным движением.

– Соня, что происходит? Что он сделал?!

– Что это за тип?! – взвизгнул Вадик. – Как он сюда попал?

Спаси меня!

Эрик и Вадик заорали оба разом, топая и цепляя друг дружку, и мне пришлось встать на кровати, чтобы перекрычать их:

– ДА ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ! Я ХОЧУ СПАААААТЬ!

Они замерли, как были: Вадик забился за диван, Эрик пытается вытащить его на удобное для избиения пространство.

– Я тоже хочу спать, – признался кто-то из-за стены. – Мерзавцы вы все.

– Простите, – пробормотала я. – Эрик, пожалуйста, иди домой. Он ничего не сделал, просто дурак. Вадик, чтоб я те-

бя до утра не видела. Иначе снова прибежит Эрик, и я уже не буду мешать ему бить тебя.

– Может, мне остаться с тобой? – спросил Эрик.

– Вот уж не думала, что когда-то скажу это, но можно я для разнообразия переночую одна?

Вытолкав всех, я рухнула на кровать, клянясь, что теперь ничто не поднимет меня с нее... даже землетрясение... даже извержение вулкана... даже предновогодняя распродажа...

Проснулась я поздно и, открыв глаза, заморгала, пытаюсь понять, реален ли пышный букет роз на моем столе. Я решила сомнения, встав и понюхав букет. Как и полагается напичканным химией оранжерейным цветам, розы ничем не пахли. Зато кололись как самые настоящие. Я быстро оделась и выбежала в кухню, где Вадик уже ожидал завтрака.

– Спасибо!

– Не за что, – он скромно улыбнулся. – Мне очень стыдно за мое поведение ночью. Не знаю, что на меня нашло. Должно быть, это все потому, что ты такая красивая.

Я еще раз вспомнила все эти лишние килограммы, которые висели на мне, когда он был в меня влюблен, и решила простить его, хотя отношения с ним напоминали игру «хорошо – плохо».

– Что бы придумать, – я заглянула в холодильник. Пусто, но не ожидала же я, что его кто-нибудь наполнит. – Как насчет сырников? Только мне придется сбегать за творогом.

– В самый раз. Сбегай.

После завтрака Вадик заявил, что ему снова нужно отлучиться.

– За фонариками.

– Ты узнал, где их купить?

– Конечно. Я включал твой компьютер.

Хм. Он совсем обжился в моей квартире.

– Только туда и обратно. Зато вечером я приготовлю нам ужин. А то все время ты готовишь. Это нечестно.

– А ты умеешь готовить?

– Да, и отлично. Тебя ждет что-то особенное.

Мысленно я накинула ему пару очков. Теперь его счет был минус 41.

Наученная горьким опытом, я не слишком поверила его обещанию скоро вернуться и засела смотреть сериал про девушек из команды поддержки. Когда я совсем затерялась в перипетиях жизни стройных красоток, ко мне заглянул Эрик.

– Мы с Деструктором идем в парк.

– Я пасс. Я потратила всю энергию на то, чтобы дойти до дивана.

– У тебя под глазами синева. Неудивительно, после этой истории ночью.

– Честно признаться, я сожалею о своем решении пригласить его сюда.

– Надеюсь, это самое большое, о чем ты сожалеешь, касающееся этого типа. Может, ты переберешься жить к нам?

Я ударила себя кулаком в грудь.

– Мой крест.

– Тогда удачно тебе добраться до Голгофы.

– Я попробую доехать на автобусе.

Ближе к вечеру вернулся Вадик. Он был слегка в подпитии, с крошками в уголках губ, и вручил мне кислотно-розовую плюшевую свинью.

– Фонарики-то купил?

– А... фонарики. Не нашел. У вас в городе такая беспорядочная архитектура.

Я неохотно прижала свинью к груди.

– Не надо было.

– Ерунда. Я люблю делать тебе подарки, – бросил Вадик так небрежно, как будто последние пять лет только этим и занимался. – Приступим к ужину. Что ты приготовила?

– Сегодня же ты собирался готовить.

– Точно, – он заглянул в холодильник. – Но здесь нет нужных мне продуктов.

– Конечно. Как я могла знать, что именно ты планируешь приготовить?

– Я напишу тебе список необходимого.

Я подавила вздох.

– Напиши.

Вадик замер в ожидании, глядя на угол стола.

– Что?

– Так ты принесешь мне лист бумаги и ручку?

В супермаркете меня охватило немыслимое, совершенно ненормальное для меня раздражение. Что за (базилик) отвратительное (чеснок) поведение (петрушка)! Он (приправа для курицы) допрыгается (охлажденная куриная тушка), что я вышвырну его вон (увесистый мешок с картошкой)! Если я потолстею, это будет его вина. Он меня так расстроил, что меня потянуло скупать все ненужное и калорийное. И почему (сливочная помадка) мне так (шоколадка) не везет (печеньки) с мужиками (эклеры с кремом)!

Кассирша назвала мне немаленькую сумму. Ого. И в кошельке как будто меньше денег, чем я ожидала, нет? Я вышла на улицу, гадая, где могла потратиться, и наткнулась на Эрика, Деструктора и Олесю. Эрик сразу забрал у меня пакеты. Олеся тихо поздоровалась. Раскрасневшаяся после прогулки, она выглядела почти хорошенькой. Деструктор окинул меня ехидным взглядом, но, против своего обыкновения, воздержался от комментариев.

– Этот моральный инвалид сам не в состоянии сбегать в магазин? – спросил Эрик.

– Он будет готовить. Обещает что-то особенное.

– А может, я приглашу тебя на ужин? Ничего особенного, просто закажу пиццу. По меньшей мере тебе не придется за ней идти.

– Спасибо, но нет.

– Рискуешь остаться голодной.

– Я накупила тонну сладостей. Может, Игорек и Олеся хо-

тят по эклеру? Или печенья?

– Они лопаются от мороженого. А ты будь осторожнее. Твой приятель как будто играет в игру «Как достать соседа».

– Уверена, он не нарочно. Он просто... плохо воспитан или еще что-то.

– А мне видится тонкий расчет за его действиями. Парень психопат-манипулятор. Тайный женоненавистник, одержимый жаждой мести. Ты стала его очередной жертвой. И он не успокоится, пока не выпьет из тебя всю кровь.

– Глупости. Он старается быть хорошим, – я сама не понимала, зачем защищаю его, если только что была готова запустить ему в голову парой десятков банок с консервами.

– Усыпляет бдительность, чтобы нанести очередной укус, как только ты расслабишься. Или же совершает свои гадости бессознательно. Что не оправдывает его, а делает даже еще более общественно опасной личностью.

– Эрик, что за тирада? Ты видел его один раз, а уже вывел психологическое заключение.

– Вспомни, в каком виде я его видел. К тому же в хрущевках отличная слышимость.

Деструктор фыркнул, явно осведомленный о ночном происшествии.

– Надо дать ему шанс, – неуверенно повторила я уже сказанное кому-то ранее, на этот раз с куда меньшей уверенностью.

– Надо дать ему пинка. Но как знаешь.

– На твоём месте я послушался бы папу, – посоветовал Деструктор.

Расплывчато намекнув на недовольство по поводу моей медлительности («Я голоден!»), Вадик принялся за дело. Для начала он решил вытащить кости из курицы методом хаотичного тыканья в нее ножом.

– Это делается не так, – осторожно начала я, и мы сразу поругались.

– То есть ты хочешь сказать, что я это делаю неправильно?

– Нет, но...

– То есть я даже не способен достать кости из курицы?

– Нет, я... – с этим человеком меня не оставляло ощущение, что я пытаюсь собирать ромашки на минном поле.

– Знаешь что, тогда разбирайся сама! – он придвинул ко мне доску.

– Хорошо. А ты пока можешь порезать чеснок и базилик. Или займись картошкой.

– Этот твой приятель... откуда у него ключи от твоей квартиры? – спросил вдруг Вадик.

– Ну, он мой друг, и я дала ему ключи от моей квартиры.

– Я тоже твой друг, но мне ты ключи не дала. Видимо, с этим «другом» у тебя особенные отношения.

– Я предлагала тебе ключи. Вчера. И что значит «особенные отношения»? Он мой сосед. Люди часто хранят запасные ключи у соседей. Вдруг свои потеряю, или еще что.

– Вы все так говорите.

– Кто «мы все»?

– Вы. Все, – Вадик втянул нижнюю губу.

– Кроме нас с тобой в этой кухне никого нет.

– Ты стала какая-то истеричная, – с сожалением подытожил Вадик, кромсая чеснок резкими нервными движениями.

Я с недоумением наблюдала за ним.

– Я не понимаю, почему ты расстроился. И не стучи так ножом, попадешь по пальцу.

– Не притворяйся, что тебе есть дело до моих пальцев.

«Как минимум мне не хочется есть ужин с кровью», – подумала я, но вслух произнесла:

– Давай лучше я.

Он тут же плюхнулся на табурет и скорбно сгорбил спину, игнорируя нечищеную картошку. Пришлось заняться ею самой, жалея, что у меня нет лишней пары рук. Картофельные клубни я порезала дольками, а на слой курицы, избавленной от костей и натертой специями, выложила чеснок и базилик.

– Что теперь?

– Моцарелла.

– Я не покупала моцареллу. Ее не было в списке.

– Да, я попросил тебя устно.

– Ты не говорил.

Вадик вскинул голову.

– Замечательно! Теперь я во всем виноват! Ты прямо как моя мать. Все время перекладываешь с больной головы на

здоровую.

– При чем здесь твоя мать? Ты собрался готовить, значит, ты отвечаешь за продукты.

– Хорошие начинания наказуемы.

– Нет! Просто должен же кто-то контролировать процесс.

– Я всего лишь попросил тебя купить моцареллу!

– Ты не просил меня купить моцареллу! – взорвалась я.

Вадик скрестил на груди руки и запрокинул голову, впеврив взгляд в успокаивающую его точку на потолке.

– Знаешь, а ты изменилась. Большой город испортил тебя.

– Я всю жизнь прожила в этом городе.

Он страдальчески улыбнулся.

– Опять эта убийственная логика.

Не в силах смотреть на эту напыщенную физиономию, я отвернулась к плите.

– Придется обойтись без сыра. В любом случае вряд ли мне удастся найти моцареллу в магазинах поблизости. Это не самый популярный сорт.

Кипя от гнева, я свернула курятину в рулет и поставила в духовку. Наверное, год назад я бы спокойнее отнеслась к происходящему. Но, пострадав от целой вереницы недоумков, я начала терять терпение. Не уверена, что это прогресс, но, с другой стороны, сколько можно надо мной издеваться?

Когда я поставила перед ним тарелку, Вадик, аккуратно взяв вилку в левую руку, а нож в правую, отрезал маленький кусочек, тщательно прожевал его и выдал вердикт:

– Совсем не то без моцареллы.

Ужинали мы в молчании. После, помыв посуду, я демонстративно воткнулась в Джулию Гарвуд – даже и не думай еще что-нибудь сказать или просто подойти ко мне. Пользуясь моментом, Вадик смылся.

Утром меня разбудил его стон.

– Что случилось? – прибежала я в кухню.

Вадик лежал на раскладушке наискось, свесив руки и ноги.

– О, я болен, о, мне плохо. Меня знобит. Или даже бросает в жар.

– Так тебя знобит или бросает в жар? – Я потрогала его лоб. – На ощупь температура нормальная.

– Опять пошли придирки, – надулся Вадик. – Если я говорю, что у меня есть температура, значит, она есть.

– Принести тебе градусник?

– Нет уж. Раз ты не веришь в мою температуру, мне не нужен градусник.

– Странная логика...

Вадик запрокинул голову и издал болезненный стон.

– Ладно, – смягчилась я. – Приготовить тебе завтрак?

Для болезного аппетит у него был отменный: оладьи, моя шоколадка, моя сливочная помадка, мои заварные с кремом, – все пошло на ура.

– Вечером тебе уезжать... надеюсь, к тому времени ты оклемаешься.

– Я тоже надеюсь. Но вот беда – я не купил фонарики. Кстати, я говорил тебе, что обещал их ко дню рождения моего маленького двоюродного братика?

Я проглотила уже, наверное, сотый тяжелый вздох.

– Я съезжу за фонариками.

– Посмотри адрес в Интернете.

Конечно, ехать мне предстояло на другой конец города...

Если день начался так себе, то дальше он, как правило, становится еще хуже. Только я вышла из дома, как стартовали неприятности: внезапно полил тяжелый холодный дождь. Автобус куда-то запропастился, и, пока я ждала его, одна из проносящихся мимо машин окатила меня брызгами с ног до головы – к чему я отнеслась равнодушно, потому что уже была вся мокрая. Наконец я втиснулась в переполненный автобус, но уже через пять минут мы встряли в пробке. Я была сама не своя от счастья, когда, спустя час, с отдавленными ногами, смогла выпрыгнуть из автобуса прямо в глубокую грязную лужу.

В магазине меня встретили с очаровательнейшей улыбкой и с ней же уведомили, что фонариков в продаже нет.

– Но я звонила по номеру на вашем сайте, и мне сказали, что они в наличии...

– Наверное, в другом филиале – у нас же сеть. Если хотите, я позвоню, узнаю, где именно.

– Спасибо, – устало понурилась я.

И опять мне пришлось ехать к черту на кулички.

Встретившая меня по другому адресу улыбка ничем не отличалась от предыдущей. Зато здесь были фонарики.

– Сколько вам?

– Думаю, парочку.

– Они в упаковках по пять.

– Тогда одну упаковку.

– 500 рублей.

Я раскрыла кошелек. Хотя я отчетливо помнила, что после вчерашних покупок у меня оставалась тысячная купюра, внутри почему-то отыскались только несколько сотенных и мятые десятки.

– Секундочку, – я вывалила содержимое кошелька на прилавок, и монетки покатались, зазвенев. – 400 рублей... 450... 480... 490... 498, – в ступоре я уставилась на горку купюр и монет. – Мне не хватает два рубля. Вы можете их мне простить?

Улыбка ослепила меня своим дириольным блеском.

– Нет.

– Тогда я завезу монетку завтра. Честное слово.

Улыбка сияла, как софиты.

– Нет.

– Когда вы закрываетесь?

– В шесть. Сегодня короткий день.

Я посмотрела время на мобильнике – пока туда, пока обратно, не получается.

– Вы еще успеете получить товар сегодня, если сделаете

заказ в нашем Интернет-магазине, – подсказала Улыбка. – Но вам придется доплатить за срочную доставку.

– Сколько?

– 500 рублей.

Не скромно, но выбора у меня не было. Оформив заказ по телефону, в окончательно испорченном настроении я поехала домой.

В моей квартире было тихо и пустынно. Вадик оставил крошки на столе, грязную посуду в раковине и записку на холодильнике: «Температура снизилась. Срочно уехал на помощь другу».

Я очень сомневалась, что его другу вдруг понадобилась помощь. Я даже начинала сомневаться, что у Вадика есть друзья. Пытаясь успокоить нервы, я постучалась к Эрику.

– Привет. Что делаете?

– Собираемся смотреть «Монти Пайтонов».

Он казался очень милым сегодня, даже в этом безразмерном дырявом свитере. Поистине, все познается в сравнении.

– Может, посмотрим все вместе у меня? Я жду курьера и не могу отойти.

– Нет проблем. Взять чего-нибудь погрызть?

– Ага, а то у меня все сожрано.

– Может, еще бутерброд?

– И бутерброд. И, ради бога, позволь мне зашить твой свитер.

Фильм назывался «Как раздражать людей»¹⁸ и являлся милой старой комедией очень в тему последних событий. Когда мы разместились на диване, я впервые за последние двое суток ощутила спокойствие. Длилось оно недолго: в дверь замолотили, и это точно был не курьер, потому что курьер не стал бы стучать в дверь ногами.

– Я готов слушать этот стук вечно, лишь бы этот тип там и оставался, – заявил Эрик, но я так не могла и пошла открывать.

– Привет. Соскучилась? – отпихнув меня, Вадик прошел в комнату. – Я купил тебе чайный набор, – скривившись при виде Эрика, он поставил коробку перед экраном и, схватив с тарелки мой бутерброд, разделался с ним в два укуса.

Я молча переставила коробку на пол.

– На этом диване места закончились, – заявил Эрик, но Вадик уже плюхнулся туда, где только что сидела я.

«Основное правило – если вы хотите раздражать людей долго, никогда не давите слишком сильно. Иначе вас просто побьют», – сказал диктор на экране.

– Ничего, остальные подвинутся.

Эрик действительно подвинулся – так, что буквально втиснулся в Вадика. На секунду лицо Вадика выразило замешательство, но затем он взял себя в руки.

---

¹⁸ «Как раздражать людей» (How to Irritate People, 1968) – фильм от участников комик-труппы «Монти Пайтон», который должен посмотреть каждый любитель, прежде чем стать профессионалом.

– Спасибо, – я села между Эриком и Деструктором.

– Почему это вы начали смотреть фильм, не дождавшись меня? – осведомился Вадик голосом капризной маленькой пусечки.

– Мы подумали, ты его уже смотрел, – сказал Деструктор.

– Соня, что насчет ужина? Тебе давно пора начать его готовить.

«Лучше всего – сделать вид, что вы вообще не намерены кого-либо раздражать», – продолжал диктор.

– Я думаю, такие люди вели бы себя приличнее, если бы окружающие были менее терпеливы и не стеснялись прибегнуть к физическим мерам, – сквозь стиснутые зубы процедил Эрик.

– Например, колесованию, – предложил Деструктор.

Обстановка накалялась. В дверь позвонили, и я обрадовалась возможности отвлечься.

– Вадик, это курьер. Он привез фонарики.

– Да, сейчас, – он начал рыться в карманах.

– Быстрее, – поторопила я через две минуты.

Курьер с силой нажал на кнопку, и звонок выдал оглушительную трель.

– Не помню, куда сунул свой бумажник. Ты не могла бы пока заплатить?

– Даже и не думай, – предупредил Эрик.

– Отвернитесь, – буркнула я и полезла в свою заначку.

Деньги на черный день я прятала в носке, в ящике для

нижнего белья. Мне никогда не удавалось скопить значительную сумму – денег вечно не хватало. Но сейчас их не хватало непосредственно в носке.

Погруженная в тихий шок, я вышла к курьеру и расплатилась. Потом я вернулась в комнату, и здесь меня обуяла ярость.

– Ты! – воскликнула я. – Ты стащил у меня деньги!

И шарил в моем нижнем белье, что, кажется, разозлило меня еще больше.

Вадик вскочил с дивана и шустро отпрыгнул от Эрика.

– Не будь столь поспешна в выводах.

– Еще одна гадость. Кто за то, чтобы отлупить его? – спросил Эрик, поднимая обе руки.

– Я, – решительно поддержал его Деструктор.

– Нет, вы не будете никого бить в моем доме, – возразила я.

– Слышали? Соня не разрешит вам меня побить, – ухмыльнулся Вадик.

– Отдавай деньги немедленно, – Эрик подступил угрожающе близко.

Вадик вывернул карманы, манерно отставляя бока.

– Видите, у меня ничего нет, кроме билета на автобус! Потому что я потратил все свои деньги на подарки тебе, Соня!

– *Мои* деньги, Вадик!

– Вот! На себя ни рубля! – провозгласил он с чувством праведного гнева.

– Раз денег нет, предлагаю отвести его в полицию, – решил Эрик.

– А какие у вас доказательства? – бойко заверещал Вадик. – Может, это он украл! – он показал на Эрика. – Или мальчишка! Или даже ты, Соня, сама себя обворовала!

Я терялась перед такой наглостью.

– Соня, ты уверена, что его не нужно бить? – снова попытался Эрик. – Мне кажется – необходимо.

– Нет. Все, чего я хочу – чтобы он убрался отсюда.

– Конечно, – фыркнул Вадик. Руки у него дрожали, но в целом он сохранял хладнокровие. Видимо, был опытным бойцом. – Но сначала отдай мне фонарики.

– Это я их купила. Это мои фонарики.

– Мой маленький братик ждет их. Так и вижу его умоляющие карие глаза. Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя плакал ребенок, Соня?

– Соня, не потакай зарвавшимся хамам...

Я понимала, что Эрик прав, но конфликты заставляли меня чувствовать себя больной. Фонарик малая цена за то, чтобы это быстрее закончилось.

– Я дам тебе только один.

Вадик с молчаливым достоинством принял конверт и заглянул внутрь.

– Синий. А я хочу желтый.

Я протянула другой конверт, но Эрик взял его у меня и выразительно свернул в трубочку.

– Ладно, – суетливо согласился Вадик. – И синий сойдет.

– Поверить не могу, что ты просто его отпустишь, – про-
бормотал Эрик.

– Мне не так важны эти деньги, не та сумма.

– А как же праведная месть?

– Он не причинил мне реального вреда. Просто потрепал
немного нервы.

– Это называется «психологическое насилие». И его по-
ведение той ночью я считаю настораживающим.

– Я... я попробую.

Вздыхнув, я попыталась настроиться на нужный лад. Мне
вспомнилась тарантиновская Невеста из «Убить Билла» в ее
клевом желтом костюме и еще какой-то фильм, где Дженни-
фер Лопез накачала мышцы и разбила своего плохого мужа.
Еще мне вспомнились сцена, где Рокки бежит вверх по лест-
нице, и документальный фильм про капибару¹⁹ по имени Де-
бра, хотя я не была уверена, что последнее как-то относится
к делу. Все же мне удалось собраться с духом. И я сказала:

– Иди ты в жопу, Вадик. Чтобы я тебя никогда больше не
видела.

– Не верю, – огорчился Эрик. – Ты как будто посылаешь
его взять пиво из холодильника. Где чувство? Где экспрес-
сия? Где, наконец, убежденность в собственной правоте?

---

¹⁹ Капибара (водосвинка) – травоядное млекопитающее, очень похожее на мор-
скую свинку, вот только размером с обычную свинью (вес до 65 килограмм). Ми-
лое и пушистое. Неудивительно, что Соня часто думает о капибарах.

– Иди в жопу, Вадик! – старательно повторила я.

– Соня, ты меня шокируешь, – напыщенно заявил Вадик, глядя куда-то мимо. – Хотя с чего я считал, что ты чем-то отличаешься от других.

– Давай, припечатай его, – подбодрил меня Эрик.

– Иди ты в жопу! – закричала я.

Вадик демонстративно задрал подбородок.

– Проклятые бабы. Нельзя с вами по-хорошему. Вы сразу борзеете. Начинаются претензии, вопли и истерики на пустом месте. Но однажды вы все пожалеете. Вы поймете, что потеряли лучшего. Я ухожу, Соня. На вокзал, и пусть автобус увезет меня прочь от тебя.

– Ой... тебя проводить?

– Соня! – взревели Эрик и Деструктор разом.

– То есть иди в жопу, – виновато поправилась я.

Нервно кривясь и подергиваясь, Вадик приступил к сбору вещей. Он не спешил, намереваясь максимально продлить наслаждение нашим раздражением, но Эрику это надоело, и он выбросил сумку Вадика в окно.

– Еще десять секунд, и я швырну тебя следом.

Это подействовало. Отпуская едкие замечания и презрительно отфыркиваясь, Вадик наконец-то оставил квартиру, к моему (и моих соседей) ликованию.

– Пойду пожелаю ему доброго пути, – сказал Деструктор и вышел.

Мы с Эриком посмотрели друг на друга.

– Не могу поверить, что это закончилось, – я рухнула на диван. – Я свободна до следующего ужасного приключения. Но не больше чем на неделю, наверное. Еще и на работе все отвратительно... Эрик, у тебя когда-нибудь так бывало, что ситуация сквернейшая, и что бы ты ни делал, все становится только хуже?

– Да сто раз, я же программист.

Я устало потерла виски.

– Еще и голова разболелась...

– Помассировать? – он притянул мою голову к своему плечу и запустил пальцы мне в волосы. – Ты была молодец сегодня.

– Угу... одно мешает мне восторжествовать: если я буду такая свирепая с каждым парнем, чье поведение меня не устраивает, я действительно останусь одна.

– Ты не останешься одна. В тебя так легко влюбиться.

– Я никому не нравлюсь по-настоящему.

– Мне ты сразу понравилась.

– Когда мы впервые встретились, я кричала на тебя.

– А потом ты пришла ко мне просить освободить тебя из платья, и сразу мне понравилась.

– Я ужасно выглядела.

– Как будто переночевала в мусоровозе. Я подумал: «С такой соседкой скучно не будет».

– Эрик, если бы только я могла найти кого-то, с кем мне было бы так же просто, как с тобой... кого-то, кто был бы

адекватен, как ты... кого-то, с кем мне было бы столь же легко разговаривать, – пробормотала я, чувствуя, как боль под его пальцами медленно исчезает.

Шутливые намеки Али и Дианы замелькали у меня в голове. «*Нет*, – сказала я себе. – *Даже не думай об этом*».

Глава 11: Пока Linux не разлучит нас

– Значит, айтишники разозлились, что ты такая бестолковая?

Я сидела на маминой кухне, ела печень с луком, которую бабушка называла моей любимой так же долго, как я ее ненавидела, и очень жалела, что вообще раскрыла рот.

– Нет, это все из-за Леночки, она новенькая в отделе кадров. Так вот, спустя три месяца работы она заявляет Леше, нашему главному айтишнику, что хочет, чтобы он установил ей другую версию Windows, а то в этой ей обои надоели. И тогда Леша вдруг начинает орать на весь офис, как его достали проклятые юзвери, и что его отдел не успевает выполнять свою работу, только и бегают по позверушкам, а мы обязаны знать компьютер на уровне пользователя и т.д. и т.п. В общем, теперь кадры и наш отдел – «самые выдающиеся», как сказал Леша, – должны сдать экзамен на знание компьютера.

– И что будет, когда ты не сдашь экзамен?

– Мама, – обиделась я. – Почему сразу «когда»? Может, я его сдам.

– Ты-то? – мама подняла взгляд на моего отца, как будто призывая его подтвердить мою безнадежность. – Так что? Тебя уволят?

– Добавочки! – подлетела бабушка, хотя я и половины еще не одолела.

– Вероятно. Моей начальнице я не нравлюсь, и она может воспользоваться поводом, – я вяло ткнула вилкой в серый склизкий кусок. С утра, помня о предстоящем обжирательстве, я ничего не ела, надеясь таким образом удержать вес, который в последнее время норовил полезть вверх. Эх, если бы я только умела вызывать у себя рвоту, как булимички...

– Я бы тоже избавилась от сотрудницы, не способной сдать элементарный тест, – заявила вдруг мама.

Я скрипнула зубами. Это мне говорит женщина, убежденная, что монитор это и есть компьютер.

– Ты моя мать! Ты должна быть на моей стороне!

Мама поджала губы.

– Я на стороне здравого смысла.

– Пожалуй, я пойду, – я встала, впервые находя в себе смелость оставить еду на тарелке.

В коридоре бабушка, игнорируя мои громкие протесты, вручила мне остатки ужина, упакованные в банку, мама же, когда я наклонилась поправить ремешок на туфле, выпустила очередной снаряд:

– Ты поправилась. Не вовремя – тебе на собеседования ходить, нужно выглядеть пристойно.

Не знаю, способны ли рвотные позывы простимулировать деятельность мозга, но меня осенило:

– Эрик! Я попрошу помощи у него!

– У этого-то бездельника? – скривилась мама.

– Он много работает, – вступилась я, хотя не всегда могла понять, когда он работает на своем компьютере, а когда просто развлекается.

– Крайне сомнительная личность. Еще и с ребенком.

– Он прекрасный отец! – пылко вскричала я, как будто когда-то не собиралась натравить на него социальных работников.

– Зато мужем был отвратительным, иначе жена от него бы не сбежала.

– Неправда! Это она была плохая! Да пинками надо гнать таких жен!

Мама вдруг застыла, пристально глядя на меня.

– Знаешь что, доча, когда найдешь работу, ты должна переехать.

Разозленная донельзя, я выскочила за дверь. В последние несколько недель мама то и дело пропесочивала Эрика, как будто почувствовав, что наши отношения с ним уплотнились. Хотя я старательно замалчивала все, его касающееся, она располагала массой сведений «из своих источников». Знала я ее источники – Нина Сидоровна из первого подъезда, старая жирная утка с большим причудливо уложенным валиком волос на голове, из которого стыдливо проглядывала мочалка.

Перед дверью Эрика я постояла минуту, собираясь с ду-

хом. После того случая с Вадиком между нами образовалось странное напряжение. Мы как будто мысленно делали вдох, прежде чем заговорить друг с другом.

Шторы в комнате были опущены, создавая приятный полумрак. Эрик сидел за компьютером, стучал по клавиатуре и одновременно пританцовывал, извиваясь в кресле в такт самой ужасной музыки, которую я когда-либо слышала. Деструктор отсутствовал, как частенько бывало с тех пор, как он познакомился с Олесей. Чем бы они там ни занимались, я надеялась, что она не забеременеет.

– Привет! Что за кошмар у тебя играет? – проорала я.

– У меня неделя Prodigy, – убавив звук, Эрик развернулся ко мне. На нем была желтая футболка с муравьем и штаны цвета хаки. – Видишь, у меня даже майка с их эмблемой.

– Мне нужна твоя помощь. Наши айтишники загрузили нас тестом на компьютерную грамотность.

– А что там конкретно?

– Не знаю, увижу в следующий понедельник. Но суть в том, что у нас должно быть достаточно знаний, чтобы не беспокоить программистов по мелочам.

– Pascal, SQL, HTML, PHP, C++, Java?

– Нет! – ужаснулась я. – А нельзя ли начать... с самых основ?

– С ассемблера?

– Эрик, у меня ощущение, что мы разговариваем на разных языках.

– Ладно, – сдался Эрик. – Тогда скажи мне, что ты знаешь и умеешь на данный момент.

– Ну... я могу включить компьютер... а могу не включать. Я могу пользоваться Интернетом... а могу не пользоваться, – мой голос упал. – Еще я могу запустить mp3...

– А можешь не запускать, – дополнил Эрик.

– Еще я знаю Word и говорю всем, что знаю Excel, – уже догадавшись, что Эрика мне не впечатлить, я не стала добавлять, что прекрасно печатаю в блокноте двумя пальцами, а в хорошие дни – даже тремя.

– Нам предстоит много работы. Я пока в завале, но, если сегодня посижу в ночь, смогу выкроить на тебя пару вечеров. Кстати, что так взбесило ваших программистов, что они решили взять вас за загривок?

Я пересказала историю про Леночку и скучные виндовские обои.

– И она сказала, что тогда сама переустановит себе Windows.

– И переустановила?

Планшет Эрика пискнул, уведомляя о пришедшем сообщении. Эрик быстро проглядел сообщение и отправил ответ («Я занят», подсмотрела я).

– Нет, но Леша закрыл ей «контакт», и она весь день плакала.

– Соня, ты ведь умеешь менять обои?

– Конечно, – я широко раскрыла глаза.

– Соня, ты можешь рассказать мне. Я постараюсь не смеяться.

– Честно, умею. Это легко, – мысленно я закрыла лицо руками.

Планшет снова заверещал.

– Да кто тебе пишет? – я посмотрела на экран.

«Я обиделась», – извещала некая Gerda90, на чьей аватарке красовалась хорошенькая рыжая девушка.

– Кто это?

– Да так, одна девчонка. Мы с ней гуляли летом. Вдруг решила написать.

– Вот как, – произнесла я подчеркнуто равнодушным тоном. – И что же заставило вас прервать ваши идиллические отношения?

– Она категорически не понравилась Деструктору.

– Я тоже ему не нравлюсь.

– Он сказал, что тебя еще согласен терпеть, но только не эту.

Мой голос похолодел.

– Рада, что хоть кто-то в этой квартире согласен меня терпеть.

– О чем ты? И все равно она уже обиделась.

– Уверена, ты найдешь способ ее задобрить.

– Сонь, ты чего? – удивился Эрик.

– Ничего. Но мог бы и рассказать. Я тебе все рассказываю.

– Я наушники себе классные купил за пятнадцать тысяч.

И об этом я тебе тоже не рассказал.

– Типичные отговорки самца, – я покосилась на аватар. – Это она на фото? Молоденькая. Сколько ей?

– Двадцать один. То есть двадцать один и несколько месяцев. Можно сказать, что почти двадцать два.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? Твоя личная жизнь – это твоя личная жизнь, – назидательно прервала его я.

Впервые я увидела на лице Эрика растерянное выражение и, ощущая слабые уколы совести, поспешила ретироваться. Мне не стоило заговаривать об этом, пусть даже ему пишут потаскушки со всего района. Какое мне дело?

– У меня с ней не было ничего серьезного! И вообще она чокнутая анимешница! Смотрит по двадцать серий в день! – прокричал Эрик через стену.

– Мне плевать! – крикнула я в ответ.

Я выпила воды, чувствуя себя расстроенной – видимо, потому что через десять часов мне опять на работу, где творится дурдом. Прошлая неделя прошла в безрезультатной суете. Ирина не признавала свое разочарование, но ходила злая, как черт. Кроме всего прочего, работать с молодыми девушками оказалось нелегко в принципе – они меняли свое мнение каждую минуту, постоянно опаздывали и, что самое неприятное для Ирины, знали себе цену. Это было плохо для меня как рекрутера, пытающегося впарить скверную вакансию, но как человек я смотрела на них с восхищением. Если

бы я в свое время была такой, как они, то не сидела бы в тесной переговорной, с унынием в душе и приклеенной улыбкой.

Во вторник, после очередного восьмичасового унижения, я поплелась к Эрику, раздумывая, что, может, ну ее, эту работу. Я всегда могу устроиться на должность поспокойнее – например, стать страховым агентом или мойщиком окон в высотках.

– Начнем, – Эрик выглядел бодро, несмотря на то, что всю ночь работал, а потом ходил в школу, утрясая последние вопросы, связанные с переводом Деструктора в Олесин класс. Впрочем, расставленные по всей комнате кружки из-под кофе проясняли, откуда он черпает энергию. – Основы так основы. Итак, Disc Operating System, или попросту DOS – это операционная система, которая... кстати, что такое операционная система?

– Windows, – ответила я, довольная, что мне есть что сказать.

– Э-э... вообще, их целый список, но ладно. Что именно делает операционная система?

Мне вспомнились стенания наших айтишников, и я ответила:

– Глючит.

– И это тоже. Но вообще операционная система выполняет связующую функцию, позволяя оперировать другими программами и обеспечивая их взаимодействие. DOS был одно-

задачной системой... Это означает, что... э... ты не смогла бы смотреть аниме и программировать на паскале одновременно.

– Я не смогла бы этого делать по множеству причин, – заявила я и раскрыла записную книжку с коалой на обложке. – Может, ты просто продиктуешь мне что-нибудь, а я запишу?

– Мне не надо, чтобы ты бездумно строчила. Мне нужно, чтобы ты поняла суть.

– Лучше продиктуй, – упрямо настаивала я.

– Один байт равен восьми битам.

Я покорно записала.

– Что такое бит, Соня?

– Что-то из музыки?

– Единица хранения информации. Представляет собой ноль или единицу. Соответственно, байт это последовательность из восьми цифр...

Мой взгляд начал стекленеть, и Эрик тяжело вздохнул.

– Попробуем разобраться в процессе...

Он включил компьютер. Экран показал строки буковок, а потом почернел.

– Твой компьютер сломался, – сказала я.

– Нет, Соня, это DOS.

После этой фразы я поняла, что легко мне не будет.

Эрик пустился в пространные объяснения, и, хотя в каждой отдельной фразе не было ничего сложного, вместе они перегружали мой мозг, ввергая меня в состояние бездумно-

го созерцания.

– Команда dir позволит нам просмотреть содержимое диска А...

Пока Эрик рассматривал содержимое диска А, я смотрела на него. Что эта рыжая в нем нашла? Или она из тех девушек, кого увлечь не сложно? Но волосы, признаю, у него красивые. Чуть темнее у корней и светлые на кончиках. Летом они выгорели добела. И нос такой аккуратной, изящной формы... Как я раньше не замечала? А губы...

– Соня, на что указывает расширение “exe”?

– Какое? Я отвлеклась.

– Что файл является исполняемым. Какие еще расширения ты знаешь? – он выжидательно посмотрел на меня.

«Какая же я тупая, – подумала я. – Я не оправдываю его ожиданий. Хотя он тоже не оправдывает моих. Я уже даже во сне думаю о том, что ему всего двадцать три. Да и ростом не вышел...»

– Соня!

– Да? Что?

– Я о расширении.

– Расширять не надо. Но сантиметров десять в высоту я бы добавила.

– О чем ты?

– Прости, – смутилась я. – Все это так запутанно и... скучно, что мне сложно удержать внимание.

– Не понимаю тебя. Когда я, еще в девяностых годах, по-

знакомился со «Спектрумом», это было как прыжок в другой мир. Я программировал целыми днями. Файлы для него хранились на аудиокассетах. Если их поставить в магнитофон, слышались такие загадочные шумы...

– У меня... другая сфера интересов, – проблеяла я.

Надеюсь, он не спросит, какая именно. *«Я буду ненавидеть тебя до конца моей жизни!»* – сверкая глазами, выкрикнула прекрасная Клотильда, но затем он погрузил в нее свой нефритовый жезл, и в ее сердце проснулась любовь». Ох, чем я еще занимаюсь, кроме как читаю порно-глупости?

– Эрик, на сегодня с меня достаточно. У меня каша в голове, – я поднялась с места.

– Уже? Мы только начали, – удивился Эрик и потянулся к книжной полке. – Тогда я дам тебе пару книжек – посмотришь перед сном. Держи, вот Питер Нортона, с детства мой любименький... «Аппаратные средства IBM PC»... и вот еще полезная книга...

Заранее переживая крайнее интеллектуальное утомление, я обессиленно прислонилась к стене. Стопка росла. И росла. И росла.

– Хватит! – истерично вскрикнула я.

Эрик подошел ко мне и, опершись ладонями о стену позади меня, с тревогой заглянул мне в глаза:

– Ты уверена, что этого будет достаточно?

Я почувствовала легкое головокружение.

– Конечно.

Дома я распихала книги по ящикам стола и решила, что прочту их завтра. Или послезавтра. Или на той неделе. Хотя зачем? Тест будет уже пройден.

В среду Ирина куда-то умотала, после чего работа в нашем отделе полностью прекратилась.

– Диана, у тебя бывало так, что твое отношение к кому-то вдруг резко изменилось? – спросила я, когда мы уютно устроились на кухне, попивая кофе с пирожными.

– С Ириной. Сначала я относилась к ней нейтрально.

– А потом?

– А потом мы познакомились, – Диана покосилась на меня. – У тебя что-то с Эриком случилось? Спонтанный секс на кухонном столе?

– Бр-р-р! – кофе выплеснулся у меня изо рта, расплескавшись по столу. – Диана!

– Вы двое зря теряете время, – заявила Диана, вытирая стол салфеткой. – Давно могли бы быть вместе. Судя по тому, что ты о нем рассказываешь, он классный. Да и ты ему нравишься, раз он с тобой столько возится.

– Ты с ума сошла!

– Зато ты у нас нормальная. Полжизни провела, мечтая о принце на кобылице.

– Я не буду это обсуждать.

– Не обсуждай.

– Я уйду.

– Вперед, – поторопила Диана.

Мы не разговаривали до конца рабочего дня, когда Диана попрощалась со мной тем непробиваемо вежливым тоном, что ясно давал понять, как ей плевать на мои эмоциональные срывы.

Дома, будучи все еще несколько взвинченной, я решила, что пойду к Эрику не раньше, чем остыну. А я до завтра не остыну.

Но он пришел сам.

– Раз уж с программной частью не получается, попробуем повозиться с железом. Ты когда-нибудь видела свой компьютер изнутри?

– Ты предлагаешь разобрать его? А мы сможем все вернуть обратно? – испугалась я.

– Ты мне не доверяешь?

Я посмотрела на него. Сегодня он оделся в простую голубую рубашку и светлые джинсы, но после его вечных футболок с мятыми шортами выглядел поразительно хорошо. Такой стройный... и глаза синие-синие, как небо в ясный летний день. Мое сердце быстро забилося, словно я только что пробежала стометровку. Либо у меня проблемы с сердцем, либо с соседом. Лучше бы с сердцем. Инфаркт я еще как-нибудь смогу пережить.

– Доверяю. Эрик, у тебя праздник сегодня?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты волосы причесал.

– Я делал это и раньше. А у тебя красивое платье.

– Я надевала его и раньше.

Эрик наклонился, чтобы вытянуть из-под стола системный блок. Я отметила: «Славная задница», и пришла в ужас от таких мыслей.

– Это не так страшно, – успокоил Эрик, заметив выражение моего лица. – Ты удивишься, насколько простыми оказываются вещи, если сесть и спокойно в них разобраться.

Я послушно опустилась на ковер, тем более что ноги меня плохо держали.

– Системный блок, – Эрик с такой нежностью провел ладонями по металлической коробке, что моя жизнь вдруг предстала мне необласканной и одинокой. Рыжую он так же гладил? – Собственно, он и является тем, что мы называем «компьютер». Сейчас мы его приразденем и посмотрим на его прелести.

«Я бы предпочла посмотреть на твои прелести». Я сглотнула ком в горле. Эй, о чем ты думаешь, тетка бальзаковского возраста?!

– Что скажешь? – сдвинув боковую панель, Эрик раскрыл системный блок.

– Мохом все заросло, – продолжила я свои мысли уже вслух.

– Да нет, просто немного пыли. Вот это, – ткнул он пальцем, – блок питания, который обеспечивает энергией остальные устройства. Извлечем его. Два вентилятора для охлаждения, один встроен в блок питания, другой возле процес-

сора...

Я слышала тихий звон в ушах, как будто где-то звенели серебряные колокольчики. Пальцы Эрика трогали и гладили, оставляя дорожки на пыльных поверхностях.

– Сам процессор – мозг компьютера – отвечает за выполнение операций. Трогать его не будем, он хрупкий. Материнская плата с подсоединенным к ней шлейфом от жесткого диска. Его еще называют «винчестер», – продолжая объяснять, Эрик взял мою руку и положил ее на гладкую металлическую поверхность жесткого диска. Ощущая теплые мужские пальцы поверх своих, я вся обмякла.

– Я еще никогда не трогала винчестер. Он такой большой.

– Гигабайт восемьдесят, не больше, учитывая древность твоего компьютера. А теперь покажи мне материнскую плату.

– Я стесняюсь.

– Раскованность приходит с опытом.

– Ты будешь смеяться.

– Нет ничего смешного в женщине, познающей свой компьютер.

Я ткнула пальцем в первую попавшуюся железяку и вопросительно посмотрела на него. Эрик скорбно свел брови.

– Нет, Соня, это блок питания.

Я почувствовала себя как Кэрри Брэдшоу, когда она пукнула в постели с любовником.

– Теперь попробуй поставить все обратно.

– Не буду даже пробовать!

– Это как играть в конструктор.

– Результаты игры будут плачевными...

– Зачем ты так много думаешь, что случится потом? Просто возьми и сделай это. Сейчас.

– Тебе легко говорить! Залез в мой системный блок, вылез и забыл, а мне потом расхлебывать последствия.

– Я думаю, дело не в системном блоке. Просто ты до жути боишься ошибиться. Ты заранее сдалась, потому что уверена, что слажаешь и после этого не сможешь смотреть мне в глаза!

– Ничего подобного! – возмутилась я. – Причина в том, что мы с тобой очень разные! Возраст, жизненный опыт, взгляды... Для тебя все просто, я же точно знаю, что у нас ничего не получится!

Эрик моргнул.

– Мы все еще говорим о системном блоке?

– Конечно, – вяло подтвердила я и покраснела.

Эрик сам собрал компьютер и закрутил шурупы на боковой панели.

– Знаешь, что обеспечивает работу компьютера? Множество различных элементов, способных вступать во взаимодействие, необходимое для успешного функционирования системы. У тебя может сложиться ошибочное мнение, что, с целью получить великолепный компьютер, достаточно заменить некоторые его детали на более продвинутые и дорогие.

Но на практике такой компьютер может даже не включиться, если не все его части окажутся пригодными для совместной работы. В конце концов, самое главное – это способность к гармоничному взаимодействию.

Меня не оставляло ощущение, что наш разговор уже совсем отклонился от компьютерной тематики, но я сделала вид, что не поняла намека. Эрик отряхнул руки и поднялся.

– Оденься потеплее. Попробуем метод перипатетиков.

– Метод кого?

– Метод Перипатетической школы, которую основал Аристотель. Он вел лекции на ходу, прогуливаясь с учениками по саду. Выходим через пять минут.

Когда мы снова встретились, одетые на выход, я надеялась, что на улице грохнет ливень, но не свезло. Мы сели на маршрутку и поехали в центр, чтобы не блуждать по дворам, натываясь на припозднившихся с прогулкой собачников.

– Разобраться с компьютером тебе мешает не недостаток интеллекта, а полное отсутствие любопытства. Для тебя это просто коробка, начиненная непонятными деталями.

– Так и есть.

– А ведь даже твой домашний простенький ASUS – результат целой эпохи развития технологий, часть захватывающей истории.

– Сначала компьютеры были большие, а потом стали маленькие. Очень захватывающе.

– Уверен, самое романтическое место на земле – это Крем-

ниевая долина в 80-е годы.

Я рассмеялась.

– Ну ты скажешь.

– Тогда технологии крутились в руках и умах увлеченных юнцов, неспособных постирать себе носки, но каждый день мечтающих совершить что-нибудь эдакое, что поставит мир с ног на голову. Компьютерную эволюцию продвигали энтузиазм и жажда творчества; обветшавшие к нашим дням идеи в то время еще были свежими, как листья салата. Стихийно открывались офисы с ящиками вместо стульев, а программа, написанная студентом-недоучкой, попивающим кока-колу, назавтра могла разойтись миллионом копий, меняя лицо всей индустрии и превращая своего создателя в богача. Я хотел бы быть там.

– Широкое поле для деятельности?

– Угу. Но начиналось все, действительно, не романтично.

Один из первых компьютеров, ENIAC, был разработан по заказу армии США – шла Вторая мировая война, и им требовалось устройство, позволяющее быстро рассчитать траектории полета снарядов. Разработка затянулась до 46-го года, когда война уже кончилась, но позже ENIAC участвовал во множестве других проектов. Например, он провел первый численный расчет прогноза погоды на следующие сутки. Это заняло у него 24 часа... зато они сразу смогли проверить правильность прогноза.

Я рассмеялась.

– Это нелепо.

– Размером он был шесть на двадцать шесть метров. В нем было более ста тысяч деталей, тысячи лампочек и трубок. Чтобы перейти от одного расчета к другому, трубки приходилось переключать по сложной схеме. А во время работы компьютера требовалось такое количество энергии, что близлежащий город оставался без света. И каждую неделю что-нибудь ломалось.

– Верх романтики.

– Первый мини-компьютер был размером с холодильник. Мы вышли из маршрутки и направились к скверу Мичурина.

– Перематываем несколько десятков лет, к двум Стивам – Джобсу и Возняку. Слышала о них?

– Джобс – это который iPhone?

– Вроде того. Их первый офис располагался в гараже родителей Джобса. Пока угрюмый интровертированный Возняк возился с микросхемами, общительный Джобс продвигал их первое детище Apple I. Но магазины не хотели его брать. Почему? Потому что и представить не могли, что люди захотят иметь компьютер у себя дома!

– Apple – это же «яблоко» по-английски? Почему они дали своей компании такое имя?

– Потому что Джобс очень любил яблоки. И потому что другое название не смогли придумать. У юных яблочников был большой провал на их первой компьютерной выставке.

– А что случилось? – я живо интересовалась чужими провалами, которые бодрили меня уже тем, что не являлись моими собственными.

– Чего не случилось – общественного внимания. Они стояли скромненько в углу, а народ шел мимо. Джобс провел работу над ошибками на Компьютерной Выставке Западного Побережья 77-го года. За бешеные деньги было приобретено место в центре зала, а стенд украсили бархатом и подсвеченным логотипом Apple. Джобс понял, что видимость успеха предвещает успех, а люди любят глазами, и поэтому стиль решает все. Так оно и получилось – когда в октябре умер Джобс, это была всенародная утрата. А смерти Денниса Ритчи, создателя языка С и ключевого разработчика UNIX, всего три дня спустя, никто не заметил. Кстати, ты знала, что Джобс был приемным ребенком? Биологические родители отказались от него после рождения.

– Наверное, они пожалели о своем решении, когда он стал богаче.

– Так и было.

– Я знаю Билла Гейтса. Что скажешь о нем?

Мы спускались к набережной.

– Человек с мозгом акулы. В детстве Билли увлекался книгами о великих полководцах, вроде Наполеона, да и сам был очень не прочь захватить мир. Учился в Гарварде, откуда его выперли за неуспеваемость, однако много лет спустя, когда созданная Гейтсом компания Microsoft действи-

тельно начала довлеть над миром, торжественно вручили диплом – Гарвард тоже умел работать над ошибками. На старости лет Гейтс погрузился в благотворительность, пытаясь забыть, как колосс Microsoft давил маленькие компании на пути к успеху. Среди прочего под ногу подвернулась компания Netscape, и этот камешек оказался потверже. В компьютерную историю это вошло как Война Браузеров. Видишь ли, эти малявки осмелились выпустить свой браузер, и это было в те времена, когда Microsoft думали, что маленьким людишкам нечего делать в World Wide Web. Внезапно они обнаружили, что их обошли, и очень обиделись.

– Они разозлились?

– Страшно. Гейтс натаскивал своих подчиненных, как доберманов. Пятиминутки ненависти, «Internet Explorer в каждый будильник!» и все такое. Маленькие и гордые, Netscape сражались как могли, отчего это все напоминало сражение коренного индейского населения с американскими захватчиками. В итоге враги встретились, и чуваки из Microsoft сказали: «Вот вам доллар, и валите из нашего бизнеса, пока есть на чем уйти».

– Но Netscape не сдались?

– Конечно, сдались. Простые парни, что могли они сделать? Но при этом еще и настучали на Microsoft в антимонопольный надзор. Для компании начались тяжелые времена. Билл ходил в суд так часто, как в туалет. Его детище даже собирались раздробить на несколько кусков помельче. Гово-

рят, когда он обсуждал это на совещании Microsoft, он плакал. Представляешь? Это как если бы слезы текли из гранита.

– Напоминает историю Икара.

– Именно.

Справа от нас несла свои холодные воды Волга, а Эрик продолжал рассказывать. Он знал тысячи историй – забавных или немного с горчинкой. Он рассказал про компанию Atari, разрабатывающую игры и не желающую взрослеть, – они хотели, чтобы их сотрудникам было весело! Расскажите это «Синерджи»! О возвышении и крахе школьника из Нижнего Тагила, который создал принципиально новую операционную систему Volgenos, впоследствии оказавшуюся дистрибутивом Ubuntu с измененным заголовком – он заменил одну строчку среди миллионов строк кода и попал на ТВ! Летел вниз он также с размахом... Меня рассмешила история языка программирования BrainFuck, созданного специально для того, чтобы отлюбить людям мозги – на нем практически невозможно программировать! Эрик был так увлечен, у него горели глаза. И я вдруг поняла его – то, что я видела как заурядную железную коробку, для него было наполнено личностями, событиями, курьезами, трагедиями, недоразумениями и победами. Включая компьютер, он как будто слышал тысячи голосов со всего мира.

Кошка, метнувшаяся через дорогу, вывела меня из транса, и я осознала, что совсем стемнело.

– Как поздно...

– Ты хочешь домой?

Я задумалась.

– Нет, хочу погулять с тобой еще. Вот уж не ожидала, что тебе удастся меня заинтересовать. Только есть очень хочется.

– Двадцать минут потерпишь?

Я едва успела кивнуть, а он уже тащил меня куда-то, отпустив мою руку только чтобы на пять минут забежать в магазин. Мы зашли в одну из многоэтажек неподалеку от набережной, поднялись на лифте на последний, восемнадцатый этаж, и затем по лестнице еще выше, к люку на крышу. Там висел замок, но Эрик извлек из кармана ключ.

– Ты когда-нибудь ужинала на крыше?

– Никогда, – я поднялась за ним, нервно кутаясь в куртку.

Крыша оказалась широкой и ровной, как вертолетная площадка, только антенны торчали, словно лысые елки. По высокому открытому пространству гулял ветер, и я застегнула молнию до самого подбородка. Мы так высоко забрались, что мне даже стало страшновато.

– Тут есть стол и стулья. В этом доме живет один мой приятель, он любит проводить здесь вечера. Это он дал мне ключ. Тебе холодно? Наденешь мою куртку?

– Спасибо, нет.

Эрик достал из своего рюкзака скатерть и постелил на стол. Скатерть была белая, с розами.

– Схватил в магазине не глядя, – как бы оправдываясь, объяснил он и тщательно протер салфеткой мой стул.

Затем настал черед свечей: розовых, в тон скатерти, которые нежно запахли цветами, когда мы зажгли их и поставили в отыскавшиеся на крыше банки – чтобы ветер не задувал.

– И свечи взял, какие под руку попались, – смущенно пояснил Эрик. – Лучше, чем сидеть в полной темноте.

Мы уселись напротив друг друга, скованные неловкостью. Странно. Мы столько раз ужинали вместе. Почти каждый вечер.

– Я так понимаю, Билл Гейтс не твой герой, – начала я, чтобы снять напряжение. – А кто тебе по-настоящему нравится?

– Ты, – Эрик пристально смотрел на меня.

– Я серьезно, – уточнила я почти с досадой.

– Линус Торвальдс. В компьютерном мире его можно назвать коммунистом. Или террористом. Он создал бесплатную операционную систему Linux, открытую для пользователей, предоставив каждому желающему возможность что-то в ней улучшить. Когда Гейтс вождедел послушного стада, согласного выкупать каждый продукт Microsoft, Линус рассчитывал на творцов. В итоге Linux достроили всем миром. И продолжают развивать. Эмблемой Linux стал пингвин – в честь настоящего пингвина, увиденного в зоопарке. Пингвин клюнул Линуса в руку, но все равно ему понравился.

Я улыбнулась.

– Это очень мило.

– Гейтс и Джобс когда-то были простые парни, которые выросли в монстров, а их гаражи превратились в гигантские корпорации. То, что начиналось как творчество, стало бизнесом. Когда китайские рабочие бастуют на заводах Apple, потому что работают в отвратительных условиях, а зарплаты едва хватает на жизнь, Джобс за это ответственен. Когда Microsoft преследует нищего сельского учителя информатики, на компьютерах в классе которого оказалась установлена нелегальная Винда, вытрясая из него непосильную сумму денег, Гейтс за это ответственен. Торвальдсу удалось избежать всей этой грязи.

– Ты с таким гневом говоришь о крупных компаниях.

– Я ненавижу корпорации. Царства, населенные великанами и лилипутами, – не желаю относиться ни к тем, ни к другим, – мобильник Эрика зазвонил. – Это курьер. Я заказал еду, пока стоял в очереди в магазине.

Он отошел и вернулся с пакетами. Внутри были роллы, горячий рис с морепродуктами и мисо-суп в пластиковых тарелочках. Мой рот наполнился слюной. Немного стесняясь, Эрик извлек запотевшую бутылку шампанского.

– Лишним не будет, да?

Мы ужинали в молчании, которое связало нас крепче любого разговора. Огоньки свечей подрагивали, взволнованные ветром. Хотя день начался с дождя, к вечеру погода наладилась, и ночь оказалась удивительно теплой – а ведь пер-

вые числа ноября! Даже не верилось, что холодная, скучная зима подкралась уже совсем близко. Где-то ровно шумел успокаивающийся к ночи город и плескала волнами Волга. Я как будто оказалась вне моего рутинного существования, с его нескончаемыми проблемами и неудачами. Я перенеслась в место получше.

– Нам очень повезло, что мы стали соседями, – тихо произнес Эрик. – Иначе я до сих пор жил бы своей прежней жизнью.

– Разве она тебя не устраивала?

– Тогда мне казалось, что устраивала. Сейчас я думаю, что мне было одиноко.

Мы молча чокнулись пластиковыми стаканчиками за что-то, невысказанное вслух, и потревоженное шампанское забрызгало золотистыми искорками.

– Пойдем, посмотрим...

Эрик потянул меня за руку и, когда мы подошли к краю крыши, у меня захватило дыхание: город был полон огней – горящие окна, фонари, реклама, фары проезжающих машин. Как тысячи светлячков, рассеянных в темном пространстве, они сияли и мерцали. По сверкающим водам Волги плыли маленькие золотые рыбки – корабли с сигнальной подсветкой. Подняв голову к небу, я увидела на нем россыпь звезд.

– Наверное, это самое красивое, что я видела. По телевизору не в счет.

– В мире много всего волшебного. Главное, смотреть с

правильной точки.

Я фыркнула. По моему мнению, эта фраза выразила всю жизненную философию Эрика.

– Знаешь, я поняла, чего ты хочешь – стать частью истории, которая тебе нравится. Это как если бы фанат Гарри Поттера попал в один из томов серии.

– Именно. А чего хочешь ты?

Я пожала плечами.

– Выйти замуж. Все просто и банально.

Эрик пытливо посмотрел на меня.

– Звучит как формальность. Ты уверена, что это именно то, что тебе нужно? В смысле, это не звучит как найти любовь и человека, который станет действительно близким.

– Не знаю. Может быть, мама этого хочет. Или я прочитала где-то, что должна этого хотеть. Или это просто то, что считается необходимым.

– А чего хочешь для себя именно ты?

Наши взгляды встретились, и я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами.

– Соня? Ты в порядке? – мягко спросил Эрик.

– Да, но... знаешь, меня как будто никто никогда раньше об этом не спрашивал. Мама говорила – делай это, и ты станешь хорошей, а бабушка – не делай того, или станешь плохой. Но в конечном итоге я всегда получалась так себе. Бабушка требовала – доедай до последней ложки, а мама упрекала – ты набираешь вес. Мама отказывала моим просьбам,

а бабушка навязывала мне то, чего совсем не хочется. Меня все время разрывали на части! И я уже совсем не понимала, что я должна делать! Я могла только ждать очередного указания. Несчастные любовные романы с похабными обложками – кажется, это единственное, что мне удалось отстоять для себя! Я так старалась быть милой и послушной, а в итоге получилось, что теперь я даже не знаю, кто я на самом деле. Меня как будто нет вовсе. Я совершенно никчемна, – я громко заплакала, и меня не могло остановить даже ощущение, что там, на земле, чужие люди каким-то образом слышат меня.

– Соня, – Эрик обхватил мое лицо ладонями, поднимая мою голову, – ты совсем не никчемная. Ты очень добрая. Ты заботливая. Ты всегда надеешься на лучшее, даже если все складывается плохо. Ты мечтательница. Рядом с тобой так хорошо...

Он потянулся ко мне носом, и я поняла, что сейчас он меня поцелует. В моей голове, натываясь друг на друга, заметались тысячи сомнений. Когда я уже намеревалась отстраниться, раздался громкий хлопок, и небо усеяли зеленые искры.

– Салют?

– Кто-то запустил ракету.

Снова хлопок, и теперь красные искры. Они сыпались прямо нам на головы. «Может, это знак, – подумала я. – Доказательство, что, если я поцелую его сейчас, это будет пра-

вильно».

Что-то неуловимо изменилось в лице Эрика, и он отступил от меня.

– Ты вечно ищешь внешнее одобрение, – сказал он сердито, в точности разгадав мои мысли. – Хотя бы раз прими решение сама!

На этом все было кончено. Домой мы ехали пусть не во враждебном, но все же в молчании. У Эрика торчал наушник из уха, но вряд ли он замечал, что слушает. Все же, несмотря на обескураживающий финал, это было лучшее свидание в моей жизни.

Ночью мне приснилось, что Эрик предлагает мне блок питания и компьютерную мышь, а заодно просит погладить его винчестер.

Утром, загруженная тревожащими мыслями, я на автомате побрела на работу.

– Конечно, оплата низкая, – рассеянно сказала я одной из претенденток, которая – редкий случай – позвонила сама. – Да, есть план, и он на 80% превышает ваши возможности. Удачи в поисках работы. До свидания.

– Что у тебя стряслось? – поинтересовалась Диана.

Я воткнулась в монитор, делая вид, что полностью погружена в работу.

– У вас с Эриком дело сдвинулось с мертвой точки, да?

Я не стала подтверждать ее догадку.

– Я надеюсь, ты проявила активность?

Я продолжала играть в молчанку.

– Какая же ты глупая! – взорвалась Диана. – Слушать тебя противно! Это первый и, с твоим везением, последний адекватный парень, который тебе встретился! А ты его упускаешь из-за собственной трусости и предрассудков!

Я уткнулась носом в клавиатуру. Возможно, Диана была права. Но по своим внутренним причинам я просто не могла.

– Свои мозги не пришьешь, – буркнула Диана и унеслась прочь, яростно вонзая каблуки в ковровое покрытие, слишком раздраженная, чтобы терпеть мое присутствие.

Дома, на столе возле компьютера, меня ждали диск, записка и коржик – последний, видимо, чтобы привлечь мое внимание. «Я загружен по уши. Тебе задание на сегодня – установить игру с диска на свой компьютер». Да пожалуйста. Знать бы еще, что значит «устанавливать». Я посмотрела на обложку диска – на ней был небритый мужик угрюмого вида и надпись Painkiller, ни о чем мне не говорящая.

Похоже, Эрик недооценил мои способности, потому что с установкой я кое-как справилась. Начать игру? Ладно, глянем. Игра началась бодро – главный герой и его жена погибли в автокатастрофе. Вот и сказочке конец. А нет, в Чистилище к ГГ явился божий засланец и клятвенно пообещал, что отправит его в рай к жене, если он поможет уничтожить четырех генералов Люцифера. Бред какой. Действие перешло на кладбище, и в нижней части экрана отобразилось

устрашающего вида оружие, которым я могла управлять. Пока я думала, как мне выключить игру, на меня набросилась некая враждебно настроенная нечисть. Я импульсивно защелкала мышью, и, завращавшись, страшные лезвия в руках героя разорвали врага на части, разбрасывая по всему экрану куски мяса. Фу, какая гадость, да только псих станет в такое играть! Рассуждая подобным образом, я незаметно для себя вынесла с десятков врагов. Ладно, поиграю немного. Отвлекусь от Эрика.

Сосед постучался через несколько часов.

– Установила?

– Установила, – ответила я, закрыла дверь и вернулась к компьютеру.

К одиннадцати вечера Эрик принес мне чаю и картошку с котлетами, посоветовав через часок ложиться спать. Я пообещала, что так и сделаю.

В восемь утра мне пришлось собираться на работу – хотя бы потому, что я уже безбожно опаздывала. На улице все было в белесом тумане, который, кажется, видела только я.

– Опаздываешь, – встретила меня Диана. – Хорошо ты глаз накрасила. Один. Зато оба красные. Все в порядке?

– Все отлично.

Я села на стул и начала ждать, когда компьютер загрузится. Прождала десять минут, пока до меня не дошло, что я забыла его включить. Наверное, я все же не очень хорошо себя чувствую. А ночью казалась себе такой бодрой... Безумная

игра. У меня до сих пор перед глазами все мечется и взрывается.

– Налей мне кофе, – попросила я Диану.

Пробудилась я от аромата кофе, или, может, из-за Дианы, которая схватила меня за плечи и трясла.

– Ты не можешь спать! Ирина зовет нас на совещание!

Я хотела возразить, что поздно мне яшкаться с сатаной, когда сам бог призвал меня на службу, но Диана уже перетащила меня в конференц-зал и бросила на стул.

Прижимая к себе папки, как будто они могли защитить ее от печальной статистики по проекту «Натюрлих», вошла Ирина. Я предпочла бы встретиться с ней на кладбище, с дробовиком в руках.

– Сколько? – бросила она, швырнув папки на стол.

– Тысяча, – сказала я. – Перли со всех сторон. Я расстреляла их всех.

– Кхе-кхе, – вмешалась Диана, награждая меня болезненным щипком. – Пятнадцать кандидатов были одобрены заказчиком.

– И сколько их приступило к работе?

– Девять.

– Сколько продолжают работать?

– Две.

Аня что-то зашептала.

– Одна, – поправилась Диана.

Лоб Ирины прорезала глубокая складка.

– Нам необходимо повысить свою эффективность.

– Моя эффективность резко повысилась, когда я получила гранатомет, – сообщила я.

– Это шутка, – быстро сказала Диана.

– С демонами не шутят, – возразила я.

Реакция Ирины оказалась неожиданной: скорая на придирки и язвительные комментарии, столкнувшись с по-настоящему неадекватным поведением сотрудника, она впала в растерянность. И даже как будто боязливо отодвинулась в глубь кресла.

– С этого дня предлагаю ввести количественный план – шестьдесят звонков в день.

– Если я позвоню в прачечную, мне засчитают? – кротко осведомилась Диана.

– Что это значит? – взъерошилась Ирина.

– Количество звонков не имеет никакого отношения к качеству работы. Можно весь день названивать, но так и не найти подходящего кандидата.

– Тогда пусть будет по пять кандидатов в день от каждой из вас.

– Мы проводим отбор в нескольких городах. Сложность подбора меняется от региона к региону. Будет ли этот критерий справедливым?

Ирина надулась. Они с Дианой принялись спорить, а я положила голову на стол и уснула. Разбудил меня высокий, с нотками истерики, голос Ирины:

– Что это с ней? Она ведет себя подозрительно! Она не может в таком состоянии работать!

– Всю ночь напролет спасала ваш гребаный мир, – простонала я. – А вы не даете минутку отдохнуть.

– Я слышала, если съесть испорченные консервы, отравление может сопровождаться галлюцинациями, – попыталась оправдать меня Диана. – Ей надо в больницу.

– Пусть идет. Уведоми, что этот день ей оплачен не будет.

– Я ее провожу, а то еще по пути рухнет.

– Эти несколько часов будут вычтены из твоей зарплаты.

– Да? – спокойно осведомилась Диана. – На основании какого пункта Трудового Кодекса вы это сделаете?

– Ладно, не буду я ничего никому вычитать, – огрызнулась Ирина.

– А ну, на выход! – сердито поторопила меня Диана.

– Что *опять*? – устало осведомилась она на улице.

– Поиграла немного в одну игру. Хорошая. Мясной экшен.

– Я слышала, такие игры повышают уровень агрессивности.

– По башке бы дать тому, кто это сказал.

В маршрутке я мирно спала, положив голову на плечо Дианы.

– Никаких игр, – пригрозила она на прощание.

Кивнув, я закрыла за ней дверь и бросилась к компьютеру. На мониторе меня ждала новая записка от Эрика: «Я снес те-

бе DirectX и дрова на видюху. ЗЫ: Скажи спасибо, что Винду оставил. ЗЫ-2: Хорошей тебе игры!» Еще и издевается, скотина! Игра, конечно, не работала.

Я замолотила в его дверь.

– Эрик, даже не думай, что я смогу разобраться с этим!

Дверь приоткрылась, и оттуда выглянула взъерошенная блондинистая голова.

– Есть только одно оправдание для человека, не способного установить дрова на видюху.

– Какое?

– Он мертв, – дверь захлопнулась.

Я забила кулаками со всей силой.

– Ломись сколько хочешь. Ты моего сына видела? Уже ничего не потревожит мою нервную систему, – раздался ехидный голос Эрика.

Я попробовала поорать, и тогда он включил музыку из аниме. Не выдержав столь грубого насилия над психикой, я с позором сбежала.

Шипя от злости, я упала в свое кресло и открыла Гугл. Не прошло и часа, как мне удалось выяснить, что «видюха» – это видеокарта, а «дрова», то есть драйвера, к ней надо не абы какие, а под ее модель.

– Эрик! Какая у меня видеокарта? – заорала я через стену, чтобы далеко не ходить.

Он сделал музыку громче.

Четыре последующих часа были самими тяжелыми в моей

жизни.

Ближе к ночи Эрик принес рис и запеченную рыбу. Я обогля соседа взглядом, полным острой ненависти, и продолжила играть.

В субботу, когда я проснулась то ли на рассвете, то ли на закате – разберешь их, Эрик уже побывал в моей квартире, оставив мне завтрак и совершив новую диверсию. Увидев детали моего компьютера, разложенные по ковру, я едва не разрыдалась. Больше всего на свете я жалела, что однажды доверила Эрику ключ от своей квартиры. Отбери теперь! Усугубляя мою ярость, за стеной заиграла музыка из «Властелина Колец».

Потыкавшись в платы и провода и совсем одурев от “May It Be”, я поняла, что это бесполезно. Мне не справиться. Драгоценные часы, отведенные на игру, истекли. А я уже так далеко прошла! Никогда не прощу Эрика, никогда!

В приступе острого отчаяния меня осенило: здесь поблизости есть Интернет-клуб! Я могу зайти в Сеть и посмотреть схему сборки! Я влезла в туфли и пошла такая мятая, непричесанная и неумытая, как была.

Все компьютеры оказались заняты парнями в наушниках, играющими по Сети в стрелялку. Наверное, хорошая игра, раз они так над ней зависают, мне тоже надо попробовать.

Нетерпение придало мне смелости, и, повысив голос, я спросила:

– Молодые люди, будьте добры, кто-нибудь, уступите мне

место на десять минут! Я тут в железе копаюсь и...

Только что они были совсем увязшие в игре – помри среди них кто, они и не заметят, и вдруг все повернули головы ко мне и зашептались: «Девушка лезет в железо? Офигеть! Как она осмелилась? Да она одна на всю страну!» Один парень встал и, как зомби вытянув руки, пошел ко мне. На губах у него дрожала изумленная улыбка.

В этот момент я поняла, что имидж все, а жажда – ничто. Поэтому я выпрямила спину, задрала подбородок и произнесла самую наглую ложь в своей жизни (не считая тех случаев, когда я говорила о весе):

– Да. Да! Так и есть! Я здорово шарю в железе. И пришла только для того, чтобы сказать вам об этом.

И вышла вон.

На улице меня охватило раскаяние. Стоило поступиться гордостью, плакать и умолять до тех пор, пока один из них не сжалится надо мной и не соберет мой компьютер! В поисках утешения я зашла в супермаркет. Пирожные и торты не привлекали меня. Сегодня я нуждалась в чем-то более действенном.

Поздно вечером Эрик решил навестить меня, и то, что он увидел, все-таки нанесло удар его несокрушимой нервной системе. Минуты три он стоял и пялился, потом выдавил:

– Не думал, что мои педагогические методы приведут к столь драматической метаморфозе. Ты выглядишь как... как сисадмин.

Я пожалала плечами, не отрываясь от экрана.

– Что на тебе надето?

– Ах, это, – я оттянула на себе майку с надписью: «Лучше пузо от пива, чем горб от работы». – Понятия не имею, откуда она. Нашла в шкафу.

– Одна... две... пять пустых банок... сколько пива ты выпила?

– Тупой вопрос. Пять банок.

– Ты ела хоть что-нибудь при этом?

– Неа. Еда уменьшает седативный эффект пива. А мне нужно было космическое спокойствие, чтобы разобраться с той херней, которую ты мне подкинул. Ах ты, сволочь! – завопила я, получив от зомби бумерангом по башке. – Да я тебе твой бумеранг засуну...

– Ты заметила, что я установил на твой компьютер Linux?

– Да, я нашла скрипт для PlayOnLinux, поставила игру и копирнула сейвы. А потом до меня дошло, что моя винда никуда не делась, ты просто через биос поставил мне бут на хард с линуксой.

Эрика покачнуло, как корабль в шторм, и он присел на диван.

– У-у, ****ны дети! *** вонючие! Я вас сейчас ****!

– Не знал, что ты ругаешься матом, – выдохнул Эрик.

– Легко тебе говорить, а меня тут ****ят!

– Соня, не слишком ли ты... – он положил ладонь мне на предплечье, но я стряхнула ее.

– Не лезь. Я буду валить главаря!

Эрик прошел в кухню и заглянул в холодильник.

– Я смотрю, у тебя такие пивные запасы, что хватит для алкогольного отравления. Я умыкну пару банок?

– Ты же не любишь пиво.

– Это для Деструктора.

– А-а. Для Игорька ничего не жалко, – я судорожно нажимала на кнопки.

– Ну я пойду. Буду посылать тебе эсэмэски: «Поешь. Попей. Пописай».

Когда за ним закрылась дверь, я отключила звук на телефоне, сосредотачиваясь на главном.

Нежить, насилие и расчлененка – мой рай не мог продолжаться долго. Не прошло и суток, как Эрик явился снова.

– Чего ты опять притащился? Оставь меня в покое! Дай мне закончить игру!

– Ты уже десять раз ее прошла!

– Пока я не одолею ее на уровне сложности «Кошмар», мой бой с силами ада нельзя считать законченным!

– Нет, Соня, он заканчивается прямо сейчас.

– Еще двадцать минут...

– Нет.

– Только босса убью!

– Ну ладно, только босса... хотя чего это я? Разводилу не разведешь! Научилась устанавливать, учись деинсталлировать.

Он потянулся к клавиатуре...

– НЕЕ-ЕЕЕТ! – закричала я.

– Спокойно. Сохранения останутся.

Я попыталась оказать сопротивление и обнаружила, что, завалив тьму мертвяков, сейчас не могу справиться с одним Эриком, тем более что заметно ослабела за последние дни. Тогда я решила подавить врага морально и завизжала как резаная.

– Отвяжись от меня, урод!

Сцепившись, мы грохнулись на пол и смешались в кучу малу. Я попыталась бежать, но Эрик ухватил меня поперек туловища, отнес в ванную и сунул головой под кран. Вода была холодная и потекла за шиворот.

– Предатель! Извращенец! Провокатор! – завизжала я, плохо подбирая слова, но захлебнулась и закашлялась.

Извиваясь, как угорь, я все же смогла выскользнуть из цепких лап Эрика и растеклась на полу крошечной ванной, с головой под раковиной и неловко согнутыми ногами. Отдышавшись после схватки, некоторое время порыдала в надежде вызвать у Эрика муки совести, но его не проняло, и я затихла, издавая лишь сердитое пыхтение.

– Ненавижу тебя. Был бы у меня молоток, так бы тебя и приложила.

– Агрессия, типичная для человека с зависимостью.

– Мне тридцать лет! У меня кризис среднего возраста! Я имею право поразвлечься!

– Вот и развлекайся, как нормальная тетка в кризисе! Искупайся голой в фонтане! Устрой дебош в кабаке! – Эрик потер виски. – Боже, это мне карма прилетела за то, что пришлось пережить моей маме.

– И нет у меня никакой зависимости. Я просто хочу поиграть!

– Столько сидеть за компьютером вредно! Один китаец вот засиделся за игрой и умер.

– Наверное, это тот самый, который продал почку за iPad. У него здоровье было в принципе ослабленное.

– Нет, другой, – с тяжелым вздохом Эрик сел на пол в коридоре и мягко сжал мою щиколотку. – Поразительно, что твоя игровая страсть не проявила себя раньше.

– Я никогда не пробовала играть в компьютерные игры.

– Почему?

– Я считала, мне это будет неинтересно, – я поморгала, пытаюсь увлажнить глаза. После стольких часов за монитором мое зрение было мутным, и лампочка на потолке расплылась в мягкий сияющий шар.

– Почему бы тебе не переключиться на что-нибудь полегче? Чтобы не так мозги сносило. На Angry Birds, например.

Я в отвращении закатила глаза:

– Игра для нубов. Эрик, я слышала, есть такая игра World of Warcraft, в которую люди играют по Сети...

Эрик вздрогнул.

– Нет, Соня. Ты еще молодая, у тебя есть перспективы,

поэтому нет такой игры.

Свет мешал мне. Я зажмурилась и увидела вооруженных мечами скелетов, крошащих друг друга в бесконечной битве. Голова стала тяжелая, как гиря. Потом я почувствовала, как Эрик поднимает меня на руки и несет в кровать. Оттягивает мне веки, чтобы закапать капли в глаза, жгучие, но затем принесшие облегчение моим воспаленным роговицам.

С утра я обнаружила, что Эрик поставил пароль на мой компьютер. Пришлось идти на работу.

В одиннадцать настал час X, и все тыквоголовые, включая меня, собрались в зале отдела CRM, притулившись за тесными столиками. Диана не явилась, но вряд ли у айтишников были к ней претензии.

– Ну, граждане алкоголики, тунеядцы, хулиганы, приступим, – приветствовал нас Леша. Судя по хищной улыбке, сверкающей среди щетины, он планировал оторваться на нас по полной.

Его мечте не суждено было сбыться, потому что прибежал пятнистый от волнения Данила и зловещим шепотом извещил, что сервер опять упал.

Леша наградил его взглядом, намекающим, что в прежние времена гонцов казнили и за менее скверные вести, буркнул нам: «Скиньте файл по сетке» – и вышел.

Оставшиеся из нас делились на два типа: слишком ленивые, чтобы разобраться, как перекинуть файл по сетке, и слишком тупые для этого. В конце концов, та самая Леноч-

ка притащила свою флешку и, тяжело вздыхая, начала копировать файл теста с компьютера на компьютер. Кроме теста, скопировались еще и бывшие на флешке вирусы, после чего на экраны вылезло извещение, что по причине обнаружения подозрительного контента наши компьютеры заблокированы. Для разблокировки и подробной информации отправьте сообщение на номер «бла-бла-бла». Жалобно бляя, присутствующие потянулись за мобильниками. Леночка возопила:

– Мы не сдали тест и сломали компьютеры! Теперь *этот* меня точно убьет!

– Спокойно! – прервала ее я. – Не отправляйте SMS – с вас просто снимут деньги, у меня такое было. Я попробую найти решение.

Засев за единственный выживший компьютер, через всемогущий Google я вышла на сайт Касперского, где нашла код разблокировки и зачитала его вслух. В момент моего триумфа я обнаружила Роланда, заглянувшего пронаблюдать, как идет акт потрошения. Раскрыв тест, я быстро проставила ответы, ощущая спиной сверлящий взгляд Роланда, и вышла. Наверняка, он заметил, какой помятой я выгляжу после богатых на стрессы выходных, иначе чего на меня смотреть?

Но вскоре он нагнал меня.

– Роксолана... у меня возникла проблема с моим ноутбуком. Вы не могли бы взглянуть?

– Но я... не то чтобы хорошо разбираюсь...

– Пожалуйста.

Роланд смотрел так просяще и кротко, что я, даже понимая, что это путь к позору, согласилась и проследовала за ним в его кабинет, веселенький, как склеп. Обстановку немного оживлял большой аквариум, но рыбок внутри больше не было.

– А что случилось с рыбами?

– Я попросил их убрать. От них грязь.

«Еще бы сказал, что от них шум», – подумала я.

Проблема Роланда заключалась в вылезавшем в правом нижнем углу экрана его ноутбука анимированном баннере с девицей, норовящей снять с себя последнее. Смущенное выражение лица начальника подсказало мне, почему вместо глумливого отдела IT он предпочел обратиться к кому-то попроще. Эти парни вообще бы не поняли, зачем убирать горячую телочку.

– Вы антивирусом пробовали?

– Пробовал. Не помогает.

Баннер пришлось удалять вручную. Заняло это минут сорок, но Роланд был доволен результатом.

– Не понимаю, почему в офисах устанавливают дорогостоящую Windows, – сказала я, просто чтобы оттянуть момент расставания. – Большинство офисных сотрудников совершают на своих компьютерах всего лишь несколько операций, с которыми бы прекрасно справилась бесплатная Linux. Да и на антивирус не пришлось бы раскошелиться – специфика этой операционной системы надежно защищает ее

от вирусов сама по себе.

– Откуда вы все это знаете, Роксолана?

Я понятия не имела, где и чего нахваталась, пока шастала по Сети, решая загадки Эрика.

У двери Роланд пожал мне руку.

– Спасибо вам, Роксолана.

– Соня.

– И вам, Соня, спасибо.

Вечером, даже не заходя после работы домой, я уже привычно замолотила в дверь Эрика, но на этот раз от радости, а не из желания вытрясти из него кишки.

– Я не сниму пароль, – решительно начал Эрик и скрестил руки.

– Эрик, я сдала тест! Всего три ошибки!

– После того, что тебе пришлось проделать, неудивительно.

– Ты волшебник! Что бы я без тебя делала! – воскликнула я и, неожиданно для себя самой, поцеловала его в губы.

Эрик не растерялся. Обняв, он притянул меня ближе к себе, после чего отступление стало невозможным. Оказалось, у Эрика очень уверенные губы и совершенно беззастенчивый язык. Я вдруг ослабла, превращаясь в нечто бескостное, как осьминог. У меня потемнело в глазах.

– Так я и знал, – прервал нас скрипучий голос Деструктора, и мы отпрянули друг от друга.

– Действительно, чего это мы, – задыхаясь, выдохнула я,

и засуетилась в поисках ключа от своей квартиры. Сначала я не могла найти ключ в сумке, потом уронила его и не могла найти на полу. Эрик поднял ключ, отпер дверь и вытянул руку, предлагая войти. На лице у него было непроницаемое выражение, как будто он надел металлический шлем.

– Спасибо, – пропищала я и юркнула к себе.

Уши у меня горели, щеки тоже. Самым обескураживающим было обнаружить, что целуется Эрик далеко не как школьник. Натренировался на всяких рыжих шлюшках. Мне нужно просто забыть об этом. Это ничего не значит. Все целуют соседей время от времени. За невозможностью включить компьютер, я врубила телевизор, отгоняя от себя мысль, что раньше моей соседкой была Антонина Павловна, и с ней у меня не случилось ничего подобного.

Во вторник я была рада отправиться на работу – пусть Ирина смотрит на меня волком после инцидента в пятницу, но хотя бы буду подальше от Эрика. Вечером, когда я очень-очень неторопливо собиралась домой, ко мне подошел Роланд. Это было как если бы трамвай сошел с рельсов, чтобы подвезти меня до моего пятого этажа.

– Соня, я передал гендиректору ваши соображения насчет Linux, и он загорелся этой идеей, тем более что компания как раз планировала бюджет на закупку новой версии Windows. Мне хотелось бы отблагодарить вас за ваше прекрасное предложение.

Надеюсь, Леша и сотрудники его отдела, которым придет-

ся устанавливать новую операционку во всем офисе, а потом обучать персонал ею пользоваться, никогда не узнают, от кого пошло это «прекрасное» предложение.

– Как вы смотрите, если я приглашу вас поужинать?

Я посмотрела в его глаза. Светло-серые ободки радужек словно отлиты из чистейшего серебра.

– Конечно.

Когда я шла к остановке, тучи надо мной раздвинулись, открывая громадные радужные буквы: «РОЛАНД». Эрик, наш поцелуй, Rainkiller, моя благородная обязанность спасения мира от нечисти – все забылось. Свет, исходящий от громадных букв, окрашивал серое небо розовым, голубым и зеленым. РОЛАНД.

Глава 12: Куда низводят мечты

Роланд был моими Реттом Батлером, Уэстморлендом, Мэ-лори и Мужчиной Мечты одновременно. По мнению Дианы, он также являлся здоровенной дырой в моей голове, заставившей меня растерять последние частицы разума. Свидание было назначено на субботу, и я пребывала в состоянии напряженного ожидания. Хотя я не стала ни о чем рассказывать Диане, она сама как-то догадывалась и осыпала меня шуточками, мутными и холодными, словно осенний туман. Едва излучающая свет голова Роланда начинала мелькать на горизонте, как в меня впивался острый, как рапира, взгляд азиатских глаз. Я понимала, что Диана беспокоится обо мне, но... иногда она слишком подавляла. Я начала терять с ней связь.

Итак, я торопила будни, как будто вместе с ними в песок не утекали моя жизнь и остатки молодости. Сквозь промозглое ноябрьское утро я тащила себя в Замок, где выполняла скучную работу, не приносящую результатов. Придирки Ирины пролетали сквозь меня, как пули, выпущенные в призрака. На совещаниях я откровенно спала.

Тем временем у нас появилась новенькая.

– Знакомьтесь – Ангелина, – представила любимая начальница. – Раньше мы вместе работали в Stuffmax. В нашей компании Ангелина заняла должность старшего специ-

алиста.

У Дианы стало такое лицо, будто Ангелина заняла непосредственно ее, Дианину, должность. Аня заискивающе улыбнулась. Ангелина оглядела нас со сдержанным презрением и тоже расплылась в улыбке. Ангелами от нее и не пахло. У нее была яйцевидная фигура, расширяющаяся к талии, и маленькие глазки, столь близко посаженные, что напоминали пару вишенок на сросшихся черенках. Неопрятные волосы и обширная рыжая блуза не добавляли ни красоты, ни изящества. На самом деле по-настоящему уродливых черт во внешности новенькой не было, но вместе они складывались в изрядно мозолящую глаза картину.

– Ангелина – прекрасный специалист, и вам предоставляется блестящая возможность перенять ее ценный опыт, – продолжила Ирина, косясь на Диану, для которой такое предложение было как плевков в лицо.

Вскоре на мыло пришло письмо от Ангелины, заверяющей, что она согласна в поту и крови просвещать даже таких безнадежных, как мы. Аня, вечная участница мозговыносящих игр Ирины, покорно потащилась просвещаться, и Ангелина долго втирала ей прописные истины, тыкая облупленным ногтем в монитор и улыбаясь так сладко, что внутренности слипались.

– Тоже мне, миссионерка в Африке, – пробормотала Диана. – Вылезла из занюханного кадрового агентства и поперлась нести свет в массы. Выпьем пива вечером?

– Так ведь не конец недели еще.

– Тем более надо выпить.

К тому времени, как мы добрались до кабака, Диана была изрядно взвинчена. Честно говоря, я бы предпочла держаться от нее подальше.

– Прямо сиамские близняшки из «Семейки Адамс». Мы будем называть их Мисс Гадюка и Мисс Улыбка, – Диана сделала большой глоток пивной пены и со стуком поставила кружку.

– Да нет, на близнецов они точно не похожи. Странно, что Ирина, такая красивая, изящная, подружилась с кем-то столь отталкивающим на вид, как Ангелина.

– В этом идея. Вот теперь и ходят – Снежная Королева и ее дрессированная карлица.

Я кивнула, отпивая глоток. В другое время я бы озабочилась дальнейшей жизнью отдела, но сегодня кроме субботнего свидания меня ничего не интересовало.

– Оставь это, – Диана с досадой поморщилась.

– О чем ты?

– Ты рисуешь пальцем на столе букву «Р».

– Между Ярославом Борисовичем и буквой «Р» нет никакой связи, – упрямо возразила я.

– Иногда ты сбиваешься и называешь его Роланд. В том числе и в лицо. А он даже не замечает. Он вообще тебя не замечает. И никого вокруг. Чувак надежно застрял в собственном мире.

Я пыталась подавить рвущийся из сердца триумф, но губы уже растягивались в улыбке.

– Только не думай говорить мне... – напряглась Диана.

– Он внимательнее ко мне, чем тебе кажется, – не выдержала я.

– Знать не хочу.

– Мы идем на свидание в субботу!

Диана суетливо глотнула пива и закашлялась. Мне пришлось постучать ее по спине.

– Ты с ума сошла? С кем и во что ты ввязываешься?

– Да, я понимаю, что он мой начальник, и...

– Это не главная ваша проблема, поверь мне. Больше одного неадекватна на одну пару – бесперспективно и неприлично. У тебя и с Ярославом ничего не получится, и Эрика потеряешь.

– А что Эрик? Свет не сошелся клином на моем соседе, – я хотела говорить уверенно, но получалось с панической нотой, будто у меня на щиколотке повисла маленькая зубастая собачка. – У меня с ним ничего нет.

– Да вы живете как муж и жена, – фыркнула Диана. – Разве что не спите вместе.

– Ты не можешь за меня решать, какие и с кем у меня отношения, – помрачнела я.

– Конечно. Мы все вправе испоганить свою жизнь. Но мне хотелось бы, чтобы ты этого не делала.

– Почему все постоянно мне что-то внушают?

– Эрик-то что тебе внушает?

По правде, после того позорного инцидента в коридоре Эрик ничего не внушал мне, кроме стыда и слабого чувства ужаса. Я старательно избегала его. Если мы сталкивались в коридоре, я спешила удалиться. Включала воду, когда он стучался в дверь моей квартиры, притворяясь, что я в ванной. Вчера я встретила его в магазине. Он предложил понести мой пакет. Я ответила, что пачку прокладок и ватные палочки способна донести самостоятельно. Он усмехнулся себе под нос и отошел. Я чувствовала, что он поступает со мной как с Деструктором, когда тот начал курить – предлагает мне самой сделать правильные выводы. И почему-то это бесило меня до белого каления.

– Вот Аля расстроится. Она уже видела тебя своей невесткой.

– Нужны ей такие убогие невестки.

– Твой комплекс неполноценности так запущен, что требует хирургического лечения.

– А ты грубиянка, Диана! Бросаешь людям правду прямо в лицо!

– Да, я грубиянка, – пожала плечами Диана. – Видишь, я способна озвучить и свои собственные недостатки.

– Поклянись мне не передавать содержание нашего разговора Але. Она немедленно примчится ко мне.

Диана мрачно прищурилась.

– Клянусь членом отца моей дочери.

В пятницу я проснулась с пониманием, что очередного краха я не переживу. Из удачных свиданий у меня было разве что одно с Эриком, но саму идею свидания с Эриком можно назвать неудачной. К счастью, платье на субботу имелось. Темно-голубое, атласное, которое я купила в попытке подняться с эмоционального дна и еще не успела «выгулять».

По пути на работу, опасно скользя по наледи, я беспокоилась только о том, что с переломом не смогу пойти на свидание с Роландом.

Некоторое время я пыталась сосредоточиться на подборе консультантов для компании «Натюрлих», но сдалась паранойе и набила в Гугле: «Как влюбить в себя мужчину на первом свидании?»

«Первое: ты должна выглядеть ярко и неотразимо, как райская птичка. Но избегай излишеств».

Значит, розовое боа и стринги с блестками не подойдут.

«Веди себя так, чтобы ему было легко и свободно».

Тогда мне придется вести себя как ноутбук.

«Проникнись его интересами».

Попытаюсь сделать вид.

«Говори ему комплименты».

О, Роланд... вы крайне скрупулезный руководитель.

«Будь ранимой».

Я зарыдаю, если он еще раз назовет меня Роксоланой.

«Не болтай лишнего».

Не просите невозможного.

«Будь собой».

Как я могу быть собой, разодетая как попугай, судорожно пытаюсь найти грань между дружелюбием и фамильярностью, одновременно сохраняя на лице фальшивое выражение интереса?

«И последнее: чтобы поддержать зародившуюся влюбленность мужчины, будь все время разной. Меняй стиль одежды, прическу, постоянно работай над своими образами».

Тогда Роланд вообще никогда меня не запомнит. Кажется, последний совет несколько противоречит предыдущему... Или они имели в виду, что я должна быть разной собой?

Остаток рабочего дня я провела, рассматривая фотографии знаменитостей в купальниках и пытаюсь решить, намного ли я толще их. Среди прочего я нашла фотографию беременной Сальмы Хайек и несколько утешилась.

Эрик застучал меня, когда я стояла возле двери своей квартиры и пыталась отыскать в сумке ключ, затерявшийся среди тысячи ненужных мелочей.

– Соня, что между нами происходит?

– Ничего, – я улыбнулась непроницаемой улыбкой рекрутера, обещающего неудачливому кандидату: «Мы вам перезвоним».

– Ты сердишься на меня? Я тебя как-то обидел?

– Нет, все хорошо, – да где этот проклятый ключ! Из сумки выскочил тампон и покатился по полу, но Эрик пытался

поймать мой взгляд и не заметил.

– Мы могли бы сходить в кино.

– Да, но сейчас в прокате не идет ничего интересного, – возразила я, как будто знала, что там идет.

– Тогда посмотрим фильм у меня дома.

– Да, но я целый день провела за компьютером. В глаза как песку насыпали.

– Тогда давай просто поужинаем. Я чего-нибудь приготовлю.

– Да, но сегодня в офисе мы отмечали день рождения одного из сотрудников, и я набилась под завязку.

– Или...

Я наконец нащупала ключ и вставила его в замочную скважину.

– Эрик, – твердо произнесла я, – я очень устала и хочу побыть одна.

Я вошла в квартиру, но его взгляд, обжигающий мою спину между лопаток, заставил меня обернуться.

– Деструктор спрашивал о тебе.

– Скажи ему, что я тоже о нем спрашивала, – попросила я и закрыла дверь.

И вдруг почувствовала лютное, иссушающее одиночество. Как на картине Крамского «Христос в пустыне». Я выпила стакан воды, но во рту было горько от сожаления. У Эрика был такой расстроенный вид. И зачем Деструктор спрашивал обо мне? Не соскучился же он, в самом деле. Как я объ-

ясню Эрику, куда направляюсь в субботу? Хотя с какой стати я должна отчитываться перед соседом? А если... хватит, я не должна об этом думать. Я достала из сумки флакон духов, который купила за бешеные деньги в дополнение к платью, и побрызгала грудь и шею. Мое настроение не исправилось. Я просто начала лучше пахнуть.

Когда мое страдание достигло высшей точки, я отправилась в кухню и испекла Эрику и Деструктору пирог, но отнести не решилась.

В субботу меня разбудил зуд. Поднявшись, я обнаружила аллергическую сыпь, проступившую на коже там, где я обрызгала ее духами, и испытала жесткую паническую атаку. Начинается. Достаточно намаываясь даже не с семьей, а с семьюдесятью семью гномами, я отказывалась понимать, почему теперь не могу спокойно получить своего принца. Что будет дальше? Кишечная инфекция? Или я подавлюсь кусочком форели и Роланду придется делать мне трахеотомию? Или Роланд влюбится в официанта и сбежит с ним прочь от меня? Или, пока мы будем сидеть в ресторане, к нам подойдет сыроед Арсений и расскажет, какая у меня большая вагина?

– НУ ПОЧЕМУ СО МНОЙ ВСЕ ВРЕМЯ ЧТО-ТО СЛУЧАЕТСЯ?! – возопила я, обращаясь к своему отражению.

Но отражение корчилось в муках и не отвечало. Давясь всхлипами, я попыталась замазать сыпь тональным кремом, но так она выглядела еще хуже. Пришлось влезть в черное за-

крытое платье с высоким воротником. По фигуре платье сидело хорошо, но придавало мне такой вид, словно я отправляюсь на похороны в качестве основного участника. Чтобы разбавить заунывный черный, я навесила на грудь серебряную брошку в виде бабочки и, отойдя на шаг, мрачно посмотрела на себя. Да уж, птичка. Ворона кладбищенская.

Роланд заехал за мной в половине восьмого, как и обещал в сообщении накануне (должно быть, мой номер телефона он раздобыл в офисе). Машина у него была большая и серебристая, сам Роланд тоже в серебристом костюме. Оба – автомобиль и его владелец – выглядели дорого, роскошно и неуместно в нашем обшарпанном дворе.

– На вас чудесный наряд, София. Вот только брошь явно лишнее.

– Извините, – я сорвала брошь и бросила в сумку.

– Я отпустил шофера, все-таки выходной.

Роланд сам сел за руль. Я устроилась на соседнем сиденье и окаменела от счастья.

Спустя час мое лучезарное настроение несколько увяло. Роланд тащился по улицам города со скоростью среднестатистического земляного червя, засыпая возле каждого светофора, пока машины позади нас не начинали сигналить.

– Аккуратность вождения превыше всего.

Чего уж там, даже мошки не пострадали, медленно, ослабленно сползая по ветровому стеклу.

Наконец мы добрались до заждавшегося нас столика. Ро-

ланд вежливо выдвинул мне стул, и я села, осторожно осматривая зал, оформленный в греческом стиле. Даже с колоннами. В пафосной обстановке я сразу как-то сникла.

Официантка в длинной тоге принесла меню.

– Вы что-нибудь выбрали? – спросил Роланд.

Я так ошалела от цен, что не сразу смогла ответить.

– На ваш вкус, – «Стакан воды и салфетку на закусь».

Официантка приняла заказы и ушла, оставив нас наслаждаться сомнительной радостью общения друг с другом. Я бросила неуверенный взгляд на Роланда, чье лицо как будто потеряло симметричность, и вдруг поняла, что он до крайности смущен и не знает, куда себя деть. Изнемогая от желания помочь, я предприняла попытку завязать разговор на относительно нейтральную тему:

– Какую музыку вы слушаете, Ро... Ярослав Борисович?

– Я слишком занят, чтобы слушать музыку, – он развернул причудливо сложенную салфетку и стиснул ее.

– Может быть, кино привлекает вас больше?

– Предпочитаю видеозаписи деловых тренингов. Из последних просмотренных – «Развитие ресурсов руководителей в области управленческой коммуникации» и «Инструменты формирования лояльности менеджеров среднего звена».

– Наверное, безумно интересно, – с сомнением произнесла я.

– Вполне, – Роланд начал сворачивать салфетку в трубоч-

ку.

– А книги? Что вам нравится читать?

– Я предпочитаю классическую литературу...

Я затаила дыхание...

– ... по бизнес-планированию. Ну а вы? У вас есть... хм... любимые авторы?

На этот вопрос мне следовало отвечать с осторожностью. «Джоанна Линдсей. Хотя у Николь Джордан эротика позабористее». «Джеймс Хэрриот. Он описывает свою ветеринарную практику, поэтому за завтраком читать не стоит – слишком много о том, как он запихивал руку в коровьи матки». «Джеральд Даррелл – в его книгах все бухают. Это мне импонирует».

– Эрик Берн, психолог, – нашлась я. – Он пишет о жизненных сценариях, которые мы перенимаем у родителей. Я теперь как увижу неврастеника, так сразу думаю, что у него вся семейка ненормальная.

Роланд вздрогнул.

– Вы видите неврастеника? Я неврастеник?

– Нет, – смутилась я. – Вы не неврастеник. То есть я думаю, что это все неправда, то, что говорят о вас люди.

– Люди говорят обо мне? – Роланд оторвал от салфетки полоску.

Как ему это удалось? Она была не бумажная, а из плотной крепкой ткани.

– Даже если вы немного странный, они недостаточно ком-

петентны, чтобы ставить вам диагноз. Для вынесения окончательного вердикта требуется психиатр.

– Я странный? Мне нужен психиатр?

Лицо у Роланда стало в полтора раза длиннее обычного. Что я несу? Кто-нибудь, выведите меня отсюда!

– Ну не то чтобы вы очень странный, – попыталась я исправиться. – Бывают придурки и похуже. Я с такими встречалась! Хотите, расскажу?

Я была близка к потере не только Роланда, но и работы, но меня спас невесть откуда выпрыгнувший пухлый полосатый мужчина, схвативший Роланда за галстук и таким образом переключивший его внимание на себя.

– ТЫ! – завопил Полосатый с яростью бабуина.

– Ты? – удивился Роланд. – Что ты здесь делаешь? Разве ты не занят поисками новой работы?

– Да вот решил покуражиться напоследок, – процедил Полосатый.

Собственно, полосатой была только его рубашка, сам же он изрядно раскраснелся. Шея стала, как у индюка. На круглой лысине блестели капли пота. Я бы предположила, что он нетрезв, но исходящий от него густой алкогольный запах не оставлял места для предположений.

– И теперь, раз ты мне попался, я действительно развлекусь по полной. Еще никто... ни один... не смел уволить меня! Тем более такой малахольный, как ты!

– А я должен был терпеть твои махинации? – ледяным

тоном осведомился Роланд, безуспешно пытаясь освободить свой галстук. – Позволить тебе спроваживать наших лучших клиентов к конкурентам? Тебя ждет судебный процесс. Ты проиграешь в десять раз больше, чем получил!

Полосатый яростно всхрюкнул и дернул за галстук. Роланд схватился за шею, розовея от удушья. Подошедшая официантка грохнула на наш стол тарелки и побежала, пугаясь в тоге и отчаянно призывая:

– Охрана!

Сразу набежали квадратные охранники с толстыми ножами и ручками по углам, похожие на карточных солдат из «Алисы в Стране Чудес». Но Полосатый взревел:

– Стоять на местах! Еще один шаг, и я... и я его... – свободной рукой он схватил соусник и занес его над Роландом, как дамоклов меч, – ...испачкаю.

– Стойте где стоите! – захрипел Роланд. Глаза его расширились от ужаса. – Нет, ты не сделаешь этого.

– Сделаю, – зловеще пообещал Полосатый. – Мне нечего терять, Ярослав. С работы ты меня уже уволил. Ну посадят на пятнадцать суток за хулиганство. Но что станет с тобой? Представь себе жирный соус, стекающий по твоей груди. Тебе придется терпеть его на протяжении всего пути домой. Твой костюм уже не удастся спасти. Даже твое нижнее белье окажется запачканным. Еще месяц ты будешь повсюду ощущать кисло-сладкий удушающий запах и вспоминать, как я поставил тебя в неловкую ситуацию. Это заставит твою шат-

кую крышу съехать окончательно. Ты потеряешь должность, состояние и престиж. Твоя жизнь будет разрушена, Ярослав.

– Нет-нет-нет, – Роланд замотал головой, покрываясь нездоровой бледностью.

Кто-то из охранников хихикнул, не оценив трагичности происходящего. В этот момент я поняла, что только я способна спасти Роланда от загрязнения, тогда как остальные намерены досмотреть шоу до драматического конца. Прямо как римские патриции на гладиаторских боях!

Протянув руку, я потрогала потную спину Полосатого и робко начала:

– Послушайте, вам не обязательно так расстраиваться.

– Легко вам говорить, – огрызнулся Полосатый. – Это не вас выперли с работы.

– Несомненно, меня выгонят со дня на день. Я же такая тупая, – примирительно произнесла я. – А вам повезло: перед тем, как получить пинок под зад, вы успели как следует ограбить свою компанию. Каждый офисный работник мечтает об этом. А я что смогу? Если только стырить пару ручек.

– А ты раньше не тырила?

– Нет, я боялась, вдруг заметят.

– Тащи сколько хочешь, их не считают. Я даже пару компьютерных кресел вынес, – похвалился Полосатый.

– Но как? – поразила я. – Там же турникеты. И охранники.

– Не время объяснять: я угрожаю соусником твоему на-

чальнику.

– Я могла бы позже найти вас в «контакте», чтобы обсудить ваш опыт в более спокойной обстановке?

– София, – просипел Роланд. Глаза у него закатывались то ли от удущья, то ли от тематики нашей с Полосатым беседы. Некоторые из людей за столиками подошли поближе для удобства наблюдения. Если бы Роланд был политиком или поп-звездой, он бы сделал себе карьеру на этом скандале.

– Он грозитя подать на меня в суд, – напомнил мне Полосатый.

– Вряд ли он осмелится, увидев, как решительно вы обращаетесь с соусником, – возразила я.

– Да, возможно, – протянул Полосатый. – Но теперь ни одна компания не возьмет меня на сопоставимую должность – обязательно докопаются до причины увольнения.

– Может, оно и к лучшему, – оптимистично предположила я.

– Да чего ж хорошего?

– Что, если это намек от высших сил, что вам пора сменить сферу деятельности? Начать работать на себя. Наверное, вам и самому надоело каждый божий день по любой погоде тащиться в офис...

– Ужасно. Бывает, с утра и косяк не успеешь выкурить.

– И как ни бейся, как высоко ни взбирайся, всегда над вами десять начальников.

– Да уж, так и хочется иногда взять соусник и замочить

их всех.

Роланд вонзился в соусник диким взглядом.

– Если вы не будете ходить в офис, вы сможете целыми днями разгуливать в трусах. Чего уж там, даже если вы заведете собственное дело, вы сможете ходить в трусах, потому что вы будете начальником! А подчиненные пусть смотрят – вы же им деньги платите!

– Наконец-то и я потрясу перед кем-то задницей. А то десять лет чужие лизал. Но у кого я буду воровать?

– Укрывайтесь от налогов, – нашлась я. – Воруйте у государства.

– Это будет как повышение, – мечтательно протянул Полосатый.

– Да! И вас никогда не поймают, ведь у государства можно тырить сколько угодно. А еще, если вы не будете работать в офисе, вы сможете квасить каждый день!

– Это чудесно, – рука с соусником опустилась. – Мне не терпится приступить к созданию собственного дела. Но чем именно мне заняться?

– Прислушайтесь к своему сердцу. Что оно говорит вам?

– Ну, мне всегда хотелось открыть порно-сайт с платным контентом или заниматься массовой рассылкой спама в Интернете, – застенчиво признался Полосатый.

– Ничто не мешает вам одновременно заниматься и тем, и тем! – торжественно изрекла я. – Просто следуйте за своей мечтой! И вы увидите, как вся ваша жизнь преобразится и

наполнится новым смыслом.

– Приятно поболтать с умной девочкой. А то шлюхи все тупые как пробки, – отпустив галстук Роланда, Полосатый развернулся ко мне, ослепив редкозубой улыбкой.

Роланд поднялся и пригладил галстук нервными руками. К завершению испытания его лицо стало бледно-зеленого оттенка.

– София, что-то у меня аппетит пропал.

– У меня тоже, – угодливо соврала я.

– Тогда я все сожру, – вмешался Полосатый. – Вы же оплатите?

На улице Роланд посмотрел на меня новым, как будто бы даже видящим взглядом.

– София, вы меня поразили.

– Ярослав Борисович, не верьте в то, что я наговорила! Я просто пыталась отвлечь этого типа...

– Ваше моментальное понимание ситуации, дипломатический такт и чуткость к эмоциональному состоянию оппонента позволили вам с честью выйти из щекотливого положения. Именно эти качества я хотел бы видеть в своей супруге.

– В вашей... что?

– Прогуляемся, – он устремился по аллее.

Остановившись в темном промежутке под разбитым фонарем, Роланд раскрыл мне свои планы.

– Мне тридцать два года, София. Возраст, когда состоявшемуся человеку полагается вступить в брак.

– А вам что-то мешает? – опасливо уточнила я.

– Недостаток времени. На свидания его уходит непозволительно много, София. К тому же удачное свидание не гарантирует успешности совместной жизни.

Голос Роланда звучал размеренно и отрешенно. Как тиканье часов. Тик. Так. Тик. Так. Беседа же сворачивала в совсем странное русло, и мои ноги странно отяжелели, как будто я залпом выпила стакан водки.

– Я все еще не понимаю, при чем здесь я, Ярослав Борисович.

– Я предлагаю вам пробные отношения. То есть вы переживаете ко мне, и некоторое время мы проверяем нашу совместимость. Если мы окажемся способными ко взаимно удовлетворительному сосуществованию, мы заключим официальный брак.

Проезжай мимо ослица во фраке, верхом на моей матери, я обалдела бы меньше.

– Но... почему именно я? Я обычная ассистентка.

– Именно. Мне нужна супруга-спутница, которая всегда будет рядом со мной в нужное мне время. Женщина, озабоченная собственной карьерой, не соответствует моим требованиям.

– Но... вы уверены, что я вам нравлюсь?

– Достаточно, чтобы рассмотреть вашу кандидатуру на дол... роль моей жены. Я все еще не услышал вашего ответа. Если вы отвергаете мое предложение, мы оба забываем о

нем и спокойно возвращаемся к работе.

«Такое забудешь только после трепанации».

– А если я согласна... когда я должна к вам переехать?

– Сегодня вы уже не успеете собраться. Значит, завтра.

Завтра я перееду к Роланду и, возможно, никогда больше не увижу Эрика. Никакой пиццы на ночь. Никаких фильмов, которые мы смотрим потому, что они такие плохие, что это даже хорошо. Никаких подколов от Деструктора.

– Я не могу завтра, – сказала я.

– В понедельник?

– Не пойдет. Тяжелый день.

– Во вторник?

– К сожалению, до конца следующей недели я занята.

Роланд задумчиво сощурил глаза.

– По вечерам после работы я участвую в многодневном тренинге личностного роста, – соврала я.

– И как вы оцениваете его эффективность?

– Да вот только начала, а директор уже намекает на повышение до его жены.

– Значит, эффективный.

– Наверное.

– Что насчет следующей субботы?

– Знаете, так хочется выспаться...

– В воскресенье?

Отпираться дальше было уже просто неприлично, и я выдавила:

– Да.

Роланд извлек из кармана длинную шпаргалку и, сощурившись, начал читать, подсвечивая циферблатом наручных часов.

– Правила межполового этикета предписывают мне поцеловать вас и подвезти до дома. У вас не возникнет чувства обиды, если я сразу перейду ко второй части?

– Нет, – ответила я, и с Роланда словно сняли тяжелую поклажу. Он даже улыбнулся.

– Жду вас в следующее воскресенье, – напомнил он, когда машина остановилась у моего дома. – В двенадцать за вами заедет машина.

– Ро... Ярослав Борисович... наши отношения... они не повредят вам в компании? – тихо задала я вопрос, над которым думала всю дорогу.

– Предварительно я получил одобрение гендиректора.

– И что конкретно он сказал?

– «Слава, давно пора, а то я уже начал про тебя кое-что думать».

– Да? – я нервно растянула губы в улыбке.

– Что он начал обо мне думать? – недоуменно пробормотал Роланд.

Последующая неделя, кажется, состарила меня лет на пять. Перепады настроения и самочувствия создавали ощущение, будто я сижу на седативах и стимуляторах одновременно. Роланд, случайно встретившись в недрах «Синер-

джи», надолго выводил меня из равновесия, хотя никак не подавал виду, что помнит о нашем разговоре в субботу.

С одной стороны, его предложение было не более романтическим, чем доставка нового ксерокса в офис. С другой стороны, в одном романе удачный впоследствии брак начался с того, что главный герой-викинг перебил всю родню главной героини. А это, что бы ни твердило мне сердце о моей матери, еще хуже. И вообще ситуация типична для романа – он суровый лорд, я пастушка-простушка. По воле судьбы мы оказались опутаны формальными узами, но постепенно, на фоне белоснежных усадеб, балов, толпы прислуги и злодейских интриг между нами расцветает настоящая любовь.

А может быть, я узнаю, что у него была первая жена, которая умерла в попытке родить первенца, и с тех пор у Роланда на душе страшные раны, которые я заживлю слезами, нежностью и мазью «Спасатель». Или выяснится, что его мать была страшной распутницей, покинувшей его, когда ему было пять, после чего он потерял доверие к женщинам, но я своими верностью и добротой заставлю его поменять свое мнение. Или...

Я витала в облаках. Люди попадали в психушку и в менее оторванном от реальности состоянии.

На работе все шло как обычно – то есть постепенно становилось хуже. Ирина и Ангелина сковали себя единой цепью вседозволенности и произвола, Аня отчаянно хотела стать третьей. Диана ушла в себя и не выходила на свет божий (мне

было известно, что втихую она ездит на собеседования, но пока ей не удалось найти ничего для себя подходящего).

Вечерами, если не получалось придумать причину для отказа, я выходила прогуляться по холодку с Эриком и отчаянно изображала, что все в порядке, не решаясь сказать правду. Эрик все чувствовал и напряжение между нами росло. Каждый вечер я пекла пироги, которые затем скапливались в холодильнике потерявшего аппетит Эрика. Прекратить печь я не могла, потому что мне было чудовищно стыдно. Деструктор вдруг притих. Он отставил насмешки и начал приходить в мою квартиру чтобы просто посидеть.

В воскресенье я встала в восемь утра, повыбрасывала остатки продуктов, выдернула все вилки из розеток и начала собирать вещи, двигаясь по квартире как сомнамбула. В одиннадцать, открыв дверь своим ключом после серии безнадежных звонков, вошел Эрик и замер, молча следя за мной взглядом, как будто у него подходящих слов не было.

– Эрик, я переезжаю к Роланду.

– Странная шутка, – выдавил он.

– Я действительно уезжаю. Ему следует жениться. Я должна выйти замуж. И мы решили попробовать вместе.

– Звучит как идеальная предпосылка к семейному счастью.

– Не будь пессимистом.

– Соня, ты действительно возьмешь и уедешь? Ты же его не любишь.

– Я люблю его много лет, Эрик.

– Чужого человека, о котором ты почти ничего не знаешь?

– Вот и познакомимся, – горько усмехнулась я, складывая в дорожную сумку лифчики. Они все были белые, это раздражало. Мне самой не хватало огня. Или смелости.

– Ты говоришь глупости, – раздраженно бросил Эрик.

– Он мне нужен! – яростно возразила я.

– Он тебе не нужен! В глубине души ты сама это знаешь.

– А кто, по-твоему, мне нужен? Клоуны, с которыми я хожу на свидания? Мама, которая крушит мне мозги? Диана, которая теперь на меня и не смотрит? – во мне словно разжалась пружина, и на глазах выступили слезы.

– Я.

– Как скромно.

– Никто в этом городе не подходит тебе лучше, чем я.

– Конечно. Ведь твоя мания величия отлично компенсирует мой комплекс неполноценности.

– Ладно, – решился Эрик. – Если ты хочешь замуж, то выходи за меня. Это несколько поспешно, но вряд ли мы пожалеем о своем решении.

– Благодетель ты мой. Береги тебя господь! – рассмеялась я. – Да что же это творится – одно предложение лучше другого!

– Я абсолютно серьезен.

– Гомер Симпсон у тебя на майке несколько расхолаживает.

– Тогда я сниму ее.

– Нет уж, спасибо. Лучше ответь мне, как так получается, что мое согласие на предложение Роланда ты находишь нелепым, а сам предлагаешь руку и майку женщине, с которой даже не жил вместе.

– Мы более полугода прожили практически бок о бок.

– Не в этом смысле.

– А в каком? Насчет твоей вагины я не сомневаюсь, что она нормальных размеров.

– Твой сын воспринимает меня в штыки.

– Мой сын к тебе привязан. Он просто вредный мальчишка, который никогда в этом не признается. Соня, хватит спорить. Берем паспорта и идем подавать заявление. К счастью, в нашем возрасте не потребуется справка о беременности и присутствие родителей.

– Вот именно – в нашем возрасте! Тебе всего двадцать два! А мне тридцать!

– Двадцать три.

– О, это круто все меняет, – заверила я с сарказмом.

– Дело не в моем возрасте, а в твоих предрассудках, – Эрик покраснел от гнева. – Ты придумала себе некий иллюзорный нежизнеспособный образ и ждешь, когда появится тот, кто ему соответствует. Игнорируя чувство ко мне только потому, что я не похож на твою фантазию!

– Зато Роланд похож! – воскликнула я.

– Роланд похож на тех типов, которых описывают в учеб-

никах по психиатрии, – отрезал Эрик.

– Ах, ты начал оскорблять его! Тогда я уйду! Прямо сейчас!

– Если предложение пожениться не сработало, мне остается только привязать тебя к стулу.

– А может, этого я и хочу – чтобы ты привязал меня к стулу, – сникла я.

– А может, это именно то, чего не хочу я – знать, что ты остаешься со мной только потому, что я не позволяю тебе уйти.

– Тогда попросишься со мной, – прошептала я. Голос совсем пропал.

– Соня, – Эрик взял меня за руку, – у меня уже была жена. И я только и слышал от нее: «Я могла бы быть в Париже, но я здесь, с тобой. Я могла бы быть в Нью-Йорке, но я здесь, с тобой». Каждый день она тонула в сожалениях и размышляла, что, если. Когда человек не может определиться, нужен ли ты ему, сомневаясь изо дня в день и из месяца в месяц, – это унижительно. Это разъедает.

Я посмотрела в его глаза. Они были такие синие, что едва верилось.

– Я не могу определиться, Эрик. В этом моя проблема. Либо я уйду сейчас, либо останусь здесь думать «что, если».

В его взгляде я увидела невысказанное «Тогда иди», но затем он поцеловал меня. Это было совсем легкое прикосновение, но для меня весь мир опрокинулся. И я тоже, неук-

люже повалившись на диван поверх трусов и маек. Ладони Эрика скользнули по моим волосам, и свет вдруг сменился бархатной темнотой – или же я просто закрыла глаза. Кончики его пальцев плыли по мне, как блики по сверкающей воде – по щекам, шее, ключицам, груди. Я почувствовала его щекощущее дыхание возле уха, и мне стало так хорошо, что... я поняла, что пора с этим заканчивать. Мгновенно я вывалилась из бархатного мира и, тяжело дышащая, в расстегнутой блузке, скатилась с дивана на ковер.

– Нет! Хватит! Нельзя! – в моей голове пульсировало: «Роланд. Роланд. Роланд».

Приподнявшись, Эрик посмотрел на меня со скорбной кривой ухмылкой. Кто-то нажал на звонок, и резкая, бьющая по нервам трель заставила нас вскочить.

– Это шофер, за мной, – кое-как я затолкала, утаптывая ногой, оставшиеся вещи в сумку и поволокла ее к выходу.

– Мне нужно попрощаться с Игорьком, – крикнула я из коридора, наконец вспоминая про необходимость застегнуть пуговицы.

Поднявшийся шофер взял мою сумку и проследовал к лестнице.

– Он во дворе, перед домом, – Эрик вышел из комнаты и прислонился к стене, не глядя на меня.

– Закроешь дверь. У тебя есть ключ.

Я сбежала вниз по лестнице.

Сгорбившись, Деструктор сидел на бортике в песочнице.

– Я уезжаю, Игорек, – тихо сказала я, приблизившись к нему и пытаясь поймать его взгляд.

– Я знал, что ты это сделаешь, – скрипучим голосом произнес Деструктор.

У него было такое неприступное лицо. Маленький свирепый воин.

– Не расстраивайся. Я буду...

– Ничего не надо. Я не расстраиваюсь. Ты была просто нашей соседкой.

Я потянулась к нему, но он раздраженно дернулся.

– Не трогай меня.

Они захлопнулись, будто ракушки – отец и сын. По-собачьи понурившись, я побрела к машине.

Я села на заднее сиденье и отвернулась к окну, чтобы водитель не видел моего лица. Меня не оставляло ощущение, что я совершила предательство. Почему? Я не встречалась с Эриком. Я не обещала Деструктору, что стану его новой мамочкой, и даже, помнится, обещала обратное. Но кто теперь будет зашивать майки Деструктора? Если он будет выглядеть неряшливо, над ним начнут смеяться в школе. Надеюсь, Эрик будет варить ему супы, хотя бы иногда, это полезно для желудка. Кстати, с кем теперь будет гулять по вечерам Эрик? Он же испортит себе глаза, неотрывно сидя за компьютером... Подобные мысли впивались в мой мозг и застревали в нем, как иголки. Я все еще отчетливо помнила медленные томящие прикосновения Эрика. Переспала бы с

ним и не мучилась, а потом поехала к Роланду. Я могу со-
срать шоферу, что забыла что-нибудь и, вернувшись, про-
должить начатое... Хотя вряд ли Эрик согласится. О чем я
думаю!

В воздухе реяли белые мушки. Когда я стерла слезы, я по-
няла, что это снег. Первый в этом году. Снег падал и падал.
К тому моменту, как мы доехали, земля скрылась под слоем
белой крошки.

Роланд жил в центре, на одиннадцатом этаже громадного
жилого комплекса. В подъезде стояли растения в кадках и
висели картины, а в лифте не пахло мочой, и я подумала, что
это здорово, пусть и не способно улучшить мое настроение.

Роланд вышел на лестничную клетку. На нем были легкие
рубашка и брюки его любимого серебристо-серого оттенка.

– Здравствуйте, София. Как вы доехали?

Глаза у меня наверняка были красные, но он не заметил.
Я стояла на площадке как бедная родственница.

– Входите, – пригласил Роланд, и мне захотелось развер-
нуться и убежать.

«Кто не рискует, тот не пьет шампанского», – попыталась
подбодрить себя я. И много еще чего не делает. Не погибает
на вершине Эвереста, например.

В квартире Роланда явно поработал достойный ненависти
дизайнер. Все было белое – пол, мебель, стены. Идеальное
место, чтобы наконец собрать слово «вечность». В каждой
из трех комнат царил удивительный порядок. Никаких без-

делушек, брошенных на кресле книг, пустых кружек на столе. Пустота и простор. Я ощутила острую дисгармонию с обстановкой, как будто меня забыли убрать. Захотелось сжаться и исчезнуть.

– Располагайтесь. Вещи вы можете сложить в шкаф в спальне. А мне нужно поработать, – Роланд скрылся в кабинете, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Раскладывая вещи по полкам, я нервно оглядывалась на кровать, застеленную бело-бежевым покрывалом. Поверить не могу, что можно спать рядом с этим человеком, не получив отморожение. Роланд и секс – возможно ли получить их одновременно? Простота Эрика, которую я не всегда одобряла, сейчас казалась мне крайне привлекательной.

Не сдержав нездоровое любопытство, я заглянула в шкаф с вещами Роланда. Сбылись худшие опасения Дианы – он раскладывал носки по цветам и держал их в отдельном от трусов ящике. Трусы, кстати, все были белого цвета – надеюсь, это облегчит их знакомство с моим бельем. Все на своих местах. Рассортировано по сезону и цвету. Даже на дне шкафа ничего не валяется. Да человек ли он?

Я изучила книжную полку. Как и следовало ожидать, она была заставлена скучнейшими книгами по бизнесу, среди которых робко притулилась «Приручи своих драконов». Я бы добавила что-нибудь вроде «Как есть шаурму. Курс для начинающих» и «Теория и практика мочеиспускания в чистом поле». Ну что-нибудь, что способно превратить его в

настоящего мальчика.

Далее я переместилась в белоснежную кухню, где обнаружила холодильник, набитый продуктами. Вряд ли Роланду нужно было так много, значит он как минимум вспомнил, что меня надо кормить. Мне стало немного легче. Он продолжал работать, хотя я уже успела основательно заскучать. Как бы убить время? Попробую проложить путь к сердцу моего принца через желудок... хотя в наличии сердца я не уверена.

Роланд завершил работу только в половине десятого вечера. К тому времени на кухне его ждал круглый аккуратный торт с белым кремом.

– Кусочек? – подлетела я.

– Один. Маленький, – вяло согласился Роланд, глядя на торт с настороженностью.

Пока он поглощал торт, отламывая крошечные кусочки маленькой ложечкой, я пытливо всматривалась в его непронацаемое лицо.

– Спасибо. Очень вкусно, – Роланд вытер губы салфеткой. – Но впредь я попросил бы вас не готовить столь богатую простыми углеводами пищу. Я склонен к полноте, поэтому по вечерам придерживаюсь белкового питания, ужиная не позднее, чем за три часа до сна.

– А во сколько вы ложитесь спать? – я с трудом отвела полный сомнения взгляд от его подтянутой стройной фигуры.

– В одиннадцать.

В одиннадцать мы пойдем в постель... совсем скоро.

Тем не менее мне хватило времени, чтобы издергаться до скрежета зубовного. Мечта вот-вот должна была исполниться, а я вдруг захотела, чтобы она исполнилась в какой-нибудь другой день. Усердно игнорируя терзающие меня сомнения, в ледяюще-белой ванной комнате я тщательно побрила ноги, увлажнила кожу кремом и даже уложила феном волосы. Потом переделалась в украшенную нежным кружевом ночную рубашку и побрела на потенциально-супружеское ложе как на эшафот.

– Пойдемте спать, – мягко позвал Роланд.

И мы пошли... спать. Каждый под своим одеялом. То есть Роланд заснул, а я впала в легкую кому. В конце концов я решила, что это даже мило. Как если бы средневековый феодал женился на двенадцатилетней девочке и дал ей время до завтра, чтобы немного повзрослеть. Рано отчаиваться. Я вспомнила женщин, о которых только и говорили, как им повезло – такая знакомая есть у каждой из нас, неудачниц. «У нее чудесные дети. У нее красавец муж, который зарабатывает кучу денег. У нее такая шикарная квартира». В прошлом я только гадала, почему некоторым женщинам все радости жизни как будто бы сами идут в руки. А теперь я была как никогда близка к тому, чтобы стать одной из них.

Роланд удовлетворенно вздохнул во сне. Дрыхнет без задних ног, забыв обо мне! Меня, между прочим, еще утром

отчаянно хотел двадцатитрехлетний мужчина! Хотя, может, как раз-таки дело в молодости? Тестостерон... Настроение испортилось окончательно.

Я проснулась в семь. Роланд уже отбыл на работу. Он аккуратно сложил свое одеяло, но вряд ли вспомнил, что под вторым одеялом сплю я. Пока я сидела на кухне и втупляла, что вообще происходит, меня испугал шофер, вернувшийся, чтобы отвезти на работу и меня к моему обычному времени.

Шофера Роланда звали Юра. У него были лысина, две бывших жены и трое детей, которые, как он сказал, бывшими не бывают.

Я попросила остановить не доезжая до офисной стоянки. На этом этапе наши отношения с Роландом не стоило афишировать. Снег растаял, превратившись в серую слякоть.

День прошел как обычно. Диана поздоровалась со мной, однако после и не смотрела в мою сторону. Потом я по привычке направилась к автобусной остановке, но вспомнила, что теперь живу в другом месте, и с острым чувством тоски вернулась к стоянке, где меня ждал Юра. Роланд задерживался на работе.

Он вернулся поздно. Проигнорировав запеченную мною к ужину куриную грудку (белковее не бывает), до половины одиннадцатого читал новости в Сети, затем принял душ. И мы легли спать. Снова! Как будто вчера нам было мало!

Все шло не так.

В офисе курсировал слух, что Ирина развелась со своим

итальянским мужем. В прежние времена мы с Дианой ринулись бы рьяно обсуждать это событие, но сейчас нас разделяла полоса отчуждения.

В середине дня мне позвонил Эрик. Я долго смотрела на его имя, высветившееся на дисплее телефона, но так и не ответила. Все равно я не смогла бы выдать ни слова. После позвонила Аля. Я выключила телефон и включила уже только в квартире Роланда, где мне пришло уведомление о двадцати пропущенных вызовах. Перезванивать я не стала.

В одиннадцать вечера Роланд пожелал мне спокойной ночи, но не сдержал своей страсти и исступленно прижал меня к себе, поднимая на вершину блаженства – в моей больной фантазии. На самом деле мы закутались в одеяла и повернулись друг к другу спинами.

В среду я оставила телефон дома. Я все еще не была готова ответить Эрику, а от Роланда все равно не дождешься милых сообщений вроде: «Скучаю по тебе, насколько это для меня возможно» или «Прости, что я отмороженный сверхзамороженный индивидуум, патологически не способный к установлению близких отношений».

Вечером я решила взять дело в свои руки – не подумайте чего дурного. Гугл всегда был готов поделиться советами, оставленными глупыми людьми, умеющими печатать, глупым людям, умеющим читать. Среди прочего утверждалось, что ничто так не будит в мужчине зверя, как округлые женские ягодицы. А значит, нужно демонстрировать их как мож-

но чаще, отгоняя от себя мысли о целлюлите и моржовом слое жира. «Просто сделайте вид, что вы поднимаете что-то с пола», – советовала неизвестная многоопытная. С этой точки зрения тетя Глаша, выпалывающая в поле сорняки, была верхом эротичности.

Я натянула тугие джинсы и, дождавшись прихода Роланда, обрела острейшее зрение.

– Соринка!

Мой позвоночник громко хрустнул. Роланд поморщился, но не оторвал взгляда от экрана ноутбука.

Я подошла поближе и попробовала снова:

– Нитка!

И снова ничего. Я начинала отчаиваться.

– Крошки! Много-много! – пошла я ва-банк, и на этот раз Роланд отодвинул свой ноутбук и посмотрел на меня.

– Безобразие, – сказал он. – Я рассчитаю уборщицу.

Я испугалась, что подставила человека, и, пытаясь оправдать уборщицу, не спалив при этом себя, оказалась втянута в длинный спор с Роландом. Роланд убеждал меня, что стоит гнать каждого напортачившего, поскольку в будущем он будет только прогрессировать в своей вредоносности. Я считала, что люди способны развиваться и работать над своими ошибками. Мне стало грустно, когда я поняла, что Роланд отстаивает ту точку зрения, согласно которой он неизлечим. Но хотя бы мы немного пообщались.

К следующему вечеру я подготовилась более ответствен-

но, принесла бутылку французского вина и облачилась в шелковый халат с драконом, который купила за триста рублей у бабушки в подземном переходе, о чем Роланду знать не следовало. Я так волновалась, что меня бросало то в жар, то в холод. Может, действительно поднимается температура? Я взяла градусник. Услышав звук повернувшегося в замке ключа, суетливо вскочила, покусала губы, чтобы придать им яркости, и вышла.

– Ярослав Борисович, – выдохнула я, памятуя, что имя – сладчайший звук для любого человека, и что мужчины реагируют на грудной голос.

Роланд дернулся и настороженно посмотрел на меня.

– София, что у вас с нижней губой? На ней кровь.

– Ой, – я торопливо вытерла губы. – Бокал вина?

– Вы пьете в будни?

– Я? Нет! Просто захотелось расслабиться.

– Я не приемлю сотрудников, норовящих расслабиться в середине рабочей недели, – припечатал меня Роланд.

Вот и не знаешь, как с ним говорить – как с любовником или как с директором. Пряча смятение, я неискренне зевнула, приподняла руки и потянулась. Шелковые рукава скользнули вниз, открывая внутреннюю сторону предплечий – очень соблазнительную часть женского тела, если верить Гуглу. Что-то упало и, грохнувшись об пол, разлетелось на осколки. Градусник!

– Б****, – выпалила я.

– София, вы еще и ругаетесь? – ужаснулся Роланд.

– Я сказала: «Опять». Опять я разбила градусник.

Последующие полчаса мы с Роландом ползали по полу, собирая верткие шарики ртути. Это немного сбило мой романтический настрой.

– Вы все же присядьте, – я почти толкнула его на диван, когда мы закончили с ртутью. – И выпейте. Как говорится, один раз не пи... то есть ничего не будет, с одного-то раза.

Роланд глотнул вина без особого удовольствия. Я судорожно припомнила, что в женщине мужчину привлекает умение выслушать, и спросила:

– Как прошел день? Много проблем на работе?

За неимением туфельки я попыталась эротично покачать на кончиках пальцев тапочек. Тапочек слетел с ноги и грохнулся за телевизор. Я сделала вид, что ничего не произошло. Как будто я с самого начала была наполовину босая.

– Не больше обычного, – Роланд был явно выведен из душевного равновесия.

Потихоньку, почти незаметно, я придвинулась ближе к объекту. Знающие люди утверждают, что галстук ассоциируется у мужчин с фаллосом (не знаю, верна ли эта ассоциация в обратном направлении). Поэтому прикасаться к нему нужно с особым пиететом. В смысле, к галстуку.

– Мне хотелось бы помочь вам, – я протянула руку и погладила гладкую ткань, лстиво заглядывая Роланду в глаза и мысленно иронизируя сама над собой. – Скажите, что я могу

сделать, чтобы вы немного расслабились?

Роланд странно посмотрел на меня. Я все еще гладила его галстук, уже начиная ощущать себя неловко.

– София, если вам так понравился мой галстук, я могу подарить его вам.

Кто-нибудь, стукните этого человека.

– Попробуем массаж, – бодро предложила я. – Снимайте рубашку.

– Я? – оцепенел Роланд.

– Если хотите, я тоже могу что-нибудь снять.

– Не нужно, – поспешно отказался он, расстегивая пуговицы. У него был вид человека, загнанного в угол.

Он открыл безволосый, худощавый, но с крепкими мускулами торс, и я немного подобрела. Если мужчина держит тело в форме, ему можно простить некоторые ментальные недостатки.

– Медицинского образования у вас нет, но, может быть, какой-то сертификат?..

А некоторые недостатки простить невозможно...

– Ложитесь, – рявкнула я.

Напуганный Роланд неуклюже растянулся на диване, и я взгромоздилась сверху. Опустив ладони на его гладкую спину, я задумалась, не станет ли это вершиной нашей физической близости.

– Так что случилось на работе? – спросила я, поглаживая его кожу, чтобы немного согреть.

– Вы уверены, что хотите это слушать?

– Сто процентов.

– В данный момент мы налаживаем сотрудничество с одной немецкой компанией, специфика которой в том, что...

И покатилося. Он как будто всю жизнь надеялся отыскать психопатку, которая согласится его выслушать. Я просто тонула в этом потоке слов.

– Специализированные медицинские выставки имеют большое значение, но необходимо учесть российскую действительность...

– В рамках реализации их стратегической концепции...

– Их намерение популяризировать гомотоксикологию похвально, но...

– Всем известно, что важным фактором профессионального подхода к внедрению в широкую медицинскую практику новых препаратов является...

Моя голова тяжелела и опускалась все ниже, пока я почти не коснулась губами затылка Роланда.

– София, вы спите, – донесся до меня голос Роланда откуда-то издалека.

– Разве? – обнаружив себя лежащей на диване, я посмотрела на возвышающегося надо мной Роланда.

– Уже одиннадцать. И я разбудил вас, чтобы мы легли спать.

Ночью меня пробудило его прикосновение к моему плечу.

– Да? – промычала я.

– София, – он произнес мое имя робко и неуверенно, отчего моя голова сразу прояснилась, а сердце замерло – наконец-то. – София... я все думаю о ртути в гостинной... Как вы считаете, мы умрем?

– Оно и к лучшему, – пробормотала я, зарываясь лицом в подушку.

К пятнице я ощущала, что любая египетская мумия по сексуальной привлекательности опережает меня на сто очков – хотя бы своей усохшей стройностью. С утра из зеркала на меня посмотрели усталые, тусклые глаза. Если физически я не заболела, то психологически точно.

По пути на работу Юра все время шутил, пытаюсь меня подбодрить. Посторонний человек проявляет ко мне сочувствие, тогда как потенциальный муж знай себе копается дни напролет в бумажках, как самая запаршивевшая свинья в самой смердящей луже! Снег растаял окончательно, сменившись липкой грязью, с утра обледенелой и скользкой.

В офисе Диана посмотрела на меня и молча насыпала мне на ладонь желтые шарики аскорбиновой кислоты.

«Все или ничего», – твердила я себе вечером, одна в ледяном дворце Роланда. Удастся ли мне помириться с Эриком, если я вернусь обратно в свою квартиру? Это будет непросто, я полагаю. Но пока я не должна отчаиваться с Роландом.

Поскольку драконы и вино не помогли, доведенная до крайности, я решила применить что-нибудь менее изящное. Например, мои сиськи.

Наполнив ванну водой, я села в нее и начала ждать. Роланд задерживался. Вода остыла, пришлось добавить горячей. Наконец, когда моя кожа уже совсем сморщилась, я услышала хлопок двери. Роланд! В последний момент проверяя все ли в порядке, я провела по ногам, ощутила пару торчащих волосков и, схватив первую попавшуюся бритву, ликвидировала этот недостаток.

– Ярослав Борисович! – высунулась я за дверь. – Вы не могли бы помочь мне?

– Пожалуй, – неохотно согласился он, снимая пиджак.

Он вошел в ванную, совершенно равнодушный к моей наготе, как будто только что вернулся с массовой оргии свингеров. «Хотя бы изобразил интерес», – обиделась я.

– Потрите мне спину, пожалуйста, – я протянула ему губку и развернулась, надеясь, что ягодицы привлекают его больше грудей. Приподняла волосы, открывая шею. Я была так страшно зла, что не могла даже стесняться.

Роланд коснулся моего плеча губкой и нерешительно замер. Ох, ладно. Не рассуждает об особенностях работы с немецкими фармацевтическими компаниями, и то хорошо.

– София, вы трогали мою бритву? – осведомился он сдавленным голосом.

– Нет, – быстро соврала я.

– Она лежала параллельно краю ванны. А теперь располагается под углом примерно в десять градусов.

– Какой ужас, Ярослав Борисович, – съехидничала я.

– Я резко отрицательно отношусь к совместному использованию гигиеническими средствами...

Я закатила глаза, радуясь, что он не видит моего лица.

– Вот, например, полотенца...

– А что с полотенцами? Мы пользуемся разными.

– Вы вешаете свое слишком близко к моему. И микроорганизмы переползают с одного на другое.

Я стиснула зубы. «Вы и представить себе не можете, что происходит, когда люди трахаются, Роланд».

– Что это у вас на плече? – встревожился он. – Какое-то покраснение. Это не атопический дерматит?

– Спасибо вам за помощь! – я вырвала у Роланда мочалку и выставила его вон.

Заперев за ним дверь, я устало прислонилась к кафельной стене. Что со мной такое, что я навожу мужчину на мысль об атопическом дерматите?

Я легла спать в десять. Роланд – в одиннадцать. Это было начало конца.

Всю субботу мы прослонялись по квартире, стараясь не встречаться. Я откровенно скучала. Тайра Бэнкс, чирлидеры и Сьюзен Элизабет Филлипс смогли бы поднять мне настроение, но в этом доме даже употребление героина встретило бы меньшее осуждение.

В половине одиннадцатого Роланд протянул мне бокал шампанского.

– Нам действительно нужно немного расслабиться.

Удивительно, но мне показалось, что он пытается быть милым или вроде того.

Захватив шампанское, мы переместились в спальню, где, незаметно для себя, я быстро прикончила всю бутылку, с незначительной помощью Роланда. В одиннадцать он выключил люстру и включил ночник, излучающий холодный голубой свет. Не слишком уютно для ноября. После того, как мы распили вторую бутылку шампанского, случилось чудо не меньшее, чем явление Богородицы в небе над Францией: мы с Роландом погасили ночник и занялись сексом. К тому времени у меня разболелась голова от шампанского, да еще мешал переполненный мочевой пузырь, и порой меня настолько отвлекали неприятные ощущения, что я забывала, где я, с кем и чем занимаюсь. Роланд действовал четко и последовательно, что не оставляло сомнений – когда-то, прежде чем решиться на практику, он внимательно изучил теорию и, проложив маршрут, с тех пор следовал по нему без изменений. «Вот поэтому роботы никогда не заменят людей», – думала я, наблюдая, как по потолку ползут синие тени.

Когда все закончилось, Роланд позволил моей голове полежать на его плече ровно пять минут (уверена, он отсчитывал секунды) и бросился в ванную. Пока он отсутствовал, комплексы и фобии реяли над моей головой, как воронье. Что вызвало у него такое отвращение, что после меня он отмывается уже полчаса?

– Почему мы не делали этого раньше? – спросила я, когда Роланд соизволил вернуться, уже облаченный в пижаму, закрывающую его тело от подбородка до пальцев на ногах.

– Потому что была не суббота.

– А что с субботой?

– В будни я слишком устаю на работе. В субботу же чувствую себя достаточно отдохнувшим.

– А в воскресенье?

– В воскресенье мыслями я уже на работе.

Хорошо, что он не еврей. А то шаббат лишил бы его последней возможности оставить потомство.

– Удивительно, что ты не потребовал от меня справки от гинеколога, – после свершившегося я решила наконец перейти на «ты».

– Я запросил твою карту в клинике, обслуживающей нашу компанию.

– Как я сразу не догадалась, – вздохнула я.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи с равнодушными интонациями соседок, встретившихся с ведрами возле мусоропровода. Вскоре дыхание Роланда стало редким и глубоким, а я все лежала и смотрела в темноту, вспоминая, что нужно моргать только когда глаза начинало жечь. Спустя час или больше я тихо встала, нащупала телефон и выскользнула в ванную.

Я слушала гудки до упора, пока холодный женский голос не известил меня, что абонент недоступен. Вдруг ослабев, я

присела на край ванны. Эрик был доступен всегда. Он отвечал, когда я звонила, открывал, когда я стучалась в его дверь, и приходил, когда я звала. В любое время дня и ночи. Без него разверзлась зияющая пустота, и в нее посыпались оптимизм, жажда общения, мелкие радости дня, значимость вещей и событий, все, что наполняло мою жизнь. И я осталась одна в тишине.

Слезы падали на мои колени и, разбиваясь, превращались в маленькие лужицы.

Проснувшись утром, я увидела десяток пропущенных вызовов от Эрика – он все-таки перезвонил! Вот только я вчера не обратила внимания, что звук телефона отключен... дура. Я уже решила набрать его номер, когда на дисплее высветился звонок. Я нажала кнопку «принять».

– Да, мама, все хорошо. Я больше не живу в той квартире. Я переехала к своему директору. Он ищет жену-рохлю, которая будет следовать за ним, не отвечивая, и решил, что я вполне подходящая кандидатура. Да, мама, это правда. Да, я вас познакомлю.

Она молчала пять минут, переваривая новость. Потом выдохнула:

– Доча, я невероятно за тебя рада!

Глава 13: Несчастливый Новый Год

Мне никогда не нравилась зима. Кто-то считал, что заснеженная земля похожа на невесту, но я бы сказала, что она одета в саван. Декабрь был тем более угнетающим, что за ним следовали январь и февраль.

Когда утром я выходила из дома, снег был белым, а небо черным. К вечеру все смешивалось в непроглядную муть. Блуждая по монохромной квартире Роланда, я думала, что моя жизнь растеряла краски. Да, каждый раз зимой как будто немного умираешь. Или впадаешь в анабиоз. Иначе как объяснить мою глубочайшую апатию?

Мы с Роландом, кажется, начали привыкать друг к другу. Наша совместная жизнь позволила мне узнать о себе много нового: я бросала обувь там, где ее сняла, на кухне не всегда вешала прихватки на крючки, а в ванной порой забывала закрыть тюбик с зубной пастой. Я мыла руки, приходя с улицы, перед едой, после туалета, но даже не задумывалась, что их нужно мыть и в остальное время. Примерно с интервалом в пять-десять минут. Ничего, что они все растрескались – это с непривычки. У Роланда же вон не растрескиваются. У него дубленая кожа.

Грешная, безалаберная и неряшливая, я должна была встретить Роланда, чтобы он направил меня на путь истинный. Когда он смотрел на меня с тихим упреком, мне хоте-

лось ударить его по лицу, но вместо этого я мысленно вздыхала и делала все правильно. В конце концов, я понимала, как он страдает. Беспорядок был для него больше, чем беспорядок. Крушение основ. Потеря душевного равновесия. Дезориентация и хаотизация. Может, это было ненормально, но я слишком запуталась, чтобы разобраться самостоятельно. Мои нервы расшатались.

Все же, Роланд не был плохим или злым. И прежде чем высказать очередную придирку, он мысленно досчитывал до ста двадцати четырех. С ним вполне можно было жить. Более того, отыщи он похожую на него женщину, они были бы удовлетворительно счастливы, занимаясь сексом по субботам и разговаривая по воскресеньям. Кстати, о сексе. Шестидневное табу Роланда уже не казалось мне таким возмутительным. Не то чтобы мне вообще чего-то от него хотелось.

Итак, я жила, практически не приходя в сознание. Изредка я пробуждалась и меня начинали одолевать разные мысли. Например, что совместная деятельность оздоравливает отношения. И мы с Роландом явно нуждаемся в совместной деятельности. Например, прорыть туннель под Ла-Маншем. Или построить Байкало-Амурскую магистраль. Но, поскольку все это сделали до нас, пришлось довольствоваться чем-то попроще. Посмотреть вместе комедию, например.

Я заметила сомнение на лице Роланда, но он тоже, видимо, размышлял о пользе совместной деятельности и поэтому согласился. Далее мы провели самый дискомфортный час в

нашей совместной жизни. Роланд честно старался мне угодить. Проблема в том, что ему было бы легче посадить самолет на картофельном поле, чем разобраться, что является шуткой в семейной комедии. Он напрягался, как бегун перед выстрелом сигнального пистолета («Это смешно? Достаточно ли смешно? Если я проявлю веселье сейчас, будет ли это уместным?»), но каждый раз либо спешил, либо запаздывал. Его натужный смех невпопад был еще ужаснее, чем его чувство юмора. Это било по нервам. Это было хуже, чем китайская пытка водой, капающей на голову, да еще во время четвертования, как раз когда тебя сжигают, обув в испанские сапоги и унижая вербально. Роланд становился печальнее с каждой минутой. И, сдавшись, я нажала на «стоп».

– Попробуем посмотреть что-нибудь с закадровым смехом. Потом. В другой раз. Может быть.

Я находилась не в том месте, не с тем человеком, но это только подстегивало мой вымученный оптимизм.

Следующей попыткой стал боулинг. Хорошо хоть не бои в грязи. Я сорок минут уговаривала Роланда надеть специальную обувь, без которой не пускали на дорожку. Зря – уже на этапе объяснения правил он впал в ступор.

– Я должен сбить как можно больше кегель? Но они стоят так упорядоченно.

Удивлял сам факт, что человек, дожив до его лет, понятия не имеет о боулинге, но эта претензия совсем меня деморализовала.

– Ну да. Чтобы ты мог их сбить.

– Какая здесь мотивация, кроме абстрактного желания привести в мир беспорядок?

– Э-э... тебе начислят очки.

– Я так понимаю, эти очки невозможно конвертировать в какую-либо валюту, – самодовольно изрек Роланд.

Он пошутил! Вы посмотрите на него!

– Ярослав Борисович... Я не понимаю, что вы... то есть ты несешь. Это соревнование в меткости.

– Меткость не является фактором, определяющим мою карьерную и жизненную успешность.

– Это расслабление! Люди играют, чтобы расслабиться!

– Впустую разбрасывать кегли – очень странный способ расслабиться. С тем же успехом можно давить пластиковые стаканчики или рвать траву на газоне. Чистая деструкция.

– Хорошо. Ты что предлагаешь?

– В детстве я пытался доказать теорему Ферма²⁰. Но в 1995 году она была доказана Эндрю Уайлсом.

– А что ты делал после 95 года?

– А потом учеба, работа, стало не до расслабления. Впрочем, всегда можно подумать над проблемой Ландау. И две проблемы Гильберта²¹ из двадцати трех пока остаются нерешенными.

---

²⁰ Великая теорема Ферма утверждает, что: для любого натурального числа $n > 2$ уравнение $a^n + b^n = c^n$ не имеет целых решений a , b и c кроме $a = b = c = 0$. Подумайте на досуге.

²¹ Проблема Ландау, Проблемы Гильберта – тоже что-то непонятное, позволяющее математикам унижать нас.

шенными.

– А можно я не буду думать над проблемами Гильберта?

– Только если ты очень занята.

Я почувствовала, что сейчас заору. И буду орать, пока потолок не рухнет на его сверхразумную голову. Заметив гнев на моем лице, Роланд засуетился:

– Ладно-ладно, давай поиграем в этот твой боулинг. Но мы можем при этом не разбрасывать кегли?

В тот день только моя пассивность позволила ему сохранить его жалкую жизнь.

Через неделю в городской музей привезли прерафаэлитов²², и я решила дать Роланду последний шанс.

Некоторое время мы прогуливались по гулким залам музея, чопорно держа друг друга под ручку, когда возле «Апрельской любви» Артура Хьюза я вдруг увидела Эрика. На нем были старые джинсы, красная куртка и шарф нелепой расцветки. Еще никогда он не казался мне таким элегантным.

– Эрик! – завопила я, едва не уронив Роланда в мощном рывке и напугав бабульку-смотрительницу, дремавшую на стульчике в уголке.

Эрик замер, пристально глядя на меня. Потом зашагал мне навстречу.

---

²² Прерафаэлиты (англ. Pre-Raphaelites) – направление в английской поэзии и живописи, подражающее художникам эпохи раннего Возрождения. Происходит от Братства Прерафаэлитов, основанного в 1848 году. Викторианский гламур как он есть.

– Привет! Что ты здесь делаешь? – я потянулась обнять его, но передумала и отступила на шаг. Эрик сунул руки в карманы. – Как Игорек? Я пишу ему, но он мне не отвечает.

– Вряд ли он тебе ответит в ближайшее время. А я зашел с компьютерами помочь – у меня тут подруга работает.

Подруга? Что еще за подруга? Не слишком ли много у него подруг? Неприятные мысли мелькнули и скрылись. Я пожирала лицо Эрика взглядом. Вблизи я заметила, что выглядит он не очень хорошо – глаза и крылья носа покрасневшие, щеки бледные, лицевые кости проступили четче. Простудился? Раньше он никогда не болел.

– С кем ты разговариваешь? – поинтересовался подошедший Роланд.

– Да так, мы...

– Это твой сосед? – догадался Роланд.

Странно, я думала, он не слушает, когда я рассказывала ему о моей прежней жизни.

– Бывший сосед, – подчеркнул Роланд.

Эрик окинул Роланда взглядом:

– С виду почти нормальный.

– Не могу сказать о вас того же, – насупился Роланд. – Я бы посоветовал вам сменить гардероб.

– Ничего страшного. По одежде встречают, а провожают по уму. Так что это вам нужно беспокоиться, – не остался в долгу Эрик.

Чувствуя, как стремительно собирается гроза, я перево-

дила взгляд с одного на другого. Они как будто позабыли обо мне, сверля друг друга зрачками точно дулами револьверов.

– Вот и чудесно, что вы познакомились, – параноидально улыбнувшись, я схватила Роланда за руку. – Мы, пожалуй, пойдем.

Роланд послушался и побрел за мной, но Эрик достал платок и шумно высморкался. Это был вызов. Роланд решительно развернулся:

– Меня не интересует ваше мнение. Вы не умеете себя вести. Глупый мальчишка.

Эрик сразу ощетинился.

– Он не мальчишка, – попыталась примирить их я. – Ему двадцать три.

– А мне тридцать два, – величественно объявил Роланд. – И я многого добился в жизни... в отличие от некоторых твоих бывших соседей, София.

– Высиживать яйца в офисе – да миллионы мальчишек мечтают об этом, – усмехнулся Эрик.

– А ты, кажется, игры разрабатываешь? Тупые игры для бездельников. Ох, он фрилансер! – Роланд драматично всплеснул руками. Я даже не знала, что он может быть таким экспрессивным. – Мечешься от проекта к проекту, как дворняжка, которой бросают колбасу!

– Зато ты похож на стриженую болонку! Ай, у меня лапки в пыли! Ай, срочно вытрите мне попку! Ай, продезинфицируйте диван, я запрыгну!

– Дешевка! – перебил его Роланд.

– Трус!

– Разгильдяй!

– Неврастеник!

– Кретин!

– Офисный планктон!

Роланд покачал пальцем:

– *Высокопоставленный* офисный планктон.

– Эрик! – закричала я. – Ярослав Борисович!

– Тсс, – механически напомнила соблюдать тишину смотрительница, тем не менее не предпринимая серьезных попыток заткнуть нас. Да и кто бы в скучный рабочий день оборвал такой спектакль?

– Ты называешь его «Ярослав Борисович»? – поразился Эрик. – Да, это отражает степень вашей близости.

– Но при этом я обращаюсь к нему на «ты», – попыталась оправдаться я.

– Мы очень близки, – встрял Роланд. – Мы даже смотрели вместе комедию.

– Ты смотрела комедию? С ним? При его-то ничтожном чувстве юмора? – поразился Эрик.

– Да уж мое чувство юмора побольше, чем у тебя! – огрызнулся Роланд.

– Оно у тебя вот такое, – Эрик показал мизинец.

– Нет, у меня оно вот такое, – Роланд широко развел руками. – А это твое, – он сжал указательный и большой паль-

цы в клювик.

Сморщившись, я хлопнула себя по лбу ладонью. Если дошло до меренья чувством юмора, дело совсем плохо.

– Послушайте... нельзя же так. Ругаетесь, как школьники. Вы же взрослые люди...

– Да, разберемся как взрослые люди, – поддержал Эрик, и я воспряла.

– Сразимся, – завершил Роланд.

– Прямо здесь? В музее? – я нервно скрестила руки на груди.

Эрик обвел взглядом экспонаты.

– Интересно, сколько все это стоит...

– Кажется, драка в музее является административным правонарушением, – вспомнил Роланд.

– И моя подруга расстроится, если я устрою здесь погром...

– Да, на берсерков вы не похожи, – разочарованно протянула я. – За музеем есть дворик.

– Точно! Идем туда! – решил Эрик.

– Только заберу пальто из гардероба, – кивнул Роланд.

Вот зачем я им сказала?!

Дворик был совсем маленький. В нем росло одно дерево и стоял мусорный бак. Роланд брезгливо огляделся.

– Мне кажется, это место слишком негигиенично для драки.

– Драться в операционной тебе никто не позволит, – бурк-

нул Эрик.

– Тогда правило – на землю не толкать.

– Ага. И не бить ниже пояса.

– Понимаю, – быстро согласился Роланд.

– А тебе-то чего беспокоиться? – фыркнул Эрик.

– Он пытается спровоцировать меня на демонстрацию моих тестикул с целью доказательства их наличия? – обернулся на меня Роланд.

– Нет, – поспешно уверила я.

– Начинаем, – поторопил Эрик.

Мне стало не по себе. Роланд посещал тренажерный зал и был гораздо выше Эрика. А Эрик... Эрик был программистом.

– Остановитесь!

– Мы до первой крови, – успокоил меня Эрик.

– До крови? – насторожился Роланд, но Эрик уже принял боевую стойку, выставив кулаки.

Роланд попытался повторить позу, но его руки вяло повисли в запястьях.

– Блин, я как будто собираюсь драться с белкой, – досадливо бросил Эрик. – А ну, встань нормально!

Роланд выпрямил спину, сжал пальцы и напрягся. Начинается! Мое сердце замерло, а мозг судорожно припоминал телефонный номер скорой... Эрик подскочил к Роланду, нанес быстрый, короткий удар... Роланд схватился за нос и... и, собственно, все. Битва титанов, тоже мне. Почему в рома-

нах такие события, как сражение двух рыцарей за прекрасную леди, всегда гораздо круче? Чего уж там, даже драка двух хорьков за самку в передаче о животных смотрелась драматичнее...

– Мой дос! Ты сломал мне дос! – из-под пальцев Роланда на его серый пиджак упали несколько капель крови.

– DOS? – не поняла я, – Операционную систему?

– Дос! – закричал Роланд.

– А... нос... Эрик, что ты наделал?!

– Первая кровь. Я победил, – хладнокровно констатировал Эрик, застегивая куртку. – И не сломал я ему нос, пусть прекратит верещать.

– Бедненький, – пожалела я и, достав салфетку, протянула Роланду.

Роланд вытер нос и вдруг выдал с гнусной ехидцей:

– И все равно ты проиграл. Потому что жалеет она меня.

– На самом деле я бы пожалела любого из вас, кто проиграл, – возразила я, но Эрик замер и вдруг начал уменьшаться в размерах, как будто из него выпустили воздух.

– Скоро мы поженимся, и у нас все будет хорошо, – добил его Роланд.

– Эрик, – позвала я, но он уже уходил прочь, сгорбив плечи и опустив голову.

Я попыталась нагнать его, но пальцы Роланда как клешня сжали мою руку.

– Так мы поженимся? – сухо осведомилась я, не оборачи-

ваясь. – Скоро? Приятно, что ты решил уведомить меня об этом.

– Это же с самого начала подразумевалось.

– Да? А как насчет познакомиться с родителями и прочее?

– Вот и познакомишься. Мы идем к ним на Новый год, –

Роланд потянул меня к машине.

Увидев Роланда, прижимающего к лицу окровавленную салфетку, Юра вытаращил на нас глаза. Я рухнула на заднее сиденье и некоторое время посидела молча, оглушенная. Ни один мужчина прежде не изъявлял желания познакомиться меня с родителями. Не считая Эрика, который считал, что его умная мама сможет мне, глупой, помочь, но это было другое. Наш иллюзорный потенциальный брак с Роландом вдруг предстал чем-то вполне реальным. Я должна была радоваться, но вместо этого мне почему-то навязчиво представлялись металлические детали, которые придирчивый контроллер снимает с конвейера. Когда я немного оклемалась, из меня посыпались вопросы.

– Какие твои родители?

– Очень приличные люди.

– Чем они занимаются?

– Папа директор банка. Мама ведет светский образ жизни.

Никогда не понимала, что значит «вести светский образ жизни». Сплетничать? Бездельничать? Заниматься шопингом? Но не ожидала же я, что его родители простые люди. Совершенно точно очень состоятельные. Почти наверняка

страшные снобы. Мне совсем не хотелось с ними знакомиться.

– А я им понравлюсь?

– Да, если будешь следовать моим инструкциям.

Я вгрызлась в ноготь. Роланд меня одернул.

– Нет, я все-таки не понимаю. Как ты это себе представляешь? Ты приводишь меня на ужин и уведомляешь, что через месяц я стану твоей женой? Все так просто? А пообщаться? Привыкнуть друг к другу?

– Я уже неделю назад сообщил отцу о тебе посредством Facebook.

– Это никуда не годится...

– Я не понимаю, почему ты так нервничаешь. Знакомство с семьей – всего лишь одна из формальных добрых процедур.

– Но...

– Возьми себя в руки.

Я угрюмо примолкла. Роланд умеет выбирать выражения. «Формальные процедуры». Мы осуществим формальные процедуры, подвергнемся акту бракосочетания и приступим к выполнению супружеских обязанностей, влача наше унылое совместное существование до тех пор, пока не наступит смерть – с заключением врача и регистрацией в документах. Толковый врач, возможно, признал бы Роланда мертвым уже сейчас. На меня накатила волна раздражения. Сухарь! Лопатой хочется стукнуть, лишь бы услышать, как

он завизжит! Веди уже себя по-человечески!

Я перевела взгляд на Роланда. Позади него за стеклом метались снежинки. Прямой нос, твердые, плотно сжатые губы. Красивый профиль, и весь целиком Роланд красивый. Хоть в музей выставляй. Экскурсоводы говорили бы про него, что этот экспонат характеризуется безжизненностью черт, присущей для работ какой-то там эпохи.

Вздохнув, я снова начала смотреть прямо перед собой. Юра встретил мой взгляд в зеркальце над ветровым стеклом и пальцами изобразил шагающие ноги: «Уходи». Нет, это очаровательно. Все знают, что я должна делать. Только я не знаю. Роланд определенно вызывал у меня сомнения. Большие сомнения вызывал только Эрик.

– И вообще Новый год семейный праздник, – пробормотала я. – Я всегда встречаю его с мамой и бабушкой.

– Возьми их с собой. Если ты отвечаешь за их поведение. Во-первых, я за свое-то поведение не могла отвечать. Во-вторых, я солгала: прошлый Новый год я провела в компании сначала бутылки водки, а потом унитаза. И, разглядывая кусочки оливье на фаянсовом дне, благодарила небеса, что я хотя бы не с мамой.

– Мне нечего надеть, – выдала я свой последний аргумент. – Мы купим все необходимое.

Назавтра мы поехали в бутик и купили все необходимое – ну, смотря что считать необходимым. Это был наилучший момент, чтобы поиграть в крестьянку и лорда, но вместо это-

го, примеряя строгие костюмы и жесткие платья, я размышляла, догадывается ли Роланд, что все эти шикарные тряпки в действительности не больше, чем униформа для определенной категории людей – как баварское платьице официантки или комбинезон ассенизатора. Воздух в зале был ароматизирован, и от приторной вони у меня кружилась голова. Мраморный пол, отшлифованный до зеркального блеска, отражал почти так же хорошо, как зеркало – расставив ноги, я могла видеть свои трусы. Чего уж там, и вон у той женщины в короткой юбке тоже.

Я ощущала себя то ли Золушкой, то ли Марианной из сериала «Богатые тоже плачут», то ли еще какой-нибудь нищенкой, забравшейся чересчур высоко. В моем мире бегали по распродажам и гордились тем, что знают, где купить недорогую и обалденную на вкус пиццу. А это был не мой мир. Здесь в косметическом отделе за раз оставляли всю мою зарплату, и туфли стоили на один ноль больше, чем это прилично. Но я уже начала понимать, что, вопреки утверждению ценника, вещи не обязательно стоят дорого. Иногда они просто переоценены.

На следующий день, по настоянию Роланда, я пришла в офис в новом костюме, и Диана, много дней меня не замечавшая, подняла голову и окинула меня полным неприятного удивления взглядом:

– Профинансировали?

– Нет, купила в дисконте. За 500 рублей.

– Ври дальше, – посоветовала Диана с грубой интонацией дворовой девчонки.

Сквозь плотный слой моего пофигизма блеснул огонек гнева. Предательница. Когда она была мне нужна, отвернулась от меня! Мне захотелось вылить ей на голову кофе из моей кружки. Или зашвырнуть в нее календарем. Или стукнуть ее степлером по лбу. Потом все успокоилось.

– Ты обвиняешь меня в меркантильности? – ледяным тоном уточнила я.

– Лучше я буду считать тебя меркантильной. Иначе мне пришлось бы решить, что ты круглая дура, – Диана отвернулась к компьютеру.

Своей смертью она не помрет, это точно.

Пришла Ирина, даже не кивнув в нашу сторону. Я подозревала, что ее отношение ко мне изменится, как только она узнает о моем романе с Роландом (если происходящее между нами можно назвать романом), но пока хранила свою тайну. Игнорируя начальницу в ответ, я встала и прошла мимо.

Запершись в кабинке туалета, я села на крышку унитаза и отправила эсмэску Деструктору: «Привет. Я скучаю». Мне не хотелось даже себе самой признаваться, сколько сообщений ему я отправила с конца ноября. Каждый день, как ритуал. Я прождала долго, разрывая в клочки кусок туалетной бумаги, но так и не дождалась ответа. Как и всегда. Его молчание не расстраивало меня. Оно заставляло пустоту внутри меня увеличиваться.

За две недели до новогодних каникул Ирина объявила, что намерена расширить наш отдел. Проект «Натюрлих» к тому времени безнадежно завяз и медленно погружался в ил, а мы, доблестные сотрудники отдела по подбору персонала, стояли на берегу и махали ему платочками. Под присмотром Ирины мы предпринимали вялые попытки изобразить деятельность, но стоило надзирательнице отойти, и все возвращалось на круги своя: Аня рылась в Сети в поисках свадебных аксессуаров, Диана изучала статьи о декоративной отделке дома, а я читала «Невесту Коупленда». Вероятно, это можно назвать саботажем. С другой стороны, если деятельность не приносит результата, не проще ли с тем же успехом, то есть никаким, сесть и расслабиться? Компания «Натюрлих» категорически отказалась пересмотреть условия для консультантов. Несколько подобранных нами девушек вышли на работу в «поля», но быстро сбежали, напуганные невыполнимым планом и постоянными штрафами, низводящими и без того низкий заработок до уровня плинтуса. Когда Ирина намекнула, что, как не справляющиеся со своими обязанностями, мы можем быть уволены, Диана зевнула.

К поиску бойцов, способных переломить ситуацию, Ирина приступила самостоятельно, заявив, что у нее собственные критерии отбора.

– Флаг ей в зад, – откомментировала Диана. – То есть в руки.

Первой, на кого пал выбор Ирины, стала Женевьева. Же-

невьева была наполовину француженка и большую часть своей жизни прожила во Франции, пока семье не пришлось переехать в Россию в связи с работой отца.

– Я люблю все французское, – заявила Ирина.

– Тогда французской ей болезни²³, – пожелала Диана.

Далее были избраны Валентина (потому что она закончила тот же университет, что и Ирина), Барбара, потому что у нее редкое красивое имя, и Дарья, потому что Дарья племянница соседки подруги Ангелины. Команда Ириной мечты выходила на работу в следующий понедельник.

– Вилли, Билли и Дилли²⁴, – порадовалась Диана. – И Жевьева. Нет, я не уволюсь. Как можно такой цирк пропустить.

К приходу новеньких мы должны были подготовить рабочие места. То есть впихнуть еще ряд столов на ту же площадь. Пока мы с Аней, пыхтя, двигали столы, повинуясь хаотичным указаниям Ирины, Диана исчезла и вернулась с парочкой парней из IT, мужественно согласившихся помочь. В результате перестановки наш ряд сместился к самой стене, и я оказалась втиснута в шкаф позади меня. Теперь выбраться из-за стола стало не так-то просто, а столешница упиралась в ребра. Стеклянная перегородка наступала, вызывая чувство

---

²³ Европейские народы, столкнувшись с эпидемией сифилиса на рубеже XV – XVI веков, полагали, что инфекция распространяется из Франции, и потому прозвали болезнь «французской».

²⁴ Утята, племянники Скруджа МакДака из мультфильма «Утиные истории».

клаустрофобии.

– Всем удобно, – самодовольно заявила Ирина, падая на свое кресло и откидываясь на спинку с чувством выполненного долга, как будто я не подходила к ней трижды, жалуясь на дискомфорт.

В понедельник нашим взорам предстали Вилли, Билли и Дилли (и Женестьева), и критерий отбора Ирины стал всем ясен.

Женестьева была очень худая. У нее были большие, но бесцветные глаза, и жиденькие серые волосы, все время норовящие сбиться в колтуны.

Валентина оказалась маленькой и кривобокой, с короткими ногами и полными бедрами.

Барбара своим длинным носом, казалось, без проблем сможет проковырять дырку в стене.

У Дарьи не было бы недостатков, если бы не громадное количество веснушек, сыпью покрывающих лицо и тело, отчего ее все время хотелось умыть.

Девушки были молодые, неопытные и... ужасно некрасивые. Тем не менее они сияли от счастья. Их взяли на работу в солидную компанию! У них такая улыбчивая начальница! И хотя они еще толком не понимали, что должны делать, зато знали, какие блестящие у них перспективы, ведь о них Ирина полчаса соловьем заливалась на собеседовании.

К концу недели выяснилось, что скверная внешность еще не делает из девушки хорошего рекрутера. Билли, Вилли и

Дилли (и Женевьева) копошились, как утята в корзине, тыкались клювом то в одно, то в другое, и жалобно пищали. Проект «Натюрлих» не шел. Странно. А ведь Ирина говорила, что он совсем-совсем легкий. И без опыта справятся.

Ирина, пребывающая в оглушенном состоянии от осознания катастрофического ухудшения ее положения, ссылалась на адаптацию, по завершении которой все чудесно заработают, и, давя из себя улыбки, изливала потоки бурлящего кала на тему мотивации и важности интонации рекрутера, как будто все дело было только в их интонациях. Иногда она сбивалась на обычные придирки. Но не могла же она признать, что опять села в лужу, раздув штат отдела, который и так давно не приносил компании прибыли.

Наконец Диана смягчила свое каменное сердце и начала по-тихому помогать новеньким, разъясняя им хотя бы самые основы. Но к тому времени все были разочарованы и дезориентированы.

В последний рабочий день года, закрывшись в туалете чтобы отправить эсэмэску Деструктору и насладиться его игнорированием, я услышала, как в соседней кабинке громко плачет Женевьева.

– Счастливого Нового года, – напутствовала меня вечером Диана, застегивая пуговицы пальто. – Если у тебя получится, конечно.

И ушла, уводя за собой разбитую Женевьеву.

Юра довез меня до подъезда и развернулся обратно, что-

бы доставить Роланда в тренажерный зал, как всегда по пятницам.

На лавке возле подъезда, сгорбившись, сидел человек. Уже достаточно долго, потому что на его плечах и спине скопился снег. Пока я рылась в сумке, отыскивая вечно теряющиеся ключи, он даже не шевельнулся. Темно уже. Промозгло. Почему он не идет домой?

– С вами все в порядке? – спросила я.

Он поднял голову и посмотрел на меня. Я плохо различала его лицо из-за недостатка света, но взгляд так и жег. Пауза затянулась. Ключи выскользнули из моих пальцев, и, когда я наклонилась поднять их, человек словно очнулся.

– Да. Все в порядке.

Я пожалала плечами и вошла в подъезд. Не только у меня был тяжелый день.

В субботу я перемерила кучу платьев, пока не получила одобрение Роланда на простую серую трубу скучнейшего вида. Праздник не ощущался. Вечером, выдернув из-за новогоднего стола Юру, мы чинно-благородно, с шофером, отправились в путь – аж через три квартала. После чего Юра получил с царского плеча разрешение тащиться через весь город обратно к себе домой и продолжать празднование, чтобы забрать нас в полночь. Понимаю агрессивное выражение его лица.

Родители Роланда обитали в роскошном доме еще сталинской постройки – с длинными лоджиями и колесницами на

фронтоне. Их квартира располагалась одна на этаже. Роланд позвонил в звонок, и я вытянулась в струнку, ощущая боль в челюстях от заранее заготовленной улыбки.

Дверь нам отперла маленькая квадратная женщина с глубокими вертикальными морщинами вдоль рта. На ней были бордовое бархатное платье в пол, массивный золотой кулон и кольца с кроваво-красными камнями. Волосы стянуты в хитро заплетенный узел, глаза смотрят любезным взглядом разъяренной гадюки.

– Мама, это София, – представил меня Роланд. – София, это моя мама – Элеонора Викторовна.

Элеонора Викторовна кивнула, придирчиво оглядела меня от подбородка вниз и протянула руку. Рука была морщинистая и короткопалая. Я не знала, что с ней делать. Поразмыслив, пожала, и по лицу Элеоноры Викторовны поняла, что совершила непоправимую ошибку.

– Проходите, – она коротко обняла сына. – Отец пока задерживается.

Квартира с высокими трехметровыми потолками была выдержана в красно-золотой гамме. На свет здесь не расщедрились, на отопление тоже, отчего возникали ассоциации со склепом. Выйди мне навстречу сам граф Дракула, закутанный в три свитера, я бы не удивилась.

Стены громадной столовой оживляли унылые пейзажи. Наверняка, подлинники, нарисованные знаменитыми художниками в дни похмелья и болезни. Когда мы расселись за

большим овальным столом на неудобных антикварных стульях роскошного вида, раздался звонок.

– Папа, – пояснил Роланд и вышел встречать.

Вернулся он с высоким мужчиной с гривой серебристых волос и разгоняющей тьму этого помещения улыбкой. Несмотря на разницу в несколько десятков лет и килограммов, Роланд и его отец были очень похожи. Отец Роланда вел под руку высокую женщину лет пятидесяти со светлыми крашеными перьями волосами. А за ними, в блестящем черном платье шла... Ирина.

Я уставилась на нее. Она на меня. Это было как в сцене из вестерна, когда музыка стихает. Ирина машинально шагнула назад, потом снова вперед, но собралась и приняла свой обычный надменный вид.

– София, – указал на меня Роланд.

– Борис Олегович, – отец Роланда поцеловал мою руку, для чего ему сначала пришлось оторвать ее от стола, а потом разжать стиснутые в кулак пальцы. Получилось неловко, но он как будто бы ничего не заметил.

– Лиля, – представилась женщина с перьями. – И наша дочь – Ирина.

Ирина холодно кивнула, как будто видела меня впервые.

Так... либо Лиля говорила о себе во множественном числе, либо она имела в виду, что Ирина дочь ее и... Бориса Олеговича. Что-то не припомню, чтобы Роланд упоминал, что его родители в разводе...

Мы разместились – Элеонора Викторовна во главе стола, Роланд и я по одну сторону, Борис Олегович, Лиля и Ирина по другую. Повисла столь напряженная тишина, что пролетай под потолком стая голубей, они бы все дружно обгадились. И тут Элеонора Викторовна отчетливо произнесла:

– Весь гадюшник в сборе.

– Начинай свиваться в кольца, дорогая, – любезно призвал Борис Олегович.

– Как чудесно собраться всей семьей, – изрек Роланд, обводя присутствующих довольным взглядом. – Давно этого не случилось.

– Бог миловал, – буркнула Элеонора Викторовна. – Татьяна, салаты.

Откуда ни возьмись, возникла маленькая женщина с большим подносом, заставленным тарелками. Поднос опасно кренился и, казалось, весил не меньше ее самой. Лилия поспешила помочь, переставляя тарелки на стол.

– Не прогибайся, – сурово приказала Элеонора Викторовна. – Ты и без того прогибалась более чем достаточно, когда мыла здесь полы.

Лилия вздрогнула и застыла с низко опущенной головой.

– И ведь добилась своего, – осклабился Борис Олегович.

– Завещание покажет.

Все принялись за салат. Я была настолько шокирована происходящим, что едва могла глотать, и только налегала на вино в надежде, что оно поможет мне расслабиться – до тех

пор, пока Роланд не отодвинул мой бокал. На его месте я бы больше тревожилась о поведении его родственников.

– Элеонора Викторовна, мне хотелось бы с вами посоветоваться. Я рассчитала свою домработницу. Может, вы посоветуете, куда обратиться, чтобы нашли приличного человека? – заискивающе начала Ирина.

Элеонора Викторовна снисходительно улыбнулась.

– Это не ко мне, дорогая. Я когда-то наняла твою мать.

– Даже самый умный, самый проницательный человек может ошибиться, – страстно запротестовала Ирина. – К тому же недостойные люди так хорошо маскируются под порядочных!

«Мерзавка», – подумала я. Даже не подумала вступить за мать. Да и Борис Олегович знай себе пожирает вторую порцию салата, как ни в чем не бывало.

– Ты все понимаешь, Ириночка, – вздохнула Элеонора Викторовна.

– Такие попадают подчиненные, – подвякнула Ирина.

«А уж какие начальницы», – подумала я.

Элеонора Викторовна покачала головой и недовольно понюхала бокал с вином.

– Татьяна! Горячего и водки!

В ту же минуту Татьяна внесла фаршированную рыбу с картофелем и графин кристально прозрачной ледяной водки. Едва ее разлили по рюмкам, как Элеонора Викторовна и Борис Олегович залпом опустошили свои.

– Что ж мы без тоста, – опомнился Борис Олегович после второй порции. – Славик, скажи тост.

– Минуту, – Роланд открыл в своем смартфоне текстовый файл и прочел: – Так выпьем же за этот вечер, теплый, как материнское молоко, и игривый, как шампанское.

Снулые лица присутствующих наводили на мысль, что вскормлены они были не материнским молоком, а чистым уксусом. Элеонора Викторовна выпила, не закусывая. Ирина лакала мелко, как крыса из лужи.

– Сейчас начнется, – пообещал Борис Олегович, когда Элеонора Викторовна снова наполнила свою рюмку. – Смертельный номер: брюнетка разгрызает блондинку напополам.

Элеонора Викторовна и глазом не моргнула.

– Поразительно, как бывает, – начала она, надкусив рыбу. – Казалось бы, вульгарная прислуга, ни образования, ни интеллекта, рождает незаконную дочь... девочка безнадежна с такой наследственностью. Но что-то в ней пересиливает и сейчас, к ее чести, я могу сказать, что Ирина совсем не похожа на свою мать.

– Спасибо, – растроганно захлопала ресницами Ирина.

– Зато явное сходство с братом. Ярослав, ты ощущаешь родство с сестрой?

– Я? Конечно, – ответил Роланд, фокусируя безразличный взгляд на Ирине.

– Ирине тридцать два года... как и Ярославу, – многозначительно подчеркнула Элеонора Викторовна. – И она уже за-

нимает высокую должность в солидной компании. Какая молодец. Не ты ли ей помог, дорогой? – она вперила тяжелый взгляд в Бориса Олеговича.

– Я – никогда, – Борис Олегович поднял ладони.

– Ярослав, уволь ее, – резко бросила Элеонора Викторовна.

– Хорошо, – покорно согласился Роланд.

– Ты не можешь уволить сестру, – вмешался Борис Олегович.

– Не могу, мама. Ее приняли на общих основаниях, – возразил Роланд тем же тоном.

– Передай мне соль, – помрачнела Элеонора Викторовна.

Роланд встал, обогнул стол и отнес соль матери, после чего вернулся обратно.

– Сволочь, скотина, – прошипела Элеонора Викторовна, густо посыпая рыбу солью. – Трахал все, что шевелится.

– А в твоём присутствии все шевелящееся переставало шевелиться, – фыркнул Борис Олегович.

– На что ты намекаешь?!

– Ни на что. С тобой и дуб поникнет, дорогая. И сейчас я тоже ни на что не намекаю. Славик, передай мне соль.

Роланд встал, чтобы передать соль отцу, и вернулся на свое место.

– Но сына ты мне все же заделал, *дорогой*. Правда, потом тебя пришлось удалить, чтобы ты не оказал на него свое тлетворное влияние. Передай соль, Ярослав.

Роланд встал, чтобы передать соль матери, и вернулся на свое место.

– Мое тлетворное влияние? К тому времени, как я наконец добился возможности свидеться с ним, ты так его испоганила, что я понял, что и суетиться не стоило. В том числе и в момент зачатия. Сын, соль.

Роланд встал, чтобы передать соль отцу, и вернулся на свое место. Лицо у него было совершенно непроницаемое. Он стал бы первоклассным игроком в покер, если бы только не считал покер нецелесообразным.

Борис Олегович попробовал рыбу и скривился:

– Какая гадость, соль аж рот жжет. Славик, тост.

Роланд посмотрел в свой смартфон.

– У меня есть тост за мир в семье.

– Не, мы столько не выпьем, – покачал головой Борис Олегович и заглотнул водку просто так.

У меня складывалось впечатление, что он здорово набрался, да и супруга его не отставала. Лиля тихо плакала, вытирая глаза салфеткой. Делала она это профессионально – даже тушь не размазалась. Скорее бы десерт... мне до смерти хотелось убраться отсюда.

Принесли десерт и, к ужасу моему, еще водки. С каждой рюмкой языки набирали обороты, а люди все меньше походили на людей.

– Не гены, так воспитание сыграло роль. Стыдно, что твоя дочь потеряла девственность с твоим же шофером?

– Я молчу о том, с кем твой сын потерял девственность. В двадцать девять лет! И что касается моей дочери, ее дальнейший успех показывает, что после она спала только с правильными людьми.

– О, я нашел чудесный тост про любовь, – встрял Роланд. – Пусть перед любящими расступаются невзгоды, как море перед Моисеем.

– Поистаскалась твоя служаночка. Не хочешь заменить ее обвисшую задницу на вариант посвежее?

– Пока нет. Но вот твоя жопа меня до сих пор в кошмарах преследует.

– За уважение, – поднял рюмку Роланд. – Которое скрепляет семью, как тысячи замков.

Мне стало бы легче, будь в его интонации хоть намек на иронию.

– Сразу бы прикончил, уже бы вышел на свободу, – посетовал Борис Олегович.

– Нет уж, ДОРОГОЙ, ты будешь жалеть, что *ты* все еще жив, прозябая в этом браке. Никуда я тебя не отпущу!

– Куранты! Куранты! – в комнату вбежала Татьяна с бутылкой шампанского.

– Включи телевизор, – устало приказала Элеонора Викторовна.

Роланд заглянул в смартфон.

– Пока бьют куранты, мы должны загадать желание.

– Посмотрим еще, кто раньше сдохнет, – продолжал свою

тему Борис Олегович.

Из телевизора в соседней комнате донесся серебристый звон курантов.

– Чтоб ты язык себе прикусила, змея, – пожелал жене Борис Олегович.

– Чтобы тебя удар хватил на одной из твоих шлюх, – огрызнулась Элеонора Викторовна.

– А теперь до дна, – с широкой улыбкой напомнил Роланд. Я выпила шампанское до последней капли – чтобы точно сбылось. И сразу оно полезло обратно. Ничего не успевая объяснить, я выбежала из-за стола. Татьяна молча указала направо.

В туалете я попила водички из-под крана, и тошнота утихла. Я почти решилась выйти, как влетела Лиля и захлопнула за собой дверь. Оттолкнув меня от зеркала, она достала пудреницу и начала истерично размазывать бежевый порошок по лицу.

– Я тебе советую по-дружески – не трать на него время, – выдала она надсаженным голосом. – Ничего ты с него не получишь. Уж они умеют прятать свои денежки. Научился сын от папочки. А Борька-то каков? Слизняк. Только на болтовню и хватает! Даже не развелся! Вся моя молодость коту под хвост.

– Спасибо за предостережение, – поблагодарила я, протискиваясь мимо нее к двери.

На пути в столовую я снова увидела Татьяну.

– Ничего страшного. У нас гостей часто рвет, – сообщила она шепотом.

Все уже собирались на выход.

– Вон, вон отсюда, – торопила Элеонора Викторовна.

Меня не нужно было подгонять – я и так вылетела пулей.

Юра ждал нас в машине. Мы уселись на заднее сиденье, и, придвинувшись ближе к Роланду, я потрогала его за рукав:

– Тяжелый был вечер.

Роланд непонимающе посмотрел на меня.

– Обычный.

И тогда слезы хлынули из моих глаз. Я отвернулась, чувствуя, что меня сотрясает дрожь. Он даже не заметил дрызги за ужином, годами выстраивая вокруг себя защитный заборчик, пока тот не стал так высок, что из-за него уже ничего нельзя было видеть.

– Юрий, поскорее. Я должен был лечь спать пятнадцать минут назад.

Дыхание Роланда уже выровнялось, а я лежала рядом с ним и не могла сомкнуть глаз. Мне вспомнилось, как Диана потешалась над ним. Но то, что происходило в его семье, не было смешным, и то, что в итоге получился такой человек, как Роланд, тоже. Я вертелась с боку на бок, но мысли металась в моей голове, как испуганные мыши в клетке. Мне нужен был кто-то, кто сможет меня успокоить, кто поможет мне забыть о сегодняшнем.

И я схватила телефон.

Номера Эрика у меня не было – я удалила его, борясь с соблазном позвонить. Пришлось набрать Деструктору. Я была уверена, что он не возьмет трубку. Но он взял.

– Игорек?

Он молчал. Я слышала музыку и отдаленные голоса.

– Игорек, мне нужно поговорить с Эриком. Ты можешь передать ему телефон?

Молчание и сердитое пыхтение. Потом он все-таки снизошел до ответа:

– Я не хочу, чтобы ты расстраивала папу.

– Игорек, мне очень плохо.

Снова молчание, за которым, я не сомневалась, последуют гудки.

– Да? – произнес Эрик.

– Это я.

– Привет, – его бодрый голос сразу помрачнел.

– Можно я приеду?

– Как ты доберешься?

Дергать Юру в третий раз было невыносимо.

– Вызову такси.

– Жду.

Голос девушки-диспетчера звучал уныло.

– С праздником, – сказала я, чтобы немного ее подбодрить.

– Хорош праздник. Самый паршивый Новый год в моей жизни, – буркнула она.

Мысленно я с ней согласилась.

Таксист приехал быстро, и, по сегодняшним меркам, почти трезвый. Вот только кристально-чистый и злобный дэп-ээсник так не считал.

– Употребляли? – осведомился он мстительно.

Между таксистом и дэпээсником завязалась перебранка, полная образных выражений и нецензурной лексики, и я потрогала таксиста за плечо:

– Здесь близко, я дойду пешком. Сколько я вам должна?

Улицы были безлюдны, только иногда вдалеке взмывали шутихи. Падал снег. Идти мне предстояло минут десять, и я погрузилась в печальные мысли, от которых меня отвлек скрип чьих-то шагов по снегу. Я обернулась и посмотрела назад. Шаги затихли. В темноте как будто бы угадывался силуэт человека. Я пошла, и он тоже пошел. Я убыстрила шаги, и он убыстрил. И все это без единого слова. И тогда я побежала. И человек за мной тоже побежал.

До сих пор я считала, что не умею бегать быстро, но преследователь позволил мне обнаружить в себе скрытые таланты. Иногда я слышала его дыхание совсем рядом, но это только добавляло мне сил. Меня заносило на поворотах, но я не падала. Я проламывалась через сугробы и брала барьеры, как скаковая лошадь. Вот, наконец, моя улица... дом... подъезд... Я взмыла вверх по лестнице и замолотила в дверь. Показался Эрик, и я с рыданиями вцепилась в него.

Выскочили Аля и Деструктор. Эрик втащил меня в квар-

тиру и посадил на диван. У этих людей, несомненно, были ко мне претензии, но, пока я сбивчиво объясняла, что произошло или чуть не произошло, наши размолвки как-то позабылись.

Когда я перестала всхлипывать, все расступились, позволяя мне лучше рассмотреть комнату и присутствующих. Деструктор был одет как Джек Воробей, на Эрике были джинсы и синяя майка с мрачной физиономией Джилл Валентайн²⁵, Аля походила на карамельку в своем розовом коротком лайковом платье. В уголке скромно притулилась Олеся в платье принцессы с пышной юбкой и диадеме, заметно расцветшая с нашей последней встречи. Поскольку платье вряд ли было по карману ее матери-медсестре, я предположила, что к его покупке приложили руку Эрик и Деструктор. Они украсили комнату и даже втиснули елку между рабочим компьютером Эрика и стареньким Роботроном. На елке чего только не висело, включая: дискеты и перфокарты (Эрик), шоколадки в серебряных обертках (Олеся), бакуганы (Деструктор), серьги-подвески и павлиньи перья (Аля). Эта квартира пробуждала столько воспоминаний. Я понадежнее угнездилась на диване, где мы с Эриком проболтали тысячу часов и просмотрели сотню фильмов, и твердо решила, что в ближайшие часы никуда отсюда не уйду.

На одну ночь все притворились, что я всегда была с ни-

---

²⁵ Джилл Валентайн – персонаж игры Resident Evil, отважная девица, которая одним махом семерых зомби побивахом.

ми и вовсе не сбегала ради сомнительных изменений в личной жизни. Мы пили шампанское (взрослое или детское в зависимости от возраста) и играли в игру из тарантиновских «Бесславных ублюдков», где тебе крепят на лоб карточку и нужно отгадать персонажа, чье имя написано на ней.

К утру все повалились кто куда и уснули. Не прошло и получаса, как я открыла глаза и начала красться к выходу – к рассвету Золушка превратилась в крысу.

– Не так быстро, – услышала я суровый голос Али и встала как вкопанная, хотя здравый смысл подсказывал бежать.

Тушь размазалась по ее векам, что придало мрачный вид Але и какую-то особенную проницательность ее глазам.

– Я тебя разгадала, – она ткнула в меня длинным, наманикюренным, увешанным кольцами пальцем. – Я поняла, почему ты бросила моего сына.

– Вот как, – произнесла я тоном, намекающим, что я вовсе не намерена все это выслушивать.

– Ты настолько себя не любишь, что не веришь, что тебя способен полюбить кто-то другой. Ты считаешь, что никто не может увлечься тобой надолго. Ты так боялась момента, что однажды он оставит тебя, что даже не решилась начать.

– Я ничего не боюсь. Я просто пытаюсь рассуждать здраво. Мы не подходим друг другу.

– Твой неврастеник для тебя, конечно, предпочтительнее, – продолжала Аля, не слушая меня. – Что бы вас ни связало, это точно не любовь. Но ты можешь надеяться, что эта

связь окажется достаточно прочной. Не могу поверить, что ты удовлетворишься этим. Так и будешь до конца жизни есть холодную еду, потому что боишься обжечь язык?

– Почему все вечно твердят мне что-то? – прохныкала я. – Я чувствую себя шизофреничкой. У меня в голове постоянно звучат голоса.

Она открыла мне дверь и выпустила меня прочь.

На остановке я села в раннюю маршрутку. Мир за окном был белым и замороженным. Мне было неуютно в нем и собственной коже.

Я открыла дверь своим ключом и увидела Роланда. Он стоял посреди белого коридора в белой пижаме, и вид у него был бледный и растерянный.

– Где ты была?

– Я не могла заснуть и уехала в гости к друзьям.

– Твой телефон не работал.

– Аккумулятор разрядился.

– Я... за тебя... беспокоился, – слова выходили из него рывками, как комки шерсти из пасти кота.

А затем он осторожно, неуклюже обнял меня. Чувствуя его легкое прикосновение, я подумала, что он человек, которого не любил никто в целом мире.

Глава 14: Принцесса в другом замке

– Ситуация с шопингом в этой стране просто катастрофичная. Все, что на мне, куплено в Милане. Показать чеки?

– Ни к чему, дорогая. У меня наметанный взгляд на работу итальянских модельеров.

Ангелина все же принялась перечислять суммы на ценниках, между тем своим внешним видом доказывая, что хороший вкус не купишь даже за большие деньги. Ирина кивала с глубокомысленным видом. Я же комкала салфетку и пыталась понять, как дошла до жизни такой. Конец января, адский холод на улице, я собираюсь выйти замуж за Роланда и дружу с Ириной и Ангелиной. Нет, «дружу» это не то слово. Я просто неожиданно оказалась сцеплена с ними. И вот я уже прижимаюсь щекой к их щекам при приветствии, как у них принято, и все время говорю о шмотках, как будто мне есть до этого дело, и прихожу на работу попозже на правах подружки начальницы, и каждый обеденный перерыв съедаю ресторанный салат с рукколой. Ненавижу рукколу. Такое ощущение, будто она навсегда застряла у меня в глотке. Да, тот злополучный ужин в замке графини Дракулы многое изменил. Я больше не была простушкой Соней Островой. Я стала почти что женой директора «Синерджи» и, по

правде говоря, крепко себя возненавидела.

Свадьба ожидалась в марте. Роланд уже составил предварительный список гостей (кто все эти люди?), выбрал ресторан (пустят ли меня внутрь с моей пролетарской родословной?) и каждый день осведомлялся, подобрала ли я платье. Но-но-но, к чему так драматизировать? Я просто обмотаюсь шторой и наклею на нее ценник «1 000 000 \$». Все будут в восторге.

В общем, я контролировала ситуацию не больше, чем мышь в бочке, катящейся с горы. Иногда мне хотелось выразить протест – так громко, как только смогу, и, быть может, кто-нибудь бы даже смог меня расслышать. Но потом память услужливо подбрасывала мне вопрос: «Не об этом ли ты мечтала?» И мне даже возразить было нечего.

Ангелина заткнулась наконец-то, и Ирина приступила к душеспипательной истории, как у нее сломалась «Субару» и ей пришлось ехать на работу на автобусе. Общественный транспорт. Это почти как общественный туалет. Фи. Она видела собачью какашку. Она видела бомжа. Но с честью преодолела все эти испытания, потому что она сильная и у нее есть чувство собственного достоинства.

– Эти существа портят внешний вид города. Спят на остановках, в парках. Почему их просто не выгонят прочь?

Существа?

– Должны же они где-то спать, – сказала я. – Мне их жалко.

– А мне – нисколько, – Ирина наморщила носик. – Они бы никогда так не опустились, если бы работали и стремились к успеху.

– Бывают разные ситуации. Психические болезни. Инвалидность.

– Сами виноваты. Надо было беречь здоровье, – отрезала Ирина.

Я зависла.

– А если человека сбила машина, например?

– Он должен был следить за собой. Не можем же мы ползать, как черепахи, из-за кретинов, выскакивающих из-за угла.

– Хорошо... вот ситуация: женщина не таких зрелых лет, дважды была замужем, и оба раза неудачно. Кто виноват?

Ирина уставилась на меня кристально прозрачными глазами, окруженными стрелками ресниц.

– А это потому, что все мужики козлы.

– Понятно, – пробормотала я.

Ангелина бросила взгляд на часы, украшающие ее мощную волосатую длань. Часы были дорогие – Ангелина уже рассказала нам об этом. Трижды.

– Не пора ли возвращаться в офис?

– Конечно, – подхватила Ирина. – На нас же вся работа держится. Девушка-а! Принесите мне еще безалкогольного мохито.

Остаток дня я старалась не смотреть в сторону этих дво-

их. Шкаф уже привычно вжимал меня в стол. Диана молчала так веско, что это заранее отменяло любые слова, которые я могла ей сказать. Из-за стекла на меня грустно поглядывали сидящие напротив Билли, Вилли и Дилли, и от такого количества безобразия, собранного вместе, мне хотелось ослепнуть. Интересно, если Ирина теперь дружит со мной, означает ли это, что я тоже уродина? Хочется спросить Диану, но ее ответ очевиден.

– Какой бледный, угнетенный вид, – сострил Юра, когда вечером я вышла к нему на стоянку. – Семейка вампиров уже попила из тебя кровушки.

Я отмахнулась от него, раздраженная его отеческими попытками меня образумить, и неуклюже, скользя на обледенелом асфальте, забралась в машину.

Человек отделился от телеграфного столба, где занимал свой пост, и растворился в темноте.

– Юра, ты видел?

– Кого? – Юра повернул ключ в замке зажигания.

– Там был человек. Он следил за мной.

– Сонь, я понимаю, что ты замуж выходишь за состоятельного мужика и все такое, – саркастично откликнулся Юра. – Но ты пока еще не принцесса Диана, чтоб папарацци торчали из каждого унитаза.

Но мне было страшно и неприятно. Я закуталась в шубу, приобретенную с легкой руки Роланда, но чувствовала холод, засевавший в костях.

Пытаясь избавиться от озноба, я приняла горячий душ и затем два часа дожидалась Роланда с наивным намерением получить от него моральную поддержку. Однако после его заявления мне сразу стало не до того:

– Завтра утром я уезжаю в Москву на полторы недели.

– Чудненько, что ты известил меня заранее.

Мой голос щетинился, как еж, и даже Роланд смог что-то уловить.

– Я не думал, что недолгая разлука станет для нас проблемой.

– Не станет, – огрызнулась я. – И в этом как раз проблема.

– Ты стала какая-то нервная в последние дни, – он ослабил галстук и присел на диван рядом со мной.

Когда он взял меня за руку и заглянул мне в глаза, я почти поверила, что он сможет. Он уловит мои тайные сомнения, мою неуверенность. Догадается о моих отчаянных попытках решить, чего же я хочу.

– Это из-за платья? Ты не можешь выбрать? Не волнуйся, мы найдем стилиста.

А нет, показалось. В человеческих чувствах он разбирается как лягушка в градостроительстве.

– Знаешь, поезжай-ка ты в Москву.

Ночью мне приснился изнуряющий сон, в котором я перемерила сотню платьев, но все они либо жали так, что я не могла дышать, либо были так велики, что едва позволяли мне передвигаться. Однако, оставаясь нагой, я не могла пе-

реносить вида моего тела, казавшегося странно деформированным. Это было невыносимо, но когда сон сменился, все стало еще хуже. Теперь мне снилось, что у меня изо рта вываливаются слова: зеленая заколка с надписью LOVE, обрывок журнала, призывающий «Похудей к лету!», скомканная страница книги по этикету, липкий ценник с пометкой «уценка», колючий, сплетенный из проволоки приказ «УЛЫБАЙСЯ» и затем, одна за другой, буквы из магнитной азбуки: «Д», «У», «Р», «А». Я не могла это остановить. У моих ног уже собралась целая куча слов, но в моей голове их не стало меньше. Они гудели и копошились, как рой пчел. Я слышала голоса мамы, и бабушки, и Ирины, и фразы из телевизионной рекламы.

– София. София. София! – голос Роланда с трудом пробивался через весь этот гвалт.

Я с трудом разлепила глаза. В висках жарко, тяжело стучала кровь.

– Твой будильник звонил, – Роланд смотрел на меня сверху вниз, уже полностью готовый к выходу.

– Не слышала, – я попыталась сесть, но обнаружила, что это не так-то просто. – Мне нехорошо. Голова болит.

– Может, ты заболела? – предположил Роланд, делая быстрый шаг назад.

– Вполне возможно, – злорадно согласилась я. – Ты уедешь, и я умру здесь одна.

– Ты преувеличиваешь. Я вызову тебе врача. А мне пора

идти, иначе я опоздаю на самолет.

– Тебе так обязательно улетать?

– Конечно. Это работа.

А это всего лишь жалкая больная я. Выбор очевиден.

– Не зови врача. Я хочу, чтобы возле моего гроба люди говорили: «А он ей даже врача не вызвал».

Роланд не понял моего сарказма и все-таки позвонил врачу. Прибывшая пухлая докторша нашла меня в совершенно разобранном состоянии и назначила римантадин и жаропонижающее. После ее ухода я позвонила Ирине сообщить о выходе на больничный. Ирина пожелала мне выздоровления тем сладеньким фальшивым тоном, каким тетки на вещевых рынках девяностых годов говорили: «Вам очень идет».

Дела были сделаны, и я в изнеможении вытянулась на кровати, вслушиваясь в гулкую тишину пустой квартиры. Мне кажется, или Роланд поступил по-свински, оставив меня одну в таком состоянии? С другой стороны, когда он уезжал утром, у меня еще не было головокружения и температуры 38... Это одна из самых неприятных вещей в отношениях: ты размышляешь, а не скотина ли твой спутник, и вроде бы решаешь, что не скотина, но тем не менее продолжаешь думать об этом, не в силах принять ни отрицательный, ни утвердительный ответ.

Я почти впала в кому, погрязнув в своих терзаниях, когда зазвенел дверной звонок. Кто это? Роланд что-то забыл? Нет, он никогда ничего не забывает. Юра? Нет, его никто не звал.

Друзья решили меня навестить? Ха-ха, у меня нет друзей. Я натянула одеяло на голову и сжалась в клубок. Звонок повторился. «*Этот человек не может знать, что я осталась одна*», – сказала я себе. Если только он не следил за подъездом с самого утра... Да кому я могла понадобиться? Зачем? Украсть меня и потребовать выкуп? «Что значит «принести мешок с мелкими немечеными купюрами на кладбище»? Мой банк не осуществляет подобные операции», – представилась мне недоумевающая физиономия Роланда.

Все, больше не звонят. Я встала, кутаясь в одеяло, подкралась к двери и выглянула в дверной глазок, надеясь, что меня не встретит там дуло пистолета. Никого. Ушел. А вдруг он спрятался в подъезде и ждет, когда я выйду из квартиры, чтобы схватить меня? Мне нужен римантадин. И успокоительное. И еда (конечно, холодильник набит белковой пищей Роланда, но я лучше сожру собственную ногу, как в рассказе Стивена Кинга, чем притронусь к его несоленой курятине в соевом желе). Я не могу безвыходно просидеть в квартире полторы недели!

Та-а-ак, я должна взять себя в руки. Мой мозг чудит из-за повышенной температуры, что спровоцировало приступ паранойи, но в действительности мне нечего бояться. Очередной звонок заставил меня подпрыгнуть и с визгом убежать в комнату. Непоследовательность – извечная женская проблема. Никогда не знаешь, что сделаешь в следующий момент.

В комнате звонок слышался даже отчетливее. Непонятно.

А, мой мобильный, сообразила я, отвиснув. Номер не определен. Страшно...

– Да? – выдавила я чуть живым от страха голосом, нажав кнопку «Принять».

– Привет.

Это был Эрик, и я рухнула на кровать, обессилив от облегчения.

– Привет!

– Просто решил узнать, как у тебя дела.

Мы не общались с самого Нового года, и что-то мне подсказывало, что позвонить для него было не так уж и «просто».

– Чудесно. У меня грипп или вроде того, и я паршиво себя чувствую. Ну а так все замечательно. Кстати, Роланд уехал, что тоже вполне себе хорошо, и незнакомец названивал мне в дверь, напугав до полусмерти, но и в этом не было бы проблемы, не будь я столь впечатлительной натурой.

– То есть все отвратно?

– Я этого не говорила, – уверенно возразила я.

– Почему этот тип оставил тебя одну в таком состоянии? – взорвался Эрик.

– У него работа. И он занят. И ему надо было ехать в Минск или еще куда-то. И, в общем, он не виноват, потому что он занят. В смысле у него дела, потому что ему надо работать.

– Я в ужасе от того, как буксует твой мозг. Диктуй адрес,

я еду.

– Но...

– Давай пропустим ту часть, где ты меня отговариваешь.

Через тридцать минут он был у меня. Я так ослабла, что едва смогла подползти к двери, но мое сердце пело. Он был прекрасен, как первый весенний луч. Как выросший на по-мойке цветок мать-и-мачехи, контрастирующий с окружающим его безобразием. Так, как только может быть прекрасен парень, увлекающийся разработкой компьютерных игр.

– Уютно, как в Антарктиде, – изрек он, с сомнением оглядывая белые стены.

– Зато просторно, не то что в моей халупе, – возразила я.

– Выглядишь ты прескверно.

– Как и всегда, собственно.

– Не напрашивайся на комплименты. Дело серьезное. Тебе нужен уход.

– Чей уход? Ты уходишь?

– Вот я как раз об этом.

– Я смогу о себе позаботиться.

– Ты же не отказалась от своей квартиры. Ничего не мешает вернуться. И я буду поблизости.

«В этом суть, Эрик, – подумала я, – в этом суть».

– Роланду это может не понравиться.

– Что ему может не понравиться? Что друг предложил тебе помощь, когда ты заболела?

Друг. Точно, друг. Надо почаще напоминать себе об этом.

У друзей как будто и вовсе нет гениталий. Мы с Эриком будем жить, разделенные стеной. Если Роланд увидит в этом что-то предосудительное, то он больной извращенец.

– Но я могу заразить тебя и Игорька.

– У меня крепкий иммунитет. А Деструктор отправился пожить у бабушки.

Мы с Эриком посмотрели друг на друга. *Какое чудесное совпадение.*

Эрик помог мне собрать вещи, и мы сели в такси. Состояние мое значительно улучшилось, но я притворилась ослабевшей, чтобы положить голову Эрику на плечо. Почему бы и нет? Он мой друг.

Неделю спустя Деструктор все еще жил у бабушки. А я все еще жила в квартире Эрика, так и не добравшись до собственной... Учитывая все обстоятельства, это неудивительно. Я была такая несчастная и больная и нуждалась в постоянной компании, чтобы отвлечься от страданий. К тому же больным надо как можно меньше двигаться, сберегая силы организма на борьбу с инфекцией, и не буду же я кричать Эрику через стену из-за каждой чашки чаю? Тактика сбережения сил оказалась крайне эффективной, и ощущала я себя прекрасно – конечно, только до тех пор, пока лежу на диване с Эриком, смотрю с ним «Друзей» и объедаюсь пищей (как хорошо, что болезнь не повлияла на мой аппетит). А чтобы Эрик не поддавался иллюзии моего выздоровления, я грела градусник о батарею. Похоже, эта ситуация всех полностью

устраивала.

Эрик был мягок, как плюшевый медведь. Так и хотелось стиснуть в объятиях. Но проблема была не в Эрике, а в диване. Диван с каждым днем становился меньше. Раньше мы свободно помещались на нем, но теперь не могли расположиться так, чтобы не соприкоснуться локтями. Или даже прижаться плечо к плечу, отчего у меня возникало ощущение, что на меня накинули пуховое одеяло – жарко, лицо краснеет и немного сложно дышать. Думаю, виновата температура. Конечно, она уже не поднималась выше 37,2, но в сотрудничестве с батареей мы успешно довели ее даже до 40.

Периодически Роланд пытался напомнить о себе эсэмэсками, форма которых ошеломляла еще больше содержания: «Я переживаю ощущение острой невротизации и подозреваю, что оно связано с нашей удаленностью друг от друга», «С удивлением обнаружил, что твое отсутствие вызывает у меня снижение работоспособности». «Работоспособность» – о да, это именно то слово, которое не даст вам спокойно дышать в ночи.

Определенно, Роланд выбрал не то время, чтобы уехать. Связи-паутинки, кое-как протянувшиеся между нами за недели совместной жизни, лопнули в мгновение ока. Роланд потерял плоть, став не более, чем тенью, а Эрик находился рядом и был впечатляюще материален, и во мне тикало, как в механизме бомбы. Стоило Эрику отвернуться, как я направ-

ляла на него жадный взгляд, точно кот на бутылек с валерьянкой. *«Позволь мне очистить мою память от холодного субъекта, с которым я провожу свои бесцветные дни, Эрик, и подойди ближе, чтобы, игнорируя моральные ограничения, мы могли предаться безрассудному физическому взаимодействию».*

Вот так живешь и не знаешь, что ты из тех женщин, что рады подсуетиться на стороне, стоит их благоверному отвернуться. Мне казалось, я преданная, а на самом деле у меня просто не было возможности проявить свою порочную натуру, потому что никогда раньше не случалось такого, чтобы сразу двое мужчин проявили ко мне интерес. Да и Роланд в Москве. Или в Мурманске. Куда он там уехал? Меньше знает – крепче спит. А я еще и циник, боже ты мой...

В общем, похоть настаивала, совесть рыдала, гедоническая часть моей личности убеждала, что нет ничего плохого в том, чтобы предаться удовольствиям, а рассудок уверял, что можно творить что хочешь, а потом соврать и прикинуться примерной девочкой, отчего моя совесть начинала рыдать еще горше.

Я бы долго еще терзалась сомнениями, но однажды Эрик решил все-таки узнать мою реальную температуру и бдительно пронаблюдал процедуру замера (кажется, он рассекретил мой метод обмана, потому что сказал: «И сядь подальше от батареи»). Градусник показал 36,6. Это был так подло. Даже 36,9 смотрелось бы лучше.

В этот момент я поняла, что совсем скоро Роланд вернется из Магнитогорска, и идиллия с Эриком будет закончена. И есть подозрение, что наша радость не будет полной, если мы так и проведем остаток времени, сидя на диване и глядя «Друзей».

Мы с Эриком смотрели друг на друга и похотливо молчали. На экране Рейчел бросала Росс. «Я не могу представить свою жизнь без тебя, – сказал Росс. – Без твоих рук. Без твоего сердца»²⁶. Самая грустная сцена в истории телевидения, если вы спросите меня. Наверное, из-за нее мне казалось, что я вот-вот зарыдаю.

– На твоём месте я бы попробовала тебя уговорить, – под- сказала я. – Назови мне три аргумента «за».

Росс опустился на колени и, обняв Рейчел за талию, при- жался лицом к ее животу.

– Ну... – Эрик замялся. – Мы взрослые и мы этого хотим.

– Принято.

– И вообще я считаю, что мы должны быть вместе...

– Не надо об этом! – я замахала руками. – Не надо услож- нять. Не принято!

– Ладно... Мы тут вдвоем, и никто ничего не узнает.

– Хорошо. Два из трех.

– А потом мы честно расскажем все этому...

– Нет! – заорала я как герой американского фильма над

---

²⁶ Телесериал «Друзья» (Friends, 1994 – 2004 гг.), 3 сезон, 16 серия – «Эпизод, когда наступает утро после».

телом лучшего друга. – Эрик, еще один подобный выпад, и я в ужасе сбегу от тебя! Давай третий аргумент, и скорее, скорее, скорее!

– Э-э... – Эрик явно испытывал некоторые трудности с мышлением с тех пор, как кровь отлила от головы. – “You’ve got a pussy / I have a dick / So what’s the problem / Let’s do it quick”²⁷.

– Что это? – подозрительно осведомилась я.

– Это из песни группы Rammstein.

– А это имеет отношение к нашему делу?

– Самое непосредственное.

– Тогда засчитано. И, кстати, о...

Кивнув, Эрик с грацией прирожденного фокусника извлек прямо из воздуха пачку презервативов.

– Что? У тебя есть презервативы? – парадоксально обиделась я. – С кем ты намеревался их потратить?

– С тобой.

– То есть я лежала здесь больная, пребывая в муках и неведении, а ты все давно уже спланировал? Какой ты расчетливый...

– Я не расчетливый. Я оптимистичный.

Я намеревалась продолжать, но он закрыл мне рот ладонью.

---

²⁷ Rammstein – “Pussy”. Вольный перевод фрагмента в стиле Роланда: «У тебя есть женские половые органы / У меня есть мужской половой член / Так совершим же половой акт / Не тратя зря времени».

– У нас всего двое суток, Соня. Давай как в песенке – пошевелимся.

Мы бросились стягивать с себя одежду, в спешке страшно запутались, начали помогать друг другу, и когда крючок моего лифчика намертво зацепился за молнию на его джинсах, поняли, что надо либо успокоиться, либо взять ножницы. Впрочем, не рассчитывала же я, что хоть что-то в моей жизни избежит превращения в ситком? Но, впервые за всю историю моего существования, мне было плевать на многочисленные неловкости. Ну и что, если мы рухнули на бутылку с колой и залили весь диван. Или что у меня перед глазами метнулся запутавшийся в волосах кусочек колбасы из пиццы. Или что на мне как раз были трусы с нарисованной на попе свинкой.

Я осыпала лицо Эрика поцелуями – в нос, губы, подбородок и уши, хаотично, как маленькая собачка тыкается в лицо хозяйки, приветствуя ее после долгой разлуки. Это было точно не как в романах, потому что в романах про таких чокнутых людей не пишут, к тому же главный герой никогда не бывает моложе героини, тем более на семь с лишним лет. Эрик был такой светлокожий, и гладкий, и... такой двадцатитрехлетний (если вы понимаете, о чем я), и это было волшебно, несмотря на то, что я достигла низшей точки своего падения.

Мы сплелись языками в затяжном поцелуе, таком порнографичном, что большинство цензоров предпочли бы пока-

зать детям половой акт вместо него, и прервались только когда от нехватки воздуха у нас начало темнеть в глазах.

– Послушай меня, – выдохнула я. – Я понимаю, что по канону ты должен нежно пощекотать своим дыханием мои ключицы, потом помучить мои соски твердыми губами, потом нарисовать слюнявые узоры на моем животе, а потом погрузиться языком во влажные глубины моей женственности, пока я не закричу от охватившего меня наслаждения, и так далее и тому подобное, но мне уже невтерпеж.

– Ты предлагаешь сразу перейти к жесткому пореву?

– Именно.

– А как же прелюдия?

– Давай потом.

К тому времени, как мы окончательно утомонились, Росс и Рейчел напились и поженились в Лас-Вегасе. Последнее, о чем я подумала перед погружением в крепчайший сон: «А Роланд шесть раз подряд не может. Или не хочет...» В любом случае он слишком стар для меня.

Проснувшись, мы продолжили в том же духе. В перерывах мы гольшом бродили по квартире, уничтожая громадное количество еды. Только накинули на дверь цепочку, чтобы не травмировать Деструктора, реши он внезапно объявиться, видом наших розовых задниц с красными отметинами шлепков. К доставщику пиццы Эрик выходил, завернувшись в одеяло, будто в римскую тогу. Когда дверь запиралась, я сдергивала одеяло – чем больше видно, тем лучше.

Эрик был прекраснейшим творением природы. Полным жизни, оптимизма, которого у меня почти не осталось, умудрившимся при всем его рационализме сохранить чистый, свежий взгляд на мир. Как почка или зеленый росток, он был полон энергии развития. Рядом с ним я ощущала себя другой: лучше, умнее, красивее. Супер-женщина. Мои прежние краткие и неловкие связи обесцветились, рассыпались в пыль. Эти мужчины не стоили моих слез. Они не стоили даже моего времени.

А потом наступило финальное пробуждение, холодное, как ветер, дующий с Волги в ноябре. Омерзительное, как рвота после пьяной эйфории. Я очнулась первой. Эрик еще был погружен в дрему, и кончик моего носа касался светлых прядей его волос. Моя рука обвивала его, и я чувствовала биение его сердца под ладонью. Мне хотелось остаться в этом сказочном настоящем, но оно уже стало моим прошлым. Я вскочила и в страшной спешке начала одеваться. Сколько сейчас времени? Роланд уже приехал? Я едва не рвала одежду, торопясь влезть в старую шкуру. Где мой телефон? Он нашелся на полу, под джинсами Эрика, разрядившийся и отключившийся.

Эрик сел на кровати.

– Мы можем поехать к нему вместе, если ты нуждаешься в моей поддержке.

– Что? Нет!

– Ты же не собираешься продолжать жить с ним?

Я понятия не имела, что я собираюсь продолжать, но вслух сказала:

– Дай мне неделю.

Я видела, что ему хочется спорить. Орать. Настаивать. Но он просто поднял с пола одежду и начал одеваться. Мне стало стыдно. Я подошла и обняла его, хотя у меня и не было на это времени. Его позвоночник напрягся, затвердев, как арматурный прут. Эрик опустился на диван, пытаюсь выскользнуть из моего объятия, но передумал и замер, упершись лбом в мой живот. «Прямо как Росс и Рейчел», – подумала я. И мне стало не по себе.

– Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты разобралась в своей жизни и выбрала меня.

– Я знаю. Я тоже... хочу разобраться в своей жизни. Мне нужна неделя, только неделя.

Мы оба понимали, что это неправда.

Он проводил меня до двери и вдруг начал громко смеяться, показывая на свою футболку. На ней были изображение человечка в шляпке-грибе и надпись: “Sorry, Mario, but your princess is in another castle”²⁸.

---

²⁸ “Sorry, Mario, but your princess is in another castle” (искаженное от “Thank you Mario, but our princess is in another castle”) – «Прости, Марио, но твоя принцесса в другом замке»), цитата из игры 1985 года Super Mario Bros. По сюжету игры полный нерастраченного любовного пыла итальянский водопроводчик Марио пытается спасти похищенную принцессу. В финале каждого уровня (кроме последнего) чудом уцелевший Марио встречает грибообразное существо, которое круто его обламывает с помощью вышеуказанной фразы.

В автобусе мне удалось ненадолго включить телефон и на меня посыпались сообщения от Роланда. Каждое последующее звучало все более человечно: «Я устал от одиночества», «Мне тяжело заснуть без тебя», «Ты у меня такая красивая», «Я скучаю. Почему ты не отвечаешь?», «Пожалуйста, напиши хоть слово». Я нажала «удалить все», не просмотрев до конца, но остатки радужной пелены уже спали с моих глаз, и в ясном свете дня я увидела, какая же я отвратительная свинья. Изменила Роланду дюжину раз за двое суток и даже не натерла себе нигде. Я наплевала на его чувства, притворившись, что их у него не больше, чем у среднестатистического холодильника, потому что мне было удобно так думать. Как я признаюсь ему во всем? Между Роландом и Эриком я находилась как меж двух огней, один из которых замораживал, а другой жег слишком сильно. Мне хотелось убежать, оставив позади и тот, и другой.

Выйдя из лифта, я сразу врезалась в Роланда. Он был в элегантном пальто, весь такой привлекательный, и я понадеялась, что осознание собственной неотразимости немного утешит его, когда я его брошу.

– Соня, – его губы неуверенно, непривычно растянулись в улыбке.

Это пугало. И почему именно сейчас он решил впервые назвать меня уменьшительным именем? Чтобы подчеркнуть связь между нами, которая, как я знаю, омрачена моей изменой, и тем самым усугубить муки моей совести?

– Извини за телефон, – начала я бодро, как на собеседовании. – Он упал за диван. Несколько дней не могла найти. На первый взгляд кажется, что щель между диваном и стеной слишком узкая, чтобы туда мог провалиться телефон, но знаешь, если диван немного отодвинуть, то все получится. Сейчас он стоит плотно к стене. Но до этого стоял неровно. Я не знаю, чем это вызвано. Микроземлетрясения могут быть причиной. И я не понимаю, зачем рассуждаю об этом так подробно. Жажда общения? И, кстати, я не упомянула, что звук телефона был выключен. Это сделало для меня невозможным услышать его. Ты возразишь, что на беззвучном режиме мой телефон вибрирует, но там же мягкий ковер, и он гасит вибрации. Вот, – я обуздала свой бегающий взгляд и посмотрела прямо на Роланда. Тот выглядел несколько озадаченным. Ничего, главное, чтобы он не начал что-то подзревать. Я пока не готова раскрыть ему правду.

– Откуда ты возвращаешься?

– Из магазина, – продолжила я почти без паузы. – Он находится на пересечении Пугачевской и Енисейской. Все знают этот магазин. Если кто-то скажет тебе, что не знает, значит, он не с этого района.

– Но это же там, где ты жила раньше, – заметил Роланд. – Зачем тебе понадобилось ехать так далеко?

Мое сердце рухнуло в пятки. Он догадывается. *«Да, Соня, что ты там делала? Может быть, развратничала со своим бывшим соседом?»*

– Мне нужно было купить... капусту. Кажется, мне не хватает витамина С. Надо есть больше салатов.

– Капуста же продается на каждом углу.

Я закусила нижнюю губу. А он умело ведет допрос. Сохраняет невозмутимое выражение лица. Возможно, профессионал.

– Здесь продается плохая капуста. Для ее объема она слишком легкая. Мне не нравится ее цвет. И запах. Пришлось расширить поле поиска. Выбрать правильную капусту – это целая наука. Я могу рассказать тебе об этом...

– Не стоит. В итоге, вижу, ты так ничего и не купила.

– Сложно сделать выбор. Я слишком зациклена на нюансах, – я опустила глаза.

Мы наконец-то вошли в квартиру. Я скинула шубу и вне мягкой пушистой оболочки почувствовала себя беззащитной.

– На тебе свитер наизнанку, – заметил Роланд.

Я подняла на него печальные глаза.

– В этот раз я уже совсем не знаю, что сказать.

Роланд, в действительности лишенный всякой подозрительности, как и богатого опыта в отношениях, молча обнял меня, и я услышала звук, с которым захлопывается мышеловка. Дзззы-ынннь! И мне сломало хребет.

Я не знаю, что случилось с ним во время командировки. Возможно, лежа в пустом гостиничном номере, он назвал его метафорой своей жизни и решил все поменять. Или же он

просто нашел время на то, чтобы изучить тему отношений и привести свое поведение в соответствие установленным нормам. Или же он решил, что любит меня, но это был совершенно невыносимый для меня вариант, и я старалась об этом не думать. Но перемена в нем была катастрофической – особенно в контексте моего намерения дать ему отставку.

Во-первых, он решил отменить правило «только в субботу» и проникся игривым настроением уже тем же вечером. Я сказала, что у меня болит голова, подробно описала боль и прочитала длинную лекцию о возможных причинах. Ужасно. Будь у меня волшебная палочка, я бы запихнула ее себе в глотку, чтобы наконец заставить себя заткнуться.

Во-вторых, он начал приходить с работы раньше – не вовремя, конечно, но не задерживаясь более, чем на полтора часа.

В-третьих, в понедельник вечером, когда я вернулась из поездки к матери, которая странно притихла с начала моих отношений с Роландом, он устроил мне сюрприз: ужин при свечах, с ресторанной сервировкой, букетом роз, алой шелковой скатертью и шампанским в ведерке. Как будто бабушкиных киселя и картошки с котлетами мне было недостаточно. «Романтика в аду», – подумала я, вымучивая улыбку.

– Что-то случилось? – осторожно спросила я, усаживаясь напротив Роланда, прямо под прицел его обжигающего (до пузырей) взгляда.

– Я решил, что уделяю тебе мало внимания. Ты заслужи-

ваешь большего.

После того, что я натворила, я не заслуживала даже пачки залитого холодной водой «Доширака». Я виновато наклонила голову, но запах еды бил в ноздри, вызывая тошноту.

– К тому же меня все еще мучит совесть за мой отъезд в день, когда ты не очень хорошо себя чувствовала, – продолжил Роланд.

Ничего, уж я тебе отомстила, так отомстила. С запасом на будущее. Теперь спокойно можешь оставить меня в коме, дрейфующей в бассейне с крокодилами. Я разжевала кусочек мяса, но он не проглатывался. Это был худший ужин в моей жизни. Нет, это я сама была хуже, чем когда-либо в моей жизни.

– У меня нет аппетита, – вынуждена была признать я, наконец протолкнув мясо в пищевод и понимая, что не способна повторить этот трюк.

– Тогда десерт? Ты всегда любила сладкое.

«Но еще больше я люблю изменять тебе с парнями, едва вышедшими из школьного возраста. Да я просто Мессалина какая-то».

На десерт был нежнейший сливочный торт, белоснежную поверхность которого украшали сердечки из хрупкой розовой глазури. Я взяла ложку и неуверенно надломил одно из них. Разбитое сердце. Боже, что я наделала.

– Знаешь, я часто задумываюсь, как мало символическое изображение сердца соотносится с его реальной формой, –

сказала я лишь бы что сказать.

– Ты имеешь в виду четырехкамерность и выход лёгочной артерии и восходящей аорты?

– Именно. А этот символ больше напоминает перевернутую задницу.

Роланд опустил взгляд на торт и побледнел. Я могла прочесть его мысли: «Торт с задницами на романтическом ужине. О нет. Я должен был предусмотреть ее ассоциативный ряд». Потом еще что-то пришло ему в голову, и он приобрел совсем уж мертвенно-бледную окраску.

– Я все исправлю... я потребую, чтобы они воссоздали более физиологически правильную форму сердца... или любого другого органа, как ты пожелаешь... насколько это возможно с учетом огранки, и...

– Роланд? – прошептала я.

Он достал из кармана маленькую синюю коробочку и раскрыл ее передо мной. Внутри оказалось кольцо с громадным топазом сердцевидной формы.

Я потеряла дар речи. Роланд продолжал лопотать:

– Мы скоро поженимся... а я до сих пор не подарил тебе кольцо в честь нашей помолвки... и... знаешь, брак моих родителей сложился не лучшим образом... но я не замечал этого... пока, рядом с тобой, не осознал, что хочу для себя другого. И я... так рад, что встретил тебя. Ни с кем раньше у меня не было таких отношений.

Он притянул к себе мою руку, чтобы надеть кольцо. И тут

я зарыдала.

– Соня, – испугался Роланд.

– Это от счастья, – объяснила я, обливаясь слезами.

– Это же всего лишь кольцо. Ты достойна сотни колец.

«О да, сотни колец в цепи, соединяющей меня с каторжным ядром».

– У тебя такой вид, как будто ты очень несчастна, – проявил проницательность Роланд.

– Психологи установили, что... когда люди испытывают отчаяние или сильную радость... их мимика во многом совпадает... и визуально не всегда удается с легкостью отличить одно от другого, – давясь слезами, пояснила я и побилась головой об стол.

– А это зачем?

– А это от наплыва позитивных чувств.

Вечером позвонил Эрик и, чтобы ответить ему, мне пришлось спрятаться в туалете, потому что Роланд весь вечер ходил за мной хвостом. Как же я скучала по тем временам, когда он замечал меня, только когда я вешала полотенце не на тот крючок...

– Что-то ты совсем пропала. Как у тебя дела?

– Отлично. Все идет по плану.

– По какому плану?

– «Барбаросса», – кисло созналась я. Сидя на унитазе, я рассматривала кольцо, которое малодушно позволила надеть себе на палец, и мне хотелось смыть себя в канализацию. В

сток я, конечно, не пролезу, но можно же и по кускам.

– Ты до сих пор не сказала ему?

– Почти сказала, сегодня, за романтическим ужином.

– Хм.

– Эрик, это сложнее, чем ты думаешь, – попыталась я оправдаться. – Он, кажется, решил, что я ему все-таки нравлюсь, и он такой хрупкий, такой беззащитный, и...

– И?

– Это как обидеть котенка. Или маленького хорошенького щенка.

– Сонь, это невозможно – признаться мужчине, что ты изменила ему и уходишь от него, и при этом его не обидеть.

– Но я все-таки попробую, – промямлила я.

Это был тот самый момент, когда твой собеседник молчит, но ты отчетливо слышишь, как он изо всех сил старается не заорать.

Итак, я поставила перед собой сложную задачу и приступила к поиску решения. Спустя неделю я все еще искала. Эрик начал впадать в нечто напоминающее отчаяние, а Роланд с каждым днем становился все страньше. И страньше. И страньше.

В один из моих тягостных дней я пришла в офис и обнаружила, что все шепчутся обо мне. Они были в курсе о нас с Роландом. Кто же им проболтался? Ирина? Вряд ли, кто здесь с ней общается, кроме Ангелины и, к позору моему, меня. Но когда Роланд, не таясь, поцеловал меня прямо воз-

ле кофеварки – самого популярного места в офисе, источник утечки информации стал очевиден. Учитывая, что я вот-вот его брошу, придать нашим отношениям публичность было скверным решением. Что ж, мне в любом случае придется попрощаться с этой работой. Трудно работать одновременно с начальницей, которую ты ненавидишь, бывшей подругой, четырьмя уродинами (пятью, если считать Ангелину) и боссом, которому наставила рога.

Несмотря на все мои тяготы, Эрик тоже не намеревался дать мне поблажку, и голос его звучал сурово как никогда.

– Что нового?

– Роланд купил книгу «Кулинария для чайников». Смешно. Как будто чайники будут самостоятельно готовить на его кухне.

– Это все новости?

– А еще мы подали заявление в ЗАГС... Но в целом дело уверенно движется к разрыву.

Эрик надолго замолчал. Я даже подумала, что звонок сорвался. Лучше бы сорвался.

– Соня, я устал. Это мучительно.

– Ты просто принимаешь ситуацию слишком близко к сердцу, – я попыталась его утешить, но фраза прозвучала формально, точно мне и сказать уже нечего.

– Все так усложнилось. Теперь и не знаю, как разрешится эта ситуация. Прошло гораздо больше недели. Февраль на дворе.

– Эрик, ты давишь на меня, – захныкала я. – Ты терзаешь меня этими разговорами. Просто оставь меня в покое еще на семь дней. Я обещаю, в этот раз я смогу разобраться.

– Хорошо. Я позвоню через семь дней.

Вечером ко мне подошел Роланд, который прочел «Джейн Эйр» и решил обсудить книгу со мной. Роланд. Прочитал. Джейн. Эйр. Он не мог сам до этого додуматься, следовательно, нашел совет в Сети. О да, все это делают, малыш. Я имею в виду, все, кроме нормальных людей, которым не нужен Google, чтобы найти себе пару и потом как-то с этим человеком общаться.

– У Джейн были сложные отношения с мистером Рочестером, – бодро начал Роланд.

Наверное, он прочитал это где-то в отзывах на книгу.

– Да, действительно, – согласилась я, все еще пытаюсь представить себе Роланда с «Джейн Эйр» в руках и пачкой платочков возле, на случай внезапного наплыва эмоций.

– Как ты считаешь, стало ли причиной затруднений в их отношениях ее сиротство и, как следствие, отсутствие у нее образца отношений между мужчиной и женщиной?

– Э... нет. Она вроде вполне четко знала, чего хочет.

– Да? Возможно. А ты не считаешь, что социальная дистанция между Джейн и Рочестером усложнила их сложные отношения, сделав их еще более сложными? – Роланд продемонстрировал редкую способность к психологическому анализу и явно злоупотреблял словом «сложный».

– М-м... видимо.

Роланд остался доволен обсуждением. Он пребывал в хорошем настроении вплоть до самого вечера, когда снова получил от ворот поворот.

Я вспоминала его субботнее правило с ностальгией. Так же как и его привычку надевать пижаму. Роланд уже начал тревожиться по поводу моих ежевечерних головных болей. Даже предложил сходить к врачу. Тем не менее смутное понимание, что его динамят, уже начало прорастать в его девственном мозгу. На работе он читал статьи с заголовками вроде «Заведи свою подружку», о чем на весь офис разболтала его секретарша, и сотрудники «Синерджи» взглянули на меня новым взглядом.

Я и не подозревала, до какой степени дошла его сексуальная фрустрация, пока он не включил DVD с порно, решив направить против крепости моего целомудрия тяжелую артиллерию. Хотя у него не было опыта с выбором подобных фильмов, ему повезло, и экземпляр достался отличный. Десять минут мы лежали в постели, с длинными лицами разглядывая дебелых немецких барышень, с радостным визгом окатывающих пухлых немецких мужчин плотными струями мочи. Уверена, что в свои тридцать два года Роланд до сих пор и представить не мог, что кому-то вообще может прийти в голову заниматься подобным.

– Пожалуй, нам пора спать, – выдавил он, выключая видео и с головой прячась под одеяло.

Я была того же мнения.

К следующей ночи он еще не успел изжить моральную травму, и я получила короткую передышку от его домогательств.

Как будто догадываясь о творящемся в моей жизни раздразе, Диана иногда награждала меня ироничной улыбочкой. Не думаю, что у меня был шанс помириться с ней. Вряд ли бы она согласилась выслушать от меня хотя бы признание, что она оказалась права.

Женевьева уволилась. Точнее, она просто перестала выходить на работу. Диана позвонила ей, чтобы узнать, все ли с ней в порядке, и Женевьева ответила, что теперь да. Вилли, Билли и Дилли подумывали последовать ее примеру.

Я смотрела вокруг и понимала, что никто не работает. Уже даже не делает вид. Ирина опустила руки. Отдел дрейфовал, как корабль без капитана. Поскольку бонусы от закрытых вакансий нам больше не выплачивались в связи с отсутствием закрытых вакансий, зарплаты были мизерные, но пока хоть какие-то деньги шли, кто-то еще оставался на борту. Долго так продолжаться не могло, и понимание этого только усугубляло обстановку «пир по время чумы».

Провалившись как руководитель отдела, Ирина вознамерилась состояться как организатор моей свадьбы. Вероятно, она надеялась, что таким образом задобрит Роланда и сможет продержаться на своей должности еще некоторое время. Если мне не удавалось ускользнуть от нее, она запихивала

меня в свою «Субару», и под дьявольское хихиканье ее вечной спутницы Ангелины мы неслись от салона к салону.

Я окончательно потеряла контроль. Это походило на сумасшествие. Я как будто попала в вихрь – Роланд, свадьба, Эрик, Ирина, снова свадьба. И неутраченное чувство вины. Все это разрывало меня на куски. Но хотя бы Эрик больше не терзал меня звонками.

Я стала очень рассеянная. Я била чашки и спотыкалась на ровном месте. Терялась в коридорах офиса и не могла найти машину Юры на стоянке. Как говорят, «однажды ты сможешь посмеяться над всем этим», и я не сомневалась, что посмеюсь – в палате для буйных. Моя нервозность передавалась Роланду. Все его фобии обострились. Он начал вставать ночью, чтобы проверить, выключен ли газ, и постоянно протирал поверхности антисептиком, которым мгновенно провоняла вся квартира. Машина вдруг стала для него опасным местом, полным отравляющих паров бензина. Когда однажды утром я увидела на полу в ванной его волосы, которые начали сыпаться от стресса, я поняла, что час истины настал. Я должна сказать ему. Если я буду тянуть дольше, мы оба сойдем с ума.

Конечно, было бы лучше поговорить с ним по возвращению домой, но я понимала, что когда он придет и откроет «Кулинарию для чайников», пытаясь приготовить нам ужин, я не смогу выдать ни слова. Поэтому, когда рабочий день завершился, я осталась сидеть в офисе. Сотрудники «Синер-

джи» выключали компьютеры и расходились, предвкушая отдушину выходных после серых офисных будней, а я смотрела в монитор, положив на мышшь дрожащую руку, притворяясь, что занята важным отчетом. Но в действительности я просто пялилась в одну точку, забывая моргать.

Дождавшись, когда мы остались вдвоем, – только я и Роланд, я медленно, как во сне, встала и направилась к его кабинету. Посмотрела на табличку с его именем на двери. «Холодный Ярослав Борисович». Раньше я считала, что эта фамилия ему очень подходит. Теперь я так не думала. Странно, за почти три месяца наших отношений я ни разу не примерила ее на себя. Хотя ничего странного. Я не любила его ни минуты своей жизни. Я была просто одинокой женщиной, которая годами тешит себя фантазиями на тему идеального мужчины, чтобы не думать о том, как далека от идеала она сама. Или все люди. Я даже называла его чужим именем! В реальности Ярослав оказался гораздо сложнее и в конечном итоге лучше, чем я себе представляла. Итак, надо войти и покончить с затянувшимся недоразумением. Раз... два... три...

Пытаясь приспособиться к собственным и моим изменениям, Роланд едва не лопался от напряжения, как паровой котел. Есть много способов снять стресс. Покатать в ладони деревянные шарики. Сложить пасьянс. Нарисовать пейзаж акварелью. Заняться диким сексом с пожилой уборщицей прямо на рабочем столе. Роланд выбрал последнее. Что

не устраивало его в акварели?

Я выскочила из кабинета, и вслед мне раздался скорбный клич, приглушенный телесами уборщицы:

– София! Соня! Соня!

Он нагнал меня в конце коридора. Шустрый, даже при том, что руками придерживал штаны, которые еще не успел застегнуть.

– Соня! Я... не хотел. И это было впервые. На меня столько всего навалилось в последние недели, и... я не знаю, что на меня нашло.

Он продолжал еще что-то лопотать, но осекся, увидев мое лицо, растягивающееся и кривящееся в безумнейшей, неудержимой улыбке.

– Ты собираешься плакать или смеяться?

Булькающие звуки, вырвавшиеся из моей глотки, разрешили его сомнения. Я спустилась вдоль стены и забилась в смеховых конвульсиях. Он изменил мне! Изменил! В такие моменты начинаешь верить, что бог существует и все-таки как-то заботится о нашем психологическом благополучии, пусть и выбирает иногда странные методы. И как же нелепо, что Роланд, патологически боящийся даже обычной комнатной пыли, изменил мне с уборщицей, женщиной, целыми днями возящейся в грязи. В процессе она даже не сняла рабочего халата!

– Соня... я мерзавец... я себя ненавижу... я понимаю, что... – бормотал уже ничего не понимающий Роланд.

– Все в порядке, Слава. Наверное, ты просто изнемогал от недостатка грязи в организме, вот тебя и прорвало. Да и ваша разница в возрасте... не мне говорить. Я сама предпочла парня помоложе. Наверное, она хороший человек. Скорее всего, так оно и есть.

– Что? О каком парне ты говоришь?

Я посмотрела на него снизу вверх, улыбаясь, как олененок Бэмби.

– О, ты его знаешь. Эрик. Я тоже тебе изменила. Ну мы с тобой были и парочка! Стоили друг друга!

– Были? – тонким голосом повторил Роланд и уронил штаны. Наверное, это могло бы показаться смешным, но только стороннему наблюдателю, не участникам диалога. Хотя я все же надеялась, что здесь нигде не притаились сторонние наблюдатели. Если не считать гребаных видеокамер через каждые десять метров.

– Мы расстаемся, Ярослав.

– Если ты мне изменила, и я тебе, мы можем просто простить друг друга и сделать вид, что ничего не произошло.

Он все еще хватался за соломинку. Но я покачала головой.

– «Два неадеквата – это слишком много для одной пары», – сказала злая Диана, и она была права. У нас нет будущего. Но, знаешь, ты хороший. И тебя ждет нечто прекрасное – без меня. Только, пожалуйста, найди толкового психотерапевта. Я тебе очень советую.

Он стоял ошеломленный, все еще со спущенными штана-

ми. Я поцеловала его в щеку, в этот момент понимая, что, хотя у нас не было будущего, наше недолгое совместное прошлое было не таким уж и плохим, и вышла, выпорхнула, как птица, наружу. Я чувствовала под крыльями ветер. Я почти ничего не весила. Я свободна!

Теперь я знала, с кем я хочу быть. И пока мне еще хватало смелости, чтобы сказать ему об этом.

К сожалению, метафорические крылья не могли в буквальном смысле доставить меня до места. Пришлось ловить маршрутку. Та тащилась невероятно медленно. Кроме того, в ней не было места для крыльев.

Наконец я взбежала по лестнице, ударила по звонку, и дверь мне открыл... открыла... Я моргала на нее, не веря своим глазам: длинная девица, подведенные глаза, сиреневые туфли на шпильках. И ничего больше. Только костистое тело без единого волоска.

Я не знала, что сказать. Я впала в шок.

– Привет, – выпятив нижнюю губу, девица сдула упавшую на глаза прядь волос. – Узнала меня?

– Н-нет.

– Странно. Я же Жанна Лав, ну или Любименко, если так тебе понятнее.

– Ж-жена Эр-рика? – осенило меня.

– Ну не только... в смысле, у меня же еще карьера. С Эриком это мы на сейчас съехались.

Я развернулась и побежала прочь. Лицо горело, как будто

кипятком плеснули.

– Эй, ты куда? – закричала Жанна. – И кто ты вообще такая?

Я спрыгнула, проскочив сразу восемь или десять ступенек, и чудом приземлилась без переломов. Минуту назад я знала, кто я. Но сейчас уже нет.

На улице тяжелыми мокрыми хлопьями валил снег. Я пробежала сто метров, но выдохлась и пошла пешком. Мне было трудно дышать, но я не плакала. Плачешь, когда болит голова или когда день не задался. Когда рушится весь мир, слезы кажутся бесполезными. Куда я иду? Зачем я иду? Может, просто лечь здесь в сугроб и, как медведь, заснуть до весны с надеждой, что времена изменятся к лучшему?

И тут я снова его увидела. Моего преследователя. Не скрываясь, он сверлил меня глазами. Я пошла прямо на него.

– Кто вы? – мой голос звучал хрипло, как карканье замерзшей вороны.

Он попятился.

– Кто вы? – закричала я. – Отвечайте! Либо вы ответите, либо я дух из вас вышибу!

И как я планировала вышибить из него дух с моим-то ростом метр с кепкой? Тем не менее он был впечатлен.

– Не надо, Соня, не сердись.

– Объясняйтесь, – игнорируя свое имя, я свирепо топнула сапогом, взметнув сноп снежных брызг.

– Я твой отец.

Я улыбнулась маниакальной, больной улыбкой. После такой люди в фильмах пускают себе пулю в висок.

– Очаровательно. Вдруг объявившийся отец. Теперь моя жизнь окончательно превратилась в дешевый мексиканский сериал. Так последуем же традиции – прервемся на самом интересном месте! Не желаю вас слушать!

И, лихо развернувшись на каблуках, я зашагала вниз по улице.

Глава 15: Мудрость Софии

Разумеется, дальше двух метров я не ушла. Кто бы ушел, услышав такое?

– Вот как? – развернувшись, я уставилась на него со смесью любопытства и презрения. – Мой отец умер много лет назад. А вы, рискну предположить, живы.

– Так я и был жив все это время.

– Вы даже не похожи на него.

– Но я твой отец, – вид у него стал как у побитой собаки, смотреть противно. – С чего мне тебя обманывать?

– Вот это мне и хотелось бы узнать. Как же так получилось, мой дорогой папочка, что вы куда-то провалились на долгие годы? Давай, объясняйся, мне интересно, как ты вывернешься.

– Я ушел от твоей матери, когда тебе было четыре года. Соня, неужели ты совсем не помнишь меня?

– Вас? Я помню другого человека! И никто не уходил от моей матери! – (От такой женщины разве что уползешь с переломанным хребтом, и то если повезет). – И вообще, разве вы летчик?

– Летчик? – растерялся он. – Почему летчик?

– Потому что мой отец был летчик! И красавец! И герой! И пальцы у него были музыкальные! Вам далеко до него!

– Неужели Галька так промыла тебе мозги? Вот стерва! –

возмутился мой мнимый папочка, сжимая кулаки.

– Эй, полегче! Вы оскорбляете мою мать! Вы не имеете права так говорить... даже если это и правда. И откуда вы знаете, как ее зовут? И как меня зовут?

– Соня, у тебя есть его фотография?

– Папина?

– Да, летчика.

У меня была фотография. В кошельке. Фотографию мне сунула мама, и я убрала ее за календарик. Нечего папе пялиться на меня, как будто я разочарование всей его жизни.

– Вот.

Он глянул, и его брови поползли к кромке волос.

– Так это ж Валерка!

– Нет, его звали Анатолий.

– Анатолий – это я. А это Валерка. Он с нами в Техунивере учился. И не был он никаким летчиком. Он просто модельки самолетов коллекционировал.

Все это у меня в голове не укладывалось. Тем более сегодня. Слишком много событий на одну мою бедную голову.

– Но я же видела его на фотографиях вместе с мамой.

– Так они дружили. То есть приятельствовали. Чего уж там, она за ним бегала, пока он не женился и не уехал на Север. Он до сих в Норильске живет. Слушай, ты помнишь Барби? Я ездил в командировку в Москву и купил тебе настоящую Барби. Как в рекламе. Это был подарок тебе на пятилетие.

– О настоящей Барби я могла только мечтать. Потому что ее у меня никогда не было. Только китайская Санди. Зато три штуки.

– А книжки? Книжки-то она тебе передавала? Тебе всегда нравились книги... Я покупал их стопками. «Алиса в Стране Чудес», Кир Булычев, помнишь?

– На «Алису» я себе сама накопила. А Булычева я не читала в детстве.

Лицо Анатолия потемнело.

– Но рюкзак-то она не могла выбросить. Ты должна была пойти с ним в первый класс. Такой розовый. Со светоотражающими полосами. На нем была нарисована...

– Принцесса, – выдохнула я.

– Точно. Ты помнишь?

Снег падал и таял на наших лицах, отчего казалось, что мы плачем. Но мы, конечно, не плакали. Мы были в полном обалдении от вскрывшихся обстоятельств.

– Но почему... после того, как вы бросили нас...

– Я бросил ее, – перебил он. – Я не собирался бросать тебя. Но после этого обнаружил, что она готова превратить в ад и мое, и твое существование, если я продолжу видеться с тобой. И своего добила: постепенно наше общение сошло к нулю. Она даже не передавала тебе мои подарки! Ты помнишь, как это было? Как она кричала на меня, и ты плакала?

– Не помню, – ответила я и потеряла виски, чувствуя внезапно начавшуюся головную боль. Хотя что в действитель-

ности я помнила? Только байки о мифическом трагически погибшем отце, которые мои мать пересказывала снова и снова. Но за ними клубился туман, такой плотный, что мог скрывать все, что угодно.

– Я передавал деньги на твое воспитание. Хотя бы это я мог сделать. Деньги – единственное, что она брала от меня с готовностью.

– Но потом... когда я стала взрослая... почему ты не попытался связаться со мной?

– Я пытался! Я звонил тебе! Когда тебе было тринадцать... и четырнадцать... и пятнадцать... «Я твой папа», – говорил я тебе. А ты кричала на меня: «Я тебя ненавижу! Не звони мне больше!» И я подумал, что заслужил этого, ведь я был виноват перед тобой.

– Но... черт! Это из-за одноклассников! Они постоянно названивали мне и несли всякую чушь, меняя голоса! Я думала, это они балуются!

– Их глупые развлечения стоили нам в итоге многих лет общения, – грустно резюмировал отец.

– А потом? Почему ты снова решил попытаться? Почему начал преследовать меня?

– После тех неудачных телефонных разговоров я отступил. Я решил, что ты справишься без меня. Постепенно я привык к мысли, что не нужен тебе. Ты выросла, и я надеялся, что у тебя все в порядке... или, может, мне было удобно так считать. А потом я увидел ту передачу, «Большая терка»

с Монаховым... давно, еще летом... и понял, что ты несчастлива.

– И промедлил аж до зимы.

– Да, – виновато сознался он. – Потому что мне было... страшно.

С одной стороны, его трусость злила. С другой стороны, я вдруг узнала в его нерешительности себя, и мне стало легче.

– Я позвонил твоей матери. Но ты давно не жила в той квартире, и Галя отказалась дать мне твой новый адрес. Тогда я начал караулить тебя поблизости, ожидая, что ты придешь навестить ее. Так и произошло. Постепенно я разузнал все, что мне нужно, но продолжал следить. Потому что...

– Все еще не решался подойти.

Он поежился.

– Именно. Я боялся, что ты ненавидишь меня.

– Знаешь, сейчас я должна идти. Запиши мой номер телефона... и мне напиши свой. Хотелось бы встретиться в другом месте... и в другой день.

– Соня...

– Да?

Его голова была низко опущена.

– За те пять лет, что мы прожили вместе с твоей матерью, я никогда не был достаточно хорош для нее. Это было очень тяжело.

– Я знаю. Я прожила с ней двадцать четыре года.

Я сама не ведала, что в моей улыбке. Осуждение, сочув-

ствие или же только грусть. Я подумаю обо всем этом завтра, как Скарлетт О'Хара. А сейчас я пойду.

К тому времени, как я добралась до квартиры матери, я раскалилась от ярости так, что снег таял в радиусе трех метров от меня. Вспомнив, что застать врага врасплох – залог победы, я не стала деликатничать и от души заколотила в дверь ногой.

– Это что за номер? – открыв дверь, рывкнула мама, но я влетела в квартиру, даже не глянув на нее.

– Где фотографии?

– Может, соизволишь сначала поздороваться?

– Здравствуй, мама. Нас ждет долгий и неприятный разговор. Так где фотографии?

– Какие фотографии?

– Свадебные фотографии! Семейные фотографии! Любые, способные доказать, что человек, которого ты называешь моим отцом, имел к нам хоть какое-то отношение! – теперь настала моя очередь тыкать пальцем в портрет, в который до этого так долго тыкали носом меня.

Мама застыла, как будто бы в растерянности, но я заметила мелькнувшее в ее глазах выражение: началось. Она ждала этого дня. Она понимала, что он придет.

– Зачем они тебе сейчас? Что-то случилось? – тем не менее осведомилась она.

– Я изменила Ярославу с Эриком, решила бросить Ярослава и узнала, что он изменяет мне с офисной уборщицей.

Не систематически, а непосредственно в тот момент. Поэтому, к счастью, мы расстались хорошо. Потом я пошла к Эрику, но к нему вернулась бывшая женушка, вот незадача. Таким образом, я осталась без мужика и затем встретила моего вроде как родного папочку, уверяющего, что ты двадцать шесть лет пудришь мне мозги! А так *ничего* не случилось, мама! День как день!

– Зачем ты Ярослава бросила? Все мужчины изменяют, у них природа такая. А он директор, холеный, богатый! Ты что, с луны свалилась?

– Да, и, наконец, стою ногами на земле. Какое приятное, подзабытое ощущение, – я стряхнула с себя шубу.

– Он тебе позволит шубу оставить?

– Мама! – возмутилась я. – Это последнее, что меня сейчас беспокоит!

– А кольцо? Ты должна забрать его! Оно твое. В худшем случае ты сможешь его продать.

Про себя я отметила, что обязательно верну шубу. Кольцо с топазом я оставила на тумбочке возле кровати. Ярослав еще и мою квартиру проплатил на три месяца вперед... я рассчитаюсь с ним, обязательно, только разберусь со всем, заработаю денег... ах, еще и работу новую искать! Голова лопается!

Игнорируя бабушку и ее пространную речь про пироги с картошкой, я вошла в гостиную и бешено заозиралась, как будто еще рассчитывала что-то найти.

– Где они? Предоставить доказательства в твоих интересах, мама.

Мама покосилась на бабушку.

– Хоть супчика съешь, – сказала бабушка.

«Неужели бабушка всегда была такой? Рыхлой и жирной? Заиклившей на еде? Задействующей свой мозг только для того, чтобы запоминать героев сериалов? – в раздражении подумала я. – Ах, нет, я помню ту стройную девушку на старых фотографиях...»

– Ты знаешь, нет фотографий, – «припомнила» вдруг мама. – Представь себе, еще когда мы жили в общежитии, у нас была ужасная соседка наверху, и однажды она так залила нас...

– ...что все фотографии уплыли вон из квартиры и вместе с потоком впали в какое-нибудь море, – мрачно закончила я.

Я перешла в кухню (мама тенью следовала за мной, позади кралась бабушка), встала на табуретку и сняла со стены рамку с фотографией. Отец здесь был молодой, кожа так и сияла. Пытаясь помешать мне, мама бросилась на меня как регбист, но я умудрилась устоять и, расковыряв рамку, достала фото. «Валерий Одоевский, – гласила надпись на обороте. – Выпуск 1980 года, инженерный факультет». Это была фотография из выпускного альбома.

– Вот ты стерва, – громко произнесла я, не в силах подобрать других слов. – Он не только не мой отец, но даже, блин, и не летчик!

– Чего? – у бабушки был такой вид, как будто ее трехнедельным пирогом по голове стукнули. – Галя, ты что, родила Соню от другого мужчины?

– Она была замужем за другим мужчиной! – в сердцах выкрикнула я.

– Тихо, – зашипела мать, но бабушка уже спикировала на нее.

– Что же это, дочь моя, значит? Ты мне врала, что ли?

Между ними завязалась бурная перепалка. Я присела на край стола и безучастно наблюдала. Они столько раз объединялись против меня, вот пусть теперь друг с другом повоюют.

– Как я могла тебе сказать! – завизжала мама. – Ты меня поедом ела, поедом! Все тебе было не так и не эдак! Ты мне житья бы не дала, узнав, какой у меня муж!

– А я-то думала, почему как не соберусь к вам, вы то уезжаете, то грипп у вас...

Наконец бабушка демонстративно схватилась за сердце и отползла на диван в комнату пить валерьянку. Я была рада, что ее ипохондрия перевесила ее любопытство и теперь я могу поговорить с матерью наедине.

– Ну что, ты довольна? – набросилась она на меня, после боя с бабушкой вся покрытая красными пятнами. Как будто это я виновата в ее интригах! – Набросилась на мать! И с чего: мужик ей на улице сказал!

– Но его слова оказались правдой!

– Не важно, – она убрала со лба мокрую прядь, мрачная, как туча. Впервые в жизни я видела мать настолько выведенной из душевного равновесия.

– Он так на меня похож, то есть я на него, – вздохнула я. – Такая же рохля. Мама, как ты могла так со мной поступить?

– Чего? Как я с тобой поступила? – взвилась она. – Да ты не знаешь, от чего я спасла тебя! Неудачник! Слабак! Инженеришка паршивый! Сидел на половине ставки и ждал сокращения! Ничего не мог для семьи выбить! Если б я муку да картошку не добывала через знакомых, мы бы загнулись от голода! Плевать ему было и на тебя, и на меня!

– Но ты не должна была решать за меня, нужен мне такой отец или нет! И я хотела Барби! А ты выбросила ее! И мои книги ты тоже выбрасывала!

– Не говори мне, что я должна, чего не должна! Мать всегда права!

– Нет, ты не всегда права! – завизжала я. – Ты вышла замуж за человека, которого считала недостойным себя, может быть потому, что не знала, будет ли еще у тебя шанс! А когда он собрал остатки воли и сбежал от тебя, ты наврала всем с три короба! И не говори мне, что это правильно, мама!

– Ты бы переживала, что твои родители разведены.

– А ты думаешь, я не переживала, все свое детство выслушивая истории, каким чудесным был мой папаня, пока не отбросил копыта?

– Я хотела, чтобы ты гордилась отцом!

– Нет, мама, ты хотела, чтобы я верила, что ты успешная женщина, – сказала я, и она отшатнулась от меня, как будто я ее ударила. – Так и получилось, – продолжила я, игнорируя уязвленное выражение в ее глазах. – Хотя у тебя не было блестящего мужчины в настоящем, он был у тебя в прошлом, о чем ты не давала забыть никому вокруг и, главным образом, мне. Рядом с тобой я чувствовала себя неудачницей. Но это то, к чему ты стремилась, да, мама?

Она молчала. Воспоминания вдруг хлынули в мою голову, как будто открылись шлюзы. Пока еще слишком хаотичные и обрывочные, но я вспомнила отца. Как он принес мне настоящего живого ежика с колкими иглами, чей животик я все пыталась потрогать, а ежик сворачивался в клубок. Как мы с папой учились печь печенюшки, и мама ворчала, что на кухне бардак. Как отец ушел, хлопнув дверью, а она плакала, сидя на краю ванны, а когда я спросила, почему, ответила: «Что ты можешь понять? Ты же еще маленькая».

– Ты бы ни за что не призналась, что тебя бросили, тем более такой слизняк. Ты бы не выдержала такого унижения. Это событие полностью обесценило тебя в собственных глазах. Все последующие годы ты отчаянно старалась поднять свой статус.

Мама помотала головой.

– Ты не понимаешь. Бабушка тогда еще жила в деревне, но и оттуда она меня доставала. Женщина, которая не смогла удержать мужа, – ничтожество в ее глазах, она извела бы

меня. Вот вдова – другое дело.

– Едва ли ты начала всю эту ложь после развода. Даже если бабушка так и не встретила с моим отцом, наверняка она расспрашивала о нем по телефону, его работе, делах. Ты говорила ей правду?

Мать отвернулась к окну.

– Я не могла позволить ей унижать меня, не хотела выслушивать комментарии о моих неудачах с мужем. Ну а потом... К тому же люди в то время были другие. Вдова вызывала сочувствие, но на брошенную женщину смотрели косо.

– Люди были такие же, как сейчас. Дело не в них. Это ты осуждала себя, ты ценила себя лишь настолько, насколько тебя ценит мужчина. Как будто сама по себе ты ничто. Почему, мама, почему ты не любила, не уважала себя?

– Я себя не любила? – возмутилась она. Даже ноздри раздулись от гнева. – Это Валера не любил и не уважал меня! Он должен был жениться на мне! А не на этой... этой Машке...

– Мама, ты изменяла с ним папе?

Она уставилась в окно с таким интересом, будто там слон гарцевал на канате.

– Понятно. У вас вообще ничего не было.

– Потому что он был слеп.

В беспокойстве я начала нарезать круги по тесной кухне.

– Я вспоминаю бабушку... когда дед был еще жив. Как он ходил по деревне пьяный и позорил ее, возвращался домой за полночь, а она встречала его с ужином и графином водки.

А ведь до свадьбы он капли в рот не брал, она сама говорила. Она готова была сделать его пьяницей, чтобы привязать к себе.

– Глупости. Ты ни дня не работала по специальности. Так с чего сейчас начала строить из себя психолога?

– А история с моей прабабкой? Она позволяла прадеду держать в их доме его племянницу, которая на самом деле не была ему племянницей! А моя прапрабабушка? И прапрабабушка? На что они были готовы пойти ради мужчины? Да я сама хороша! Год скакала как блоха, все искала жениха! Собрала кретинов со всей округи, и они трепали мне нервы! И в итоге осталась ни с чем! Мама, что мы творим? Мы совсем спятили! Мы не занимаемся собой. Мы перестали видеть себя как мыслящую единицу. Мы существуем, если мы с кем-то! Но в одиночестве... нас почти что нет.

– Женщина должна быть рядом с мужчиной. Про одинокую и счастливую – это все глупые сказочки, придуманные дурнушками и американскими феминистками.

– Мама... ты даже не понимаешь, что я хочу тебе сказать. Женщина должна оставаться собой. Ценить собственную личность. Не терять ее.

Она смотрела на меня возмущенным, лишенным и тени мысли взглядом. У меня поникли плечи.

– Достаточно на сегодня. Мне нужно уехать. Привести голову в порядок.

– А работа?

– Я ушла с работы.

– Когда?

– Вот в эту секунду.

– Это что еще за выверты? Ты думаешь о последствиях? – она схватила меня за руку, но я вырвалась.

– Мама, не трогай меня. Я на тебя очень зла. Наверное, я тебе давно должна была это сказать. Конечно, мы помиримся... но не раньше, чем ты пересмотришь свое отношение ко мне, – я торопливо набросила на себя шубу.

– Куда ты? – крикнула она мне за дверь.

– В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!

– Нет у тебя никакой тетки!

Кто знает. С моей матерью нельзя быть уверенной...

Пожалуй, насчет Саратова я немного погорячилась. Денег с собой у меня наскребалось только на билет в один конец. Мне, конечно, хотелось сбежать ото всех, но не настолько же радикально. Поэтому, подумав, я решила направиться в деревню с прилипчивым названием Репьевка, где раньше жила моя бабушка. Далеко не Саратов, зато та еще глушь. У бабушки остался там дом. Когда она уже переехала в город, мы иногда ездили в деревню, но последний раз это было лет пятнадцать назад. Наверное, дом обветшал, но вряд ли настолько, что в нем невозможно жить. А ключ? Ладно, пролезу в окно, что уж мне теперь.

Прямой автобус до Репьевки не шел. «Лет пять назад отменили, – объяснила кассирша на автовокзале. – Непопуляр-

ный рейс». Пришлось брать билет до Мирного, откуда вроде как можно добраться маршруткой. Ближайший автобус в пять тридцать утра, эх. Возвращаться домой не хотелось. Мать начнет названивать, а Эрик... придушу, если увижу. Или сяду перед ним и начну рыдать, что еще хуже.

Нет, так нельзя. Я не могу просто взять и уехать, без смены белья, без зубной щетки, без зарядника для телефона, наконец, и все потому, что боюсь столкнуться с изменником, живущим по соседству! Я объяснила себе, что это трусливо и вообще неправильно, после чего села на жесткое сиденье и поняла, что до приезда автобуса с места не сдвинусь.

Несколько подозрительных граждан тоже устраивались на ночлег, но были изгнаны полицейским. Он покосился на меня, но я была женщина и трезвая, и меня оставили в покое. Я надеялась, что мне удастся уснуть, но сна не было ни в одном глазу. Таким образом, самый ужасный день в моей жизни продолжился. Я прогоняла мысли об Эрике, но они настойчиво стучались в мою голову. На фоне возвращения его женушки даже история с фальшивым отцом не казалась такой шокирующей. Как он мог! Уверял, что она не интересуется его, но стоило ей поманить пальчиком, и... хотя, конечно, она мать его ребенка.

Я категорично решила не плакать, но в горле ощущалась предательская соль. В сердцах я отправила Эрику эсмэску: «Я бросила Ярослава. И тебя тоже. Не звони мне», сказала себе, что ответ мне безразличен и выключила телефон. По-

том включила и начала ждать. Но ответа не было. Он молчал! Я отвергла ради него Ярослава, порвав все струны в моем сердце, а он тем временем слинял втихую к другой бабе! Я снова выключила и включила телефон – вдруг завис? Но ответа не было. Да чтоб твой Роботрон сломался!

К двум ночи меня охватил гнев. Я была так зла, что мне не сиделось на месте. Я вышла наружу и начала ходить по платформе. Мое лицо замерзло и пальцы сводило от холода, но я продолжала метаться, как тигр в клетке. Мобильник пищит! Замирая в тревожном ожидании, я нажала на кнопку... «Друзья всегда рядом, с Вашим мобильным оператором!» – бросилось на меня сообщение, и с диким животным вскриком я зашвырнула телефон в темноту. Он ухнул мимо платформы и беззвучно провалился в снег.

И я вдруг поняла, что осталась совсем одна. Нити порваны. У моего любимого новая старая жена. Деструктор, наверное, безумно счастлив, ведь его мамочка вернулась. Они будут счастливы без меня. Я буду несчастна без них. Словно сюжет страшного сна, но это произошло со мной в действительности. Просто в голове не укладывалось. Как я буду без Эрика? Без его улыбки? Заботы? Любви?

В пять тридцать, опухшая от слез, я села на автобус. За окном висело темное марево, начавшее светлеть только к концу трехчасовой поездки.

В Мирном я расспросила сонных прохожих и услышала, что ходит до Репьевки какая-то маршрутка, но редко, а по-

сему, чтобы не тратить зря время, мне лучше отправиться пешком. Всего-то два часа спокойным шагом – и я на месте. Легко сказать. Решив, что хуже мне уже не будет, я устремилась в путь. На середине дороги повалил мокрый снег, но и без того я уже поняла, что была не права. Сонная и голодная, я быстро растратила силы. Можно предположить, что, доковыляв до деревни, я нашла бабушкин дом и все стало хорошо, но когда мне так везло?

В деревне, стаяя и охая добравшись до конца улицы, где, как я смутно помнила, находился бабушкин дом, я обнаружила, что никакого дома уже нет. Просто ровный слой снега на месте, где он стоял раньше. Я понадеялась, что что-то перепутала. Но вот береза, знакомая с детства. А вон остатки бабушкиного сарая. Осознав свое положение, я села в сугроб и зарыдала.

– Что ты, милая, плачешь? – услышала я вдруг и, подняв глаза, увидела старушку с ведерком.

Хоть и говорят, что женщина с пустым ведром не к добру, но эта на вид была чисто престарелый ангелочек. Сквозь увеличивающие стекла очков ее глаза казались огромными, как у совы.

– Я из города приехала... пожить... в доме б-бабушки... а его здесь нет!

– Конечно, нету. Их же пять домов сгорело лет десять тому назад. Остальные отстроились. Кто в город не уехал, конечно.

– Я не могу уехать в город! – страдальчески вскричала я. Мое отчаянье многократно усугублялось тем фактом, что перед этим мне придется прошагать весь путь обратно до Мирного.

Бабушка задумалась, теребя платочек.

– А знаешь что, доченька, – вкрадчиво начала она. – Живу я одна. Думаю иногда: кто бы помог мне – тарелочку помыть, платочек погладить. Как бы было хорошо. Жили бы душа в душу.

Я удивленно раскрыла на нее глаза.

– Вы позволите мне пожить у вас?

– Немного помощи – все, что мне нужно. Баба Феня меня зовут.

– Соня.

Пораженная своим везением, я побрела за ней.

Жила баба Феня неплохо – большой сад, двухэтажный дом с пристройками, гараж, где ее внуки ставили машины, навещая ее.

– Попьем чаю с печеньками...

– О, вы так добры, – меня буквально трясло от благодарности. Я снова была готова залиться слезами, но теперь слезами счастья.

– Вешай свою шубку сюда... Что ты, без вещей? Сбежала, что ли? Несчастье какое случилось?

Пока я размышляла, стоит ли пересказывать ей события, в которых низкий уровень морали продемонстрировали я,

Ярослав, Эрик, моя мама и наверняка кто-то еще, старушка уже отвлеклась:

– Пойдем, мое хозяйство посмотришь.

«Вот оно, русское радушие, которым так славятся наши люди», – подумала я, следуя за ней.

– Вот здесь у меня свинки живут. Немного свинок. Десять голов всего.

Я посмотрела на свиней. Свиньи на меня. По мне так их было чересчур много.

– Вот здесь мои курочки.

Курицы апатично клевали пшено с дощатого пола курятника. Оглядывая свой гарем, важно расхаживал петух.

– Ты с ним осторожнее, – предупредила баба Феня. – А то глаз выклюет.

– Прямо выклюет? – встревожилась я.

– Или нос оттяпает.

Все это настораживало, но я понадеялась, что я не часто буду контактировать с курами. Вот платочки погладить – это сколько угодно. Или тарелочку помыть. С этим я справлюсь.

– А вот кролики.

– Кролики!

Кролики были милые, кролики мне понравились. Они так забавно возились в своих пахнущих сеном клетках. Но здесь начались настораживающие моменты. Для начала баба Феня ухватила черно-белого за уши и вытащила его из клетки с нестарушечьей силой.

– Смотри, какой жирный кроль. Потушим его скоро.

– Вы их едите? – я в ужасе уставилась на нее.

– Не в шашки же с ними играть.

Я перевела взгляд на кроликов. Они были такие пушистенькие, ушастенькие, играли друг с другом. Как можно видеть их каждый день, а потом сожрать и не подавиться? Кошмар какой-то. Я бы не смогла съесть животное, которое до этого погладила. Я бы захлебнулась слезами прежде, чем проглотила хоть кусочек.

– Вот сучка, погрызла-таки еще одного! Всех сожрала, тварь прожорливая! Последний остался!

– Кого сожрала? – ужаснулась я.

– Крольчат, конечно!

– КРОЛЬЧИХИ ПОЖИРАЮТ КОЛЬЧАТ?! – я в ужасе закрыла рот ладонью.

– Еще как жрут, только за ушами трещит! – баба Феня извлекла из клетки пушистый трупик убиенного крольчонка и небрежно бросила его в мешок с мусором.

Я посмотрела на единственного уцелевшего малыша. Он был беленький, с одним серым пятнышком на спинке. Какой чудесный розовый носик. Неужели все его братишки и сестренки погибли? Я перевела взгляд на крольчиху. Она была черная и выглядела... сытой. Меня передернуло от отвращения. Крольчиха вдруг подпрыгнула, грузно опускаясь возле крольчонка. Крольчонок шустро отскочил от нее.

– Скачи-скачи, пока жив, – хладнокровно посоветовала

баба Феня.

– Надо что-то делать! – воскликнула я. – Мы не можем оставить его с этой... каннибалкой! Надо отдать его другой крольчихе, нормальной!

– Да если его родная мать сожрать пытается, чужая вернее съест. Запах выдаст, что не свой, – резонно возразила баба Феня.

Подавленная ужасами из жизни кроликов, я проследовала в коровник. Коровы мне не понравились. Они были большие, не очень чистые, и смотрели на меня без всякого выражения. А вот нежный, большеглазый теленок был крайне мил. Баба Феня сказала, что родился он совсем недавно, но уже стоял на своих хрупких тонких ножках.

– Вы его есть не собираетесь? – на всякий случай уточнила я.

– Это телка. Посмотрю еще, как молоко будет давать.

Бедная малышка. Жестокая эксплуатация. Но нам не лучше в наших офисах.

– Можно я ее поглажу? Корова не рассердится?

– Погладь, погладь.

Я коснулась шелковистого носа, и телочка испуганно отпрянула.

– Не бойся, маленькая, я тебя не обижу.

– А теперь с другой стороны потри, – предложила баба Феня.

– Что?

– Молозива перепила, пожадничала, теперь понос у нее, – баба Феня протянула мне щетку и ведерко с водой. – Вся задница в дерьме. Что, не чуешь?

На фоне благоухающего навозом коровника учуять чьи-то проблемы с кишечником было проблематично. Я покорно взяла щетку и ведерко, но после-таки впала в истерику:

– Как ее мыть? Я... я не могу! Послушайте, у меня даже собственных детей нет! Я не знаю, как это делать!

– Вот, потренируйся. Потом я тебе быка покажу. Может, он на коровах объяснит тебе, как ***ться.

Я захлопала глазами. Она это сказала? Она действительно это сказала? Или мои уши меня обманывают? А если это не уши, то что с этой старушенцией?

Содрогаясь от отвращения, я счищала со шкуры животного жидкий помет и раздумывала, так ли длинен путь до Мирного. Когда я закончила и наклонилась, чтобы поставить ведерко, что-то со страшной силой врезалось мне в зад, отчего я пролетела метра два до стены и притормозила о нее головой.

– И еще козел у меня есть, – флегматично подытожила баба Феня.

– Баба Феня, – жалобно пропищала я, поднимаясь и потирая то зад, то лоб. – А как же чай с печеньками?

Тут одна корова задрала голову и протяжно замычала.

Баба Феня подняла сухонький пальчик.

– Слышишь, коровка кушать просит? Сначала скотину на-

корми, а потом уже о себе думай.

Она затянула лекцию о питании коров, к финалу которой мне хотелось плакать. Это была целая наука. Грубые корма. Концентрированные корма. Силос. И все в определенное время в определенном количестве.

– Что?

– Сено, говорю, принеси им, – она посмотрела на меня как на круглую дуру.

М-да, она далеко не такая милая, как мне поначалу показалось.

– Что ж ты в грязную лохань сыпешь. Промой сначала.

– Да где промыть?

– Вы там у себя в городе последние мозги в Интернете растеряли.

Взвыв, я потащила тяжелую лохань к крану.

Когда с кормежкой было покончено, мне дали скребок и метлу и отправили чистить коровник. Потом пришел черед кроличьих клеток. «Кролики тоже хотят кушать, Соня! И про курочек не забудь! Да и свинки что-то нервничают. Руки им не тяни, а то твои пальцы пойдут на обед. Ха-ха, а козла-то ты и не заметила. Нечего стонать, подымайся, переломов нет!»

Мне хотелось остаться уже только из одного любопытства – у этой старушенции проснется совесть когда-нибудь? Каждый раз, как я заходила к ней в дом, она сидела на креслице, прикрыв ноги пледиком, и, отпивая чаек из чашечки,

проворно стучала спицами. И всегда-то у нее находилось новое поручение. Я вальсировала по кругам ада. Это продолжалось, и продолжалось, и продолжалось, пока я не обнаружила, что время близко к полуночи.

– Что ж, теперь можно и чаю выпить, – заявила добрая баба Феня.

Да я и капли, крошки за весь день не проглотила!

– Налей себе, чайник горячий.

– А где же печеньки? – с надеждой заозиралась я.

Баба Феня потянулась к жестянке на столе и заглянула в нее.

– Печенье все вышло. Раньше надо было брать.

– Вы завалили меня работой!

– Кто ж виноват, что ты такая нерасторопная, что у тебя час работы три длится, – фыркнула баба Феня.

Перед такой наглостью просто руки опускались. Едва сдержав рычание, я упала в соседнее кресло и запрокинула голову.

– Мне нужно умыться, – водопровод здесь был, но вода текла только холодная. Для февраля не вариант. – Моя одежда воняет. И переодеться не во что.

– С одеждой я тебе помогу. У меня осталось кое-что со времен молодости. Это я сейчас такая худая, а раньше была кровь с молоком, как ты. А насчет помыться, так затопи баньку и мойся. Чурки в сарае. Дровишек придется наколоть.

– А самой вам мыться не надо? – вспыхнула я. – Вы сидели и ждали, когда я соберусь, чтобы самой ничего не делать!

– Если тебя что-то не устраивает, ты всегда можешь уйти, – невозмутимо отбрила меня баба Феня.

Я глянула на крошечную тьму за тюлевыми занавесками.

– Сейчас я не могу уйти.

– Тогда марш топить баню! – гаркнула баба Феня и была так грозна, что я предпочла с ней не спорить.

Я уже и не ждала, что что-то будет просто. Пока я тупила, колола дрова, снова тупила, а потом все-таки растопила баню, напуская внутрь дыма, время дошло до двух ночи. Когда я смывала с себя мыльную пену, тратя все последние силы на то, чтобы поднять кувшин, ввалилась абсолютно голая, морщинистая баба Феня и улеглась на полку.

– Плохо натопила. Дверь за мной прикрой, дует. Ну что, веником меня побьешь?

– Я бы шпалой вас побила, – буркнула я и пошла спать.

Какой ужасный день. Кошмарный, отвратительный день, после предыдущего кошмарного, отвратительного дня. Завтра же уеду! Эрик, его жена, моя мама, мой отец, мой придуманный отец, Ярослав, его отец, его мать, – кто угодно, что угодно, только не баба Феня с ее зверьем и чайком с печеньками.

Ну хотя бы постельное белье она мне приготовила. И одолжила по паре халатов и платьев полувековой давности. Я упала на кровать и мгновенно уснула... минут на пять...

А потом открыла глаза. Невероятно, но, находясь на последнем издыхании, я думала об этом чертовом кролике! Должно быть, его мамаша проголодалась. Она смотрит на него горящими в темноте глазами и из ее зловонной пасти капает слюна. Бедный маленький крольчонок. Его день был еще тяжелее, чем мой.

Накинув шубу, я тихонько вышла из дома и прошла к сараю, к кроличьим клеткам. Баба Феня, наверное, еще греет свои проклятые кости в бане, да и вряд ли она сможет меня заметить в такой темноте. Я открыла клетку, на ощупь сгребла крольчонка и бросилась к дому.

В комнате я забралась в постель, положила крольчонка себе на живот и погладила по спинке. Крольчонок сидел, прижав уши, от страха ни жив ни мертв. Он был такой нежный, мягкий на ощупь. Как птенчик... или котенок... или как кролик, разумеется. Я решила назвать его Сократ, потому что он был умен достаточно, чтобы спасти свою жизнь. Кролик, я имею в виду. Настоящий Сократ не спас.

– О, Сократ, у нас было столько несчастий в прошлом. И у обоих проблемы с матерями. Хотя моя хотя бы не пыталась меня съесть. Ну то есть в буквальном смысле, – добавила я, подумав.

На ночевку я устроила крольчонка в высокой коробке, положив внутрь обернутую полотенцем грелку и сена, чтобы он мог зарыться. И только тогда смогла уснуть сама.

В шесть утра меня разбудило рывканье бабы Фени за две-

рью:

– ЗА РАБОТУ! Эх, крольчиха у меня мерзавка, последнего ночью съела. Даже шкурки не оставила.

Я заглянула в коробку и огорчилась: ночью Сократ выбрался из коробки и сбежал. Я искала его, но не нашла. Тем более никакого смысла здесь оставаться.

Как ни странно, но в тот день я никуда не уехала. И назавтра. И послезавтра. И послепослезавтра. Стартовала календарная весна, и даже фактическая, а я оставалась в Репьевке. То ли от избытка свежего воздуха, то ли от недостатка любовных романов, но в голове у меня прояснилось. Сельский быт открылся мне во всей своей мрачной монументальности – грязный, изнуряющий, тяжелый труд без выходных, потому что животные гадят и хотят есть каждый день.

Сьюзен Элизабет Филлипс была права, окуная холеную Франческу Бодин в загаженные унитазы, – зарывшись в грязь по уши, изнемогая от усталости, ведя несвойственный и экстремальный для тебя образ жизни, уже не можешь удержать свою маску, и тебе открывается твое истинное лицо. Как я жила? Что я о себе понимала? Почти шесть лет проработала на работе, которую ненавидела всем сердцем, чего даже не осознавала! Я задавала стандартные вопросы, ожидала стандартные ответы, а если не получала их, то вежливо улыбалась и обещала, что «мы вам перезвоним». Когда мне было нечем заняться, я шарила в социальных сетях и радовалась, что меня не дергают, не осознавая, что моя жизнь, пер-

вая и последняя, ценная и бесценная, тратится впустую. Нет, наверняка кто-то может выполнять и эту работу с душой... Я же чувствовала, что меня могла бы с успехом заменить несложная компьютерная программа. Я не видела смысла в своей деятельности и изнывала от скуки.

Нет уж, лучше я буду возиться в навозе.

От таскания ведер, и дров, и корма для скота, у меня несколько дней ломило поясницу, но зато перестала болеть спина, раньше частенько нывшая из-за долгого сидения за компьютером в офисе. Конечно, за день я упахивалась вусмерть, зато ночью лежала под потрепанным, еще советских времен, байковым одеялом и слушала тишину. Не бибикнет машина. Не сработает сигнализация. Никто не заорет песню спьяну, только сонно тявкнет собака. Ни единого голоса у меня в голове.

У меня не было времени себя разглядывать, но по тому отражению, что я мельком замечала в крошечном квадратном зеркале в предбаннике, я могла отметить, что внешне очень изменилась. Из глаз исчезло выражение, как будто я заблудилась и хочу спросить, где я, но не решаюсь ни к кому подойти. Черты моего лица стали более четкими, а волосы огрубели и торчали непослушной копной. Кроме того, мои руки все покрылись цыпками оттого, что я постоянно скребла и чистила, и мохнатость ног неприлично повысилась. Вот читаешь про очередную романтическую героиню, по воле судьбы застрявшую в глухой деревне, и никогда авторша не упо-

мянет про волосатые ноги, хотя бритвы у героини нет, как и у меня (мне пришлось купить кое-что из белья, но бритву я сочла непозволительной роскошью). Ах, какие глаза у нее изумрудные! Какие волосы, темные, как ночь! И такие же чернущие волосищи на ногах, мы-то помним об этом.

Коровы оказались не такие тупые, как я решила поначалу. Я начала называть их по именам, гладить их длинные морды, и скоро они привыкли ко мне. Когда я смотрела в их темные, кроткие глаза, я испытывала глубокое умиротворение. Пеструшки были забавными, да и петух не так уж свиреп. Свиньи уютно похрюкивали. Хорошие отношения я не смогла наладить лишь со старым вредным козлом, пережившим всех своих козочек, да еще с преступной крольчихой, которой не могла простить грех детоубийства.

Сократ по-прежнему предпочитал жить свободно, забираясь в коробку лишь для еды и сна, но привык ко мне, и по вечерам, когда я лежала в постели, запрыгивал мне на грудь, где сидел с важным видом, иногда даже позволяя себя погладить. Поскольку он был совсем мал, когда я забрала его у матери-убийцы, мне пришлось какое-то время докармливать его из пипетки, делая смесь из творога, яичного желтка и сливок. С этой смеси у него дуло животик, но потом мне повезло раздобыть в Мирном сухой заменитель кошачьего молока, и все стало отлично, не считая ночных подъемов для кормежки, которых было не избежать. Странно, но хотя за советами я обращалась к бабе Фене, она как будто бы до сих

пор не подозревала, что у меня в комнате живет кролик.

Мы с бабой Феней были словно созданы друг для друга. Она была беспощадна, как тренер олимпийской сборной. С ней оставались только два варианта возможных действий – бежать в ближайшую психлечебницу, заливаясь истерическим плачем, либо же превратить свои нервы в канаты. Сначала я отмалчивалась, потом начала отвечать. Странно, но бабу Феню это только забавляло. На мои оскорбления она заливалась радостным смехом:

– Что ж ты, молодая, а еле жопу свою таскаешь!

– А вам бы только гонять меня целыми днями, старая ма-
ньячка!

– Дам я тебе пинка, и покатишься в свой город, разгиль-
дяйка!

– Да где же вы себе еще такую рабыню найдете?

– Такую тупую да неповоротливую – нигде!

– Была бы попроворнее да поумнее, уже бы вас хворости-
ной отхлестала!

Весь день мы переругивались, выполняя каждая свою ра-
боту, а вечером принимались за вязание и между нами по-
висала мирная тишина.

Почти каждый день по различным поручениям бабы Фе-
ни я ходила в Мирный – покупала продукты или относила
вязанные шарфы и шали на продажу в магазинчик, с которым
у бабы Фени была договоренность. Если поручений не бы-
ло, я шла уже просто ради прогулки. Путь перестал казать-

ся мне изматывающим. Он по-прежнему был длинным, но, кажется, в этом я и нуждалась: просто идти в одиночестве, философствовать, глядя на снег и небо.

Погода с утра стояла чудесная. Снег еще не таял, но блестел под солнцем, как бриллиантами осыпанный. Я шла быстро, раскрасневшаяся от морозца и движения, когда, свернув за поворот, увидела отважно топающую навстречу мне... Алю. Однажды это должно было случиться. Я даже не удивилась. Одета она была очаровательно – элегантное розовое пальто, развевающийся длинный голубой шарф и фиолетовые замшевые сапожки на высоченных каблуках. В довесок прилагались серьги-кольца, макияж как из салона, наклеенные ресницы и завитые в крупные локоны золотисто-рыжие волосы. Героини «Секса в большом городе» ее бы оценили, но деревенские – вряд ли. На шпильках чертовски неудобно выгребать навоз из коровника. Да и розовый цвет непрактичный...

– Привет! – она запыхалась, но только слегка. Любительница фитнеса была в отличной форме.

– Привет, – ответила я будничным тоном, будто не пропала целый месяц, перед этим променяв ее сына на директора-неврастеника. – Если ты со мной, то поворачивай обратно в Мирный.

– Я с тобой. Какая ты стала красивая. Неплохо бы пройтись по лицу скрабом, и масочку успокаивающую сделать, и кремом потом помазать... но красивая. Ты похудела?

– Только учти, я приучила себя ходить быстро, – предупредила я и припустила как сайгак.

Даже для меня это было слишком быстро. Аля едва поспевала за мной на каблуках. Кажется, на это я и рассчитывала. Некрасивый способ отмазаться от беседы, да? С час мы мчались по дороге, перегоняя ветхие местные легковушки, пока я не дошла до изнеможения и не была вынуждена сбавить темп.

– Твой отъезд был очень внезапным, – пытаюсь выровнять дыхание, сразу взялась за меня Аля.

– Мне нужно было подумать.

– Мы так и поняли. Я бы и раньше приехала, но Эрик сказал оставить тебя в покое. Типа, тебе нужно разобраться в себе и все такое.

– Но ты его не послушалась.

– Если б не послушалась, давным-давно бы приехала. Я не такая здравомыслящая, как он. Иногда смотрю на него и думаю: «Как я умудрилась родить этот сгусток холодного разума?» Компьютерщик, чего от него ожидать.

– Как вы узнали, где я?

– Эрик позвонил твоей маме. Она сказала, что ты уехала в Саратов или еще куда-то, в какую-то глушь. Тогда он начал расспрашивать ее о местах, где ты когда-либо бывала, и, услышав о Репьевке, догадался, где ты можешь находиться. В каком бы состоянии ты ни была, ты бы вряд ли рванула в полную неизвестность.

Хм. Неприятно, когда кто-то считает тебя предсказуемой. Тем более неприятно, если он оказывается прав.

– Так что он нашел в Интернете телефонный справочник Репьевки, сделал несколько звонков местным, вышел на твою старушечку и все узнал от нее.

– Баба Феня, старая партизанка, ничего мне не сказала... Но как это Эрику удалось выстроить внятный диалог с моей мамой?

– Он пригрозил, что, если она не перестанет орать, он назовет ее первого внука в честь Карла Сассенрата²⁹.

– Карл вполне сносное имя.

– Не Карлом. Сассенратом.

– Очень самоуверенно с его стороны. Я бы никогда не согласилась на такую жестокость к ребенку.

– Послушай, – неуверенно начала Аля, – если это все из-за Жанны, то это не то, что ты думаешь.

– Ты не знаешь, что я думаю.

– Только две недели спустя эта мерзавка вдруг «припомнила» о твоём визите, что несколько прояснило причины твоего исчезновения... но все же не стоило так сбегать, все и всех бросив... мой сын хоть и делает невозмутимый вид, на самом деле очень чувствительный... хотя ты была зла на него, я понимаю. Так вот, эта штакетина крашенная пропали-

---

²⁹ Карл Сассенрат (род. в 1957 году) – архитектор операционных систем и языков программирования. Создатель многозадачной операционной системы для компьютера Amiga.

лась с каким-то итальянским политиком, и теперь его жена недовольна, и вся Италия недовольна, потому что они ценят семейные ценности и ненавидят политиков. Жанне нужно было пересидеть скандал в безопасном месте, и она не нашла ничего лучше, чем ввалиться в квартиру моего сына, где он прекрасно жил без нее. Но сейчас она уже уехала...

Я выслушала Алю с самым внимательным видом, ничего не комментируя.

– И у него с ней ничего не было, – закончила Аля. – Вот.

Она вопросительно посмотрела на меня и, чтобы что-то ответить, я сказала:

– Понятно.

– Ты не вернешься к нему?

– Нет.

– Но он тебе не изменял.

– Я знаю. Эрик слишком умный, чтобы снова сойтись с такой девицей. Когда я остыла, я поняла это. Любовные романы меня все же кое-чему научили. Например, тому, что если бы главные герои не хлопали дверьми и не разъезжались бы «навсегда», а сели и спокойно все обговорили, никаких коллизий в их отношениях вообще бы не было.

– Ты не любишь его? – поразилась Аля.

Действительно, разве может кто-нибудь не любить Эрика. Только те, которые его не знают, и мужчины, слишком высоко ценящие свою гетеросексуальность.

– Люблю.

– Тогда почему?

– Потому что пока еще недостаточно подумала. Это мои «Семь лет в Тибете». Только у меня месяц в навозе. Человек не сможет быть счастлив с кем-то, пока не научится быть счастлив один. Истасканная фраза, но я только недавно поняла ее смысл.

– Но ты вернешься к нему?

– Если достигну правильного состояния.

– Что значит «правильное состояние»?

– Это значит, что я перестану бояться, что упущу свой шанс и останусь одна. Это значит, что я перестану сравнивать нас с другими и размышлять, получится ли у нас «нормальная семья». Это значит, что я начну ощущать себя в своем теле, здесь и сейчас. Если я пойму, что он – тот человек, которого я хочу себе и для себя, а не потому, что возраст, или мама, или что-нибудь еще... тогда я вернусь к нему.

– Но, если ты будешь тянуть слишком долго, он может действительно тебя не дожидаться.

– Тогда он не моя судьба.

Аля расхохоталась, но быстро притихла.

– Знаешь, я тебя поняла.

Мы уже добрались до Мирного.

– Пошли, что ли, булок к чаю купим, раз ты приехала, – предложила я.

– Как Игорек? – тихо спросила я Алю, когда мы стояли у прилавка и ждали, когда говорливая Нюра отпустит преды-

душую покупательницу. Мне было тяжело говорить о Деструкторе. Почему-то, глядя бархатные уши Сократа по вечерам, я всегда вспоминала его и начинала плакать. – Он, наверное, был вне себя от радости, что Жанна приехала?

– Да он едва терпел ее. Я думаю, для него это было тяжелое переживание. Но Эрик счел это полезным, – Аля дернула плечом. – Он отец. Не мне с ним спорить.

Я кивнула, не понимая, что сейчас чувствую. Горечь и радость одновременно – странная смесь, как шампанское и красный перец.

– Пошли за Дианкой.

– И она приехала?

– Да вроде уже должна была.

Диана действительно ждала нас у остановки, нетерпеливо топая ногой.

– Ну раз мы все собрались, можно идти в деревню, – объявила я.

Диана посмотрела на свои аккуратные ботильончики из натуральной кожи.

– Даже не думай, что я пойду пешком.

– Куда ты денешься, – нежно возразила Аля.

– Должна же быть какая-нибудь маршрутка.

– Должна, – пожалала я плечами. – Ни разу ее не видела.

Это мифическая маршрутка. Как Несси.

– Хм, – Диана скосила на меня свои и без того раскосые глаза. – Ты в курсе, что тебя до сих пор не уволили? Проверь

карту, тебе зарплату начисляют.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. Это я про «Синерджи».

– Не знаю, что произошло у тебя с Ярославом, но он все еще верит, что ты можешь вернуться.

– Стоит сбежать, чтобы узнать, сколько народу станет ждать твоего возвращения. Диана, мы помирились?

– А мы и не ссорились. Я просто самоустранилась до завершения острого периода твоей дурусти.

– Если то был острый период, то до этого у меня была дурусть в хронической форме?

– Хорошо, что ты все понимаешь.

– Какая же ты вредина, так бы и придушила, – вздохнула я и набросилась на Диану и Алю с объятиями. – Девчонки, как мне вас не хватало!

– Ты только сейчас это осознала?

Пока мы шли к деревне, посыпал снег. В марте! Русская природа определенно не без сумасшедшинки. Баба Феня встретила нас с предсказуемым дружелюбием:

– Что, понаехали, шлюхи из города?

– Мы не шлюхи, – возмутилась Диана.

– Говори за себя, – вставила Аля. – Бабуля, я сына родила в пятнадцать. А забеременела в четырнадцать!

– Пошли в хату, расскажешь.

Стягивая сапоги, Аля подмигнула мне. Я сняла шубу, и у Дианы вырвалось удивленное восклицание:

– Вот ты отошала! Килограмм семь скинула!

– Скинешь тут, нянчась с коровами да отбиваясь от козла.

Ой, у нас такой теленочек! Потом покажу!

– Пять с половиной, – прищурившись, уточнила Аля. – Отличная фигура, но мать божья, какая же отстойная на тебе кофточка.

– Зато я купила ее за сто пятьдесят рублей.

– Тебя обобрали.

– Словами кидаетесь, как собака хвостом крутит! Самовар стынет! – прикрикнула баба Феня.

– А у мене горілка з собою. Хотите? – ни с того ни с сего перешла на украинский Аля.

– Горілку я поважаю, – сразу переключилась баба Феня.

– Сало є у вас?

– А як же. Давай розливай і розповідай.

Мы душевно провели вечер и напились в хлам. Баба Феня и Аля все время болтали по-украински, да и у нас с Дианой спьяну прорезалась українська мова. Уехали они назавтра, в полдень, едва оклемавшись с бодуна.

Через неделю меня навестил Деструктор. Я увидела его в приоткрытую дверь коровника, когда скребла шкуру коровы, непонятно почему именуемой Розанной III.

– Игорек! – я бросилась к нему и стиснула в объятиях. – Ой, наверное, мне стоило вымыть руки.

– Да ничего, – успокоил он меня с непривычной кротостью.

Он выглядел все тем же милым ребенком – светлые волосы, большие глаза, яркая курточка и значки с героями компьютерных игр.

Мы помолчали, как будто не могли решить, кому говорить теперь, но потом начали разом:

– Как ты?

– Как ты?

– Нормально.

– Не знаю.

– Пойдем-ка выйдем из коровника.

Я тихо провела его в дом, в кухню, надеясь, что баба Феня не станет отвлекаться от телевизора – она смотрела передачи, одну за другой, и кляла на чем свет стоит все физиономии в ящике, гневно звякая спицами.

– Садись, – я поставила чайник. – Ты голодный?

– Нет.

– Как ты добрался один?

– Здесь прямой путь, не заблудишься.

– Папа знает?

– Догадывается, – Деструктор хмуро заглянул в свою чашку. – Жанна уехала.

– Я знаю. Аля мне сказала, – я отметила, что он назвал ее Жанной, а не мамой. Было неловко расспрашивать его о ней, но Деструктор заговорил сам:

– Она оказалась совсем не такой, как я представлял ее. Она думает только о шмотках, и показах, и съемках, и славе.

Она не проводила время со мной.

– Иногда люди так увлекаются работой или хобби, что им сложно переключиться...

– Нет, – Деструктор упрямо мотнул головой. – Она просто меня не любит.

– Игорек, – я опустилась на табуретку напротив и сокрушенно посмотрела на него. – Конечно, она любит тебя. Она такая молодая... наверное, ей сложно о ком-то заботиться в таком возрасте, и поэтому могло сложиться ложное убеждение, что...

– Я достаточно взрослый, чтобы принять правду, – прервал мои излияния Деструктор. – Она меня не любит. Никогда не любила. Поэтому она бросила меня. Поэтому папа разлюбил ее и развелся с ней, – он весь съезжился, но его голос звучал твердо. – Я больше не должен фантазировать о ней и ждать ее возвращения. Когда я понял это, я начал понимать многое. Что ты заботилась обо мне, что я тебе... нравился...

– Ты и сейчас мне нравишься, – я прижала его к себе.

Хотя мы явно исчерпали лимит объятий, Деструктор не пытался вырваться.

– Этого папа и хотел: чтобы я узнал правду, – прошептал он, уткнувшись в мое плечо. – Только поэтому он пустил ее к нам жить. Он не мог даже смотреть в ее сторону, так она злила его. Ты вернешься к нам?

Я заглянула в свои чувства и ответила как есть:

– Через какое-то время. Не знаю точно.

– Пожалуйста, поскорее.

– Я постараюсь.

Деструктор отстранился, наконец справившись с собой, и даже заулыбался.

– Хочешь печенья?

– Конечно! Я привез тебе значок с Painkiller. Ты любишь эту игру.

– Спасибо, Деструктор.

– Я больше не Деструктор. Хватит этой игры.

– А кто ты теперь?

– Я – это я. Игорьь.

– Хорошо, Игорьь.

Мы много гуляли. Я показала ему маленькую телочку, и коров, и свиней, и кур, и кроликов (про преступления мамыши-крольчихи я умолчала), и моего вольного грызуна Сократа. Крольчонок заметно подрос и совсем перешел на взрослый корм.

Вечером я посадила Игорьька на автобус до города, потребовав, чтобы он созвонился с Эриком и договорился, чтобы тот его встретил. Отпустив ребенка, я вернулась домой, накормила Сократа и заснула, улыбаясь до ушей.

Утром я проснулась взвинченная, дошла до почты и позвонила Диане.

– Диана, я боюсь.

– Чего? – голос у нее был хриплый спросонья.

Она недавно уволилась из «Синерджи» и до сих пор отсыпалась. Половина двенадцатого. У меня день был в самом разгаре, я уже гору дел переделала.

– Возвращения! Я вернусь и превращусь в себя прошлую. Начну глупить. И метаться. И все станет как обычно. Отношения с Игорьком наконец наладились. А вдруг я снова разочарую его? Вдруг сделаю что-то не так?

– Что ж тогда вообще ничего не делать – а вдруг облажаешься? – резонно возразила Диана.

Но я была в расстройстве.

– Ладно, – решила она после долгой паузы. – Я заеду за тобой сегодня.

Она действительно приехала, на машине. За рулем сидела неприветливая девушка с длинным светло-русый хвостом.

– Привет. Залезай, – Диана похлопала по кожаному сиденью. – Заодно и дом мой посмотришь. Мы его наконец-то довели до ума. Это, кстати, Ольга.

– Соня. Очень приятно.

Дом оказался роскошным, просторным. В нем даже были тренажерный зал и маленький бассейн в подвале! Заглядывая в комнаты, я завидовала белой завистью.

– Шикарно!

– А то. Я уже совсем перебралась сюда, перевезла все мои вещи. Квартира в городе, считай, уже продана, осталось только бумажки кое-какие оформить.

– Как же ты будешь до города добираться?

– Уже хожу на курсы вождения. Вот получу права – и красота.

Мы засели в гостиной, заставленной японскими безделушками Дианы, причем устроились на подушках возле низенького столика – тоже очень по-японски. Тихая Ольга то появлялась, то исчезала. Она была такая неприметная, произнесла от силы слова три, я и лица-то ее толком не разглядела. Хотя я привыкла к работе, все же было приятно провести праздный день, пить пиво, есть креветки, трепаться и хихикать. Надеюсь, баба Феня справится там одна, раньше же как-то справлялась. «Кто такая Ольга?» – периодически возникал у меня вопрос, но я отвлекалась на другую тему, не успев задать его.

– Пошли, покурим, – предложила вдруг Диана.

– Ты же вроде сто лет назад бросила.

– Одна мне не повредит.

Мы вышли во двор, в сельскую беспросветную тьму. Диана почему-то даже свет на крыльце включать не стала. Только вспыхнул во мраке оранжевый кончик горящей сигареты.

– Будешь?

– А давай. С десятого класса не курила.

– А ты курила в десятом классе?

– Да. Первую и вторую. Кстати, где Олег? Вечно ты его прячешь.

– А что, если я тебе скажу, что ты видела Олега?

– Когда?

– Сегодня.

Я запнулась, пытаюсь сообразить, к чему она ведет.

– То есть как это?

– Что, если Олег решил изменить себя. Что, если после этого ему пришлось взять другое имя.

Я закашлялась, поперхнувшись дымом.

– Диана, говори яснее. А то мне всякая дичь в голову лезет.

– Правильная дичь тебе в голову лезет, – резкий голос Дианы гнал вон все прочие мои предположения.

– Но... – я взвизгнула, роняя сигарету, и закрыла рот ладонью.

Диана прикурила другую и передала ее мне.

– Сабринка была маленькая, когда он решился признаться мне, что всегда мечтал быть женщиной. До этого его останавливало только то, что после операции он не сможет иметь детей. Меня он, конечно, любит, но... но никак не может быть счастлив, пока не изрежет в лоскуты свои причиндалы.

– Какой ужас.

– Я была в шоке. В прострации. Да в коме почти.

– Ты пыталась его отговорить?

– Сотню раз. А он только твердил, что после у нас ничего не изменится, – Диана истерически рассмеялась. – Что значит, не изменится? Я обычная женщина. С обычными потребностями. Я не хочу спать с транссексуалом! Но, знаешь... это сложно. Когда любимый человек говорит,

что несчастлив в своем теле, что-то мешает тебе настоять: «Оставь все как есть». Ни до чего мы не договорились. И он поехал в Таиланд. Бизнес же, денег куры не клюют, все себе можешь купить, включая вагину. Вернулся покрашенный и в платице. Чтобы я быстрее привыкла к его метаморфозе. Я ударилась в истерику еще до того, как он снял трусы. А потом еще гормонотерапия, его перепады настроения, мой гнев, мое отвращение... Мы прошли через ад. Иногда мне казалось, что я его ненавижу. Или ее. Или обоих, – Диана выбросила окурок (он пролетел, оставляя яркий шлейф, как падающая звезда) и сразу зажгла следующую сигарету. – Дело не в транссексуальности. Пусть взрослые люди делают с собой что хотят. Но его решение затронуло напрямую нашу семью, меня. Он перестал быть тем человеком, которого я выбрала для себя, чтобы прожить с ним всю свою жизнь. Моя дочь стала безотцовщиной при живом отце.

От того, что она говорила, мне хотелось плакать. Диана всегда была для меня апологетом здравого смысла. Человек, который не ошибается. Человек, который выходит с поднятой головой из самых сомнительных ситуаций. Человек, с которым не случаются курьезы. А сейчас я поняла, что она так же уязвима, как все мы.

– Я бросила его. Потом вернулась. Потом снова ушла. Я встречалась с другими мужчинами и чувствовала такую пустоту, как будто потеряла любовь всей моей жизни. Конечно, ни о каких сексуальных отношениях с Олегом-Ольгой и ре-

чи не шло. Но дружба, привязанность оставались, каким-то чудом выжив во всем этом кошмаре, и каждый раз мы снова соединялись. Теперь я оставила все попытки пойти налево. Это не приносит удовлетворения. Не думай, что я несчастлива с Ольгой, нет, порой даже наоборот. Но я до сих пор не могу сказать, что у нас за отношения, – Диана рассмеялась. – И поделиться с кем-то стыдно. Только вот тебе призналась, да Але, хотя она вот-вот догадалась бы сама. Оно и к лучшему. Я устала от этой тайны.

– А что с дочерью?

– К счастью или к несчастью, она не помнит его... прежним. Однажды мне придется ей сказать. Но не прямо сейчас, пусть подрастет. Мне еще предстоит придумать, как это сделать.

Я кивнула, хотя в темноте Диана разве что могла разглядеть, как качнулся огонек сигареты.

– Наверное, я должна была отказаться от него и начать новую жизнь. Как бы было легко поступать правильно, будь мы просто призрачным воплощением чистого разума. Но у нас есть тело, желания, эмоции, и потому наша логика всегда нарушается помехами чувств. Видишь, – Диана чиркнула зажигалкой, и на секунду я увидела во вспышке света ее азиатское лицо – ироничное, с кривоватой ухмылкой, – мы все дураки.

Я крепко обняла ее. Вечером, даже уже ночью, Ольга отвезла меня до дома бабы Фени. В дороге мы не разговарива-

ли.

На следующий день я купила бритву и привела ноги в порядок.

И однажды, когда я вышла на дорогу, как обычно собираюсь в Мирный, я поняла, что пора. Я вернулась в дом, чтобы собрать свои вещи и попрощаться с бабой Феней.

– Иди с богом, – сказала она. – Я тебе клетку дам, удобную. Только укутай ее хорошенько и грелку внутрь положи, а то как бы не замерз кроль по дороге.

– Так вам известно, что он в моей комнате живет?

– Да мне известно даже когда мой козел бзднет.

Я рассмеялась, уже привычная к ее грубостям, и расцеловала бабу Феню в обе щеки.

– Выразить не могу, как я вам благодарна.

– Еще бы – вы же глупые все, только за компьютером сидеть и умеете. Настоящей жизни вас учить нужно.

И мне, как человеку, который слишком долго просидел за компьютером, страдая ерундой, даже возразить было нечего.

Я дошла до Мирного пешком, расстегнув шубу, которая была уже откровенно не по сезону, и встала на остановку, ожидая автобуса. Через пятнадцать минут подъехал автобус, раскрыл двери, выпуская пассажиров, чтобы потом развернуться и отправиться по маршруту обратным путем, и я увидела... Эрика! От радости мы завизжали на весь Мирный!

– А я ехала к тебе!

– А я тебя опередил!

– У кого там мысли сходятся?

– У очень умных людей. Например, у Бойля и Мариотта³⁰.

У Джоуля и Ленца³¹.

– Вот бы было нелепо, если бы мы разминулись... ты бы оказался здесь, я там...

– Нам повезло, что мы встретились.

– Да, нам повезло, – подтвердила я, улыбаясь.

Я смотрела на него, и у меня было такое ощущение, что я знаю его всю жизнь. Что мы росли вместе, играя в одном дворе. Как что-то когда-то могло не устраивать меня в нем, в его прекрасных синих, как летнее море, глазах, в его чудесных золотистых волосах и стройном теле?

– Ты стала такой красивой.

– Потому что я похудела?

– Нет, потому что выглядишь уверенной в себе.

– У меня лицо обветрилось.

– Это тебя не портит. Послушай, я сразу хотел объяснить-ся насчет Жанны... Когда ты пропала, я начал что-то подозревать, но она отмалчивалась, как нацистская шпионка...

---

³⁰ Бойль и Мариотт – одновременно сформулировали физический закон, согласно которому объем газа при постоянной температуре обратно пропорционален давлению. Как это ни подозрительно, но, если поверить им на слово, в то время они были не вместе.

³¹ Джоуль и Ленц – ученые, в 1841 году независимо друг от друга установившие, что мощность тепла, выделяемого в единице объёма среды при протекании электрического тока, пропорциональна произведению плотности электрического тока на величину напряженности электрического поля. И такое бывает.

пока не поняла, что ей ничего не светит, после чего все о тебе высказала, что спрашивал и не спрашивал. В тот день, когда ты заходила, меня даже дома не было. У Игоря разболелся зуб и мы поехали к врачу.

– А почему она была голая?

– Потому что она чертова нудистка, которая оголяется при первом удобном случае! Вот так у нас сын и появился... незапланированно. Но в этот раз она меня совсем не прельщала, уж будь уверена, – быстро добавил Эрик.

– Я уверена. Какая-то заурядная модель мирового уровня не сравнится со мной. У меня бездна щенячьего обаяния.

Эрик рассмеялся, но его глаза смотрели серьезно.

– Эй, погоди-ка, ты так и не ответил на то мое SMS! Которое я отправила в ночь побега.

– Какое SMS?

– Ты не получал? Можно было догадаться. Наверняка, пошерстила в твоём телефоне. Вот же мерзавка...

– Она уехала, а если вернется, я ее даже на порог не пущу. С сыном она общаться не намерена, что она мне прямо высказала, поэтому забудем о ней. Надеюсь, ты достаточно подумала. Потому что последние полтора месяца были самими тягостными в моей жизни. Не считая того ада, который ты мне устроила до этого.

– Более чем.

– Соня... я уезжаю. В Санкт-Петербург. Отличная команда собралась делать отличную игру, и я с ними. Это будет

успешный проект, мы прогремим, я уверен. Но...

Я выжидающе смотрела на него.

– Но я не Роланд. Я работаю в нестабильной сфере, и Питер будет не первым и не последним городом, куда нам придется переехать. Мы будем жить на съемных квартирах, и отнюдь не в шести комнатах. Стабильность и роскошь явно не то, что я смогу тебе обеспечить. Во всяком случае, в ближайшие годы. Но я всегда буду заботиться о тебе, и со мной будет весело. Так ты согласна отправиться в Питер вместе?

Прежняя Соня никогда бы не согласилась на такую авантюру. Она бы подумала, что если ее бросят в далеком Питере, это будет куда хуже, чем быть брошенной в родном городе. Или что мама никогда не даст согласия на этот союз. Или что на новом месте она не сможет найти приличную работу. Или как она будет выглядеть в сорок, когда Эрику будет тридцать два.

Новая Соня повисла у Эрика на шее и заорала:

– Да!

Эрик рассмеялся, зарываясь носом в мои волосы.

– Только нам придется взять с собой Сократа. Вот он, в клетке. И еще некоторые мои вещи. И... – я вспомнила о книгах и погрузнела. – Мама вряд ли согласится приютить груду моих любовных романов у себя. Что ж, я в любом случае должна с ними расстаться.

– Почему?

Я поковыряла носком сапога рыхлый тающий снег.

– Может быть, эта литература вредна? Тебе не кажется, что подобные истории насаждают читательницам разрушительные стереотипы? Героиня безумно красива. Герой совершенно неотразим. Реальным людям с ними не сравниться. К тому же героиня вечно страдает, до тех пор, пока какой-нибудь герцог ее не осчастливит, и это все наводит на мысль, что женщина без мужчины только на то и способна, что плакать да хныкать.

– Послушай, это просто вымысел, сказки. Если какая-нибудь дамочка примет роман за инструкцию к действию и начнет бегать через шоссе в надежде, что ее собьет карета с лордом внутри, не думаешь ли ты, что с ней изначально было что-то не в порядке? Мы живем в мире, пронизанном информацией. Мы должны воспринимать ее критично, отделять зерна от плевел. И тогда твои романы – просто истории о том, что каждая женщина однажды найдет свою любовь.

– Звучит оптимистично.

– Так что мешает тебе черпать из этих книг оптимизм, оставляя в сторонке заблуждения, предрассудки и явные глупости?

Я облегченно выдохнула.

– Эрик, ты гений! Не представляешь, как я рада, что мне не нужно отказываться от них. Я бы извелась с тоски без Джоанны Линдсей и Кэндис Кэмп. А все же, что делать с моей коллекцией? У меня больше полутысячи томов.

– Заберем с собой в Петербург. Я все организую.

– О, Эрик...

Вот она, настоящая любовь, когда он готов тащить до Питера полтысячи романов в слащавых обложках и нахального кролика – и все ради тебя.

– Соня, если ты хочешь, чтобы все было по правилам... – начал Эрик и вдруг упал на одно колено прямо в мешанину из грязи и снега. – Выходи за меня замуж.

Он протянул мне кольцо. С топазом. Надо же, не успела с одним распрощаться, сразу другое прилетело.

– О... только не прямо сейчас, – растерялась я. – Я еще не успела отойти от прошлого раза. Но колечко я возьму, оно мне нравится.

– Тогда просто скажи мне, когда решишься. Я готов в любое время.

– Вы в автобус-то заходить собираетесь? – спросил водитель, который вот уже десять минут курил и внимательно нас слушал.

– Конечно-конечно!

– Соня... ты знаешь, какой сегодня день?

– Какой? – в коровнике я не следила за датами.

– Первое апреля.

– День дурака.

– Нет, это твой день. День, когда ты родилась.

Я обняла его крепко-крепко, с намерением не отпускать всю мою жизнь.

– Да, это действительно мой день.

Наши губы соединились в затяжном поцелуе и, поторапливая, автобус громко засигналил.

Эпилог

Гоголь писал, что нет ничего лучше Невского проспекта. Видимо, в этот день не одна я разделяла его мнение, потому что у всех людей, идущих мне навстречу, был мечтательный, счастливый вид. А, может, дело было в редкостно приятной для Питера погоде. Запах весны, свежий, чистый, нес в себе обновление, и, хотя мне грозил очередной день рождения, на этот раз тридцать второй, по ощущениям мне было никак не больше двадцати трех.

Уже почти год в Питере. Это много. И мало. Столько всего произошло! Эрик до сих пор делает игру. Не один, конечно. Я передружила со всей их командой. И каким-то образом вдруг оказалось, что я работаю с ними. Началось все с того, что должен же был кто-то заказать этим разгильдяям обед или налить по чашке чая, а то они свалятся без сил. Потом я сама не заметила, как стала немножко тестером... Потом Эрик выдал: «Пора бы тебе научиться дизайнить персонажей в 3D Max...» – и внезапно я устремилась. Не то чтобы я не испытываю сложностей на новом профессиональном пути, но мне весело.

Наш офис трижды переезжал. Сейчас он находится в здании цирка. Иногда я слышу, как за стеной трубят слон. Однажды к нам забежала обезьяна. Сначала она что-то печатала на компьютере, а потом наши мальчишки предложили ей

выпить с ними. Они пили пиво, обезьяна сок. Когда за ней пришел дрессировщик, обезьяна не хотела уходить. Она так легко стала среди них своей. А еще у нас в вестибюле стоит фикус по имени Иннокентий. Ни один фикус не пользуется таким уважением, как Иннокентий. Каждый считает честью для себя поприветствовать его. А еще... хотя это все уже совсем другая история.

Я начала общаться с папой, познакомилась с его второй женой, Наташей – пока только по телефону. Мой отец оказался милым человеком, с единственным недостатком – чересчур мягкий. Наверное, мы действительно с ним похожи.

Иногда я созваниваюсь с мамой. Мы только недавно восстановили общение, и пока наши разговоры осторожны и сдержанны. Я знаю, что она недовольна моим переездом, Эриком, его работой, его возрастом, его цветом волос, его сыном и компьютерными играми, но теперь понимаю, что моя мама недовольна этим миром в целом, и не принимаю ее мнение близко к сердцу. Она же предпочитает помалкивать, вдруг осознав всю мудрость известного афоризма Козьмы Пруtkова: «Если у тебя есть фонтан, заткни его». Я взрослая и поступаю так, как считаю правильным. И она приняла это.

Аля в своем репертуаре, и у Эрика в начале лета ожидается братик (уже стало точно известно, что братик). Она забеременела от своего двадцатидвухлетнего ассистента – выходит, не все они такие голубые, как считал Эрик. «Чудесный парень. Мне повезло, что это был именно он», – зага-

дочно прокомментировала произошедшее Аля. Она утверждает, что насчет ассистента у нее нет серьезных намерений, но, кажется, серьезные намерения есть у него, потому что он намеревается переехать в Питер вместе с ней. «Ждите меня на днях, – предупредила Аля. – Надо поторопиться, пока я еще могу влезть в вагон».

Диана заняла должность директора по персоналу на крупном заводе. Теперь целыми днями она окружена суровыми мужчинами, закаленными тяжелым физическим трудом. Думаю, это именно то, чего ей не хватало.

Кстати, о подругах. Сюзен Элизабет Филлипс выпустила новый роман. Джоанна Линдсей тоже. Конечно, эти дамы не имеют обо мне ни малейшего понятия, но как часто они помогали мне пережить темные вечера...

Я свернула с проспекта и углубилась в лабиринт улиц, надеясь, что иду в верном направлении. Наконец я увидела нужную вывеску.

– Вы записаны? – спросила девушка за стойкой регистрации.

– На три часа. София Острова.

У меня дернулись губы в сдавленной улыбке. Мы так и не поженились! Хотя подавали заявление. Трижды. И каждый раз у меня была причина для неявки. Кажется, Эрик начинает беспокоиться. Все это тем более нелепо, что большую часть своей жизни я была одержима идеей замужества. Но когда дошло до дела... я обнаружила, что меня все устраи-

вает и без формальностей. Хотя придется, конечно, тем более что этого так хочет Игорек. Вчера я ходила на встречу с его классной руководительницей. «Мама Игоря», – представилась я. Вероятно, это расходилось с ее сведениями, потому что она уточнила: «Мама?» «Мама, мама», – заявил Игорек, хватая меня за руку. В этот момент я почувствовала себя самой счастливой женщиной в Петербурге. Или даже во всем мире. Что бы ни собиралась сказать мне учительница, я была готова ее выслушать. Она села за стол, сняла очки и серьезно посмотрела на меня. «Вы знаете, – начала она с мрачной торжественностью, – мы с педагогическим коллективом обсуждали учебные достижения вашего мальчика... Для столь одаренного ребенка программа четвертого класса является недостаточно сложной, в связи с чем я хотела бы выдвинуть несколько предложений...»

Удивительно, но этот ребенок наконец достиг мира с самим собой и окружающими. Может быть, на него повлияла Олеся, с которой он, задействуя все свои гаджеты, умудряется ежечасно общаться несмотря на сотни разделяющих их километров? А, может быть... я? Звучит нескромно, впрочем, достаточно недооценивать себя.

Жанна вернулась в свою глянцевою жизнь и сразу оскандалилась с очередным политиком, на этот раз французским. Она уже привычно надеялась отсидеться у Эрика, но получила отказ.

Ирина снова вышла замуж и снова развелась. Некоторое

время она оставалась в «Синерджи» на должности директора по привлечению клиентов – сложно сказать, кем руководила эта директриса, потому что подчиненных у нее не было. Все понимали, что это понижение (по сведениям Дианы, и в зарплате). Потом она якобы написала заявление по собственному желанию, и на этом след ее потерялся. Отдел по подбору персонала сформировали заново – из прежних сотрудниц в нем числится одна Аня, сидящая в декрете.

Ярослав тоже ушел из компании и пока не спешит искать новую работу. Сейчас у него другая задача – он начал посещать психотерапевта. Его психотерапевт (кстати, очень красивая) диагностировала невроз и хроническую депрессию, а также высочайший уровень тревожности, заставляющий его прибегать для успокоения к странным ритуалам и вешать рядом только полотенца одинаковой длины.

Сначала Ярославу было непросто открыться для лечения. Когда же он начал говорить, уже ничто не могло заставить его замолчать. Давно отгремевшие скандалы родителей продолжали эхом звучать в его голове. Он помнил каждый крик и каждое жальщее слово, даже после всех этих лет, когда он изображал внешнее спокойствие, убедив в нем всех, кроме себя. Я была неправа, когда думала про него, что он чокнутый. Его проблемы оказались куда серьезнее.

Поразительно, но после нашего разрыва, уже когда я жила в Питере, он нашел меня в Сети, и мы с ним очень подружились. Он регулярно пишет мне о своих успехах на слож-

ном пути к психическому здоровью. «Сегодня я выпил чай и просто поставил грязную чашку в раковину. Конечно, я был сам не свой и все время думал о ней, но... мне удалось продержаться не менее часа, прежде чем я бросился к раковине и навел порядок». Дальше – больше. Он завел собачку. Она такая же проказливая, как мой Сократ, и так же любит грызть провода от модема. «Рози опять нагадила на ковер. Настоящее испытание. Но я просто махнул рукой и поехал на сеанс». «Терапия терапией, – ответила я, – но дерьмо с ковра, Слава, лучше все-таки убрать». Он не теряет надежды, что однажды я вернусь к нему. Мое мнение на этот счет категорично: «Ни за что».

– София Острова!

– Да? – я подняла голову.

– Вас вызывал врач. Трижды.

– Простите. Я задумалась.

Я вошла в кабинет и села, нервно сведя колени. Врач был мужчина. Но нервничала я не поэтому. Наклонив голову, он что-то писал.

– Какие жалобы?

– Не жалобы. Наоборот. Мне кажется, я забеременела.

Отвечая на вопросы врача, я перебирала версии, когда это могло произойти. Возле Иннокентия, под трубный глас слона за стеной, когда мы задержались в офисе? Или после фразы Эрика: «Как же долго эта прога устанавливается»? Или...

– Давайте вас осмотрим, – врач поднял лицо, и я обомле-

ла. Это был он. Незабвенный. Неповторимый. Всегда неожиданный. Бородатый мужик.

– Что такое? – удивился Бородатый Мужик. – У меня что-то на лице?

– Просто я как будто бы встречала вас раньше.

– Почему-то мне очень часто это говорят.

– Но это было не в Петербурге.

– А где?

Я назвала свой город.

– А! Один из моих братьев живет там.

– Вы знаете, это очень приятно. Переехала в другой город, а там знакомое лицо.

– У некоторых людей это обостряет паранойю. Раздевайтесь.

Все еще прыская от смеха, я разделась и неуклюже забралась на кресло. Свет лампы бил прямо в глаза, и я сощурилась, чувствуя нарастающее волнение. Поразительно, как изменчива жизнь, причем иногда даже в лучшую сторону. Все меняется, и только Бородатый Мужик остается на месте. Вот я была нищей, а теперь у меня все есть. Почти все. Или... Если мое предположение подтвердится, мне все-таки придется выйти замуж. Несмотря на мою психологическую травму, связанную с понятием «брак». Нам троим пора начать жить под одной фамилией. Тем более если скоро нас станет четверо.

– Доктор, и как у меня там? – не выдержав, осведомилась

я дрожащим от волнения голоском.

Он улыбнулся широчайшей, сияющей улыбкой.

– Ве-ли-ко-лепно!

Группа автора, информация о новых релизах:

<https://vk.com/club191961989>